

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I.
Rok 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 24.07.2023. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84¹/₈. Ризография.
Усл. печ. л. 14,41. Уч.-изд. л. 17,38. Тираж 50 экз. Заказ 340.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(37)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-2-5

САЛЯРНЫЯ БОГІ АНТЫЧНАЙ ПАЛЬМІРЫ І РЫМСКІ SOL INVICTUS

С.М. СМІРНОЎ

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2212-3178>

У артыкуле разглядаецца праблема сувязі рымскага бога Sol Invictus і салярных багоў антычнай Пальміры. Выяўленне гэтай сувязі праводзіцца на аснове аналізу звестак сакральнага мастацтва і нумізматычнага матэрыялу. Іканаграфія салярных багоў антычнай Пальміры і Рыма дэманструе рысы падабенства і адрознення паміж гэтымі багамі. Выявы рымскага Sol Invictus падкрэсліваюць яго ваенны і дзяржаўны характар. Пальмірскія багі адначасова з'яўляліся багамі сонца і багамі расліннасці, ураджаю і мясцовай свяшчэннай крыніцай.

Ключавыя словы: антычная Пальміра, антычны Рым, рэлігійны сінкрэтызм, рымская рэлігія, Sol Invictus.

Уводзіны. Праблема сувязі пальмірскіх салярных багоў з рэлігійнай рэформай рымскага імператара Аўрэліяна дагэтуль застаецца нявырашанай для сучаснай гістарычнай навукі. Высветліць дадзеную праблему магчыма на грунтоўным аналізе асноўных рыс іканаграфіі салярных багоў антычнай Пальміры і рымскага бога Sol Invictus. Звычайна сярод даследчыкаў дамінуе думка аб сірыйскіх вытоках рэлігійнай рэформы імператара Аўрэліяна [1, р. 155–162; 2; 3]. Гісторыкі антычнай рэлігіі падкрэслівалі ўсходнія карані культу рымскага Sol Invictus. Дадзеная думка грунтавалася на значным спрашчэнні рэлігійнай сітуацыі ў Рымскай імперыі III ст. н. э. Даследчыкі арыентаваліся на звесткі рымскіх гісторыкаў, якія маглі негатыўна ацэньваць захапленне рымскіх імператараў арыентальнымі культурамі. (Dio Cass LXXIX 8-1; Herodian V 6; SHA Heliogab., III 4-5) [4, с. 351; 3, с. 205–208; 5, с. 136]. Пазіцыя рымскіх гісторыкаў адлюстроўвае стаўленне кансерватыўных колаў палітычнай эліты Рымскай імперыі, але не раскрывае поўную карціну духоўнага жыцця рымскага грамадства.

Французскі археолаг А. Сейрыг лічыў малаверагоднай гіпотэзу аб сірыйскім паходжанні культу Sol Invictus. На думку даследчыка, салярныя багі рымскай Сірыі саступалі вяршэнства ў мясцовым пантэоне нябесным багам – Белу і Баалшаміну [7]. На падставе аналізу іканаграфіі Sol Invictus С. Э. Хійманс імкнуўся даказаць рымскі характар культу салярнага бога [8, р. 71–103]. Крытычныя заўвагі даследчыка выклікалі прэрэканні іншых гісторыкаў рымскай рэлігіі, якія адстойвалі думку аб сірыйскім паходжанні культу рымскага бога, або высоўвалі канцэпцыю аб цеснай сувязі мітраізму і Sol Invictus [10; 11, р. 85–126; 12, р. 186–187]. Канцэпцыя дзяржаўнага мітраізму ў рэформе імператара Аўрэліяна найлепш прадстаўлена ў працы расійскага даследчыка М.Я. Шандова [13].

Асноўная частка. Пальмірскі пантэон з'яўляецца яскравым прыкладам узаемадзеяння розных рэлігійных і культурных традыцый у эліністычным і рымскім свеце. Сярод пальмірскіх багоў вылучаліся два салярныя багі Яргібол і Малакбел, якія ўваходзілі ў розныя трыяды вярхоўных багоў антычнай Пальміры. Сонечны бог Яргібол фігураваў у трыядзе пальмірскага бога неба Бела разам з богам месяца Агліболам. Пальмірскі бог Малакбел разам з Агліболам уваходзіў у трыяду Баалшаміна, які меў фінікійскае паходжанне. Савецкі даследчык І. Шыфман лічыў, што ў даэліністычную эпоху Малакбел і Яргібол складалі адзінае сонечнае боства. Потым у эліністычны перыяд Малакбел стаў асобным богам і вылучыўся з культу Яргібола [14, с. 32]. Заходнія даследчыкі мяркуюць, што абодва багі першапачаткова мелі рознае паходжанне і не складалі адзінае боства, але набылі падобныя функцыі падчас сваёй эвалюцыі ў эліністычны і рымскі перыяд [15, р. 71–83]. На думку Х. Тэйшыдара, на культы салярных багоў Пальміры значна паўплывала вавілонская і парфянская культура [16, р. 29–52, 64–71].

Сакральнае мастацтва антычнай Пальміры дэманструе складаную эвалюцыю іканаграфіі Яргібола і Малакбела. Гэтая эвалюцыя адлюстроўвае змены ў рэлігійных уяўленнях мясцовых жыхароў, якія адбываліся ў эліністычны і рымскі перыяд гісторыі старажытнай Пальміры. Першапачаткова Яргібол і Малакбел не выконвалі функцыю салярных багоў. Сакральнае мастацтва і пальмірская эпіграфіка сведчаць, што Яргібол з'яўляўся богам вады і ўраджаю, апекуном крыніцы Эфка ў пальмірскім аазісе [16, р. 29–34; 15]. Культ Яргібола цесна звязваўся з традыцыйным шанаваннем бетыляў або мацэб, якія з'яўляліся свяшчэннымі камянямі і месцам прыбывання самога бога або яго фізічнай прысутнасці ў гэтай мясціне. Вобраз свяшчэннага каменя меў пальмірскі бог месяца Аглібол, які разам з Яргіболам з'яўляўся апекуном пальмірскай крыніцы. Пальмірскія тэсеры паказваюць, што над выявамі бетыляў Яргібола і Аглібола лунаюць зорка і паўмесяц [17]. Дадзеныя выявы дазваляюць казаць аб суіснаванні архаічнага і салярнага аспекту Яргібола. Выява зоркі на пальмірскіх тэсерах з'яўляецца салярным сімвалам, які падкрэслівае сонечны аспект пальмірскага Яргібола. Сувязь двух аспектаў гэтага бога заўважна на выяве ўзброенага бога з прамяністым німбам са стэлы пальмірскага свяцілішча ў Дура-Еўропас. Гэтая выява суправаджаецца надпісам, у якім Яргібол названы добрым богам і мацэбай пальмірскай крыніцы Эфка [16, р. 170; 15].

Другі салярны бог антычнай Пальміры – Малакбел – першапачаткова быў богам расліннасці. Разам з Агліболам выконваў функцыю апекуна аднаго з чатырох плямён старажытнай Пальміры. Культ Малакбела і Аглібола меў агульную святыню “Свяшчэнныя сады”, якая дагэтуль не знойдзена археолагамі, але часта згадваецца ў пальмірскім эпіграфічным матэрыяле [16, р. 34–52; 16].

Асноўныя рысы іканаграфіі Малакбела прадстаўлены на шматлікіх помніках сакральнага мастацтва антычнай Пальміры. Архаічны аспект Малакбела заўважны на рэльефе з храма вярхоўнага бога пальмірскага пантэону Бела [16, р. 173; 18; 19, р. 157–189]. Дадзены рэльеф прадстаўляе сабой сцэну саюзу і прымірэння паміж Малакбелам і Агліболам. Абодва багі стаяць у атачэнні алтароў з пладамі зямлі, а за Малакбелам стаіць кіпарыс, які з’яўляўся свяшчэнным дрэвам гэтага бога. Алтары з пладамі зямлі і свяшчэннае дрэва пальмірскага бога падкрэсліваюць яго функцыю апекуна ўраджаю і расліннасці. На выяве пальмірскага алтара заўважна, што бог Аглібол – гэта ўзброены ваяр з прамяністым німбам з паўмесяцам, а Малакбел апрануты ў мясцовую сялянскую вопратку. Падобны характар мае выява Малакбела і Аглібола з пальмірскага рэльефу, які знаходзіцца ў Рыме [7; 18]. Узброены Аглібол з паўмесяцам паціскае руку Малакбелу ў сялянскай вопратцы. Сцэна прымірэння і саюзу двух свяшчэнных братоў суправаджаецца выявай кіпарыса. Захоўваецца кантраст паміж гэтымі багамі, які можна патлумачыць тым, што Аглібол, магчыма, выконваў ролю старэйшага брата ў саюзе двух багоў. Лідарства бога месяца заходнія даследчыкі А. Сейрыг і Я. Вайс тлумачылі істотным уплывам вавілонскай культуры на рэлігійнае жыццё старажытнай Пальміры [7; 18].

Яскрава заўважны салярны аспект Малакбела на пальмірскім рэльефе з калекцыі Луўра [16, р. 168]. На дадзеным рэльефе пальмірскі бог Малакбел мае сонечны прамяністы німб і вайсковую форму, ён суправаджае ўзброеных багоў Баалшаміна і Аглібола. Пальмірскі алтар у Рыме раскрывае пэўныя дэталі міфалогіі Малакбела [7; 16, р. 175–176]. На першым баку алтара прысутнічае сцэна нараджэння пальмірскага бога з кіпарыса, які суправаджаў Малакбела ў сакральным мастацтве антычнай Пальміры. Малакбел выходзіць з дрэва ў выглядзе боскага дзіцяці і трымае на плячах казу. Дадзеная сцэна адлюстроўвае істотнае значэнне архаічнага аспекту Малакбела ў яго міфалогіі і ў сістэме вераванняў старажытных пальмірцаў. Другі бок алтара паказвае маладога бога, які сядзіць у калясніцы, запражонай грыфонамі. Грыфон часта суправаджаў Малакбела ў помніках сакральнага мастацтва Пальміры. Сувязь сонечнага аспекту Малакбела з грыфонам заўважна на алтары са святыні Баалшаміна ў Пальміры [18]. Салярны характар пальмірскага бога падкрэсліваецца тым, што Малакбел кіруе сонечнай калясніцай. Трэці бок дадзенага алтара дэманструе Малакбела з прамяністым німбам у суправадженні арла, што адпавядае традыцыйнай іканаграфіі рымскага *Sol Invictus* і грэчаскага бога Геліаса і, у пэўнай ступені, іканаграфіі сонечнага бога Элагабала на агульнаімперскай чаканцы (RIC IV. II. *Elagabalus*. № 195) [20]. Апошні, чацвёрты бок алтара паказвае Малакбела ў выглядзе рымскага бога Сатурна з сярпом, які лічыўся начным сонцам. У вобразе Сатурна Малакбел фігуруе на пальмірскіх тэсерах і рэльефе адытона з храма бога Бела ў Пальміры [18; 21]. Выявы на пальмірскіх тэсерах пацвярджаюць цесную сувязь салярнага і расліннага аспекту пальмірскага бога, якую можна заўважыць на выявах пальмірскага алтара. Згодна з міфалагічнымі сцэнамі Малакбел нараджаецца са скалы як бог і алякун расліннасці і прыроды, потым атрымлівае атрыбуты сонечнага бога, а пасля становіцца начным сонцам і адраджаецца наступнай раніцай. Выявы пальмірскага алтара ў Рыме суправаджаюцца пасвячальнымі надпісамі на арамейскай і лацінскай мовах. Лацінскі надпіс сцвярджае, што гэты алтар пасвечаны ў гонар Малакбела, які атрымлівае найменне *Deo Soli Sanctissimo* [7; 18]. Пасвячальныя надпісы і выявы чатырох бакоў алтара яскрава пацвярджаюць суіснаванне двух аспектаў пальмірскага бога. У сістэме пальмірскіх вераванняў Малакбел адначасова з’яўляўся богам расліннасці і сонца. Міфалагічныя сюжэты пальмірскага бога ўтрымлівалі абодва аспекты і дэманстравалі сувязь пальмірскай рэлігіі з рэлігійным жыццём Рымскай імперыі ў I – III ст. н. э. Пальмірскі алтар у Рыме – гэта яскравае сведчанне ўзаемадзеяння пальмірскай і рымскай рэлігійных традыцый у асяродку пальмірцаў, якія служылі ў рымскім войску. Салярны аспект Малакбела і Яргібола, на думку А. Сейрыга і Х. Тэйшыдара, фармаваўся пад значным уплывам традыцыі грэчаскай, потым рымскай рэлігіі і імператарскага культу [7; 16, р. 29–34].

Іканаграфія рымскага бога *Sol* найлепш прадстаўлена ў нумізматычным матэрыяле рэспубліканскага і імператарскага Рыму. Падчас разгляду і аналізу дадзенага матэрыялу, заўважаецца істотнае падабенства іканаграфічных рысаў рымскага бога сонца і салярных багоў Пальміры. Але грунтоўны аналіз характару выяў *Sol Invictus* на рэспубліканскай і імперскай чаканцы дазваляе выявіць адрозненне ў іканаграфіі гэтых багоў. Звычайна на манетах рэспубліканскага і імператарскага перыяду сонечны бог заўжды выступае як малады мужчына ў прамяністай кароне або німбе. Часцей сустракаюцца сцэны, у якіх малады бог стаіць і трымае ў руцэ сферу, або пугу, маланкі, лук ці калчан. Салярны бог можа стаяць з паднятай правай рукой, што нагадвае позу імператара, які бітае рымскае войска. Гэтыя традыцыйныя рысы іканаграфіі сонечнага рымскага бога сустракаюцца на манетах рэспубліканскага перыяду. На гэтых манетах рымскі сонечны бог *Sol* кіруе квадрыгай і мае прамяністы німб (RRC I. 250.1; 309.1) [22]. Эпоха прынцыпату не змяніла істотным чынам іканаграфію *Sol Invictus*. На аверсе манеты імператара Веспасіяна прысутнічае выява салярнага бога ў прамяністым німбе, а на зваротным баку – выява самага імператара (RIC II. *Vespasian* № 28) [20]. Гэтая манета дэманструе цесную сувязь салярнага бога з асобай рымскага імператара. Такая сувязь лепш заўважна ў збліжэнні выяў рымскіх імператараў з іканаграфічным узорам сонечнага бога Рымскай імперыі (RIC II. *Trajan* № 72, 139–141) [20]. На манетах імператараў Адрыяна і Комада таксама прысутнічаюць выявы *Sol*, які суправаджаецца тытулатурай рымскіх імператараў або легендай *Oriens Augusti* (RIC II. *Hadrian* № 16, 20, 145, 167; RIC III. *Commodus* № 119) [20].

Роля салярнага бога у рэлігійнай і палітычнай прапагандзе рымскіх імператараў значна ўзрастае падчас падзеі III ст. н. э. На манетах імператараў дынастыі Севераў выява сонечнага бога суправаджаецца легендамі: *Rector Orbis*, *Pacator Orbis* (RIC IV I. *Septimius Severus* № 102, 117, 282, 287) [20]. Тыповыя рысы іканаграфіі рымскага бога сонца прысутнічаюць на манетах імператара Каракалы (RIC IV I. *Caracalla* № 39, 40) [20]. На гэтых манетах рымскі бог мае прамяністы німб, або карону, кіруе квадрыгай, стаіць і трымае ў руцэ сферу. Парушае рымскую традыцыю імператар Элагабал, чаканка якога адначасова дэманструе два вобразы: традыцыйны антрапаморфны рымскі вобраз і вобраз свяшчэннага каменя з сірыйскай Эмесы (RIC IV II. *Elagabalus* № 17, 143) [20].

Але пасля смерці рымскага імператара эмескі вобраз салярнага бога знікае з агульнаімперскай чаканкі. Рымскі бог на манетах імператара Элагабала атрымаў эпітэты *Conservatori Augusti*, *Sancto Deo Soli Elagabali*, *Soli Propugnatori*, якія сведчылі пра значную ролю салярнага культу ў рэлігійнай палітыцы рымскага імператара (RIC IV II. Elagabalus № 61, 62, 143, 198) [20]. Падчас кіравання імператара Аляксандра Севера салярны бог на манетах выступае ў сваім традыцыйным рымскім вобразе (RIC IV II. Severus Alexander № 4, 100, 101, 106, 109-120) [20]. Тое ж самае можна сказаць пра выявы на манетах імператараў эпохі крызісу III ст. н. э. Салярны бог прысутнічае на манетах імператара Валерыяна, які з'яўляўся прыхільнікам рымскага традыцыяналізму (RIC V. I. Valerian № 2, 46, 170) [20]. Выявы рымскага бога Sol суправаджаюць чаканку імператара Галіена, рэлігійнага палітыка якога характарызуецца большай прыхільнасцю да сінкрэтычных тэндэнцый у духоўным жыцці Рымскай імперыі. На манетах гэтага імператара салярны бог атрымлівае легенды *Soli Invicto*, *Oriens Augusti*, *Aeternitas Augusti* (RIC V. I. Gallienus (sole reign) № 62, 113, 119) [20]. Рымскі імператар падкрэсліваў значнасць шанавання салярнага бога для ўмацавання прэстыжу імператарскай улады. Дадзеныя крокі ў рэлігійнай і палітычнай прапагандзе Галіена мусілі пацвердзіць паспяховасць кіравання гэтага імператара, што не адпавядала рэальнаму становішчу ў Рымскай імперыі. Выявы салярнага бога на манетах імператара Аўрэліяна не супярэчаць традыцыям рымскай і эліністычнай іканаграфіі гэтага бога (RIC V. I. Aurelian № 6, 17, 20, 54, 64) [20]. Звесткі Гісторыі Аўгустаў і рымскага гісторыка Зосіма падкрэсліваюць значнасць рэлігійных мерапрыемстваў Аўрэліяна, які ўвёў афіцыйны публічны культ бога Sol Invictus (SHA Aurelian XXV, 4-6; Zos. 1. 61) [6, с. 82-83; 23, с. 90]. Манеты імператара Аўрэліяна дазваляюць вызначыць рымскага сонечнага бога як ахоўніка дзяржавы, асабістага апекуна імператара і спадарожніка яго вайсковых перамог. Нумізматычны матэрыял бяспрэчна дэманструе сувязь асобы імператара з салярным культам. Рэлігійная рэформа Аўрэліяна мусіла падкрэсліць звышнатуральны характар імператарскай улады.

Іканаграфія салярных багоў Рыма і Пальміры дэманструе сувязь паміж гэтымі багамі. На помніках сакральнага мастацтва, салярныя багі з'яўляюцца ўзброенымі ваярамі або маюць яскравыя вайсковыя атрыбуты, але значнае падабенства іканаграфій не скасоўвае адрознасць паміж імі. На падставе аналізу нумізматычнага матэрыялу II і III ст. н. э. рымскі салярны бог не быў звязаны з шанаваннем расліннасці і ўраджаю, як гэта праяўлялася ў архаічных аспектах Яргібола і Малакбела. Іканаграфія рымскага бога Sol заўжды трымаецца ў рэчышчы рымскіх і эліністычных традыцый. Іканаграфія сонечных багоў антычнай Пальміры фарміравалася пад значным уплывам грэка-рымскай традыцыі, а не наадварот. Малаверагодным выглядае тое, што Яргібол або Малакбел сталі тым сонечным богам, культ якога набыў афіцыйны і агульнаімперскі характар падчас рэлігійнай рэформы імператара Аўрэліяна. Больш слушнай падаецца думка, што салярныя багі на прасторах Рымскай імперыі становіліся месцовымі варыяцыямі рымскага бога сонца. Магчыма, мясцовыя культы набылі рымскую форму і такім чынам адаптаваліся да рымскіх, або грэчаскіх рэлігійных традыцый. Рэлігійны сінкрэтызм выступаў як складаны шматгранны працэс дыялогу паміж рэлігійнымі і культурнымі традыцыямі розных этнічных супольнасцей Рымскай імперыі.

Іканаграфія салярных багоў антычнага Рыма і Пальміры мае агульныя рысы з іканаграфіяй грэчаскага сонечнага бога Геліяса на правінцыяльнай чаканцы Рымскай імперыі. Манеты рымскіх правінцый дазваляюць судзіць аб тыповых рысах іканаграфіі грэчаскага Геліяса і рымскага бога сонца. Салярны бог, які кіруе квадрыгай, прадстаўлены на манетах з грэчаскага Карында (RPC I Nero. № 1196, RPC II Domitian № 170; RPC IV. 1. Antonius Pius № 5093), з Егіпту (RPC III Trajan. № 4730), з Кілікіі (RPC VI Severus Alexander № 6885; RPC VII. 2 Gordian III № 2426) [24]. Правінцыяльныя манеты з Іспаніі (RPC I. Roman Republic № 266), з Егіпту (RPC II Domitian № 2519), Лідзіі (RPC IV. 2 Antoninus Pius № 1628; RPC VI Elagabalus № 4490) суправаджаюцца выявамі сонечнага бога, які мае прамяністаю карону ці прамяністы німб [24]. Часам правінцыяльная чаканка дэманструе нестандартныя рысы іканаграфіі салярнага бога Рымскай імперыі. На егіпецкай манеце часоў кіравання імператара Даміцыяна заўважаецца атаясамленне Геліяса і Серапіса (RPC II Domitian № 2519), што можна растлумачыць як праяву ўнутранага сінкрэтызму ў эліністычным і рымскім Егіпце [24]. У егіпецкай правінцыяльнай чаканцы Геліяс суправаджаецца выявамі Серапіса і Селены, задзякальнага Льва (RPC IV. 4 Antonius Pius № 16732, 14870; RPC VI Severus Alexander № 4679) [24]. Сярод правінцыяльных манет сустракаецца выява рымскага імператара Комада ў позе сонечнага бога Геліяса і з атрыбутамі Геракла (RPC IV 4. Commodus. № 15626) [24]. На манетах рымскай правінцыі Лідзіі часоў кіравання Аляксандра Севера сонечны бог Геліяс кіруе львінай калясніцай (RPC VI Severus Alexander № 4376) [24].

Заклучэнне. Разгляд іканаграфіі багоў сонца антычнай Пальміры і Рыма на падставе звестак сакральнага мастацтва і нумізматычнага матэрыялу дазваляе выказаць меркаванні аб паспешлівасці і неабгрунтаванасці гіпотэзы ўсходняга паходжання рымскага салярнага бога Sol Invictus. Гэтае меркаванне грунтавалася на значнай абсалютызацыі кансерватыўнай пазіцыі прадстаўнікоў рымскай інтэлектуальнай эліты, якая крытычна ставілася да рэлігійнай палітыкі рымскіх імператараў II – III ст. н. э. Гісторыкі рымскай рэлігіі перабольшвалі ўплыў усходняй рэлігійнай традыцыі на духоўную культуру Рымскай імперыі і не заўважалі шматграннасць рэлігійнага сінкрэтызму як працэсу міжкультурнага дыялогу на прасторах імперыі.

Аналіз звестак сакральнага мастацтва і нумізматычнага матэрыялу адначасова ўказвае на значнае падабенства і адрозненне паміж салярнымі багамі антычнага Рыму і Пальміры. Багі мелі прамяністы німб, кіравалі сонечнай калясніцай і дэманстравалі яскравы ваенны аспект, але іканаграфія салярных багоў адрознівалася, бо Яргібол і Малакбел захоўвалі сваю функцыю багоў расліннасці, ураджаю, лакальных багоў пальмірскага аазісу. Архаічны аспект пальмірскіх багоў быў цесна звязаны з аспектам багоў сонца, што адлюстравана на помніках сакральнага мастацтва старажытнай Пальміры. У сваю чаргу, рымскі сонечны бог не меў атрыбутаў бога расліннасці і ўраджаю. Рымскі Sol Invictus – гэта дзяржаўны бог, цесна звязаны з шанаваннем імператарскай улады, вайсковымі і палітычнымі поспехамі Рымскай імперыі. Агульнаімперская чаканка I – III стст. н. э. яскрава дэманструе сувязь

асобы імператара і салярнага культу, які набываў значную папулярнасць сярод рымскіх вайскоўцаў. Але іканаграфія рымскага сонечнага бога заставалася ў рэчышчы рымскіх і грэчаскіх традыцый, прадстаўленых у правінцыяльнай чаканцы Рымскай імперыі. Іканаграфія пальмірскіх багоў фарміравалася пад уздзеяннем эліністычнай і рымскай культур, але захоўвала мясцовыя асаблівасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Halsberghe G. H. The cult of Sol Invictus. – Leiden: E. J. Brill, 1972. – 192 p.
2. Momigliano A. Manuale di storia romana. – Torino: Utet Università, 2011. – 286 p.
3. Watson A. Aurelian and Third century. – London, New York: Routledge, 1999. – 324 p.
4. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. А.В. Махлаюка. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2011. – 456 с.
5. Геродиан. История императорской власти после Марка в восьми книгах / пер. с древнегреч. А. И. Доватура [и др.]. – СПб.: Алетей, 1995. – 289.
6. Властелины Рима. Биография римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер с лат. С.П. Кондратьева. – СПб.: Алетей, 2001. – 384 с.
7. Seyrig H. Iconographie de Malakbêl // Antiquités syriennes. Syria. – T. 18, fascicule 2, 1937. – P. 198–209. DOI: <https://doi.org/10.3406/SYRIA.1937.3969>.
8. Hijmans S. Sol: The Sun in the Art and Religions of Rome. PhD dissertation. – Groningen, 2009. – 664 p.
9. Амбразон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. – М.: Ин-т археологии РАН, 1995. – 748 с.
10. Mattern P. Helios und Sol. Kulte und Ikonographie des griechischen und römischen Sonnengottes. – Istanbul: Ege, 2002. – 366 p.
11. Berrens S. Sonnenkult und Kaisertum von den Severern bis zu Constantin I. (193–337 n. Chr.). – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. – 283 p.
12. Manfred C. Kaiser und Gott: Herrscherkult im römischen Reich. – Leipzig: K. G. Sauer München, 2001. – 597 p.
13. Шенцов М.Е. Культ Митры в Риме в III в. И религиозная политика императора Аврелиана: автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.03 / НИУ БелГУ. – Белгород, 2013. – 24 с.
14. Шифман И.Ш. Введение // Пальмирский пошлинный тариф. / пер. с древнегреч. и араб. И.Ш. Шифмана. – М.: Наука, 1980. – С. 3–96.
15. Grassi M. T. Palmira: storia straordinaria dell'antica metropoli d'Oriente. – Milano: ed. Edizioni Terra Santa, 2017. – 160 p.
16. Teixidor J. The pantheon of Palmyra. – Leiden: E. J. Brill, 1979. – 195 p.
17. Lukasiak A. Ikonografia Yarhibola // Studia Palmyrenskie. – 1974. – № 5. – S. 7–44. DOI: <https://doi.org/10.11588/DIGLIT.26181.5>.
18. Wais J. Problemy ikonografii Malakbela // Studia Palmyrenskie. – 1970. – № 4. – S. 5–69. DOI: <https://doi.org/10.11588/DIGLIT.26180.4>.
19. Dirven L. The Palmyrenes of Dura-Europos: A Study of Religious Interaction in Roman Syria. – Leiden: Brill, 1999.
20. The Roman Imperial Coinage (RIC): in 10 v. / ed. H Mattingly, E. A. Sydenham. – London: Spink&Son, 1936–1994. – 10 vol.
21. Brykczynski P. Astrologia w Palmyrze // Studia Palmyrenskie. – 1975. – № 6–7. – S. 47–109. DOI: <https://doi.org/10.11588/DIGLIT.26421.7>.
22. The Roman Republican Coinage (RRC): in 2 v. / ed. M. C. Crawford. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974–2008. – 2 vol.
23. Зосим. Новая история / пер. с древнегреч., комм., указ. Н.Н. Болгова. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2010. – 344 с.
24. Roman Provincial Coinage online (RPC) [Electronic resource]. – URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/>. (Date of access: 28.12.2021).
25. Epigraphik-Datebank Claus/Slaby. [risorsa elettronica] – URL: <http://www.manfredclaus.de/gb/index.html> (Data d'accesso: 01.02.2022).

Пастыніў 30.08.2022

СОЛЯРНЫЕ БОГИ АНТИЧНОЙ ПАЛЬМИРЫ И РИМСКИЙ SOL INVICTUS

С.Н. СМЕРНОВ

(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье рассматривается проблема связи римского бога Sol Invictus и солярных богов античной Пальмиры. Выявление этой связи проводится на основе анализа свидетельств памятников сакрального искусства и нумизматического материала. Иконография солярных богов античной Пальмиры и Рима демонстрирует черты схожести и отличия между этими богами. Изображения римского Sol Invictus подчеркивают его военный и державный характер. Пальмирские боги одновременно являлись богами солнца и богами растительности, урожая и местного священного источника.

Ключевые слова: античная Пальмира, античный Рим, религиозный синкретизм, римская религия, Sol Invictus.

SOLAR GODS OF ANCIENT PALMYRA AND THE ROMAN SOL INVICTUS

S. SMIRNOU

(Belarussian State University, Minsk)

The article deals with the problem of the association of the Roman god Sol Invictus and the solar gods of ancient Palmyra. The identification of this association is carried out on the basis of an analysis of the evidence of sacred art and numismatic material. The iconography of the solar gods of ancient Palmyra and Rome demonstrates similarities and differences between these gods. Images of the Roman Sol Invictus clearly indicate his military and state character. The Palmyrene gods were at the same time the gods of the sun and the gods of the plant world, also affecting the local sacred source.

Keywords: ancient Palmyra, ancient Rome, religious syncretism, Roman religion, Sol Invictus.

УДК 904:739.1(476.5-21)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-6-12

**ПАПЯРЭДНІЯ ВЫНІКІ ДАСЛЕДАВАННЯ МОГІЛЬНІКА XI–XIII стст.
НА ТЭРЫТОРЫІ ВЕРХНЯГА ЗАМКА ПОЛАЦКА¹**

*канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
канд. біял. навук, дац. В.А. ЕМЕЛЬЯНЧЫК, А.Л. КОЦ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*

П.М. КЕНЬКО
(Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)

У артыкуле прадстаўлены папярэднія вынікі даследавання некропаля XI–XIII стст., які быў выяўлены падчас выратавальных археалагічных прац на тэрыторыі Верхняга замка Полацка. У выніку вывучэння астэалагічнага матэрыялу вызначаны шкідливыя рэшткі не менш 160 індывідаў сярод якіх 87 належалі дарослым, а 73 – дзецям рознага ўзросту. Аўтарамі ўстаноўлена, што пахаванні зроблены ў драўляных трунах і маюць пераважна заходнюю арыентацыю з адхіленнямі на поўнач і поўдзень. Датаванне могільніка праведзена на аснове пахавальнага інвентару, сярод якога сустракаюцца аднабоковыя грабяні, шкідливыя бронзалеты, шыферныя прасліцы і іншыя датуючыя артэфакты. Асноўваючыся на асобных знаходках, аўтары мяркуюць аб магчымай прыналежнасці могільніка да невядомага сёння цаглянага будынка культывага прызначэння.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, пахавальныя помнікі, матэрыяльная культура, тапаграфія Полацка.

Уводзіны. Важнейшае значэнне для рэканструкцыі розных бакоў сацыяльнай і этнічнай гісторыі старажытных гарадскіх паселішчаў маюць сінхронныя ім могільнікі. Асаблівы статус некропаляў у сацыятапаграфічнай структуры горада абумовіў цікавасць сярод даследчыкаў да пытання лакалізацыі месцаў пахаванняў жыхароў Полацка, які з’яўляўся адным з буйнейшых гарадскіх цэнтраў Усходняй Еўропы сярэднявечага перыяду. Доўгі час даследаванні пахаванняў старажытных палачан не мелі сістэматычнага характару і толькі ў апошнія гады атрымалася лакалізаваць гарадскія могільнікі XIV–XVIII стст. [1–5].

Між тым, важнейшае значэнне для вывучэння ранняй гісторыі Полацка мае лакалізацыя гарадскога хрысціянскага некропаля XI–XIII стст., які не быў устаноўлены археалагічна і раней вызначаўся толькі на аснове картаграфічных звестак, а таксама асобных выпадковых знаходак. М.А. Плавінскі і Д.У. Дук у спецыяльнай працы, прысвечанай выяўленню месца размяшчэння гарадскіх могільнікаў X–XIII стст. сцвярджалі, што на тэрыторыі Полацка існавала не менш двух курганных некропаляў (“паўночны” і “ўсходні”), а таксама грунтавы могільнік XII ст. на першапачатковым Гарадзішчы. Пры гэтым аўтары адзначаюць, што існаванне “паўночнага” могільніка з’яўляецца выключна гіпатэтычным меркаваннем, у той час як лакалізацыя “ўсходняга” некропаля мае таксама і археалагічныя пацвярджэнні [6, с. 182]. Тэзіс пра існаванне могільніка XII ст. на тэрыторыі Гарадзішча заснаваны на выпадкова выяўленым пахаванні [6, с. 183]. Наступныя даследаванні помніка меркаванне адносна існавання тут могільніка ў XI–XIII стст. не пацвердзілі [5].

Такім чынам, важнай праблемай полацкай археалогіі да цяперашняга часу з’яўлялася лакалізацыя гарадскога некропаля XI–XIII стст., месцазнаходжанне якога атрымалася выявіць падчас археалагічных работ у 2020–2022 гг. на тэрыторыі Верхняга замка старажытнага горада.

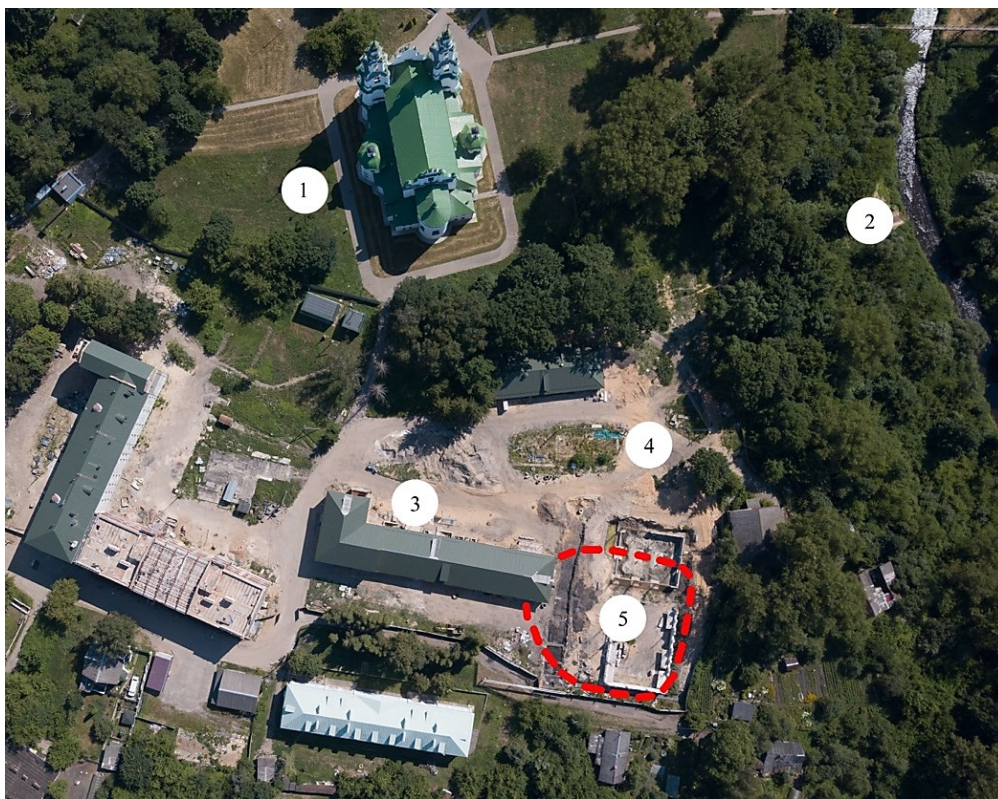
Асноўная частка. Полацкі некропаль быў выяўлены ў ходзе правядзення комплексу выратавальных археалагічных раскопак падчас будаўнічых работ на аб’екце “Рэканструкцыя былых будынкаў установы аховы здароўя ў ахоўнай зоне запаведніка (Верхні замак) пад размяшчэнне ДУА “Полацкае кадэцкае вучылішча”, якія ажыццяўляліся ў перыяд з лістапада 2019 па снежань 2022 г. (малюнак 1) [7].

Археалагічныя даследаванні каардынаваліся доктарам гістарычных навук, прафесарам, галоўным навуковым супрацоўнікам ДНУ “Інстытут гісторыі” НАН Беларусі В.М. Ляўко. Працы на месцы праводзіліся пад агульным кіраўніцтвам супрацоўніка Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай І.У. Магалінскага. У работах прымалі ўдзел супрацоўнікі ўніверсітэта (А.Л. Коц, В.А. Емельянчык, В.У. Чараўко), Інстытута гісторыі НАН Беларусі (П.М. Кенько, У.С. Крумплеўскі і інш.), а таксама Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (Л.Р. Калбека, А.А. Салаўёў). Земляныя працы на аб’екце прадугледжвалі перакладку камунікацый, а таксама ўмацаванне падмуркаў наяўных будынкаў і будаўніцтва новых карпусоў.

Першапачатковае выяўленне шкідливых рэшткаў было зроблена на пляцоўцы будаўніцтва спарткомплексу, якая размяшчалася ў паўночна-заходняй частцы аб’екта. Праектам прадугледжвалася ўладкаванне буранабіўных падмуркаў, а таксама распрацоўка катлавана ў паўднёвай частцы. На месцы будаўнічай пляцоўкі да пачатку прац размяшчаўся комплекс гаспадарчых пабудов былой гарадской бальніцы. У рамках работ на асобных участках

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах праекта Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў “Пахавальныя помнікі Полацка XI–XVIII стст. у кантэксце развіцця сінхронных некропаляў Беларускага Падзвіннця: пахавальны абрад, інвентар, палеаантрапалагічная характарыстыка” (нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20221071 ад 06.07.2022).

прадугледжвалася выбарка падмуркаў гэтых канструкцый з дапамогай будаўнічай тэхнікі. Для разбору падмуркаў распрацоўваліся шурфы, у якіх зафіксаваны пераадкладзены культурны пласт магутнасцю да 1,5 м. Падчас работ у паўночнай частцы пляцоўкі выяўлены фрагменты керамікі і пячонной кафлі XVII–XVIII стст. [7, с. 51]. У заходняй частцы ўчастка падчас разборкі падмуркаў выяўлены фрагмент пашкоджанага безінвентарнага пахавання. Шкілет быў арыентаваны галавой на захад, а само пахаванне мела працяг ва ўсходняй сцяне. Пахаванне размяшчалася на ўзроўні мацерыка і знаходзілася ў труне ад якой захавалася спарэхнелая драўніна [7, с. 53].

1 – Сафійскі сабор; 2 – р. Палата; 3 – будынак харчблока; 4 – фундаменты “храма на дзяцінцы”;
5 – размяшчэнне могілніка на аснове атрыманых даных

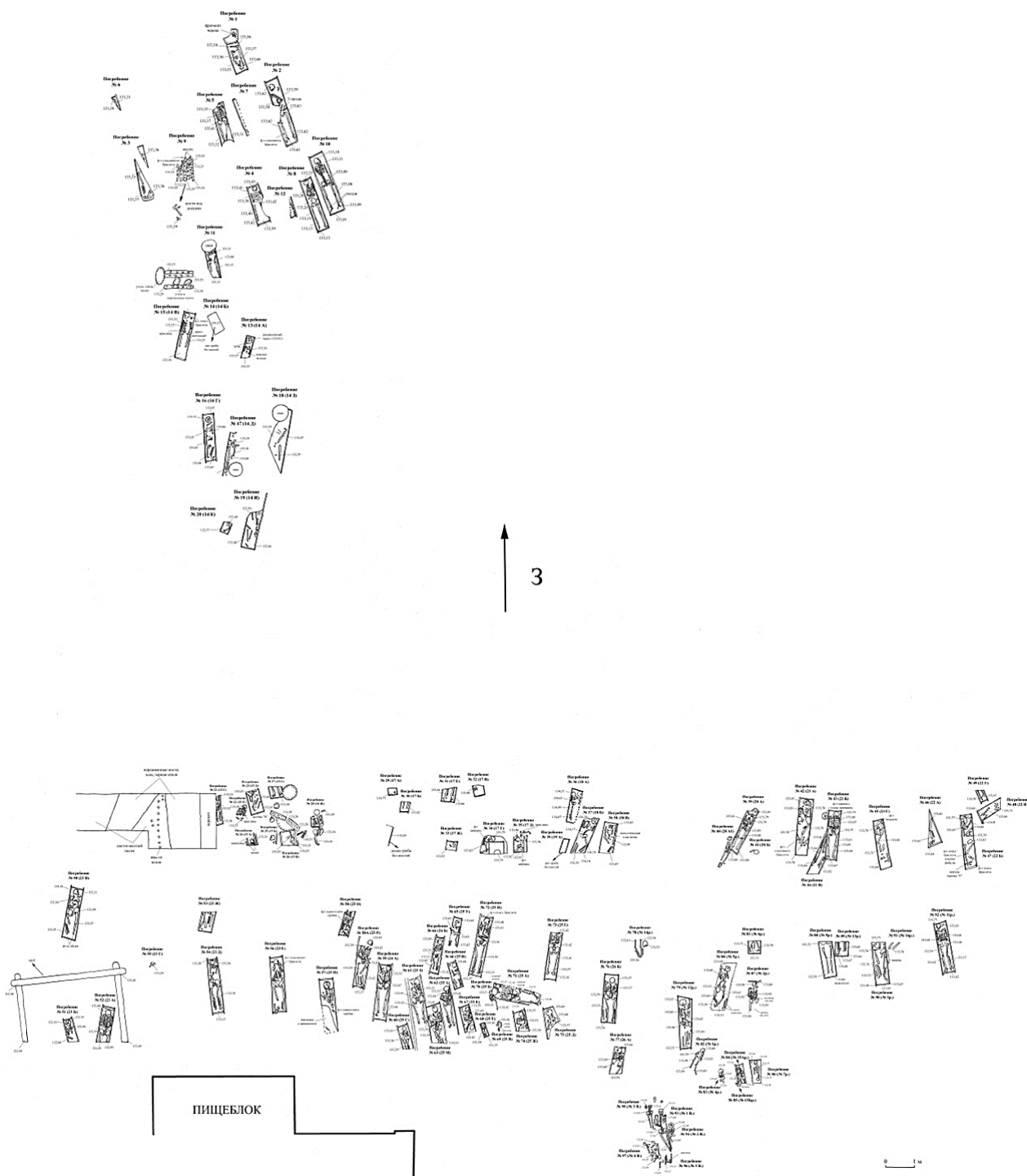
Малюнак 1. – Лакалізацыя могілніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка

Наступны этап даследавання могілніка звязаны з распрацоўкай у паўднёвай частцы пляцоўкі спарткомплекса катлавана для будаўніцтва падвальнага памяшкання. Як адзначалася, культурны слой на месцы даследавання быў істотна пашкоджаны гаспадарчымі будынкамі былой гарадской бальніцы, у сувязі з чым працы праводзіліся з дапамогай будаўнічай тэхнікі з паслойным зняццем пераадкладзенага культурнага пласта. Падчас прац у перадамацерыковым слоі былі зафіксаваныя плямы магільных ям з рэшткамі трун і касцямі ў іх, якія разбіраліся ўручную з фота- і графічнай фіксацыяй. Наступныя групы пахаванняў былі выяўлены падчас распрацоўкі траншэй каналізацыі і водаправода, якія праходзілі паралельна ўсходняй мяжы будаўнічай пляцоўкі спарткомплекса.

Могільнік часткова даследаваны раскопам (Заходні раскоп 1, 2021 г.), які размяшчаўся па трасе траншэі пад водаправод і ліўнёвую каналізацыю на ўчастку паміж харчаблокам і спарткомплексам. Раскоп быў выцягнуты з поўначы на поўдзень і меў памер $14,0 \times 5,0$ м. Верхнія пласты ў раскопе былі знішчаны ў выніку актыўнай гаспадарчай дзейнасці, у сувязі з чым культурны слой утрымліваў матэрыялы пераважна X–XIII стст. У межах трэцяга ўмоўнага пласта, які прадстаўлены чорнай вільготнай дробнакамкаватай глебай, былі выяўлены рэшткі драўлянай агароджы, якая размяшчалася па трасе ад паўночна-заходняга да паўднёва-ўсходняга вугла раскопа. Дадзены частакол з’яўляўся мяжой паміж багатай сядзібай і могілкамі (на захад і поўдзень ад агароджы выяўлены пахаванні).

Для ўдакладнення паўночнай мяжы некропаля ў 2022 г. былі праведзены разведаныя раскопкі ў прыватным сектары, на захад ад будынка правіянцкага складу (Заходні раскоп 2). У выніку выяўлены культурны пласт з матэрыяламі XI–XVIII стст. без слядоў пахаванняў.

Такім чынам, у ходзе археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Верхняга замка Полацка ўпершыню быў атрыманы вялікі астэалагічны матэрыял па сярэдневяковаму насельніцтву Полацка XI–XIII стст. Усяго падчас археалагічных прац было выяўлена не менш 115 дакладна зафіксаваных пахаванняў, частка з якіх была прадстаўлена амаль поўнымі касцямі, частка – няпоўнымі і парушанымі, сустрэты таксама пераадкладзеныя скопішчы костак, асобныя фрагменты шкілетаў розных індывідаў. Пахаванні зроблены ў драўляных трунах, якія былі выкананы з дошак, часта абкладзеныя бярозай (малюнак 2). Арыентацыя пахаваных заходняя, з адхіленнямі на поўнач і поўдзень.

Малюнак 2. – Сітуацыйны план размяшчэння даследаваных пахаванняў могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка

Падчас даследавання ў пахаваннях зафіксаваны адзінкавыя знаходкі (малюнак 3). Сярод выяўленых артэ-фактаў неабходна адзначыць фрагменты шкляных бранзалетаў (пахаванні №№ 2, 9, 15, 42, 47, 56, 72), прасліцы (пахаванні №№ 15, 22, 35, 69, 96), ілжэвіты пярсцёнак з каляровага металу (пахаванне № 1), паясныя кольцы і спражкі (пахаванні №№ 13, 71, 87), шкляныя пацеркі (пахаванне № 84), цвікі (пахаванні №№ 2, 10), рэшткі спархнелага алавынага галаўнога венчыка (пахаванне № 43), фрагменты амфар (пахаванні №№ 34, 35), а таксама шматлікія фрагменты керамічных гаршчкоў “S”-падобнага профілю, тыповыя для культурнага слою Полацка XII–XIII стст. Асобна неабходна вылучыць знаходкі двух фрагментаў аднабаковых грабянёў (пахаванні №№ 57 і 58; малюны 3:1, 3:2) і цалкам захаваны галаўны венчык, складзены са спіралек і колцаў (пахаванне № 71, ма-люны 3:8–3:11).

1–2 – грабяні; 3–5 – шкляныя бранзалеты; 6–7 – прасліцы; 8–11 – дэталі галаўнога венчыка

Малюнак 3. – Асобныя знаходкі з могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка

На ніжнюю дату існавання могільніка ўказваць знаходкі двух фрагментаў аднабаковых грабянёў, асноўны час бытавання якіх прыпадае на X–XI стст., а таксама галаўнога венчыка, датаваць які паводле аналогій магчыма XI–XII стст. [8, с. 49; 9, с. 101; 10, с. 82; 11, с. 114]. Улічваючы, што найбольш старажытныя матэрыялы з перадамацерыковых слаёў і мацерыковых ям у Заходнім раскопе 1 датуюцца часам не ранейшым за канец X – пачатак XI стст., з’яўленне могільніка трэба папярэдне адносіць да XI ст. На верхнюю храналагічную мяжу функцыянавання некропаля ўказваюць знаходкі шкляных бранзалетаў, якія з’яўляюцца ў культурным слоі Полацка ў XII ст., а найбольшае распаўсюджанне атрымліваюць у XIII стст. [12, с. 118]. Шыферныя прасліцы, зробленыя з ружовага, ліловага, а радзей шэрага оўручкага сланцу з’яўляюцца ў Полацкай зямлі ў канцы XI ст. і практычна поўнасна знікаюць у другой палове XIII ст., што трэба звязваць са спыненнем існавання спецыялізаваных майстэрняў у Оўручы і разбурэннем гандлёвых шляхоў пасля 1240 г. [13, с. 17]. Перыядам XII–XIII стст. датуюцца таксама ілжэвітыя пярсцёнкі [14, с. 20]. У сувязі з вышэйадзначаным, верхняй храналагічнай мяжой існавання полацкага некропаля на Верхнім замке трэба лічыць XIII ст. Такім чынам, наяўныя матэрыялы дазваляюць датаваць могільнік ў межах XI–XIII стст.

Неабходна таксама адзначыць, што некропаль мог адносіцца да невядома храма ці капліцы. Аб наяўнасці ў непасрэднай блізкасці ад могілак невядомага цаглянага будынку культывага прызначэння ўказваюць плямы разбурэння ў выглядзе блокаў плінфяной кладкі на вапнавай рошчыне. Пры гэтым аналіз плінфы дазволіў устанавіць яе адрозненне ад цэгля з храма на дзяцінцы. Сярод сведчанняў існавання храма магчыма адзначыць знаходкі падлогавага плітак, якія не маюць аналагаў у Полацку, а таксама асобныя фрагменты тынкоўкі з фрэскавым роспісам, расплаўлены свінец і інш. Улічваючы, што цэнтр найбольшай канцэнтрацыі пахаванняў лакалізуецца бліжэй да паўночна-заходняга вугла харчаблока, магчыма меркаваць аб размяшчэнні невядомага храма менавіта ў дадзенай частцы Верхняга замка.

Антрапалагічная экспертыза матэрыялаў пахаванняў на Верхнім замке Полацка праведзена В.А. Емельяныч. Вызначэнне полу і ўзросту ажыццяўлялася з выкарыстаннем стандартных метадаў. Пол вызначаўся на падставе ацэнкі характэрных для мужчын і жанчын структурных асаблівасцей чэрапа і тазавак костак. Пры вызначэнні біялагічнага ўзросту дарослых індывідаў улічвалася, пераважна, ступень зарастання чарапных швоў у спалучэнні са ступенню сцёртасці зубоў. Узрост дзіцячых касцякоў вызначаўся па ступені развіцця зубной сістэмы па схеме D.H. Ubelaker-a, а таксама на падставе марфалагічнага крытэрыю, які ўлічвае ступень акацыянення розных аддзелаў шкілета і памеры доўгіх трубчастых костак [15, р. 64; 16, s. 143]. Рэканструкцыя прыжыццёвай даўжыні цела памерлых здзяйснялася на падставе даных вымярэння доўгіх костак па метадае М. Trotter,

G.C. Gleser [16, s. 180–182]. Вымярэнне чэрапаў з наступным вылічэннем вуглоў і паказальнікаў праводзілася ў адпаведнасці са стандартнай метадыкай. Для ацэнкі атрыманых паказчыкаў выкарыстоўваліся табліцы краніяметрычных канстант [17, с. 112–127].

У ходзе антрапалагічнай экспертызы астэалагічных матэрыялаў з пахаванняў на тэрыторыі Верхняга замка было выяўлена не менш 160-ці шкілетаў, сярод якіх 87 належалі дарослым індывідам (24 мужчыны, 36 жанчын; пол 27-мі дарослых не быў вызначаны з-за фрагментарнай захаванасці шкілетаў), 73 – дзецям рознага ўзросту (табліца). У даследаванай групе пахаванняў дзіцячыя рэшткі складаюць 45,6% ад агульнай колькасці пахаваных, што набліжаецца да чаканых паказчыкаў і сведчыць аб добрай захаванасці шкілетных матэрыялаў. Што да суадносінаў полаў, то на могілках з тэрыторыі Верхняга замка назіраецца даволі нетыповая сітуацыя – жаночыя пахаванні колькасна пераважаюць над мужчынскімі.

Табліца. – Сярэднія памеры і паказальнікі мужчынскіх і жаночых выбарак чэрапаў з могілкі XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка

Прыкмета	Мужчыны			Жанчыны		
	N	M	S	N	M	S
<i>Мазгавы аддзел чэрапа, мм</i>						
1. Падоўжаны дыяметр	11	186,7	7,14	13	178,4	4,57
8. Папярочны дыяметр	11	137,6	4,39	13	137,2	3,87
5. Даўжыня асновы чэрапа	11	105,3	3,2	8	97,9	3,4
9. Найменшая шырыня ілба	11	98,9	3,78	13	95,3	3,48
10. Найбольшая шырыня ілба	11	118,5	5,2	13	117,2	3,83
12. Шырыня патыліцы	11	109,0	5,25	11	106	2,28
17. Высотны дыяметр	11	136,7	5,22	8	130,9	4,76
<i>Тваравы аддзел чэрапа, мм</i>						
45. Скулавы дыяметр	9	134,8	4,63	10	124,8	5,39
43. Верхняя шырыня твару	11	106,1	3,39	13	102,5	3,53
46. Сярэдняя шырыня твару	9	95,7	3,99	9	90,6	6,75
40. Даўжыня асновы твару	9	103,3	5,19	7	93,6	6,94
48. Верхняя вышыня твару	9	69,9	2,65	9	67,4	3,28
51. Шырыня арбіты	10	42,4	2,31	9	41,3	1,15
52. Вышыня арбіты	10	31	1,63	9	32,9	2,67
54. Шырыня носу	9	26,3	1,3	9	24,9	1,83
55. Вышыня носу	9	50,3	1,73	9	48,9	4,04
DC. Дакрыяльная шырыня	9	23,1	1,27	9	21,2	2,18
DS. Дакрыяльная вышыня	9	12,9	1,93	9	10,6	1,36
SC. Сіматычная шырыня	9	8,9	1,51	9	9,6	2,45
SS. Сіматычная вышыня	9	4,3	0,75	9	3,7	0,87
<i>Індэксы, адз.</i>						
8:1. Чарапны паказальнік	11	73,8	4,34	13	76,9	2,92
40:5. Паказальнік выступання твару	9	98,1	3,75	7	95,4	6,26
48:45. Верхнетваравы паказальнік	8	51,6	2,01	8	52,9	2,58
52:51. Арбітны паказальнік	10	73,3	4,77	9	79,7	6,93
54:55. Насавы паказальнік	9	52,3	3,9	9	51,3	6,64
DS:DC. Дакрыяльны паказальнік	9	56	7,07	9	50,2	7,69
SS:SC. Сіматычны паказальнік	9	48,6	8,71	9	39,9	13,27
<i>Вуглы гарызантальнай прафіліроўкі, град.</i>						
M77. Назамалярны вугал	10	139,6	5,08	10	141,8	4,52
zm. Зігамаксілярны вугал	9	125,6	2,84	9	128,3	2,08

Вынікі вызначэння полу і ўзросту пахаваных былі выкарыстаны для правядзення палеадемаграфічнага аналізу. Сярэдні ўзрост смерці дарослых (без уліку дзіцячай смяротнасці) у даследаванай групе насельніцтва Полацка XI–XIII стст. склаў 36,5 год, што адпавядае паказчыкам, зарэгістраваным для сярэднявечнага насельніцтва Старажытнай Русі. Так, паводле дадзеных В.П. Аляксеева, у славянскіх курганных серыях XI–XIII стст. (крывічы, славане, вяцічы, радзімічы, дрыгавічы, севяране, паляне) сярэдняя працягласць жыцця вагалася ў межах 32,3–38,3 гадоў [18, с. 16]. Пікі смяротнасці ў даследаванай групе насельніцтва прыходзіліся на ранні дзіцячы ўзрост (да 6-ці гадоў), а таксама малады ўзрост (20–30 год), пераважна, за кошт павышанай смяротнасці маладых жанчын, што з’яўляецца тыповай карцінай для многіх чалавечых папуляцый даіндустрыяльнай эпохі.

Згодна з папярэднімі вынікамі вызначэння сярэдняй даўжыні цела, мужчыны-палачане XI–XIII стст. мелі сярэдні рост каля 172 см, жанчыны – каля 159 см. Сярэднявечныя мужчыны-палачане былі ў сярэднім на 6 см вышэй за полацкіх мужчын XVII–XVIII стст., жанчыны – на 4 см вышэй за палачанак XVII–XVIII стст. [19, с. 152]. У параўнанні з сучасным насельніцтвам Беларусі сярэднявечныя палачане, як мужчыны, так і жанчыны, былі ніжэйшымі ў сярэднім на 6 см.

Стан захаванасці краніялагічнага матэрыялу дазволіў здзейсніць вымярэнні 11-ці мужчынскіх і 13-ці жаночых чэрапаў (гл. табліцу). Усярэднены мужчынскі краніятып характарызуецца даліхакранійай (чарапны паказальнік 73,8), вялікім падоўжным і малым папярочным дыяметрамі чэрапа, вялікім высотным дыяметрам. Твар сярэдні, як па абсалютных памерах, так і па верхнетвараваму паказальніку, артагнатны. Арбіты сярэднія па шырыні, нізкія, як па абсалютнай велічыні, так і па арбітным паказальніку (хамеконхія), нос сярэдні, як па абсалютных памерах, так і па насавым паказальніку, з моцна выступаючым пераноссем, аб чым сведчаць высокія значэнні дакрыяльнага і сіматычнага паказальнікаў. Твар моцна прафіляваны ў гарызантальнай плоскасці з невялікім спляшчэннем у верхняй частцы (назамалярны вугал 139,7°).

Жаночая выбарка чэрапаў па сваіх усярэдненых характарыстыках мезакранна (чарапны паказальнік 76,9), з вялікім падоўжным і сярэднім папярочным дыяметрамі, вялікім высотным дыяметрам. Як і ў мужчын, тварава аддзел характарызуецца артагнатнасцю, сярэднімі катэгорыямі абсалютных памераў і верхнетваравага паказальніка. Арбіты, як і ў мужчынскай выбарцы, сярэднія па шырыні і нізкія па вышыні, аднак па арбітным паказальніку – сярэднія. Сплюшчанасць твару на ўзроўні арбіт і скул у жаночай выбарцы выражана трохі больш, чым у мужчынскай (назамалярны вугал – 141,8°, зігамаксілярны вугал – 128,3°).

У цэлым па сваіх антрапалагічных асаблівасцях як мужчыны, так і жанчыны з пахаванняў на тэрыторыі Верхняга замка ў Полацку, выяўляюць значнае падабенства з сельскім насельніцтвам Полацкай зямлі, прадстаўленым матэрыяламі курганных пахаванняў XI–XIII стст.

Заклучэнне. Такім чынам, падчас выратавальных археалагічных прац на тэрыторыі Верхняга замка Полацка выяўлены гарадскі некропаль, які магчыма датаваць XI–XIII стст. Падчас даследаванняў знойдзены шкiлетныя рэшткі не менш 160 індывідаў, сярод якіх 87 належалі дарослым, а 73 – дзецям рознага ўзросту. Пахаванні зроблены ў драўляных трунах, якія былі выкананы з дошак, часта абкладзеныя бярозай. Арыентацыя большасці пахаваных заходняя, з адхіленнямі на поўнач і поўдзень. Датаванне могільніка праведзена на падставе пахавальнага інвентару, сярод якога сустрэты аднабаковыя грабяні, шкiльныя бранзалеты, шыферныя прасліцы і іншыя датуючыя артэфакты. Наяўныя даныя дазваляюць меркаваць аб прыналежнасці могілак да невядомага сёння цаглянага будынку культывага прызначэння, на што ўказваюць выяўленыя на ўчастку побач з пахаваннямі плямы разбурэння ў выглядзе блокаў плінфяной кладкі на вапнавай рошчыне, а таксама асобныя фрагменты тынкоўкі з фрэскавым роспісам, расплаўлены свінец і інш.

ЛІТАРАТУРА

1. Дук Д.У. Полацкія могілкі 12–18 ст. // *Археалогія Беларусі: энцыкл. У 2 т.* – Мінск: БелЭн, 2009–2011. – Т. 1: А – К. – 2009. – С. 214–215.
2. Дук Д.У., Емяльянчык В.А., Коц А.Л. Могілкі на стрэлы Ніжняга замка ў Полацку // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* – Мінск, 2018. – Вып. 29. – С. 171–182.
3. Дук Д.У., Коц А.Л. Старажытны Полацк: новыя даныя па выніках раскопак на тэрыторыі Ніжняга замка ў 2014 годзе // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі.* – Мінск, 2016. – Вып. 27. – С. 31–41.
4. Чараўко В.У. Пахавальныя помнікі Полацка XIV–XVIII стст. // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманит. науки.* – 2019. – № 1. – С. 129–135.
5. Дук Д.У. Археалагічныя раскопкі на старажытным полацкім гарадзішчы ў 2007 г. // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі: нав. зб. / гал. рэд. В.М. Ляўко; Ін-т гісторыі НАН Беларусі.* – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2009. – Вып. 17: Археалагічныя даследаванні на Беларусі ў 2007 годзе. – С. 186–189.
6. Дук Д., Плавінскі М. Аб полацкім некропалі X–XIII стст. // *Гіст.-археал. зб. / рэдкал. В. Вяргей і інш.* – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2003. – № 22. – С. 173–186.
7. Начальны этап новых ісследований Верхнего замка Полоцка (2018–2020 гг.) / О.Н. Левко, И.В. Магалинский, П.М. Кенько, А.Л. Коц, В.В. Червко, А.А. Соловьев, Л.Г. Калбеко // *Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка.* – Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 48–60.
8. Мядзведзьева В.У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – 236 с.
9. Давидан О.И. Гребни Старой Ладуги // *Археол. сб. Государственного Эрмитажа.* – Л., 1962. – Вып. 4. – С. 95–108.
10. Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. В 2 т. – Т. 1: Раннегородской некрополь древнего Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города). – СПб.: Нестор-История, 2012. – 300 с.
11. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могилиники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2007. – Т. 2: Материальная культура и хронология. – 2008. – 365 с.
12. Шапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 210 с.
13. Костюкевич А.В. Привозные изделия IX–XIII вв. на территории Полоцкой земли: автореферат ... канд. ист. наук. Минск: Институт истории НАН Беларусі, 2017. – 26 с.
14. Магалинскі І.У. Ювельныя упрыгажэнні старажытнага Полацка // *Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки.* – 2012. – № 9. – С. 16–27.
15. Ubelaker D.H. Human skeletal remains. Excavation, analysis, interpretation. – Washington: Taraxacum, 1989. – 172 p.
16. Piontek J. Biologia populacji pradziejowych. Zarys metodyczny. – Poznań: UAM, 1996. – 217 s.
17. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 127 с.
18. Алексеев В.П. Палеодемография СССР // *Советская археология.* – 1972. – № 1. – С. 3–21.
19. Боруцкая С.Б., Васильев С.В. О остеологические исследование населения города Полоцка XVIII–XVIII вв. // *Палеоантропология Беларусі / И.И. Саливон и др.; науч. ред. И.И. Саливон, С.В. Васильев; Нац. Акад. Наук Беларусі, Ин-т истории.* – Мінск: Беларус. навука, 2015. – С. 145–153.

Пастуніў 21.04.2023

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА XI–XIII вв.
НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ЗАМКА ПОЛОЦКА**

И.В. МАГАЛИНСКИЙ, О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК, А.Л. КОЦ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

П.М. КЕНЬКО
(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье представлены предварительные результаты исследования некрополя XI–XIII вв., обнаруженного в ходе спасательных археологических работ на территории Верхнего замка Полоцка. В результате изучения остеологического материала выявлены скелетные останки не менее 160 индивидов, среди которых 87 принадлежали взрослым, а 73 – детям разного возраста. Авторами установлено, что погребения были совершены в деревянных гробах и имели преимущественно западную ориентацию с отклонениями на север и юг. Датировка могильника проведена на основании погребального инвентаря, среди которого встречены односторонние гребни, стеклянные браслеты, шиферные пряслица и другие датирующие предметы. На основании отдельных находок авторы также высказывают предположение о принадлежности могильника к неизвестному сегодня зданию культового назначения из плинфы.

Ключевые слова: археология Беларуси, погребальные памятники, материальная культура, топография Полоцка.

**PRELIMINARY RESULTS OF THE STUDY OF THE CEMETERY OF THE XI–XIII CENTURIES
ON THE TERRITORY OF THE UPPER CASTLE OF POLOTSK**

I. MAHALINSKI, V. YEMIALYANCHYK, A. KOTS
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

P. KENKO
(The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article presents preliminary results of the study of the cemetery of the 11th–13th centuries, discovered during rescue archaeological work on the territory of the Upper Castle of Polotsk. As a result of the study of osteological material, the skeletal remains of at least 160 individuals were identified, among which 87 belonged to adults, and 73 belonged to children of different ages. The authors found that the burials were made in wooden coffins and had a predominantly western orientation with deviations to the north and south. The dating of the burial ground was carried out on the basis of grave goods, among which one-sided combs, glass bracelets, slate whorls and other dating items were found. On the basis of individual finds, the authors suggest that the burial ground belongs to a today unknown building made of brick for cult purposes.

Keywords: archeology of Belarus, funerary monuments, material culture, topography of Polotsk.

УДК 904(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-13-18

**СЛЯДЫ РАЗБУРЭННЯ МУРАВАНЫХ БУДЫНКАЎ XI–XIII стст.
НА ВЕРХНІМ ЗАМКУ СТАРАЖЫТНАГА ПОЛАЦКА¹****А.Л. КОЦ, канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)****П.М. КЕНЬКО
(Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)**

У артыкуле прадстаўлены вынікі археалагічных даследаванняў слядоў разбурэння мураваных помнікаў XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка, якія былі выяўлены падчас будаўнічых прац у 2019–2022 гг. Аўтары адзначаюць, што падчас археалагічных работ былі лакалізаваны плямы разбурэння “храма на дзядзінцы” і “княжацкага церама”, а таксама зафіксаваны тры месцы з развалам будаўнічага матэрыялу, якія можна аднесці да невядомых мураваных будынкаў. У артыкуле пададзены характар залягання будаўнічых матэрыялаў у культурных напластаваннях помніка, месца іх лакалізацыі, характарыстыка знаходак з плям разбурэння і інш. Робіцца выснова, што на Верхнім замку, акрамя Сафійскага сабора і “храма на дзядзінцы”, маглі быць размешчаны яшчэ два мураваныя храмы і адзін будынак нявызначанага прызначэння. Адна царква лакалізуецца аўтарамі каля могілак XI–XIII стст., якія былі выяўлены і даследаваны ў паўночна-заходняй частцы Верхняга замка, другі храм мог быць размешчаны каля заходняй сцяны Чырвонай бальніцы, а трэці помнік фіксуецца ў прыватным сектары ў паўночнай частцы замка.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, мураваныя помнікі, храм, царква, княжацкі церам, матэрыяльная культура, будаўнічыя матэрыялы, тапаграфія Полацка.

Уводзіны. Мураваныя храмы з’яўляюцца важным паказчыкам эканамічнага і палітычнага статусу сярэднявечага горада. Адным з буйнейшых гарадоў Усходняй Еўропы ў XI–XIII стст. з’яўляўся Полацк. На сённяшні дзень вядома аб існаванні на тэрыторыі горада не менш 5 мураваных будынкаў XI–XIII стст. культавага і свецкага прызначэння. Яшчэ 6 цэркваў знаходзіліся ў прыгарадных манастырах (4 – у Бельчыцкім, 2 – у Спаса-Еўфрасін’еўскім). П.А. Рапапорт адносіць Полацк да ліку гарадоў з вялікай колькасцю храмаў і па гэтым паказчыку ставіць яго ў адзін шэраг з Кіевам, Чарнігавам, Ноўгарадам, Галічам, Уладзімірам і Смаленскам [4, с. 6]. Разам з тым назіраецца выразны дысбаланс паміж колькасцю вядомых мураваных храмаў на Верхнім замку Полацка (сабор і царква) і на тэрыторыі Бельчыцкага манастыра (4 храмы). Такая колькасць цэркваў для загарадных манастыроў не характэрна, што ставіць пытанне аб ролі гэтага комплексу ў гісторыі горада [1, с. 17]. Дадзеная акалічнасць дазваляла меркаваць, што на Верхнім замку павінна быць больш помнікаў архітэктуры XI–XIII стст. Між тым, да апошняга часу буйнамаштабных даследаванняў цэнтральнай часткі помніка не праводзілася.

У перыяд з лістапада 2019 па снежань 2022 г. праводзіліся выратавальныя археалагічныя даследаванні падчас будаўнічых прац на аб’екце “Рэканструкцыя былых будынкаў установы аховы здароўя ў ахоўнай зоне запаведніка (Верхні замак) пад размяшчэнне ДУА “Полацкае кадэцкае вучылішча” [3, с. 48–60]. Гэтыя працы закранулі цэнтральную частку помніка (каля 50% плошчы ўсёй пляцоўкі) і дазволілі распачаць комплекснае даследаванне працэса фарміравання культурнага пласта і прасачыць функцыянаванне шэрагу археалагічных комплексаў. Маштабныя археалагічныя даследаванні дазволілі выявіць вялікую колькасць будаўнічых матэрыялаў старажытнарускага часу. Былі лакалізаваны плямы разбурэння “храма на дзядзінцы” і княжацкага церама, а таксама ў трох месцах пласты будаўнічага матэрыялу мураваных помнікаў, якія магчыма аднесці да невядомых да гэтага часу будынкаў (два з якіх маглі мець культавае прызначэнне).

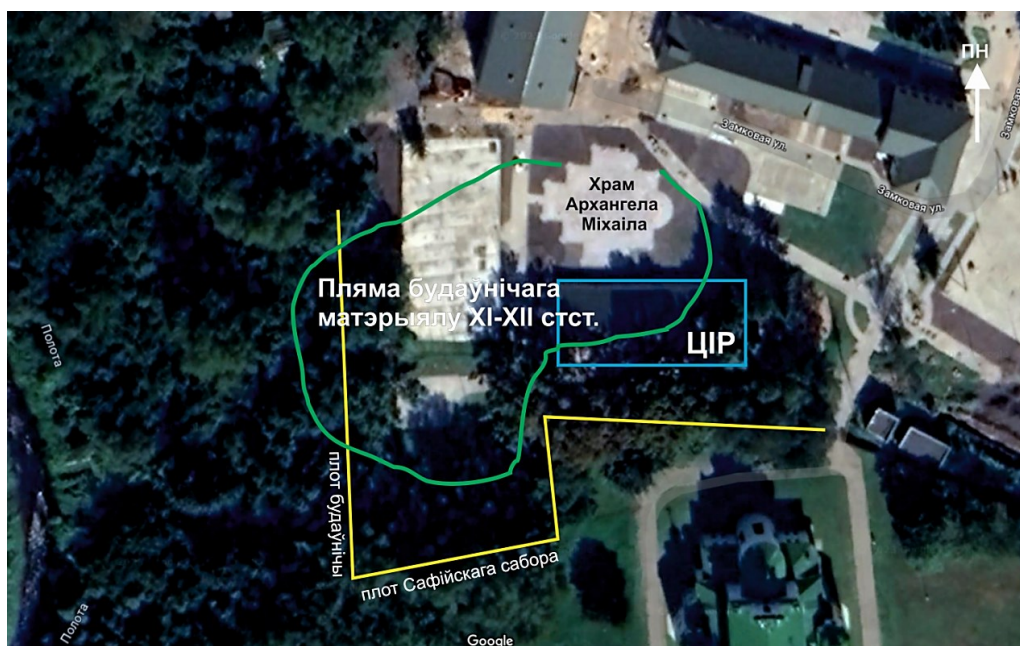
Асноўная частка. Верхні замак, будучы рэлігійным цэнтрам горада, быў забудаваны шэрагам мураваных храмаў. Галоўным храмам горада ва ўсе часы з’яўляўся Сафійскі сабор, пабудаваны ў другой палове XI ст. У XII ст. за 50 м на поўнач ад яго быў закладзены вялікі мураваны храм, які ў літаратуры атрымаў назвы “храм на дзядзінцы”, “храм на Верхнім замку”, “царква Архангела Міхаіла”, “Міхайлаўская царква” і інш. Храм даследавалі ленинградскія навукоўцы ў 1966–1967 гг. пад кіраўніцтвам М.К. Каргера. Акрамя паўночнай сцяны даследавана невялікім раскопам усходняя частка паўднёвай сцяны і шурфы былі закладзены на іншых участках сцен і на месцы паўночна-ўсходняга падкупальнага слупа. Усе атрыманыя звесткі дазволілі вызначыць, што тут знаходзіўся вялікі трохнафавы шасціслуповы храм і зрабіць яго рэканструкцыю. [2, с. 203].

Найноўшыя даследаванні паказваюць, што ніжняя часткі сцен і падмурак храма добра захаваліся. Фактычна яны былі закансерваваны будынкамі бальніцы. Гэта дазволіла даследаваць цэнтральную частку помніка пасля

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст.»).

ліквідацыі забудовы другой паловы XX ст.: расчысціць паўночную частку апсіды, вывучыць фрагмент заходняй сцяны і паўднёвую частку прытвора, а таксама правесці шурфоўкі паўднёва-ўсходняга падкупальнага слупа. У межах назірання за пракладкай траншэй побач з храмам з заходняга, паўднёвага і ўсходняга бакоў і пры будаўнічых працах па рэстаўрацыі былога тудыспансара² атрымалася вызначыць пляму разбурэння помніка.

На ўсход пляма з будаўнічымі матэрыяламі магутнасцю 0,3...0,4 м прасціралася на адлегласць больш 5–7 м ад усходняй кропкі апсіды. Тут сабраная пераважная плінфа, якая мае трапецыяпадобную форму. Падобная цэгла выраблялася для будаўніцтва скругленых архітэктурных форм, у прыватнасці апсіды. На захад і паўднёвы ўсход сляды разбурэння храма прасочваліся на адлегласці да 10 м і мелі магутнасць у межах 0,1...0,2 м. Асноўная маса плінфы ад “храма на дзядзінцы” залягала на паўднёвы захад ад помніка. Зафіксавана, што ў гэтым накірунку развал будаўнічага матэрыялу залягае на адлегласці да 50 м. Тут магутнасць развалу плінфы дасягае 0,7...1,0 м і сустракаюцца блокі плінфяной кладкі (да 6 радоў). У гэтым месцы адлегласць да “храма на дзядзінцы” і да Сафійскага сабора прыблізна аднолькавая, таму вызначыць прыналежнасць плінфы складана (малюнак 1).

Малюнак 1. – Межы плямы разбурэння “храма на дзядзінцы”

Азначаны ўчастак дэтална не даследаваўся, бо будаўнічыя працы тут былі спынены ў сувязі з выяўленнем падмуркаў XIX ст. У гэтым пласце выяўлена кераміка XVII–XIX стст. і шэраг фрагментаў металічных ядраў, якія фіксаваліся ў вапнавай рошчыне-цамянцы. Дадзенае месца з’яўляецца перспектыўным для правядзення археалагічных раскопак і вызначэння характару наяўных тут будаўнічых матэрыялаў. Бліжэй да “храма на дзядзінцы” магутнасць слоя разбурэння дасягае 0,6...0,7 м. У ім выяўлены ў большасці кавалкі плінфы з вапнай, рэдкія знаходкі прадстаўлены цэлымі экзэмплярамі і кавалкамі лекальнай плінфы. Ва ўсіх пералічаных плямах выяўлены фрагменты фрэскавага жывапісу. Канцэнтрацыя жывапісу ў непасрэднай блізкасці да храма больш высокая. На адлегласці больш 10 м трапляюцца толькі рэдкія фрагменты жывапісу. На поўнач ад храма слядоў разбурэння не зафіксавана, тут сустракаюцца толькі адзіночныя кавалкі плінфы. На аснове атрыманых дадзеных вызначаны перыяд разбурэння храма ў межах XVI–XVII стст.

Больш чым за 50 м на поўнач ад “храма на дзядзінцы” быў зафіксаваны развал плінфы, які магчыма аднесці да невядомага мураванага будынка (малюнак 2). Пляма разбурэння лакалізуецца на захад ад сучаснага харча-блока, зафіксавана ў шэрагу будаўнічых траншэй. Памер дадзенай плямы фіксуецца ў межах 40 × 25 м. Прычым на перыферыі распаўсюджання пласта будаўнічага матэрыялу фіксуюцца асобныя плямкі вапны з цэглай памерам у сярэднім 1 × 2 м і магутнасцю 0,1...0,3 м. Бліжэй да цэнтральнай часткі плямы старажытная цэгла з вапнай залягае суцэльным пластом магутнасцю 0,4...0,5 м.

Аналіз плінфы з яе дазволіў вызначыць падабенства параметрычных дадзеных да цэглы з “храма на дзядзінцы”. Буйнафарматныя цагліны маюць памер 30,5...32,0 × 20,0...22,2 × 3,1...4,0 см (у асобных плінфах шырыня можа дасягаць 18,0...19,5 см), а з “храма на дзядзінцы” – 30,0...32,5 × 19,5...21,0 × 3,2...3,3...4,0 см (у асобных плінфах шырыня – 17,5...18,5 см). Дробнафарматная плінфа з плямы разбурэння мае шырыню 14,0–15,0 см, што падобна да цэглы з “храма на дзядзінцы” – 14,0...16,0 см.

² У межах рэалізуемага праекта “Рэстаўрацыя былых карпусоў гарадской бальніцы пад кадэцкае вучылішча”, запланавана, што ў былым тудыспансары будзе размешчаны Цэнтр ваеннай падрыхтоўкі. Рабочая назва будынка – “Цір”.

Малюнак 2. – Лакалізацыя плямаў разбурэння “храма пры могілках” і храма ў заходняй частцы Чырвонай бальніцы

Таксама назіраецца агульнае падабенства і ў лекальнай плінфе з абодвух помнікаў, але характар абпалу мае значнае адрозненне ў колеравай гаме. Асобныя знаходкі плітак падлогі з плямы разбурэння маюць адрозны характар вырабу сярод плітак іншых помнікаў Полацка. Таксама ў будаўнічым смецці былі зафіксаваны рэдкія фрагменты тынкоўкі з фрэскавым жывапісам, аплаўлены свінец і іншыя прадметы царкоўнага прызначэння. Керамічныя матэрыялы з пласта разбурэння прадстаўлены фрагментамі посуду старажытнарускага перыяду. У гарызонтах ніжэй пласта разбурэння залягае кераміка і артэфакты выключна XII–XIII стст. Азначаныя акалічнасці і знаходкі дазваляюць вызначыць прыналежнасць будаўнічых матэрыялаў да асобнага мураванага помніка.

У гэтай жа частцы Верхняга замка былі выяўлены могілкі XI–XIII стст.³ Абагульнена можна засведчыць, што пласт разбурэння храма перакрывае пляму распаўсюджвання пахаванняў, што вызначае яе з’яўленне па завяршэнні функцыянавання могілак, і часткова жылую забудову XI–XII стст. Агульная колькасць выяўленых пахаванняў на могілках перавышае 120 адзінак, пры чым паводле антрапалагічнай экспертызы зафіксавана каля 160 індывідаў⁴. Канцэнтрацыя пахаванняў лакалізуецца бліжэй да паўночна-заходняга кута харчаблока. Тут жа фіксуецца і найбольшая магутнасць пласта з будаўнічым матэрыялам. Могілкі можна прывязаць да мураванага храма, але лакалізаваць дадзены аб’ект вельмі складана, бо маштабныя даследаванні культурнага пласта каля заходняй часткі сучаснага харчаблока не дазволілі выявіць рэштак падмуркаў ці муроўкі сцен. Застаўся невялікі неадследзаны ўчастак, які знаходзіцца ў межах заходняй часткі харчаблока. Толькі тут, на пляцоўцы 20 × 13 м можна лакалізаваць невялікую царкву, якую можна ўмоўна назваць “храм пры могілках”. Сукупнасць сабранай інфармацыі дазваляе прадатаваць перыяд з’яўлення пласта будаўнічага матэрыялу, а значыць і разбурэнне храма, ў межах XIII–XIV стст.

Яшчэ адна пляма разбурэння мураванага будынка была зафіксавана падчас пракладкі траншэй вадаправода і цеплатрасы каля заходняй сцяны так званай Чырвонай бальніцы (гл. малюнак 2). На глыбіні больш 1 м быў зафіксаваны гарызонт, насычаны будаўнічымі матэрыяламі старажытнарускага перыяду магутнасцю 0,3...0,5 м. Падчас работ на дадзеным участку пры пракладцы камунікацый была пацверджана наяўнасць слоя будаўнічага матэрыялу XI–XIII стст. У дадзеным пласце выяўлены фрагменты плінфы з вапнавай рошчынай-цамянкай у вялікай колькасці. Сярод іх не зафіксавана ніводнага цэлага экзemplяра, толькі кавалкі з максімальным памерам ½ цагліны. У рошчыне былі выяўлены кавалкі з загладжанай знешняй паверхняй і фрагменты фрэскавага жывапісу. Калекцыя плінфы прадстаўлена шэрагам лекальных экзemplяраў: плінфа з “зубчыкам”, плінфа з адным закругленым бокам, плінфа трохкутная з доўгім скругленым бокам і інш. Выяўлены фрагменты плінфы са знакамі на тарцах і адзін знак трызубца на пастэлі. Па памерах плінфа адрозніваецца ад вядомых помнікаў горада. Вызначана два фарматы старажытнай цэглы: буйнапамерная – ? × 18,5...21,5(19,0...21,0) × 3,8...4,5 см і дробнапамерная, якая мае шырыню 14,0...15,0 см. Аналіз шэрагу азначаных прыкмет дазваляе вызначыць прыналежнасць будаўнічых матэрыялаў да яшчэ аднаго мураванага помніка старажытнарускага перыяду на Верхнім замку.

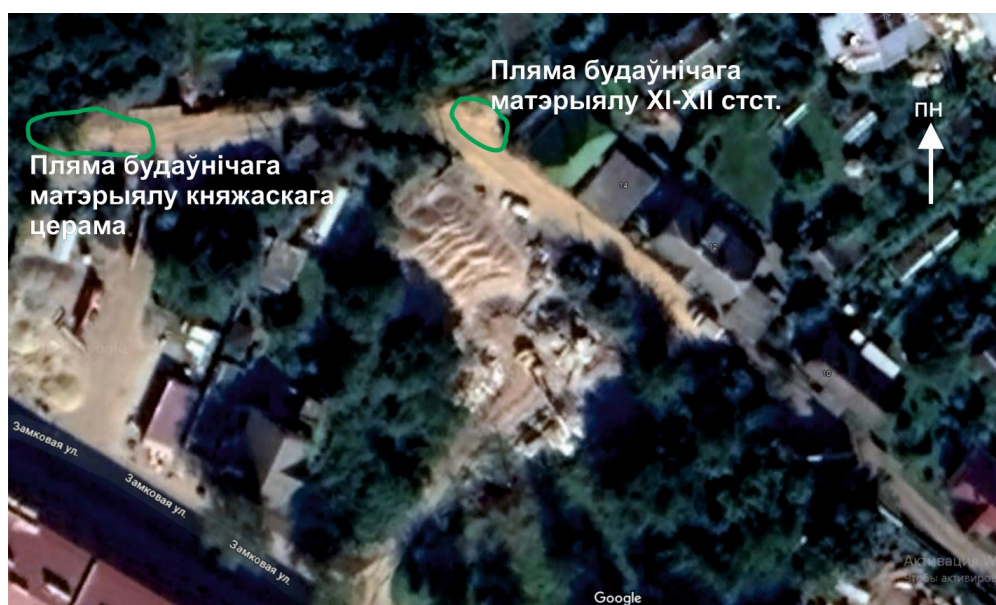
³ З папярэднімі вынікамі археалагічных даследаванняў могілак можна пазнаёміцца ў асобным артыкуле дадзенага зборніка.

⁴ Антрапалагічнае вызначэнне праведзена кандыдатам біялагічных навук, дацэнтам кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай В.А. Емельнічак

Шырокамаштабныя даследаванні на ўчастку каля заходняй сцяны Чырвонай бальніцы і паміж апошняй і харчаблокам не дазволілі зафіксаваць падмуркаў старажытнага будынку. Пляма разбурэння вызначаецца лакальна, а яе плошча дасягае памераў 10×8 м. Між тым, роскід плінфы фіксуецца значна шырэй, на пляцоўцы 40×20 м. Асобныя фрагменты цэглы выяўлены ў траншэях на поўнач ад Чырвонай бальніцы і ў шурфах каля ўсходняй сцяны харчаблока. Пры гэтым назіраецца канцэнтрацыя фрагментаў плінфы і адзіночных цэлых экзэмпляраў ($32,3 \times 21,0 \times 4,0 \dots 4,5$ см) ў шурфах каля паўночна-ўсходняга вугла харчаблока. Зыходзячы з агульных назіранняў, пры пракладцы траншэй можна вызначыць варыянт лакалізацыі храма на поўдзень ад Чырвонай бальніцы, дзе даследаванні не праводзіліся, або ў межах яе падмуркаў, дзе ён цалкам мог быць знішчаны ў пачатку XX ст.

Княжацкі керам з’яўляецца дастаткова вядомым аб’ектам, але яго абмежаваныя даследаванні ў 1970-я гг. пакінулі пытанні аб яго функцыянальным прызначэнні і датаванні. На цяперашні дзень у гістарыяграфіі помнік традыцыйна датуецца XII ст. [5, с. 92].

У ходзе замены каналізацыі па праездзе Замкаваму былі паўторна ўскрыты падмуркі і ніжнія часткі сцен церама. Акрамя гэтага, зафіксавана пляма разбурэння помніка (малюнак 3). У выніку археалагічных прац пацверджаны памеры будынка, якія складаюць $4,7 \times 4,2$ м з прыбудовай з заходняга боку памерам $2,5 \times 2,4$ м.

Малюнак 3. – Месца лакалізацыі і пляма разбурэння княжацкага церама і будынка ў прыватным сектары

У межах будаўнічай траншэі былі выяўлены ніжнія часткі сцен па трасе траншэі, якія прарэзаны пры пракладцы трубы, і паўднёвая сцяна будынка. У ходзе даследаванняў 1976–1977 г. яна не ўскрывалася на ўсю даўжыню. Сцяна складзена з камянёў-валуноў на вапнавай рошчыне. Сярод камянёў бессістэмна прысутнічаюць фрагменты бітай плінфы закладзеныя на рошчыну паміж валунамі. Украпіны бітай цэглы ў вапнавую рошчыну эпизадычныя, сустракаюцца вельмі рэдка і кавалкі бітай цэглы маюць вялікія памеры да 0,7 см. Пляма разбурэння помніка дасягае ў даўжыню 10 м у заходнім накірунку ад церама па трасе траншэі. Магутнасць пласта дасягае 0,2–0,3 м на глыбіні ад 0,6 да 1,1 м. У пласце разбурэння прысутнічаюць як асобныя фрагменты плінфы (не больш палавінчатых кавалкаў), вапнавая рошчына і камяні-валуны памерам да 0,5 м. На ўсход ад помніка слой разбурэння амаль што не фіксуецца. Па трасе траншэі ён вызначаны на даўжыню не больш 2 м. Археалагічныя знаходкі з помніка прадстаўлены фрагментамі керамікі. Посуд пераважна датуецца XVI–XVII стст., у невялікай колькасці выяўлены посуд старажытнарускага перыяду. Сярод знаходак з запаўнення церама вылучаецца фларэнцкі лічыльны жэтон XIV–XV стст. Можна вызначыць падабенства сабранай старажытнай цэглы з церама з дробнафарматнай плінфай з “храма на дзядзінцы” і “храма пры могілках”. Такі ж тэзіс прапаноўвае і П.А. Рапапорт [5, с. 92].

Невялікая пляма будаўнічага матэрыялу мураванага помніка старажытнарускага часу была зафіксавана ў траншэі фекальнай каналізацыі побач з прыватным домам № 14 па Замкавым праездзе (гл. малюнак 3). Траншэя пралягала па трасе вуліцы амаль на ўсю яе даўжыню, але пляма будаўнічага матэрыялу зафіксавана эпизадычна. Пласт залягаў на глыбіні больш 1,0 м і меў магутнасць 0,2–0,3 м, пры чым ніжняя адметка залягання пласта не зафіксавана. Улічваючы, што траншэя каналізацыі прайшла па трасе старой траншэі, то азначаная пляма будаўнічага матэрыялу была парушана яшчэ ў 1970-я гг. Падчас прац ў 2022 г. сляды плямы разбурэння былі выяўлены амаль цалкам у сценцы траншэі на даўжыню не больш 1,2 м. Такім чынам, у межах траншэі патрапіў толькі край плямы разбурэння.

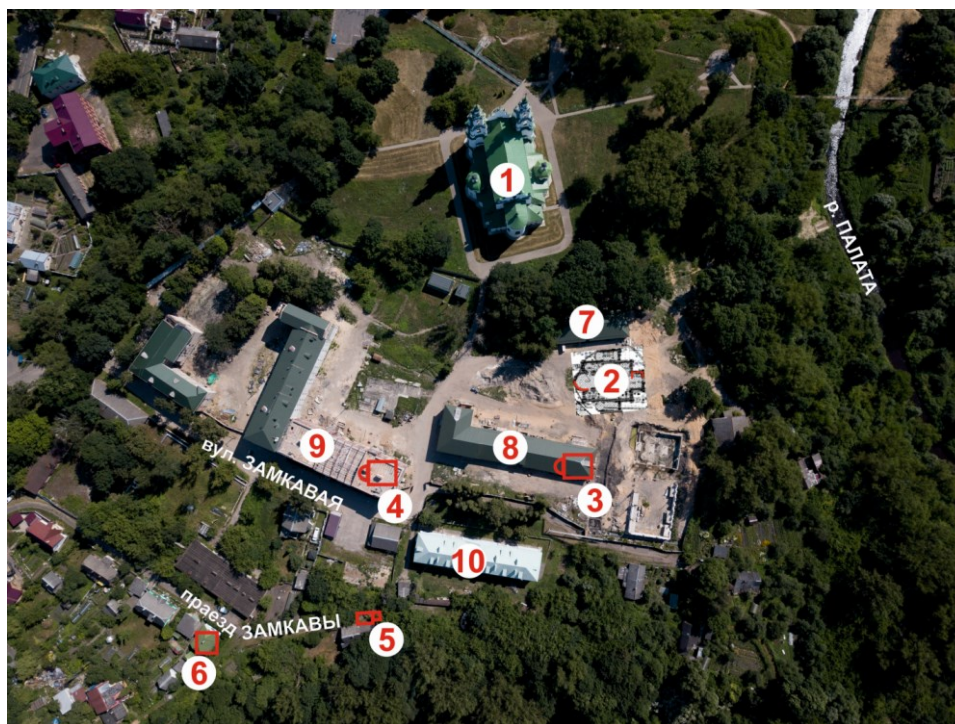
Суправаджальныя археалагічныя знаходкі прадстаўлены шырокім дыяпазінам артэфактаў перыяду XI–XIX стст. Распаўсюджанне плямы зафіксавана ў накірунку на паўночны ўсход. Артэфакты з плямы разбурэння прадстаўлены

дробнымі фрагментамі плінфы і вапнавай рошчынай. Выяўлена толькі два кавалкі старажытнай цэглы на поўную шырыню. Невялікі збор плінфы не дазваляе вызначыць асаблівасці ў яе вытворчасці і выкарыстанні.

На сённяшні дзень нельга з дакладнай упэўненасцю сцвярджаць, што пляма разбурэння з’яўляецца рэшткамі яшчэ аднаго мураванага будынка старажытнарускага перыяду. Тым не менш, улічваючы аддаленасць азначанага месца ад вядомых мураваных помнікаў і іншых слядоў разбурэння, а таксама магутнасць слоя разбурэння можна дапусціць, што тут быў яшчэ адзін помнік полацкай архітэктуры. Дадзенае месца вельмі перспектыўнае для археалагічных раскопак, але наяўнасць тут межаў прыватнага ўчастка перашкаджае правядзенню шырокіх даследаванняў.

Высновы. Такім чынам, дзякуючы маштабным выратавальным археалагічным даследаванням на Верхнім замку Полацка былі атрыманы новыя даныя па гісторыі полацкага дойлідства XI–XIII стст. У ходзе прац была ўдакладнена інфармацыя адносна планіроўкі, памераў і характару разбурэння “храма на дзядзіцы”, вызначаны ступень захаванасці падмуркаў і канструктыўныя асаблівасці княжацкага церама. Падчас даследаванняў былі таксама выяўлены тры плямы разбурэння мураваных будынкаў старажытнарускага часу, дзве з якіх дазволілі прыблізна лакалізаваць невядомыя да гэтага часу храмы. Наяўнасць вялікага аб’ёму прамакутнай плінфы, разнастайнай цэглы лекальнай формы, плітак падлогі, фрагменты фрэскавага жывапісу даюць падставы сцвярджаць аб наяўнасці на Верхнім замку яшчэ мінімум двух мураваных помнікаў.

Такім чынам, на Верхнім замку Полацка на сённяшні дзень налічваецца, як мінімум, чатыры мураваныя храмы і княжацкі церам (малюнак 4). Далейшыя даследаванні дазваляць больш дэталёва вывучыць азначаныя аб’екты, а таксама выявіць новыя помнікі старажытнарускай архітэктуры.

1 – Сафійскі сабор; 2 – “храм на дзядзіцы”; 3 – мяркуемы “храм пры могілках”; 4 – мяркуемы храм у заходняй частцы Чырвонай бальніцы; 5 – княжаскі церам; 6 – мяркуемы мураваны будынак у прыватным сектары; 7 – цір; 8 – харчаблок; 9 – будынак музея (былая Чырвоная бальніца); 10 – правіанцкія склады

Малюнак 4. – Фотаздымак будаўнічай пляцоўкі з дрона (аўтар П. Касарэўская) з пазначэннем вядомых і мяркуемых помнікаў ахітэктуры старажытнарускага часу і рэканструіруемых аб’ектаў

ЛІТАРАТУРА

1. Воронин Н.Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII века) // Архитектурное наследство. – М., 1956. – Вып. 6. – С. 3–20.
2. Каргер М.К. К истории Полоцкого зодчества XII в. (руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. – М.: МГУ, 1972. – С. 202–209.
3. Начальный этап новых исследований Верхнего замка Полоцка (2018–2020 гг.) / О.Н. Левко, И.В. Магалинский, П.М. Кенько, А.Л. Коц, В.В. Черевко, А.А. Соловьев, Л.Г. Калбеко // Беларуская Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждyscyплінарных даследаванняў: зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк: Полац. дзярж. ун-т, 2021. – С. 48–60.

4. Раппопорт П.А. Архитектура Древней Руси и археология // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1982. – Вып. 172. – С. 3–9.
5. Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. Дворец в Полоцке // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1981. – Вып. 164. – С. 91–99.

Паступіў 14.04.2023

СЛЕДЫ РАЗРУШЕНИЯ КАМЕННЫХ ПОСТРОЕК XI–XIII вв. НА ВЕРХНЕМ ЗАМКЕ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКА

А.Л. КОЦ, И.В. МАГАЛИНСКИЙ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

П.М. КЕНЬКО

(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье представлены результаты археологических исследований следов разрушения памятников каменной архитектуры XI–XIII вв. на территории Верхнего замка Полоцка, которые были обнаружены в ходе строительных работ в 2019–2022 гг. Авторы отмечают, что в ходе археологических работ были локализованы места разрушения «храма на детинце» и «княжеского терема», а также три места с развалом строительного материала, которые можно отнести к неизвестным каменным постройкам. В статье представлены характер залегания строительных материалов в культурном слое, их местонахождение, характеристика находок с мест разрушения и др. Сделан вывод о том, что, кроме собора Святой Софии, «храма на детинце» и княжеского терема на Верхнем замке могли располагаться еще два каменных храма и одно здание неопределенного назначения. Одна церковь расположена авторами рядом с кладбищем XI–XIII вв., которое было обнаружено и исследовано в северо-западной части Верхнего замка, второй храм мог располагаться у западной стены Красной больницы, а третий памятник зафиксирован в частном секторе в северо-восточной части замка.

Ключевые слова: археология Беларуси, каменные памятники, храм, церковь, княжеский терем, материальная культура, строительный материал, топография Полоцка.

SIGNS OF DESTRUCTION OF STONE ARCHITECTURE IN THE TERRITORY OF THE UPPER CASTLE IN POLOTSK IN THE 11th – 13th CENTURIES

A. KOTS, I. MAHALINSKI

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

P. KENKO

(The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article presents the results of archaeological research on signs of destruction of stone architecture in the territory of the Upper Castle in Polotsk in the 11th–13th centuries. These signs were discovered during the restoration works in 2019–2022. There were found places where the “temple on the Upper Castle” and the “princely house” were destroyed. Three previously unknown sites with construction material were also found. The article concludes that in addition to the three known monuments on the Upper Castle, there could have been two more churches and one building of undetermined purpose. One church was located near the cemetery of the 11th–13th centuries. It was discovered and investigated in the north-western part of the Upper Castle. The second temple was located near the western wall of the Red Hospital. The third monument was found in the private sector in the northern part of the Castle.

Keywords: archeology of Belarus, stone architecture, temple, church, princely house, building material, topography of city Polotsk.

УДК 903.2.02(476.4)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-19-25

ПОЯСКОВЫЕ (ПОЯСОВЫЕ) ИЗРАЗЦЫ МОГИЛЕВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

канд. ист. наук Н.П. ШУТКОВА

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5535-3378>

В статье рассматриваются типология и хронология поясковых (поясовых) печных изразцов с территории Могилевского Поднепровья. Работа основывается на анализе пластинчатых печных изразцов XVI – XVIII вв. из Барколабова, Быхова, Кричева, Могилева, Мстиславля, Радомли, Славгорода и Шклова. Данные материалы позволили выделить достаточно устойчивые по морфологии, хронологии и технологии изготовления группы. Среди всего комплекса материала выделены два типа поясковых изразцов, которые в свою очередь разделены на варианты в зависимости от формы лицевой пластины. В работе рассмотрены орнаментальные мотивы, использовавшиеся для декора лицевых пластин, и хронологические рамки использования вариантов изразцов в системе печного набора.

Ключевые слова: архитектурно-декоративная керамика, пластинчатый печной изразец, поясковый (поясовый) изразец, типология, хронология.

Введение. Печные изразцы являются достаточно массовой категорией находок, получаемых при археологических раскопках и работах, однако им всегда уделяется меньше внимания, чем другим, более редким и ценным, артефактам, что делает данное направление актуальным для исследования. Изразцы как источник для изучения материальной культуры вводятся в науку на очень разном уровне обработки и анализа, что не позволяет в ряде случаев сопоставить материалы по ряду критериев. Вся совокупность публикаций о белорусских изразцах может быть условно разделена на 7 проблемных групп в зависимости от критериев, используемых исследователями при анализе материала [1, с. 141–151].

Цель представленного исследования – изучение типологии и хронологии поясковых (поясовых) изразцов территории Могилевского Поднепровья. Работа основывается на анализе материала из Барколабова (Быховский район), Быхова, Кричева, Могилева, Мстиславля, Радомли, Славгорода и Шклова¹. Технология изготовления данной категории археологического материала в статье не рассматривается, поскольку требует отдельной объемной публикации. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала использования поясковых (поясовых) изразцов в составе печных наборов региона (конец XVI в.) до конца XVIII в. Цель исследования достигается через решение ряда задач: осуществление выборки поясковых (поясовых) изразцов из комплекса регионального изразцового материала; разработка типологии материала, основанной на морфологических и технологических показателях; определение хронологических рамок использования разных категорий поясковых (поясовых) изразцов в составе печных наборов.

Основная часть. Печные изразцы («кафля») представляют собой изделия из керамики, облицовывавшие печи помещений разного назначения. Поясковые (поясовые) изразцы входили в состав печного набора в качестве структурного элемента и элемента декора. Общая типологическая классификация пластинчатых изразцов региона приводилась нами ранее² [2, с. 18]. Здесь следует отметить, что поясковые (поясовые) (В) изразцы относятся к пластинчатым изразцам (Р), облицовывавшим печи типа 1 (I) (ими оформляли ярус печи или печь с прямыми углами) и типа 2 (II) (ярус печи или печь, по форме близкие цилиндру) (рисунки 1, 2).

Поясковые (поясовые) изразцы типа 1 (PIB) (см. рисунок 1).

Такие изразцы имеют высоту лицевой пластины примерно $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ от высоты стенных изразцов печного набора. Поясковые изразцы не меняли ярусность печи, однако могли менять ее объем. В зависимости от формы изгиба лицевой пластины выделены три варианта поясковых изразцов.

Вариант 1. Лицевая пластина изразца слегка вогнута внутрь (рисунок 3: 1–9). Хронологически соотносятся с материалами конца XVI – первой половины XVII в. В качестве основного элемента декора лицевой пластины использовались рельефные зооморфные изображения. Изразцы этого варианта представлены в коллекциях археологического материала из Могилева, Мстиславля и Кричева. Могилевские материалы (рисунок 3: 1–5) по стратиграфии слоя датируются концом XVI – начала XVII в.³ Такие же хронологические рамки использования охватывают изразцы Замковой горы Кричева [3, №53-54; 4, с. 79, рис. 69: 1, 4].

¹ Автор выражает благодарность И.А. Марзалюку, О.А. Трусову за возможность работы с отчетами полевых исследований и материалами археологических исследований. В статье также использованы материалы археологических раскопок М.А. Ткачева, О.Н. Левко.

² Шуткова Н.П. Изразцовые печные наборы XV – XVIII вв. с территории Могилевского Поднепровья и Посожья (технология изготовления, типология, хронология). Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Могилев, 2017. – С. 10–14.

³ Марзалюк І.А. Справаздача аб архітэктурна-археалагічных даследаваннях будынка па вул. Ленінскай № 4 г. Магілёва ў 1994 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 1537. – С. 10; Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у гістарычнай частцы г. Магілёва (Замчышча, Пакроўскі пасад) у маі-верасні 1993 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 1475. – С. 24-25, Арх. 18:1.

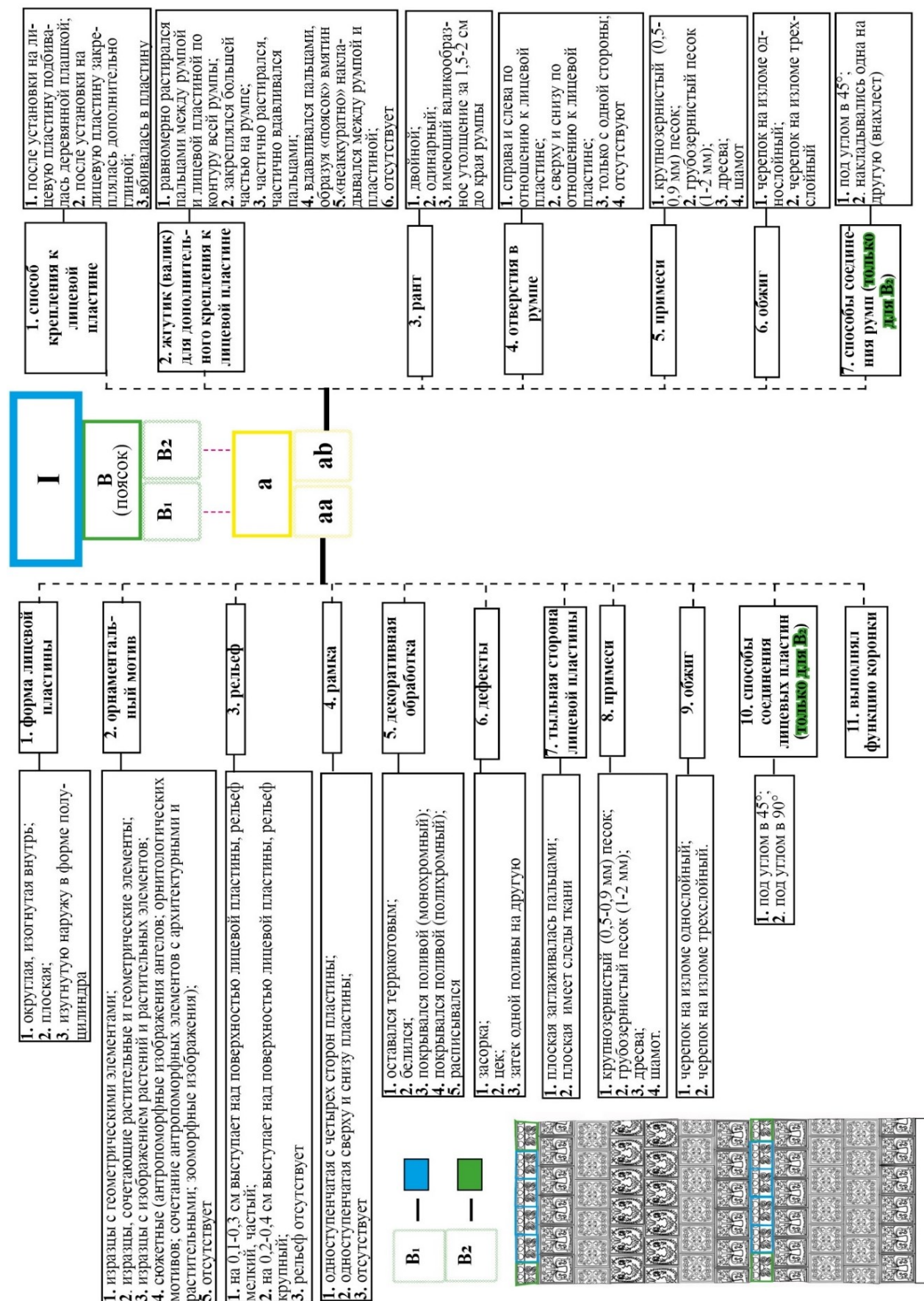

Рисунок 1. – Типологическая схема для описания поясковых (поясовых) изразцов типа 1

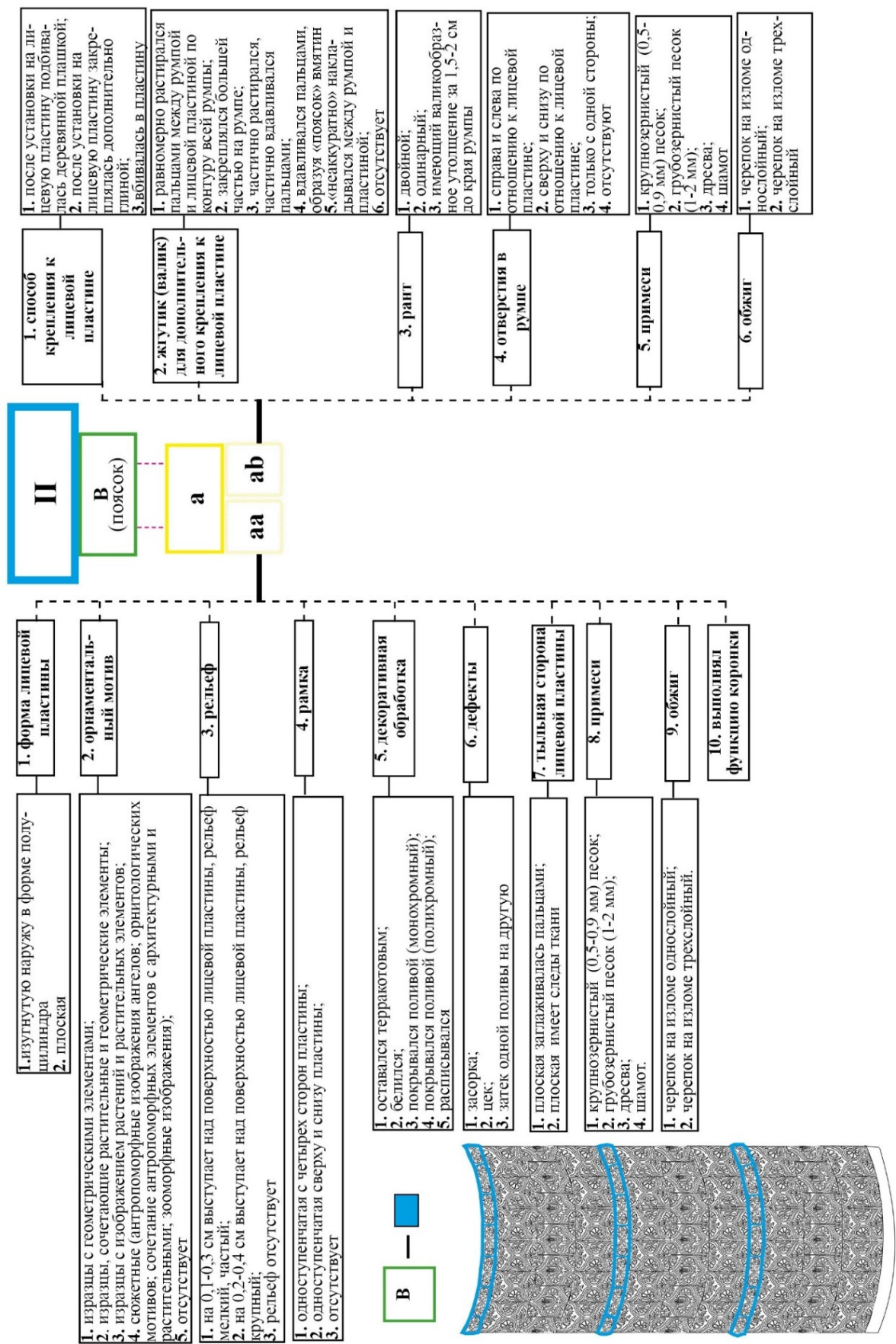
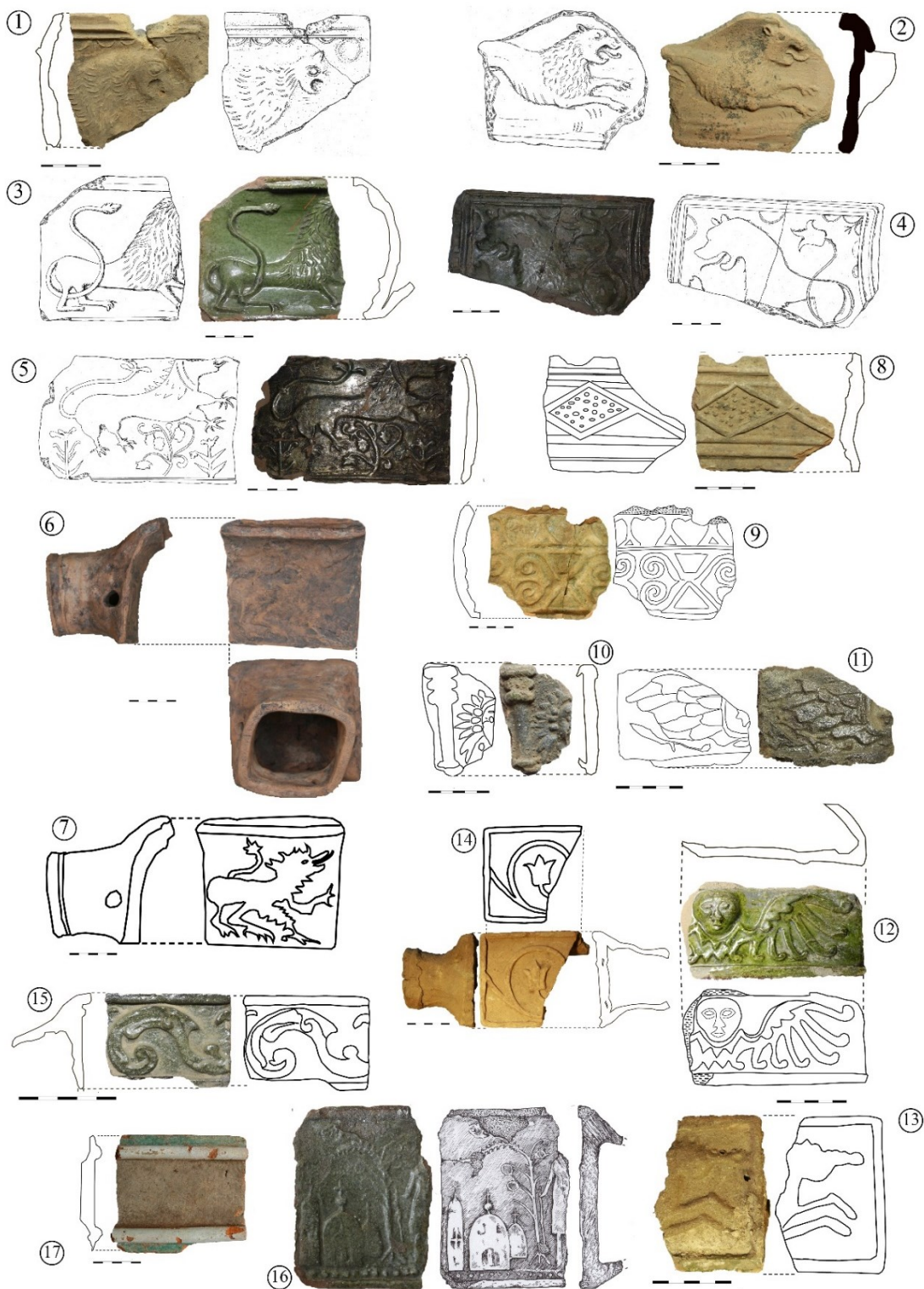

Рисунок 2. – Типологическая схема для описания поясковых (поясовых) изразцов типа 2

1–9 – изразцы тип 1 вариант 1 (1 – Могилев, Музей истории Могилева (далее – МИМ) КП 1603/3; 2 – Могилев, МИМ КП 1603/5; 3 – Могилев, Могилевский областной художественный музей имени П.В. Масленикова (далее – МОХМ) НВ 1/221; 4 – Могилев, МИМ КП 313; 5 – Могилев, МИМ КП 3454; 6–7 – Мстиславль, фондохранилище археологической лаборатории имени В.Ф. Копыгина МГУ имени А.А. Кулешова (далее – ФАЛ); 8 – Могилев, МИМ КП 1957; 9 – Баркалабово, ФАЛ, 2008 г. инд. № 250);

10–17 – изразцы тип 1 вариант 2 (10 – Мстиславль, Мстиславский районный историко-археологического музей (далее – МРИАМ) НВ 663; 11 – Могилев, 2014 г., ФАЛ инд. № 221; 12 – Могилев, МИМ КП 1069; 13 – Мстиславль, МРИАМ НВ 701/1-2; 14 – Мстиславль, МРИАМ НВ 380; 15 – Могилев, ФАЛ, 2013, инд. №63; 16 – Кричев, ФАЛ, аудитория 404, экспозиция; 17 – Шклов, Шкловскловский районный историко-краеведческий музей, 2005 г. инд. № 818)

Рисунок 3. – Поясковые (поясовые) изразцы. Тип 1 (варианты 1 – 2). Фото автора

Мстиславские изразцы с аналогичным сюжетом Л.В. Алексеевым были датированы первой половиной – серединой XVII в. [5, с. 288, рис. 89]. Археологические раскопки И.А. Марзалюка в 2016 г. на территории Замковой горы позволили сдвинуть датировку начала использования данных изразцов (к. XVI – первая половина XVII в.). Найденные изразцы выполняли функцию коронок, т.е. логически завершали верх печи (рисунок 3: 6–7). Их верхняя часть имела чрезмерный изгиб пластины, не позволяющий вплотную над ним поставить еще одно изделие. В качестве аналога можно привести печь из Любика, имевшую близкое по морфологическим показателям завершение [6, Рис. II.23].

Пояски варианта 1 среди Полоцких материалов датируются концом XVI – началом XVII в. Интересен тот факт, что некоторые изделия крепились в печи с помощью горизонтального шипа [7, с. 42, мал. 2: 3]. Украинские изразцы с таким рельефным изображением отнесены Л.И. Виногородской к геральдическим и хронологически соотносятся с материалами конца XVI – начала XVII в. [8, с. 443–444]. Найденны изделия в Новгород-Северском и Киеве [9, рис. 9: 2, 6, рис. 70: 1]. На некоторых польских стенных изразцах второй четверти XV в. изображение льва морфологически и изобразительно идентично изображениям на поясковых изразцах Могилевского Поднепровья [10, il. 193]. Такая же тенденция наблюдается среди стенных изразцов Трансильвании и Баната (Румыния) [11, Plansa 63]. Единичными являются находки изразцов данного варианта с другими орнаментальными мотивами. Так, поясok с сочетанием геометрических (рисунок 3: 8) элементов встречен в Могилеве (подъемный материал), геометрических и растительных элементов – в комплексе печи первой половины XVII в. из Барколабова (рисунок 3: 9)⁴. Лицевая пластина изразцов оставалась терракотовой или покрывалась зеленой поливой. В качестве крепежного элемента в системе печи у всех изразцов использовалась румпа.

Вариант 2. Лицевая пластина не имеет изгиба (плоская) (рисунок 3: 10–17; рисунок 4: 1–4). Изразцы встречаются в комплексе материалов XVII – XVIII вв. Для декора изразцов использовались следующие рельефные орнаментальные мотивы:

– зооморфные существа (рисунок 3: 13) [4, с. 79, рис. 69:4; 3, № 95]. Основная масса артефактов приходится на XVII в.;

– разного рода растения (рисунок 3: 14–15; рисунок 4: 1–3). Такой орнаментальный сюжет является самым распространенным. Он широко использовался на протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII в.⁵;

– антропоморфные изображения религиозного характера (рисунок 3: 10–12). Материалы середины – второй половины XVII в.⁶ [12, с. 240–243];

– уникальная находка с изображением храма, святого и дерева жизни, или познания добра и зла (рисунок 3: 16). Изразец является случайной находкой. По технологии изготовления, морфологическим показателем может быть датирован серединой – второй половиной XVII в. [13, с. 222–224];

– геометрические элементы. Среди шкловских материалов XVIII в. встречены пояски только с двумя рельефными параллельными линиями, остальная часть изделия плоская (рисунок 3: 17).

Кроме рельефного декора лицевые пластины таких изразцов могли покрываться зеленой поливой или поливами нескольких цветов. Все изделия имеют румпу в качестве крепежного элемента.

Расписные безрельфные изразцы варианта 2 единичны. В качестве примера можно привести могилевский изразец XVIII в. с изображением орнитологического сюжетного рисунка (рисунок 4: 4)⁷.

Вариант 3. Лицевая пластина этого варианта поясковых (поясовых) изразцов дугообразно выгнута наружу (рисунок 4: 5–10). Хронологические рамки их использования в печных наборах приходятся на вторую половину XVII – XVIII в. По орнаментальному мотиву на лицевых пластинах выделены рельефные и безрельфные изделия. В качестве основных орнаментов мастера использовали «рыбы чешуйки» (рисунок 4: 10) и растительные элементы (рисунок 4: 5–9). Основная масса изразцов с рельефным изображением приходится на печные наборы второй половины XVII в. – первой половины XVIII в. Безрельфные изразцы данного варианта использовались в печных наборах на протяжении XVIII в.⁸ Их лицевая пластина могла покрываться зеленой, коричневой поливой или поливами нескольких цветов. В качестве крепежного элемента в системе печи выступала румпа (рисунок 4: 8, 10).

⁴ Марзалюк І. А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Ускрыццё контура Свята-Іаана-Прадцечанскай царквы Свята-Узнясенскага жаночага манастыра» у вёсцы Баркалабава Быхаўскага раёна ў 2008 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2591. – С. 13–15.

⁵ Трусов О.А. Археологический отчет о проведении археологических раскопок в г. Мстиславле в августе–сентябре 1984 г. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 878г. – Кн.1. – С. 65; Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Адміністрацыйны будынак Магілёўскага ўпраўлення ФСАН з убудавана-прыбудаваным памяшканнем па вуліцы Першамайскай са зносам будынка фатаграфіі па завулку 1-му Крутому № 3 з добраўпарадкаваннем прылеглай тэрыторыі» у 2012 годзе // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2994. – Табліца 61:1; 33, Мал. 11:1.

⁶ Марзалюк І.А. Реканструкцыя с рэстаўрацыяй драматэатра в г. Могілёве в 1992 г.: археолог. ісслед. // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 1413. – Кн. 2–3, Фото 38.

⁷ Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Пабудова адміністрацыйна-гандлёвага прызначэння» па вул. Ленінскай, 9 з добраўпарадкаваннем прылеглай тэрыторыі ў г. Магілёве ў 2009 годзе // Дамова Інстытута гісторыі НАН Беларусі з ААТ «Велес-К» ад 9 сакавіка 2009 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2649. – С. 14, Рис. 23:1.

⁸ Марзалюк І.А. Справаздача аб археалагічным наглядзе на аб'екце «Рэканструкцыя падвальнага памяшкання па вул. Ленінскай, 29 пад краму не прадуктовай групы тавараў з добраўпарадкаваннем прылеглай тэрыторыі 100 кв.м» у г. Магілёве ў 2009 годзе // Дамова Інстытута гісторыі НАН Беларусі з ААТ «Бел-Рос» ад 3 мая 2009 г. / ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. – Арх. № 2650. – Фота 20.

1-4 – изразцы тип 1, вариант 2 (1-2 – Могилев, ФАЛ, 2014 г., инд. № 6, № 214; 3 – Могилев, МИМ КП 1030; 4 – Могилев, МИМ КП 005459);

5-10 – изразцы тип 1, вариант 3 (5, 7 – Могилев, МИМ КП 1051, КП 1051; 6, 8 – Могилев, ФАЛ, 2009 г., инд. № 73-74; 9 – Могилев, МИМ, 1993 г., инд. № 43; 10 – Могилев, МИМ, 1992 г., инд. № 45);

11 – изразец тип 2, вариант 3 (Могилев, МИМ КП 1048)

Рисунок 4. – Поясковые (поясовые) изразцы. Тип 1 (варианты 2 – 3) и тип 2 (вариант 3). Фото автора

Поясковые (поясовые) изразцы типа 2 (РПВ) (см. рисунок 2).

Изразцы типа 2 являются редкой находкой среди всех категорий изразцового материала. Поясковые (поясовые) изразцы этого типа, варианта 3 встречаются только в коллекциях изразцового материала с территории Покровского посада города Могилева (рисунок 4: 11). Размеры лицевой пластины – 20 × 9 см. Изделие имеет рельефный (0,2 – 0,3 см) растительный орнамент. Крепежный элемент не сохранился. Изразец входил в комплекс печного набора со стенными изразцами, что позволяет датировать его второй половиной XVII – началом XVIII в. Вариант реконструкции данного печного набора опубликован нами ранее [14, с. 223–226].

Заключение. Таким образом, анализ изразцового материала с территории Могилевского Поднепровья позволил определить, что все пояски коллекций укладываются в два типа и три варианта в зависимости от формы изгиба лицевой пластины. Основную массу поясковых (поясовых) изразцов коллекций составляет тип 1. Изразцы типа 1 варианта 1 имеют слегка вогнутую внутрь лицевую пластину. В качестве основного сюжета использовались зооморфные изображения. Такие изображения получили широкое распространение на территории ВКЛ и Королевства Польского,

что свидетельствует об изначальном копировании этих изображений мастерами-изразечниками. Геометрические, растительные или сочетание геометрических и растительных элементов на лицевых пластинах этого варианта изразцов встречаются очень редко. Использовались в декоре печей конца XVI – первой половины XVII в. Лицевая пластина изразцов варианта 2 не имеет изгиба (плоская). Изразцы встречаются в комплексе материалов XVII – XVIII вв. Орнаментальные мотивы данных изделий более разнообразны, чем варианта 1, что говорит о местных интерпретациях орнаментальных сюжетов. Встречены также расписные изразцы. Изразцы варианта 3 имеют дугообразно выгнутую наружу лицевую пластину. Хронологические рамки их использования – вторая половина XVII – XVIII в. По орнаментальному мотиву на лицевых пластинах выделены рельефные (растительные элементы, «рыбы чешуйки») и безрельефные изделия. Поясковые изразцы типа 2 представлены только одним вариантом (вариант 3), использовавшимся в печном наборе второй половины XVII – начала XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шуткова Н.П. Изучение печных изразцов с территории Беларуси в трудах ученых конца XIX – начала XXI в. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2016. – Вып. 27: Вынікі даследаванняў першабытных і сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. – С. 141–151
2. Шуткова Н.П. Стенные изразцы с изображением «букета в вазе» с территории Могилевского Поднепровья // The Scientific Heritage, Global Science Center LP. – 2021. – № 60-5. – С. 16–36.
3. Беларуская кафля: [альбом-каталог] / аўт.-склад.: В.Е.Собаль, М.А.Ткачоў, А.А.Трусаў. – Мінск: [б. в.], 1989. – 161 с.
4. Трусаў А.А. Беларускае кафлярства. – Мінск: Бел. ін-т праблем культуры, 1993. – 55 с.
5. Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. ; Ин-т археологии РАН. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – 289 с.
6. Majewski M. Renesansowe kafle zachodniopomorskie: studium z historii ogrzewania wnętrz mieszkalnych. – Stargard; Szczecin: Muzeum Archeologiczno-Historyczne, 2015. – 333 s.
7. Дук Д.У. Полацкая кафля XIV – сярэдзіны XVI стст. // Гіст.-археал. зб. – 2001. – № 16. – С. 167–173.
8. Виногородська Л.І. Орнаментальні мотиви на українських рельєфних изразцях XVI – XVII століть // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – 2007. – Вип. 16 – С. 439–448.
9. Виногородська Л.І. Кахлі Середнього Подніпров'я XIV – середини XVIII ст.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06. – Київ, 1993. – 265 с.
10. Janiak T. Kafle gotyckie w zbiorach Muzeum Początków Państwa Polskiego w Gnieźnie. – Gniezno: Muzeum Początków Państwa Polskiego w Gnieźnie, 2003. – 108 s.
11. Marcu Istrate D. Cahle din Transilvania și Banat de la începuturi până la 1700; Complexul Muzeal Județa-Nășăud. – Accent, 2004. – 536 s.
12. Шуткова Н.П. Антропоморфные религиозные изображения на поясковых изразцах и изразцах-коронках с территории Могилевского Поднепровья // Религия и общество – 16: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко и др. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2022. – С. 240–243.
13. Шуткова Н.П. Печной изразец с изображением храма из Кричева // Религия и общество – 12: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2018. – С. 222–224.
14. Шуткова Н.П. Реконструкция печного изразцового набора второй половины XVII – начала XVIII в. с территории Покровского посада г. Могилева // Российско-белорусское пограничье: языковые и социокультурные аспекты взаимодействия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Беларус.-Рос. ун-т; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред). – Могилев: Беларус.-Рос. ун-т, 2021. – С. 223–226.

Поступила 18.01.2023

BELT STOVE TILES OF THE MOGILEV DNIPER REGION

N. SHUTKOVA

(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article deals with the typology and chronology of belt stove tiles from the territory of the Mogilev Dnieper region. The work is based on the analysis of belt stove tiles of the 16th – 18th centuries from Barkolabova, Bykhov, Krichev, Mogilev, Mstislavl, Radomlya, Slavgorod and Shklov. These materials made it possible to identify groups that are quite stable in terms of morphology, chronology, and manufacturing technology. Among the entire complex of material, two types of belt tiles are distinguished, which, in turn, are divided into variants depending on the shape of the front plate. The paper considers the ornamental motifs used to decorate the front plates, and the chronological time limit for the use of tile variants in the stove set system.

Keywords: architectural and decorative ceramics, belt stove tile, typology, chronology.

УДК 904:739.1(476.5-21)"14/18"

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-26-29

**ТЭХНАЛОГІЯ ВЫТВОРЧАСЦІ ВЫРАБАЎ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ XIV–XVIII стст.
З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ¹**

канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)

У артыкуле прадстаўлены вынікі вывучэння структуры вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі. Аўтарам устаноўлена, што ў каляровай металаапрацоўцы рэгіёна асноўнымі тэхналагічнымі аперацыямі з’яўлялася фармуючая халодная коўка (44% выбаркі), а таксама ліццё і халодная касметычная коўка (28% выбаркі). Выяўлена, што большая частка артэфактаў пасля адліўкі дапрацоўвалася для ліквідацыі заганаў ліцця і нанясення дэкару. Пры гэтым фінальная механічная дапрацоўка часта суправаджалася адпаламі для зняцця напружвання металу і надання яму большай пласцічнасці.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археаметалургія.

Уводзіны. Важнай часткай комплекснага падыходу да даследавання вырабаў з каляровых металаў з’яўляецца металаграфічны аналіз, які прадугледжвае вывучэнне макра- і мікраструктуры металаў і сплаваў з дапамогай візуальнага назірання пры розных павелічэннях [1, с. 99; 2, с. 157].

Да цяперашняга часу ў беларускай археалогіі для вывучэння тэхналогіі вытворчасці вырабаў з каляровых металаў металаграфічны метад не выкарыстоўваўся. Дадзеную акалічнасць трэба звязваць з працаёмкасцю даследавання, адсутнасцю ў археолагаў доступу да спецыялізаванага сучаснага абсталявання, а таксама спецыфікай метаду, выкарыстанне якога прадугледжвае частковае пашкоджанне аб’екта вывучэння для атрымання прыдатнага для аналізу абразца.

Метадалагічныя асновы даследавання структуры старажытных вырабаў з каляровых металаў распрацаваны Н.В. Рындзінай для металаапрацоўкі эпохі энеаліту фракійска-ніжнедунайскага рэгіёна [3, с. 121]. Матрычная класіфікацыя, прапанаваная даследчыцай, адрозніваецца ўніверсальнасцю і магчымасцю яе прымянення для даследавання каляровага металу і іншых эпох [4, с. 145; 5, с. 212]. Для вызначэння тэхналогіі апрацоўкі каляровых металаў у працы выкарыстоўваецца тэрмін “тэхналагічная схема”, пад якім разумею сукупнасць асноўных прыёмаў вытворчасці рэчаў з улікам іх паслядоўнасці і тэмператур выканання [4, с. 145].

Асноўная частка. Вывучэнне структуры вырабаў з каляровых металаў праводзілася ў лабараторыі матэрыялазнаўства Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай і складалася з некалькіх этапаў: 1) адбор прадметаў для аналізу; 2) выразка абразца; 3) падрыхтоўка абразца; 4) назіранне структуры з фотафіксацыяй; 5) даследаванне мікрацвёрдасці; 6) аналіз атрыманых даных з дапамогай праграмнага комплексу Microsoft Access².

Выразка абразцоў праводзілася на адрэзным станку MECATOME T201A пры дапамозе адрэзнага круга з алмазным напыленнем. Для большасці прадметаў рабіліся папярочныя зрэзы, што абумоўлена неабходнасцю захаваць максімальную цэласнасць прадметаў. Для некаторых вырабаў даследаваліся адначасова прадольныя і папярочныя зрэзы, што дазволіла выявіць складаныя моцнадэфармаваныя структуры. Трэці этап працы пачынаўся з заліўкі атрыманых абразцоў у палімерную смалу, якая хутка засыхае і не ўздзейнічае на структуру металу. У адзін шліф залівалася ад 3 да 20 абразцоў. Наступная частка падрыхтоўкі шліфа звязана з першапачатковай механічнай шліфоўкай на шліфавальна-паліравальнай машыне MECAPOL P262 з хуткасцю 200–500 аб./хв. Для шліфоўкі выкарыстоўвалася шліфавальная папера з зярністасцю P240, P320, P400, P800 і P1000. У працэсе першаснай шліфоўкі абразіў пастаянна змочваўся вадой для недапушчэння дэфармацыі структуры. Канчатковая паліроўка шліфоў праводзілася на паліравальным крузе з хуткасцю 200–500 аб./хв., які перыядычна змочваўся адмысловай паліравальнай вадкасцю з абразівам памерам 3 мкм. Завяршаючай часткай падрыхтоўкі абразцоў з’яўлялася іх траўленне спецыялізаванымі хімічнымі растворамі для выяўлення структуры металу. У якасці травіцеляў выкарыстоўваўся раствор хромпіка ў сернай кіслаце ($\text{Ca}_2\text{Cr}_2\text{O}_7 + \text{H}_2\text{SO}_4$), аміячны раствор хлоркавай медзі ($\text{CuCl}_2 + \text{H}_2\text{O} + \text{NH}_3$), а таксама салянакіслы раствор хлоркавага жалеза ($\text{FeCl}_3 + \text{NH}_3$).

Назіранне мікраструктуры абразцоў праводзілася ў два этапы з наступным фатаграфаваннем. Першы этап звязаны з назіраннем паверхні абразца да траўлення для выяўлення дэфектаў ліцця, усадчаных ракавін, эўтэктчных уключэнняў, а таксама наяўнасці і глыбіні пранікнення карозіі. Другі этап звязаны з фіксацыяй траўленых структур. Назіранне праводзілася пры дапамозе металаграфічнага мікраскопа NICON MODEL EPIPHOT 200 пры павелічэннях $\times 50$, $\times 100$ і $\times 200$.

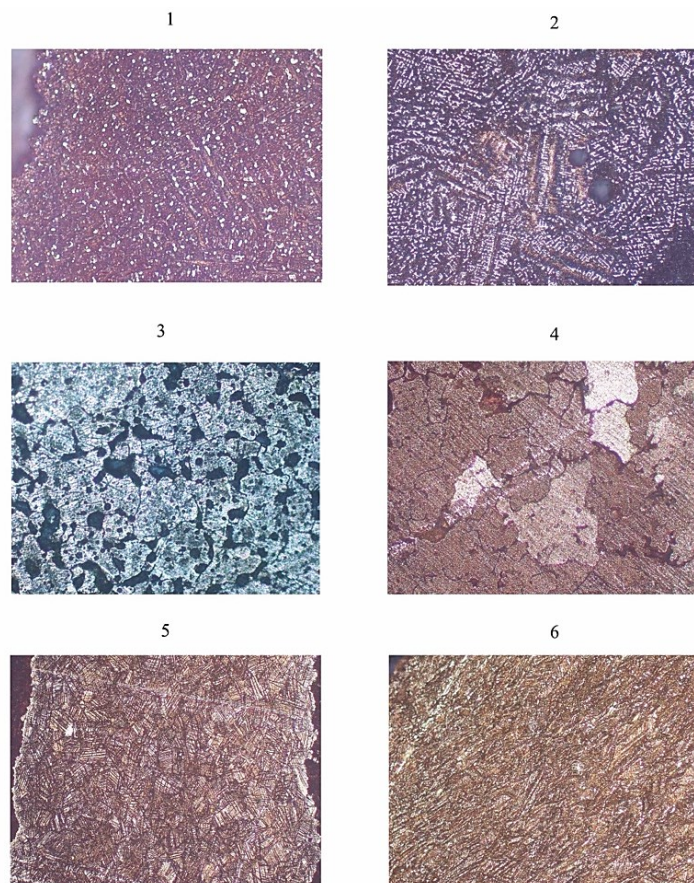
Даследаванне мікрацвёрдасці абразцоў праводзілася па шкале Вікерса і ажыццяўлялася на мікрацвёрдамеры амерыканскай кампаніі BUEHLER MODEL No 1105D з нагрузкай у 100 г. пры ціску ў 15 с. Залічвалася сярэдняе значэнне з 8 вымярэнняў.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг. (падпраграма «Гісторыя», заданне «Археалагічная спадчына як фактар забеспячэння гуманітарнай бяспекі беларускага грамадства», праект «Гаспадарка, культурныя традыцыі і насельніцтва Полацка і Полацкага Падзвіння ў эпоху станаўлення і развіцця гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці ў IX–XVIII стст.»).

² Аўтар выказвае шчырую падзяку дацэнту кафедры аўтамабільнага транспарта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай А.П. Штэмпелю за ўсебаковую дапамогу падчас правядзення эмпірычнай часткі даследавання.

Апошні этап даследавання звязаны з унясеннем даных у створаную намi рэляцыйную базу даных на аснове стандартнага праграмнага комплексу Microsoft Access.

Для вывучэння тэхналогіі апрацоўкі каляровых металаў XIV–XVIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі намi даследавана структура 32 прадметаў. У выбарку трапілі ўпрыгажэнні і дэталі адзення (14 экз.), прадметы побытавага і гаспадарчага прызначэння (5 экз.), прадметы хрысціянскага культу (4 экз.), сыравінны метал (2 экз.), а таксама прадметы нявызначанага прызначэння (7 экз.). Артэфакты паходзяць з матэрыялаў археалагічных даследаванняў гарадскіх і сельскіх помнікаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі (Полацк, Менка, Бірулі, Івесь, Чычы, Лучна). У выніку стала магчымым вылучыць шэраг тэхналагічных схем, якія атрымалі распаўсюджанне ў апрацоўцы каляровых металаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ў даследаваны перыяд: ліццё, ліццё і халодная касметычная коўка, ліццё і гарачая касметычная коўка, фармуючая халодная коўка, ліццё і гарачая фармуючая коўка, ліццё і халодная фармуючая коўка (малюнак).

1 – ліццё (накладка на сумку, шліф П11, павелічэнне $\times 100$); 2 – ліццё і халодная касметычная коўка (стрыжань, шліф П02, павелічэнне $\times 100$); 3 – ліццё і гарачая касметычная коўка (пярсцёнак, шліф Б12, павелічэнне $\times 100$); 4 – ліццё і гарачая фармуючая коўка (пярсцёнак, шліф П05, павелічэнне $\times 100$); 5 – ліццё і халодная фармуючая коўка (бранзалет, шліф П11, павелічэнне $\times 100$); 6 – фармуючая халодная коўка (шпілька “пус епі”, шліф П03, павелічэнне $\times 200$)

Малюнак 1. – Тэхналагічныя схемы вытворчасці вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі

Ліццё. Да дадзенай тэхналагічнай схемы адносім вырабы, утвораныя метадам ліцця без слядоў у структуры іншых фармавальных аперацый. Пры дапамозе ліцця створаны 6 абразцоў (19% выбаркі). Прадметы зроблены са свінцовай латуні (2 экз.), шматкампанентнай бронзы (2 экз.), шматкампанентнай латуні (1 экз.), алавяна-свінцовай бронзы (1 экз.). Сярод абразцоў сустрэты ўпрыгажэнні і дэталі адзення (2 экз.), прадметы хрысціянскага культу (2 экз.), прадметы пісьменства (2 экз.), прадметы побытавага і гаспадарчага прызначэння (1 экз.), а таксама прадмет нявызначанага прызначэння (1 экз.).

Памер і форма дэндрытаў у структуры вырабаў з каляровых металаў, утвораных па дадзенай тэхналагічнай схеме, дазваляе казаць таксама аб матэрыяле формы, у якую выраблялася адліўка. Выяўленне дробнадэндрытнай структуры паказвае на вельмі хуткае астуджэнне металу, што магчыма ў выпадку ліцця ў формы з высокай цеплаправоднасцю (металічная, каменная), альбо ў выніку працэдуры загартоўкі прадмета. Наадварот, буйнадэндрытная структура металу выраба сведчыць аб доўгім астыванні адліўкі, што магчыма ў выпадку выкарыстання майстрамі шамотна-глінянай формы, або адліўкі ў пясок. У нашай выбарцы дробнадэндрытная структура зафіксавана ў 2 абразцах.

Да дадзенай тэхналагічнай схемы таксама можам аднесці абразцы, якія былі ўтвораны з дапамогай ліцця пасля чаго падвергліся працягламу гомагенізуючаму адпалу, верагодней за ўсё ненаўмысна, што прывяло да поўнай страты дэндрытнай структуры і ўтварэнню буйных поліэдраў, фармаванне якіх не завяршылася поўнасцю. Такія структуры маглі ўзнікнуць у выніку траплення літога прадмета ў пахавальнае вогнішча, у якім выраб падвяргаўся нагрэву да высокіх тэмператур, блізкіх да тэмпературы рэкрышталізацыі. У выбарцы зафіксаваныя два такіх абразцы.

Ліццё і халодная касметычная коўка. Да дадзенай тэхналагічнай схемы адносім прадметы, зробленыя пры дапамозе ліцця і дапрацаваныя ў халодным стане коўкай з невялікімі ступенямі абціску. Падобныя работы часцей за ўсё звязаныя з фінальнымі дапрацоўкамі літых прадметаў па выдаленні заганаў ліцця, а таксама нанясенні дэкору. Тэхналагічную схему прадстаўляюць вырабы з выразна фіксаванай дэндрытнай структурай, дэфармаванай падчас халоднай апрацоўкі, якая, аднак, пераважна не ўтрымлівае слядоў рэкрышталізацыі. Акрамя таго, у дадзеную групу адносім таксама прадметы, якія пасля касметычнай халоднай коўкі падвергліся разумацавальнаму адпалу пры невысокіх тэмпературах. У апошнім выпадку першапачатковая дэндрытная структура абразца поўнасцю знікае, а фіксацыя схемы магчыма толькі на нетраўленым шліфе, дзе застаюцца ўсадочныя ракавіны і іншыя заганы ліцця.

Абразцы, якія былі ўтвораны па дадзенай тэхналагічнай схеме, сустрэты ў колькасці 9 экз. (28% выбаркі). Сярод абразцоў прысутнічаюць прадметы хрысціянскага культу (2 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (5 экз.), а таксама прадметы нявызначанага прызначэння (2 экз.). Даследаваныя артэфекты зроблены з двухкампанентнай латуні (1 экз.), алавянай латуні (1 экз.), свінцовай латуні (2 экз.), шматкампанентнай бронзы (3 экз.), шматкампанентнай латуні (1 экз.) і алавяна-свінцовай бронзы (1 экз.).

Ліццё і гарачая касметычная коўка. Да дадзенай тэхналагічнай схемы адносім вырабы, атрыманыя ў выніку дапрацоўкі літой нарыхтоўкі ў гарачым стане. Прадметы, утвораныя дадзеным спосабам, фіксуюцца дзякуючы наяўнасці расколін чырвоналуксцыі, засяроджаных па контурах уключэнняў свінцу. У выбарцы зафіксаваны 1 прадмет, утвораны па дадзенай тэхналагічнай схеме (шчытковы пярсцёнак XVII ст.). Абразец зроблены са свінцовай бронзы (1 экз.).

Ліццё і гарачая фармуючая коўка. Указаная тэхналагічная схема аб'ядноўвае вырабы, утвораныя з першапачатковай літой нарыхтоўкі, якая дапрацоўвалася ў гарачую пры сярэдніх ступенях абціску металу (60–80%). Структурным адлюстраваннем дадзенай схемы з'яўляецца наяўнасць выцягнутых свінцовых уключэнняў, якія добра фіксуюцца на нетраўленым шліфе, характар зерняў рэкрышталізаванай структуры, а таксама сляды дэндрытнай ліквачыі ў выглядзе шлакавых уключэнняў па лініях дэндрытаў. На падобных вырабах часта ўтрымліваюцца сляды фінальных дапрацовак у выглядзе палос коўзання і двайнікоў. У выбарку трапіў толькі адзін абразец са шматкампанентнай бронзы, якія магчыма аднесці да дадзенай тэхналагічнай схемы (фрамент пярсцёнка XVII ст.).

Ліццё і халодная фармуючая коўка вызначаецца паводле наяўнасці ў структуры абразцоў выгнутых па форме рэшткавых дэндрытаў уключэнняў свінца, якія фіксуюцца на шліфах да ці пасля траўлення. Першапачатковая літая нарыхтоўка дэфармавалася майстрам з высокімі ступенямі абціску (звыш 80%) для надання канчатковай формы, пры гэтым у структуры метала фіксуюцца таксама прамежкавыя адпалы. На апрацоўку прадметаў ухалодную ўказвае пераважна поліэдрычная структура абразцоў з двайнікамі і палосамі коўзання, а таксама адсутнасць трэшчын чырвоналуксцыі нягледзячы на істотныя ўтрыманні свінца ў метале большасці абразцоў. У выбарцы зафіксаваны 1 прадмет, утвораны з першапачатковай літой нарыхтоўкі і дапрацаваны ўхалодную з прамежкавымі адпаламі (бранзалет XVI–XVII стст.) Абразец зроблены са шматкампанентнай латуні з істотнымі ўтрыманнямі свінца (звыш 3%).

Фармуючая халодная коўка. Важнымі тэхналагічнымі прыкметамі абразцоў, зробленых па дадзенай схеме, з'яўляецца рэкрышталізаваная структура, якая складаецца з істотна разбітых поліэдраў і двайнікоў, а таксама адсутнасць у структуры рэшткавых дэндрытаў. На большасці шліфоў фіксуюцца сляды адпалу, а таксама другаснай апрацоўкі ў выглядзе двайнікоў і палос коўзання каля паверхні. На часткі шліфоў да траўлення зафіксаваны радковы характар уключэнняў, што з'яўляецца ўказаннем на моцную дэфармацыю прадметаў. Фармуючая халодная коўка атрымала шырокае распаўсюджванне ў мясцовай каляровай металаапрацоўцы і зафіксавана ў якасці галоўнай тэхналагічнай схемы для вытворчасці 14 прадметаў (44%).

Сярод абразцоў сустрэты сыравінны метал (2 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (4 экз.), прадметы побыту і гаспадарчага прызначэння (9 экз.), а таксама вырабы нявызначанага прызначэння (4 экз.). Прадметы зроблены пераважна з медна-цынковых сплаваў: двухкампанентныя латуні (2 экз.), свінцовыя латуні (8 экз.), шматкампанентныя латуні (2 экз.), а таксама са шматкампанентнай бронзы (1 экз.) і свінцовай бронзы (1 экз.).

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку вывучэння асноўных тэхналагічных схем вытворчасці вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст., якія паходзяць з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, магчыма зрабіць наступныя высновы:

1. Асноўнымі тэхналагічнымі аперацыямі для вытворчасці вырабаў з каляровых металаў з'яўляліся фармуючая халодная коўка (44% выбаркі), а таксама ліццё і халодная касметычная коўка (28% выбаркі).

2. Большая частка літых артэфектаў пасля адліўкі фінальна дапрацоўвалася механічна для ліквідацыі заганаў ліцця і нанясення дэкору. Фінальная механічная дапрацоўка часта суправаджалася адпаламі для зняцця напружвання металу і надання яму большай пласцінасці. У залежнасці ад ступені абціску першапачатковая літая структура гатовых вырабаў істотна дэфармавалася.

3. Адметнай рысай каляровай металаапрацоўкі XIV–XVIII стст. трэба лічыць істотнае павелічэнне долі вырабаў, утвораных з дапамогай фармуючай халоднай коўкі, часта з прамежкавымі адпаламі, а таксама зніжэнне ў параўнанні з X–XIII стст. колькасці літых прадметаў. Дадзеную акалічнасць трэба звязваць з развіццём прамысловай вытворчасці, у сувязі з чым частка прадметаў выраблялася з дапамогай штампоўкі, а таксама са змяншэннем у складзе касцюма колькасці металічных дэталей. Пераважае выкарыстанне фармуючай халоднай коўкі ў гэты перыяд трэба таксама звязваць з большым доступам рамеснікаў да прыдатнай для механічнай апрацоўкі высокакаснай медна-цынкавай сыравіны.

ЛІТАРАТУРА

1. Магалінскі І.У. Выкарыстанне метадаў прыродазнаўчых навук для вывучэння прадукцыі сярэднявечных металаапрацоўчых рамёстваў на тэрыторыі Беларусі (гістарыяграфічны нарыс) // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2018. – № 9 – С. 98–103.
2. Равич И.Г. Металлографический анализ археологических находок из цветного металла // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (86): в 5-ти ч. Ч. 1. – С. 157–163.
3. Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 208 с.
4. Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI – XIII в. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
5. Ениосова Н.В. Технология производства ювелиров Гнёздова в X – начале XI вв. по данным трасологии и металлографии // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. – 2017. – № 5. – С. 205–237.

Паступіў 14.04.2023

**ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ XIV–XVIII вв.
С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ**

И.В. МАГАЛИНСКИЙ

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены результаты исследования структуры изделий из цветных металлов XIV–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. Автором установлено, что в цветной металлообработке региона основными технологическими операциями являлись формующая холодная ковка (44% выборки), а также литьё и холодная косметическая ковка (28% выборки). Установлено также, что большая часть литых изделий после отливки дорабатывалась для устранения дефектов и нанесения декора. При этом окончательная механическая доработка нередко сопровождалась отжигом для снятия напряжения металла и придания ему большей пластичности.

Ключевые слова: археология Беларуси, история древней техники, ювелирное ремесло, археометаллургия.

**TECHNOLOGY OF PRODUCTION OF PRODUCTS FROM NON-FERROUS METALS
XIV–XVIII CENTURIES. FROM THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS**

I. MAHALINSKI

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article presents the results of a study of the structure of products made of non-ferrous metals of the XIV–XVIII centuries from the territory of Northern and Central Belarus. The author found that in the non-ferrous metalworking of the region, the main technological operations were forming cold forging (44% of the sample), as well as casting and cold cosmetic forging (28% of the sample). It was also established that most of the cast products were reworked after casting to eliminate defects and apply decor. At the same time, the final mechanical refinement was often accompanied by annealing to relieve the stress of the metal and make it more ductile.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry craft, archaeometallurgy.

**«И КОЛОКОЛЫ СЪИМА У СВЯТЫЯ СОФИЕ»:
СНЯТИЕ ХРАМОВЫХ КОЛОКОЛОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ¹**

канд. ист. наук, доц. Ю.Н. КЕЖА
(Белорусский государственный университет, Минск)
e-mail: his.kezha@bsu.by

В статье рассматриваются летописные сообщения, упоминающие о снятии храмовых колоколов в Древней Руси XI – начала XVI в. Для древнерусского книжника XI–XII вв., который ориентировался на библейскую письменную традицию, колокола выступали в качестве храмовых атрибутов, существенно не отличавшихся от других церковных реликвий. Снятие колоколов с церквей (1066/1067, 1146, 1169 гг.) упоминается в общем контексте разорения древнерусских храмов. Сами храмовые разорения (за исключением сообщения 1146 г.) отождествляются с разграблением Иерусалимского Храма. В период XIV–XVI вв. соборный колокол выступает символом городского сообщества, которое являлось полноценной политической силой. Снятие главного («вечевого») колокола завоевателями свидетельствовало о ликвидации вечевых свобод и политической независимости города.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусские храмы, колокола, князя Рюриковичи, разорение храмов.

Введение. Древнерусский город XI–XIII вв. воспринимался населением как освоенное и наполненное символическим значением сакральное пространство. Данные представления нашли своё отражение в библейском осмыслении городской территории как образа / «иконы» небесного Иерусалима [1, с. 26]. Подобные взгляды были характерны для монахов-книжников, политической элиты Древней Руси и содержатся в древнейших восточнославянских произведениях – «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (середина XI в.), а также Повести временных лет (начало XII в.) [2, с. 97; 3, стб. 151–152]. Согласно изучению языческих представлений, которые сохранились у рядового населения Руси после принятия христианства, город также был наделён сакральным статусом и выступал как объект освоенного, а значит «своего» пространства, которое противопоставлялось неосвоенной «чужой» враждебной территории [4, с. 469]. Не случайно в древнерусской традиции понятие «город» («град») отождествлялось с укреплённым и «ограждённым» поселением, что приобретало чёткий семантический смысл в период славянских миграций и освоения новых земель [5, с. 15]. Центром древнерусского города и его духовной доминантой с конца X в. выступал главный (кафедральный) храм. Согласно «иерусалимской модели» восприятия священного пространства, характерной для многих политических центров средневековой Европы, центральный городской собор уподоблялся ветхозаветному иерусалимскому Храму.

Наиболее отчётливо идея символического перенесения образа ветхозаветного Храма на главный собор древнерусского города была воплощена в Киеве. Так, переноса образ ветхозаветного царя Соломона на основателя церкви Богородицы Владимира Святославича, киевские интеллектуалы соотносили первую каменную христианскую церковь Киева – храм Богородицы Десятинной – с иерусалимским Храмом Соломона [3, стб. 124–125]. Отождествление Киева с Иерусалимом, а Десятинной церкви (затем киевского Софийского собора) – с ветхозаветным Храмом сохранялось на протяжении всей домонгольской истории Руси. После Владимира данные идеи нашли наиболее отчётливое воплощение в градостроительной деятельности его сына Ярослава [2, с. 97; 6, с. 148; 7, с. 88–102].

Помимо библейского осмысления, в картине мира традиционного восточнославянского общества центральный храм выступал как священный центр всего городского пространства и предметное воплощение идеи Мировой оси (Axis Mundi) [8, с. 341].

Таким образом, главный собор в представлении политической элиты, духовенства и рядового населения являлся символом самоидентификации города и сосредоточением его священной силы, оплотом благоденствия и мира горожан и жителей всего княжества. Именно такое значение имели главные храмы древнерусских городов: Десятинная церковь в Киеве, Софийские соборы в Киеве, Новгороде и Полоцке, Спасский храм в Чернигове, собор Успения Богородицы во Владимире на Клязьме, Троицкий храм в Пскове и т.д.

В этой связи обращают на себя внимание случаи разорения древнерусских церквей в ходе конфликтов между князьями Рюриковичами. Согласно летописному материалу в XI – начале XIII в. известно о, как минимум, восьми случаях разорения христианских храмов древнерусскими князьями в ходе междоусобных войн.

Основная часть. Первое сообщения о разорении кафедрального городского собора датируется 1066/67 гг. и связано с военным походом полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Новгород. В ходе нападения был разграблен новгородский собор Святой Софии [9, с. 17]. В период противостояния между Изяславом Мстиславичем и князьями Ольговичами (1146 г.) была разорена церковь Святого Вознесения во владениях Святослава Ольговича и сожжена церковь святого Георгия в родовых землях Игоря Ольговича [10, стб. 333–334]. В 1151 г. войсками Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича с торками и черными клобуками были подвержены разорению монастыри в предместьях Киева [3, стб. 332]. В 1152 г. войсками Изяслава Мстиславича, Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодовича была сожжена церковь святого Михаила [10, стб. 446]. Масштабное

¹ Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X–XIII в.в.)», договор № Г23ИП-005.

разорение Киева произошло в 1169 г. Войсками княжеской коалиции, организованной Андреем Боголюбским, были разграблены церкви и монастыри города, вывезена церковная утварь [3, стб. 354; 10, стб. 545]. В 1177 г. опустошительное разорение владимирского села Боголюбова в союзе с половцами осуществляет рязанский князь Глеб Владимирович. Упоминается о разграблении храма Рождества Богородицы и сожжении ряда других церквей [3, стб. 383]. Одно из самых крупных разорений Киева коалиционными войсками под командованием Рюрика Ростиславича произошло в 1203 г. Согласно сообщению Лаврентьевской летописи разграблению подверглись главные киевские храмы – Софийский собор и Десятинная церковь [3, стб. 418–419].

Исходя из приведенных выше примеров складывается представление, что святыни и в целом сакральное пространство «чужой» земли для нападающей стороны не представляли предмета почитания, а, наоборот, являлись объектом грабежа, поругания и уничтожения, что особенно отчётливо проявилось в период княжеских междоусобиц. Подобную точку зрения разделял петербургский историк И.Я. Фроянов. Согласно исследователю, разграбление христианских церквей древнерусскими князьями относится к пережиткам языческих представлений, в которых разрушение храма (святилища) врага символизирует лишение его защиты высших сил и таким образом обозначает победу над противником [11, с. 55]. В своём выводе И.Я. Фроянов ссылается на Н.Д. Фюстель де Куланжа. В работе «Гражданская община древнего мира» французский историк сравнивал нападение на святилище неприятеля с нападением на богов враждебной гражданской общины, соответственно, боги и храмы врага разрешалось ненавидеть, попираť, оскорблять и брать в плен [12, с. 227].

На наш взгляд, в данном случае имеет место произвольный перенос практик и представлений древних обществ на события Древней Руси XI–XIII вв. Действия Рюриковичей нельзя объяснить пережитками «языческого сознания» в княжеской среде, как это делал петербургский историк. Разорение христианских храмов князьями Рюрикавичами имеет скорее символично-идеологическое значение опустошения центра власти и главного храма как символического воплощения этой власти. При этом сами храмы, как правило, не уничтожались, а именно разграблялись – из них выносились церковное имущество, которое затем применялось в собственном храмовом строительстве победителя. Данный вывод мы постараемся обосновать на примере снятия древнерусскими князьями храмовых колоколов и изъятии церковных ценностей.

В древнерусских летописях, отражающих домонгольскую эпоху (XI – первая половина XIII в.), мы находим три упоминания о снятии колоколов во время военных походов князей Рюриковичей: поход Всеслава Полоцкого на Новгород 1066/67 г.; разорение церкви Вознесения во время похода на владения новгород-северского князя Святослава Ольговича в 1146 г., снятие колоколов с церкви (церквей) Киева во время разорения города коалицией князей, возглавляемых сыном Андрея Боголюбского Мстиславом в 1169 г. [9, с. 17; 10, стб. 333–334, 545]. Четыре раза в летописях встречается информация о снятии колоколов с городских храмов Руси в период XIV – начала XVI в.: во время похода суздальского князя Андрея Владимировича на Владимир 1328 г.; похода Ивана Калиты на Тверь 1339/40 г.; похода московского великого князя Ивана III на Новгород 1478 г.; во время ликвидации независимости Псковской республики Василием III в 1510 г. [13, с. 469; 14, стб. 52; 15, с. 323; 16, с. 256].

Анализируя летописные статьи домонгольской эпохи и периода XIV – XVI вв. обращает на себя внимание, что при описании разорений храмов в XI–XII вв., помимо снятия церковных колоколов, присутствует информация о расхищении церковного имущества. Так, при разорении новгородской Софии было вывезено паникадило («и понекадила съима»); при разграблении церкви Вознесения была изъята многочисленная церковная утварь и богослужебные книги («съсуды серебряныѣ . и индѣтьбѣ и платы слоужебныѣ . а все шито золотом и кадѣлничѣ двѣ . и кащѣ . и соуагѣ ковано и книги»); во время взятия Киева в 1169 г. из храмов были взяты иконы, книги, одеяния священников («и цркви вбнажиша иконами и книгами . и ризами»). Помимо этого, сравнивая информацию о снятии колоколов домонгольского периода с сообщениями позднего русского Средневековья, стоит отметить, что в сообщениях XIV – начала XVI в. содержится информация о снятии одного, по-видимому, главного вечeveго колокола, в то время как в сообщениях XI–XII вв. колоколов несколько («колоколы съима» в 1066/67 г.; «колоколы» в 1146 г.; «колоколы изнесоша» в 1169 г.). Упоминание одного колокола на главном городском соборе может свидетельствовать о его ключевом значении в постепенном становлении коллективных идентичностей городских сообществ, а также об институализации вечевых собраний. Об этом говорят сообщения о снятии колоколов с храмов Суздаля, Твери, Новгорода и Пскова, которые упоминаются в контексте ликвидации вечeveго строя и политической независимости в этих городах.

В 70-е гг. XV в. происходит окончательное подчинение Новгорода Москве. Под 1478 г. в Московском летописном своде говорится о вывозе новгородского колокола в Москву: «на Москву приеде князь великы в четверток на 5 недѣли поста, а после себя велѣл князь велики из Новагорода и колокол их вечной привести на Москву, и привезен бысть, и вознесли его на колокольницу на площади и с прочими колоколы звонити» [15, с. 323]. В псковском летописании описывается снятие вечeveго колокола с Троицкого собора Пскова в 1510 г.: «генваря въ 13 день спустиша колокол вѣчной у святыхъ Троица, и начаша псковичи, на колокол смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли» [16, с. 256]. В Новгороде в конце XIV – первой половине XV в., а затем во Пскове отдельные колокола (единственные в своём роде) начинают восприниматься как вечевые и приобретают значение республиканских символов. Наличие колокола как атрибута политической независимости в Новгороде и Пскове свидетельствует о постепенном формировании и институализации органов власти, в частности, вечевых собраний [17, с. 166].

Вероятно, подобные процессы начинали зарождаться в других городах Руси с XIV в. Главный городской колокол как символ городской идентичности упоминается в сообщениях 1328 и 1339/40 гг. В 1328 г., при описании снятия колокола с Успенского собора Владимира на Клязьме суздальским князем Александром Васильевичем, к колоколу употребляется термин «вечный»: «Сии князь Александръ из Володимеря вѣчныи колоколь святѣи Богородици возилъ въ Суждаль» [13, с. 469]. В последующем, согласно сообщению, колокол пришлось вернуть обратно во Владимир, т.к. в Суздале он не издавал звона, что было воспринято Александром Васильевичем как немилость Богородицы («яко съгуби святѣи Богородицы»). Данная информация свидетельствует о существовании специального колокола, звон которого собирал у центрального храма жителей Владимира на Клязьме. Подобная информация встречается под 1339/40 г., когда по приказу Ивана Калиты главный колокол был снят со Спасского собора Твери и вывезен в Москву: «въ Тѣфѣри отъ святого Спаса взялъ колоколь на Москву» [14, стб. 52]. Прямых данных о «вечевой» функции колокола нет. Однако это не противоречит представлениям о большом символическом значении тверского колокола для жителей города. Можно предположить, что с XIV в. некоторые колокола главных храмов русских городов начинают восприниматься как символы сплочения городского сообщества. Изъятие колоколов московскими князьями в 1339/40, 1478 и 1510 гг., а также попытка вывоза колокола в Суздаль в 1328 г. были серьёзными символическими актами, имевшими вполне конкретное политическое значение. Данные действия могут рассматриваться как ликвидация политической автономии.

Информацию о разорении городских храмов в XI–XII вв. следует рассматривать в ином контексте, напрямую не связанном с подчинением города (территории) или ликвидацией вечевых свобод горожан. Сообщения о походах на Новгород 1066/67 г. и Киев 1169 г. носят вполне прозрачные библейские параллели.

Предваряя нападение Всеслава Брючиславича, в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛмл) представлена информация о необычных природных явлениях. Согласно новгородскому книжнику, природные знамения являются предвестием бед и несчастий, которые постигнут Новгород в ходе нападения полоцкого князя [9, с. 184]. В сообщении 1065 г. эсхатологические небесные знамения также связываются с будущей военной агрессией Всеслава. Полоцкий правитель сравнивается с ветхозаветным сирийским царём Антиохом IV Эпифаном, а нападение Всеслава на Новгород отождествляется с нашествием Антиоха на Иерусалим и разорением Иерусалимского храма [9, с. 184–185]. Летописное сообщение НПЛмл за 1065 г. заимствовано непосредственно из «Хроники Георгия Амартола» [18, с. 200–202]. В свою очередь, «Хроника» при описании этих событий опирается на библейский ветхозаветный текст Второй книги Маккавейской (Макк. 2. 5. 2–3). Отчётливые параллели из «Хроники Георгия Амартола» наблюдаются в следующих сообщениях Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛст) за 1066 г. и Новгородской четвёртой летописи (далее – НПЛч) за 1067 г. В летописных статьях сообщается о нападении Всеслава на Новгород, разграблении города и храма св. Софии (1066): «Приде Всѣславъ и възъ Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святѣи Софие. О, велика бѣда въ часъ тѣи; и понекадила съима» [9, с. 17].

Новгородский книжник вспоминает о разорении Новгорода Всеславом в 1180 г.: «Мѣстиславъ съ Новгородци поиде на Полтескъ на зятя своего Всеслава, ходилъ бо бѣше дедъ его на Новгородъ, и възъ иерусалимъ церковный и съсуды служебныя, и погостъ единъ завелъ за Полтескъ» [19, с. 16]. Информация о захвате церковных ценностей из Софийского храма вместе с предыдущими сообщениями НПЛст и НПЛч за 1066/67 гг. составляет единую тематическую линию, взятую из «Хроники Георгия Амартола». В качестве первоисточника автор «Хроники» использует ветхозаветную Первую книгу Маккавейскую (Макк. 1. 20 – 25). Обращаясь к «Хронике Георгия Амартола», ключевой идеей новгородского летописца было соотнесение полоцкого князя Всеслава с ветхозаветным правителем Антиохом IV Эпифаном и отождествление нападения полоцкого князя на Новгород в 1066/1067 гг. с нашествием Антиоха на Иерусалим и разорением Иерусалимского храма.

Выразительное символическое значение имело описание действий коалиции князей при штурме и разорении Киева в 1169 г. Поход был организован владимирским князем Андреем Боголюбским, руководил им его старший сын Мстислав.

После трёхдневной осады Киев был взят и подвергся разграблению. Информация об этом наиболее полно отразилась в Лаврентьевской (далее – ЛЛ) и Ипатьевской (далее – ИЛ) летописях. Согласно версии ЛЛ, войсками княжеской коалиции были разграблены церкви и монастыри города, вывезена церковная утварь. Мстислав Андреевич, согласно суздальскому летописцу, выступает орудием божественного наказания Киева: «и весь Къневъ пограбиша . и церкви . и манастирь . за . г . днѣ . и иконы поимаша . и книги . и ризы . се же здѣася за грѣхы ихъ . паче же за митрополичю неправду» [3, стб. 354]. В сообщении говорится о «митрополичьеи неправде» как тяжком грехе, под которой, скорее всего, подразумевается церковный конфликт 50-х гг. XII в. [20, с. 36].

Ипатьевская летопись содержит более пространное описание взятия Киева и более подробную информацию о его разорении. Сообщается о сожжении церквей и Печерского монастыря, разграблении собора Св. Софии и Десятинной церкви, снятии колоколов с киевских церквей, убийстве и пленении населения и грабеже имущества киевлян: «Взять же бысѣ Къневъ . мѣца марта въ . иѣ . въ второѣ недѣлѣ . поста . в среду . и грабиша за . вѣ . днѣи весь градъ Подолье и Гору . и манастири . и Софью . и Десатинную Бѣю и не бысѣ помилованіа . никомуже ни ѡкудуже црѣвамъ горашимъ . крѣстьяномъ оубиваемомъ другымъ важемымъ . жены ведоми быша въ плѣнъ . разлучаеми нужею ѡ мужии своихъ . младенци рыдаху зраше мѣтрии своихъ . и възаша имѣнья множество . и црѣви ѡбнажиша иконами и книгами . и ризами и колоколами . изнесоша . всѣ Смолчане и Соуждалци и Черниговци . и Сѡлгова дружина . и вса стѣна взата бысѣ зажеже бысѣи манастирь Печерьскыи стѣа Бѣа ѡ поганыхъ но Бѣмѣтѣми

Отдельного внимания заслуживает информация о разорении киевским князем Изяславом Мстиславичем, а также князьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами церкви Вознесения, находящейся во владениях новгород-

северского князя Святослава Ольговича: «и тоу дворъ Сѣславль раздѣли на дѣ части . и скотъницѣ брѣтьяеницѣ . и товаръ иже бѣ немочно двигнути . и въ погребѣхъ было фѣ . берковъсковъ медоу . а вина пѣ корчагъ . и цркъвъ сѣго Възнесеніа всю вѣлоупиша съсуды серебряныа . и индѣтьбѣ и платы слоужебныа . а все шито золотомъ и кадѣлничѣ двѣ . и кащи . и еоуагѣ ковано и книгы и колоколы . и не вставиша . ничтоже кнѣжа . но все раздѣлиша и челади зѣ . сотѣ» [10, стб. 333–334]. Разорению княжеского двора Святослава предшествовал конфликт, наступивший после смерти киевского князя Всеволода Ольговича в 1146 г. Киевляне лишили княжения Игоря Ольговича, брата Всеволода и Святослава, и просадили на великокняжеский стол его оппонента Изяслава Мстиславича. Святослав вступил в борьбу с Изяславом, примкнув к его противнику Юрию Долгорукому. Это привело к противоборству с Изяславом киевским, длившемуся до конца 50-х гг. XII в. [32, с. 728]. Церковь Вознесения была построена на земле Святослава Ольговича и, по всей видимости, являлась родовым храмом для новгород-северского князя. В этом случае разорение храма являлось проявлением банального грабежа. Помимо опустошения церкви, из владений Святослава были вывезены многочисленные запасы и материальные ценности: княжеская сокровищница («скотъницѣ брѣтьяеницѣ»), мѣд и вино. Нападение на земли Святослава и разорение его имения, включая церковь Вознесения, следует рассматривать как месть и наказание новгород-северского князя со стороны его политических противников – Изяслава Мстиславича и братьев Давыдовичей. Показателен в данном случае пример разорения киевлянами имущества Ольговичей в 1146 г.: «и розѣграбиша . Киѣне . съ Изаславомъ дружины Игоревы . и Всеволожѣ . и села и скоты . взяша имѣнья много . в домехъ и в монастырехъ» [10, стб. 328]. Вместе с сѣлами, домами и дворами приближенных Игоря разграблению подверглись и родовые монастыри Всеволода Ольговича. Поскольку строение и имущество ктиторских храмов и монастырей считалось княжеской собственностью [33, с. 43–53], разорение монастырского имущества являлось своеобразным наказанием киевлянами рода Ольговичей, к каковым принадлежали Всеволод, Игорь и Святослав.

Заключение. В летописных сообщениях XI – начала XVI в. о разорении храмов и снятии церковных колоколов можно выделить два основных периода. В домонгольскую эпоху (XI–XII вв.) снятие колоколов упоминается в общем контексте разорения древнерусских храмов. Летописцы не делали особого акцента на колоколах как главной церковной реликвии – они упоминаются наряду с другими ценностями, вынесенными из храмов. Храмовые разорения (за исключением сообщения 1146 г.) рассматриваются в соответствии с библейскими описаниями разграблений Иерусалимского Храма. В период XIV–XVI вв. соборный колокол выступает символом городского сообщества, которое являлось полноценной политической силой. Снятие главного («вечевого») колокола завоевателями свидетельствовало о ликвидации вечевых свобод и политической независимости города.

При снятии колоколов в домонгольский период, описания действий князей-разорителей могли рассматриваться в двух основных значениях. В первом значении разорение города и главного храма с расхищением церковных реликвий (в том числе колоколов) рассматривалось книжниками и, возможно, князьями-агрессорами как наказание города и его населения «за грехи». Опустошение храмов было призвано лишить город прежнего высокого политического и религиозного статуса. Во втором значении разорение ктиторских храмов, в частности храма Вознесения в Новгород-Северской земле, следует рассматривать в контексте персонального противостояния князей Рюриковичей в борьбе за власть и сферы влияния. Разграбление ктиторского храма или монастыря являлось одной из форм наказания враждебного князя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. – М.: «Наука», 1972. – С. 25–49.
2. Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. – Киев, 1984. – 240 с.
3. Полное собрание русских летописей: Т. I. Лаврентьевская летопись. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926 – 1928. – 379 с.
4. Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
5. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. – М.: «Наука», 1978. – 327 с.
6. Данилевский Д.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998. – С. 134–150.
7. Ричка В.М. Київ – Другий Єрусалим (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – 243 с.
8. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энцикл., 1991. – Т.2. – С. 340–342.
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с., ил.
10. Полное собрание русских летописей: Т. II. Ипатьевская летопись. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
11. Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. – Ижевск: Удмуртский университет, 2003. – 73 с.
12. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. – СПб: Тип. Б.М. Вольфа, 1906. – 459 с.
13. Полное собрание русских летописей: Т. III. Новгородские летописи. – СПб., 1841. – 628 с.
14. Полное собрание русских летописей: Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М., 2000. – 432 с.
15. Полное собрание русских летописей: Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. – М., 2004. – 488 с.
16. Полное собрание русских летописей: Т. V. Псковские летописи. Вып. 2. – М., 2000. – 372 с.
17. Лукин П.В. К истории вечевых колоколов // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород. – 2014. – Вып. 14(24). – С. 135–167.
18. Хроника Георгія Амартола въ древнемъ славянорусскомъ переводе. Текст, исследование и словарь. Томъ I: Текстъ. Російская государственная академическая типографія. Петроградъ, 1920. – 616 с.

19. Полное собрание русских летописей. Томъ четвертый. IV. V. Новгородскія и псковскія летописи. Санкт-Петербургъ. Типография Эдуарда Праца, 1848. – 365 с.
20. Ковалёв А.В. Военные кампании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. – Минск: РИВШ, 2010. – Вып. 3. – С. 30–43.
21. Гайдено П.И. Сколько раз Киев подвергался разграблению в домонгольский период // *Исторический формат*. – 2019. – № 2. – С. 19–31.
22. Топоров В.Н. Текст города – девы и города – блудницы в мифологическом аспекте. Заметки по реконструкции текстов // *Исследование по структуре текста*. – М., 1987. – С. 121–132.
23. Воронин Н.Н. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв. – М., Л.: Академия наук СССР, 1945. – 92 с.
24. Гайдено П.И. Крушение мечты о Владимирской митрополии (о причинах церковно-политической неудачи Андрея Боголюбского) // *История: факты и символы*. – 2020. – № 1(22). – С. 35–50.
25. Торшин Е.Н. О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника // *Труды Государственного Эрмитажа: Первые каменные храмы Древней Руси: материалы архит.-археол. сем-ра, Санкт-Петербург, 22–24 нояб. 2010 г.* / науч. ред. Д.Д. Ёлшин. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. – С. 337–352.
26. Трусаў А.А. Хто будаваў Полацкую Сафію? // *Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (Полацк, 1–2 лістапада 2022 г.)* / уклад. Т.У. Явіч. – Полацк: Полац. кніж. выд-ва, 2022. – С. 311–315.
27. Марзалюк І.А. Гістарычная самаідэнтыфікацыя насельніцтва Беларусі ў XI–XVII стст. // *Гістарычны альманах*. – Гародня, 2001. – Т.5. – С. 3–22.
28. Кежа Ю.Н. Когда Волхов течёт вспять. Поход князя Всеслава на Новгород 1066 г. // *Родина*. – 2013. – № 5. – С. 76–78.
29. Емяльянаў С.П. Рэлігійныя і палітычныя стратэгіі на еўрапейскай Поўначы X–XII стагоддзяў // *Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А. Гуманіт. навукі*. – 2015. – № 1 – С. 13–17.
30. Стерлингова И.А. Иерусалимы как литургические сосуды в Древней Руси // *Иерусалимы в русской культуре*. – М.: «Наука», 1994. – С. 46–62.
31. Котляр М.Ф., Ричка В.М. Княжий двір Південної Русі X–XIII ст. – Київ: Наукова Думка, 2008. – 356 с.
32. Котляр Н.Ф. Святослав Ольгович // *Древняя Русь в средневековом мире. Энцикл.* – М.: «Ладомир», 2014. – С. 728.
33. Флоря Б.Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сб. – М.: ЦНЦ ПЭ, 2007. – 436 с.

Поступила 11.04.2023

«И КОЛОКОЛЫ СЪИМА У СВЯТЫЯ СОФИЕ»: THE REMOVAL OF THE TEMPLE BELLS IN ANCIENT RUS

Y. KEZHA
(Belarusian State University, Minsk)

The article deals with chronicle reports mentioning the removal of temple bells in Ancient Rus in the 11th - early 16th centuries. For the ancient Rus scribe of the 11th-12th centuries, who was guided by the biblical written tradition, bells acted as temple attributes that did not differ significantly from other church relics. The removal of bells from churches (1066/1067, 1146, 1169) is mentioned in the general context of the destruction of ancient Rus churches. The temple ruins themselves (with the exception of the report of 1146) are identified with the sacking of the Jerusalem Temple. During the period of the XIV-XVI centuries, the cathedral bell was a symbol of the urban community, which was a full-fledged political force. The removal of the main ("veche") bell by the conquerors testified to the elimination of veche freedoms and the political independence of the city.

Keywords: *Ancient Rus, ancient Rus temples, bells, Rurik princes, destruction of temples.*

УДК [355.48(474.5/476ВКЛ:430)+94(476.5-21)]”1381”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-36-43

НЕМЕЦКИЕ КРЕСТОНОСЦЫ В БИТВЕ ЗА ПОЛОЦК В 1381 г.¹

д-р ист. наук, проф. А.В. МАРТЫНЮК

В статье рассматриваются события осады Полоцка в 1381 г. во время борьбы за власть в Великом княжестве Литовском после смерти великого князя Ольгерда. В осаде города в составе войск Ливонского ордена приняли участие рыцари-крестоносцы из немецких земель. Привлечение новых источников позволило дать реконструкцию похода, назвать имена его участников, предположительно оценить численность отряда крестоносцев. В научный оборот отечественной медиевистики вводятся два упоминания города Полоцка в немецких источниках XIV века. Данные упоминания свидетельствуют о резонансе, который вызвали события «Полоцкой войны» в немецких землях, они также показывают значение Полоцка как крупного политического центра в регионе Балтийского моря.

Ключевые слова: Полоцк, Великое княжество Литовское, Ливонский орден, графства Марк и Клеве, крестовые походы, рейзы, рыцарская поэзия, визуальные источники.

Введение. После смерти великого князя Ольгерда в 1377 г. в Великом княжестве Литовском развернулась борьба за власть между представителями династии Гедиминовичей – великим князем Ягайло и его дядей Кейстутом. Одним из эпизодов междоусобной войны была борьба за Полоцк – важный политический центр Великого княжества Литовского, обладавший давними традициями собственной государственности. С целью укрепления своего положения, великий князь Ягайло в 1381 г. передал Полоцк своему брату Скиргайло. Однако полочане отказались принять князя-язычника и изгнали его. Ягайло выделил своему брату большое войско («брать свою всю литовскую и рускую»), с которым тот осадил город [1, с. 62]. Уже находясь под стенами Полоцка, Скиргайло обратился за помощью к Ливонскому ордену, который во внутривнутриполитической борьбе в Великом княжестве Литовском поддерживал Ягайло. 10 августа 1381 г. под стенами Полоцка появилось значительное ливонское войско под личным началом магистра Вильгельма фон Фримерсхайма [2, S. 607–608; 3, S. 116–117]. Объединенное войско осаждало Полоцк на протяжении 13–14 недель, но не добились успеха. После получения известия о захвате князем Кейстутом осенью 1381 г. города Вильно войско Скиргайло распалось, а немцы отступили в Ливонию.

Исследованию внутривнутриполитической борьбы в Великом княжестве Литовском в конце XIV века, а также взаимоотношениям Княжества с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии посвящена значительная исследовательская литература. Актуальной задачей остается расширение источниковой базы по данной проблематике, привлечение и анализ новых источников. Целью данной статьи является попытка посмотреть на события осады Полоцка в 1381 г. из немецкой перспективы, на основании немецких источников, некоторые из которых еще не привлекались в отечественной историографии для рассмотрения данного вопроса. В рамках этой цели мы ставим перед собой следующие задачи: проанализировать сведения о немецких крестоносцах, принявших участие в походе на Полоцк, выявить имена руководителей похода и простых рыцарей, оценить численность их военного контингента.

Основная часть. События осады Полоцка в 1381 г. получили широкий резонанс и достаточно хорошо освещены в источниках. О «Полоцкой войне» в контексте борьбы за власть в Великом княжестве Литовском рассказывают все белорусско-литовские летописи; в них подчеркивается и участие в осаде города ливонского войска [1, с. 62, 86, 98, 116, 133–134, 155, 182, 202–203, 224–225]. Особое значение этому факту придает «Летописец великих князей литовских» – памятник, отражающий позицию Кейстута и Витовта во внутривнутриполитической борьбе. Подробный анализ данного памятника дал недавно в своей монографии О.В. Лицкевич, в этом же издании представлена реконструкция архетипа «Летописца» [фрагмент, относящийся к 1381 г.: 4, с. 310–311; анализ событий с обзором источников: с. 413–417]. В уста князя Кейстута «Летописец» вкладывает следующую фразу: «С ким мы ся воюем? С немьци. Они с ними Полоцька добывають» [1, с. 62]. Орденский хронист Виганд из Марбурга (современник событий) сообщает, что «магистр пришел к Полоцку со своими прецепторами и большим войском» (*cum preceptoribus suis cum magno exercitu venit in Ploskow*) [2, S. 607; см. также: 5]. Новгородский летописец сообщает, что Скиргайло стоял под Полоцком «с нѣмьчскою ратью» [6, с. 377–378]. В псковском летописании ливонскому магистру отводится первая роль, а Скиргайло отодвинут на второй план: «прииде мѣстеръ с Нѣмцы к Полотъску на зытие, а Скиргайло с Литвою» (Псковская 1-летопись [7, с. 24]); «князь мѣстеръ с силами своими и князь Скиргайло с Литвою приидоша к Полоцку» (Псковская 2-я летопись [8, с. 29]).

Таким образом, все источники отмечают, что ливонский магистр Вильгельм фон Фримерсхайм привел под стены Полоцка большое войско. Возникает предположение, что в этом походе принимали участие не только контингенты отделения Ордена в Ливонии, но и рыцари-крестоносцы из других немецких земель. Есть ли у нас

¹ Данная публикация подготовлена в рамках проекта «Крестовый поход и паломничество в регионе Балтийского моря как семейная традиция: исследование на примере графов Марка (XIII–XV вв.)» при поддержке Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф, Германия) / Diese Publikation ist im Rahmen des Projekts „Kreuz- und Pilgerfahrt im Ostseeraum als Familientradition: eine Fallstudie zu den Grafen von der Mark (13.–15. Jahrhundert)“ mit Unterstützung der Gerda Henkel Stiftung (Düsseldorf, Deutschland) entstanden.

возможность посмотреть на ситуацию «с другой стороны фронта» и узнать, кто были те «Нѣмцы» и как они появились под Полоцком?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к истории графств Марк и Клеве на Нижнем Рейне. Со второй половины XIV века престолы этих графств занимали представители одной династии, впоследствии графства были объединены в рамках династической унии, а их правитель в 1417 г. получил титул герцога. В 1470-е – 1480-е гг. секретарь клевских герцогов Герт ван дер Шюрен написал объемную «Клевскую хронику», в которой изложил историю возвышения династии графов Марка и Клеве. Автор «Клевской хроники» опирался как на сохранившиеся до наших дней, так и на утраченные источники, доступные ему как герцогскому секретарю. Рассмотрим один из эпизодов хроники, относящийся к правлению Энгельберта III, графа Марка (1346–1391 гг.).

Граф Энгельберт, – повествует Герт ван дер Шюрен, – оправился вместе со своими рыцарями на помощь Ордену в его войне с «язычниками». Вместе с «немецкими господами из Пруссии и Ливонии» граф принял участие в походе против «одного города, который называется Полоцк, в котором живут сарацины и прочие злые жестокие язычники» (*eyne Stat, geheiten Plosko, dair die Sarracenen ind boese wreet volck van Heyden in woenden*). Язычники собрали большое войско и выступили против христиан, на каждого христианина приходилось по три вражеских воина. Однако христиане одолели врагов, особенно отличился при этом граф Энгельберт и его люди. После этого граф и другие участники похода направились в Кёнигсберг, где их с почетом принял великий магистр Тевтонского ордена. Граф Энгельберт пригласил к столу и достойно попотчевал за свой счет 600 господ. Помимо самого Энгельберта, Герт ван дер Шюрен трижды упоминает «графа фон Вальдек» (*Greue van Waldeck*), однако не называет его по имени. На восторженном описании пира Герт ван дер Шюрен заканчивает свой рассказ о походе графа Энгельберта против «язычников» [9, S. 29–30].

Поход графа Энгельберта III состоялся в контексте военного противостояния Великого княжества Литовского с Тевтонским орденом, которое продолжалось весь XIV век. В этой войне на стороне Ордена выступали рыцари из всех стран Латинского мира, прибывавшие в Пруссию для участия в *рейзах* (крестовых походах) против «язычников и схизматиков». Данной проблематике посвящены фундаментальные работы немецкого медиевиста Вернера Паравични, показавшего значение рейз в рыцарской культуре своего времени [10–12]. Военное предприятие графа Энгельберта III была классической рейзой, сочетавшей в себе военную составляющую (собственно поход), религиозно-идеологическую (борьба с врагами Христианского мира, представленными в данном рассказе «сарацинами и язычниками») и рыцарско-ритуальную (здесь мы встречаем её в виде «почетного стола» у магистра Ордена, другими её элементами были посвящение в рыцари в «стране язычников», создание похвальных песен, прославляющих героев похода и др.). Вторая половина XIV века была временем расцвета рейз в Пруссию, участие в них было важнейшей характеристикой образа «идеального рыцаря».

Граф Энгельберт III не в первый раз отправлялся на восток Европы: современный белорусский исследователь Ф.Д. Подберезкин даже охарактеризовал его как «контактную персону» в отношениях Ордена и Великого княжества Литовского [13, с. 74–77]. В рассматриваемом рассказе «Клевской хроники» оказалась слита информация о двух военных предприятиях графа – в 1352–1353 и 1381–1382 гг. Ясность в вопрос о походах графа Энгельберта внесла статья немецкого медиевиста Удо Арнольда, вышедшая в 1968 г. [14]. Исследователь убедительно показал, что данный рассказ хроники относится именно к событиям осады Полоцка в 1381 г., и дал реконструкцию военной экспедиции графа Энгельберта III. Граф прибыл в Ливонию летом 1381 г. и принял участие в осаде Полоцка. Очевидно, граф остался неудовлетворен результатами войны против «сарацинов» («но они ничего не добились» (*sed nihil perfecerunt*), – прямо говорят об этом Торуньские анналы [3, S. 116–117]). Поэтому он отправился в Пруссию, где его, судя по рассказу Герта ван дер Шюрена, с честью принял великий магистр Тевтонского ордена Вирих фон Книпротде. Как раз к этому времени относится расцвет традиции «почетного стола» (*eren tisch*), за которым руководство Ордена чествовало знатных крестоносцев [см.: 10, S. 316–334]). В январе 1382 г. на земли Ордена совершил нападение князь Кейстут. В конце февраля большое войско крестоносцев выступило в ответный поход. 21 февраля войско переправилось через Мемель (Неман) и оказалось в земле язычников. Произошло несколько стычек с литовцами, которых возглавлял сын Кейстута Витовт. В этих стычках особенно отличились «гости» Ордена. Войско крестоносцев дошло до Троков, по сообщению Виганда из Марбурга и Торуньских анналов, несколько дней разоряло окрестности города, не встречая сопротивления со стороны язычников; было захвачено большое количество пленников и добычи [2, S. 603, 609–610, 611–612; 3, S. 118–119; см. также: 14, S. 86–88]. Это уже можно было рассматривать как успех: граф Энгельберт выполнил, таким образом, свой долг воина Христова. Придворный хронист Герт ван дер Шюрен, писавший спустя сто лет после похода, объединил обстоятельства осады Полоцка в 1381 г. и рейзы против литовцев в 1382 г. и распространил победную реляцию на всю экспедицию графа Энгельберта III. Это было тем более уместным, что сражаться со «злыми жестокими язычниками» можно было на землях этнической Литвы, а не под стенами христианского Полоцка. 17 июня 1382 г. Энгельберт документально засвидетельствован в родном графстве Марк.

Предметом исследования У. Арнольда был итinerary графа Энгельберта III; нас же интересует вопрос о крестоносцах, которые могли принимать участие в осаде Полоцка. Немецкий исследователь не уделил большого внимания графу фон Вальдек, ограничившись сделанным в сноске предположением, что хронологически на роль упомянутого в «Клевской хронике» попутчика графа Энгельберта лучше всего подходит Генрих VI фон Вальдек (1369–1397) [14, S. 90, Anm. 88]. Это предположение кажется чрезвычайно соблазнительным и даже почти доказанным, если мы обратимся к генеалогии нижнерейнских владельческих родов и их матримониальным связям.

Граф Генрих VI фон Вальдек, получивший в позднейшей традиции прозвище «Железный», был женат на Елизавете, дочери Герхарда, графа Берга (1348–1360). На другой дочери Герхарда, Маргарите, был женат граф Адольф фон Клеве, родной брат Энгельберта III (о нем см. ниже). Напрашивается предположение, что именно Генрих VI фон Вальдек принял участие в рейзе вместе с графом Энгельбертом и графом Адольфом, своими свояками. Однако данное предположение не подтверждается источниками: 16 сентября 1381 г. граф Генрих и его жена Елизавета письменно подтвердили получение причитающейся им суммы от герцога Вильгельма Бергского (брата Елизаветы) [15, S. 753–754]. Таким образом, Генрих VI «Железный» не принимал участия в походе в Ливонию и Пруссию. Ниже мы укажем другого носителя имени «Вальдек», который мог сопровождать графа Энгельберта III, однако сначала нам нужно уделить внимание другому знатному крестоносцу.

Сообщение хроники Виганда из Марбурга о прибытии графа Энгельберта III в Пруссию выглядит следующим образом: «В год 1381 пришли в Пруссию сильный граф Марка и граф Клеве» (*Anno 1381 veniunt in Prusiam comes Starke de Marchia comesque Clevensis*) [2, S. 603].

Оригинал хроники Виганда из Марбурга был написан на немецком языке и имел рифмованный характер. Это видно и из рассматриваемого фрагмента: при переводе на латынь в XV в. немецкое прилагательное «сильный» (*stark*), рифмующееся с названием графства Марк (в оригинале хроники это выглядело примерно так: *Graf starke von der Marke*), превратилось в подобие имени графа (*Starke de Marchia*). Уже публикаторы «Источников по истории Пруссии» указали на то, что под «сильным графом» хроники следует понимать Энгельберта III [2, S. 603, Anm. 1397, 1398]. Не вызывает сложности и идентификация графа Клеве. В рассматриваемое время правящим графом Клеве был Адольф (1368–1394), родной брат Энгельберта [2, S. 603, Anm. 1399; 14, S. 85, Anm. 45]. Совместное прибытие Энгельберта и Адольфа в Пруссию позволяет предположить, что два брата вместе спланировали и осуществили свое путешествие. Отметим, что 14 февраля 1381 г. оба графа одновременно заключили мирные договоры с кёльнским архиепископом Фридрихом, с которым до этого находились во враждебных отношениях [договор графа Адольфа: 15, S. 746–747; о договоре графа Энгельберта см. там же: S. 747, Anm. 1]. Итак, Энгельберт и Адольф обезопасили свои владения на время нахождения в походе. О серьезной подготовке свидетельствует и тот факт, что они прибыли в Пруссию с «большим войском», ниже мы увидим, что в походе приняли участие не только рыцари из Марка и Клеве, но и из других земель. Вряд ли в такой ситуации два брата действовали раздельно и прибыли в Пруссию одновременно, но разными путями. Таким образом, мы можем видеть в графе Адольфе фон Клеве еще одного участника похода на Полоцк в 1381 г. Экспедиция 1381–1382 гг. приобретает характер «семейного крестового похода»: в Ливонию и Пруссию отправились два родных брата, Энгельберт фон дер Марк и Адольф фон Клеве.

Итак, есть ясность с предводителями похода, попробуем назвать имена простых рыцарей, его участников. В своей статье У. Арнольд обратил внимание на интересный документ из архива в Дюссельдорфе: накануне Рождества 1381 г. шесть рыцарей с Нижнего Рейна взяли в долг 200 золотых гульденов в Мариенбурге [14, S. 89–90]. Приведем имена рыцарей с указанием на их происхождение, установленным немецким исследователем:

- Иоганн фон Бикен (*Johan van Bicken*), ленник графов Берга;
- Вильгельм Кваде (*Wilhelm Quade*), ленник графов Берга;
- Энгельбрехт Зоббе (*Engelbrecht Sobbe*), ленник графов Марка;
- Герхард фон Книпроде (*Gerart van Kniprode*), ленник графов Берга;
- Отто Кневель (*Otto Knevel*) из Кёльна;
- Зиварт фон Линдове (*Sivart van Lindouwe*).

По предположению У. Арнольда, эти нижнерейнские рыцари принадлежали к свите графа Энгельберта III: затянувшееся более чем на полгода путешествие потребовало от них дополнительных расходов. С этим предположением можно согласиться, ниже мы увидим, что оно подтверждается другими источниками. Некоторые из этих рыцарей хорошо известны по иным источникам. Это относится, например, к Вильгельму Кваде и Энгельбрехту Зоббе, активным воинам и путешественникам, сражавшимся на полях Столетней войны и уже совершившим несколько рейз в Пруссию [12, S. 458–466]. Хорошо известен и Герхард фон Книпроде – он был родным племянником великого магистра Винриха фон Книпроде и неоднократно бывал в Пруссии [10, S. 162–164]. В. Паравичини обратил внимание на документ от 11 ноября 1381 г. (дата уточнена исследователем), в котором великий магистр Винрих фон Книпроде по совету рыцарей Энгельбрехта Зоббе и Генриха фон Фарресбека (*Heinrich von Varresbeck*) урегулировал имущественные отношения своих племянников Генриха и Вильгельма [10, S. 166, Anm. 115]. Так в нашем рассказе появляется еще одно имя – Генрих фон Фарресбек, также выходец из графства Берг. Ниже мы увидим, что и его можно считать участником похода 1381–1382 гг. Столь высокая доля рыцарей из Берга в этой случайной «выборке» участников похода графа Энгельберта заставляет нас рассмотреть данный вопрос несколько более подробно.

Знать и рыцарство из региона Нижнего Рейна были одними из самых активных участников рейз в Пруссию, оставляя позади себя выходцев из других княжеств Священной Римской империи [см.: 10, S. 45–55]. Однако графы и герцоги (с 1380 г.) Берга стояли несколько в стороне от этого движения. Для второй половины XIV в., времени расцвета традиции рейз в Пруссию, известен только один случай участия представителя данной династии в крестовом походе на Балтике [10, S. 54]. Это особенно заметно при сравнении с их соседями и ближайшими родственниками, герцогами Юлиха и Гельдерна. Герцог Вильгельм II Юлихский (1361–1393), родной дядя герцога Вильгельма Бергского (1360–1408), совершил семь экспедиций против язычников [10, S. 52–53; 12, S. 322–329]; его сын Вильгельм III (герцог Гельдерна в 1371–1402 гг. и герцог Юлиха в 1393–1402 гг.) также

принял участие в семи рейзах [10, S. 53]. Можно говорить об определенной «пассивности» представителей бергской династии в отношении крестовых походов на Балтике.

Однако, как показывает рассматриваемый нами случай, со стороны рыцарства графства и герцогства Берг существовал запрос на участие в рейзах в Пруссию, которые были, если можно так выразиться, самым «модным трендом» рыцарской культуры того времени (об «аристократический моде» считает возможным говорить В. Паравичини [12, S. 469]). Не находя отклика со стороны своего сюзерена, рыцари из Берга могли отправиться в Пруссию под чужими знаменами. Этим обстоятельством пользовались дальновидные правители соседних княжеств. Многие из них проводили политику привлечения к себе рыцарства из других земель. Рыцари вступали в двойные ленные отношения или могли в перспективе вообще сменить сюзерена. Для того, чтобы повысить собственный престиж и привлекательность своего двора, амбициозным правителям нужно было реагировать на запросы рыцарства и соответствовать нормам рыцарской культуры. Участие в походах против «язычников и схизматиков» было во второй половине XIV в. неотъемлемой характеристикой как идеального рыцаря, так и идеального государя. Активная внешняя политика, участие в военных походах в иных землях и в дальних паломничествах к святым местам, организация рейз в Пруссию – все это были средства поднятия престижа правителя и консолидации им вокруг себя рыцарства [12, S. 513–515, 649–663]. Таким образом, резонансный поход графа Энгельберта III и его союзников на «языческий город Полоцк» оказывается не только рыцарским «приключением» (*avanture*), но и важным элементом династической политики графов Марка и Клеве.

В. Паравичини указал на еще одного возможного участника похода на Полоцк в 1381 г. [10, S. 53, Anm. 64]. Речь идет о рыцаре Генрихе фон Хюкельхофене (*Heinrich von Hüchelhofen*). Ему посвящена похвальная песня, написанная анонимным «клевским герольдом» (*heralt zu Cleff*) вскоре после смерти рыцаря в 1419 г. [текст: 16, S. 192–200; комментарий: S. 141–145; см. также: 12, S. 320–335]). Генрих фон Хюкельхофен прожил долгую жизнь (около 80 лет), документально известно, что он более полувека (1357–1409 гг.) был наместником герцогов Юлиха в городе Эшвайлер. Жизнь Генриха полностью отвечала рыцарским идеалам своего времени: он принял участие во многих политических и военных событиях в нижнерейнских землях, сражался на полях Столетней войны, побывал в Иерусалиме и Константинополе. Среди его подвигов похвальная песня называет походы на Литву и Русь (*in Littawen vnd in Reussen*), «по воде и на коне, в летних и зимних рейзах, как принято в той стране» (*zu wasser vnd zu pferden / sumer und winter raises gewiß / als in em land gewonlich ist*) [16, S. 195]. Такая формулировка позволяет говорить об участии рыцаря в нескольких экспедициях против язычников. Упоминает песня и о приглашении Генриха к «почетному столу» в Пруссии. Обратим внимание, что в песне упоминается и участие Генриха фон Хюкельхофена в походе под знаменами графов Клеве: «за Клеве в рыцарском бою» (*für Cleue ain ritterlichen streitt*) [16, S. 197]. Итак, перед нами еще один рыцарь, верный своему сюзерену, но готовый отправиться в далекий поход под знаменем другого государя.

Описание походов и путешествий Генриха фон Хюкельхофена дано в похвальной песне в самой общей форме, связать их с конкретными событиями чрезвычайно сложно. Тем большую ценность имеет прямое указание на участие рыцаря «под Полоцком в большом штурме, [где] Господь помог своим избежать всех опасностей» (*vor Plosskaw an dem sturm grot / got helff den seinen auß aller not*) [16, S. 194]. Уже в работе 1989 г. В. Паравичини связал это упоминание с осадой Полоцка в 1381 г. [10, S. 53, Anm. 64]. Однако впоследствии немецкий исследователь отказался от этой точки зрения в пользу предположения, что Генрих фон Хюкельхофен принял участие в бою под псковским «пригородом» Изборском в 1349 г.; соответственно, под *Plosskaw* похвальной песни следует понимать Псков [12, S. 333, Anm. 1527]. Это предположение кажется нам неудачным по многим причинам. События 1349 г. получили известность в рыцарской поэзии как «битва под Железным замком» (*Eysenburk* – так было переосмыслено название Изборска), именно имя Изборска, а не Пскова, звучало в похвальных песнях при рассказе об этой битве [17, с. 312–321]. Участие в рейзе 1349 г. плохо согласуется с биографией Генриха фон Хюкельхофена: точная дата его рождения неизвестна, однако если он умер в 1419 г. в возрасте около 80 лет, то в 1349 г. ему было примерно 10 лет. И действительно, в посвященной Генриху песне нет сведений об его участии в каких-либо битвах или походах до посвящения в рыцари в 1355 г. Еще одним косвенным аргументом является упоминание «почетного стола» – это реалия последних десятилетий XIV в.; напомним, что в «Клевской хронике» Герта ван дер Шюрена о почетном столе говорится при рассказе о походе графа Энгельберта III. Отметим упомянутое выше участие Генриха фон Хюкельхофена в военном предприятии с графом Клеве, которое В. Паравичини предположительно отнес к событиям 1382 г. [12, S. 334, Anm. 1539]. Это упоминание логично смотреть в следующем контексте: рыцарь был в рейзе вместе с графом Энгельбертом и графом Адольфом (лето 1381 г. – весна 1382 г.), а затем в мае 1382 г. участвовал в походе во Фландрии под знаменами последнего. Наконец, не забудем, что интересующий нас сюжет появляется в похвальной песне, автором которой был герольд графов Клеве. В битве под Изборском в 1349 г. отличились *австрийские* рыцари, их подвиги прославил *австрийский* поэт и герольд Петер Зухенвирт [17, с. 312–321]. В осаде Полоцка в 1381 г. принимали участие воины из *Марка и Клеве*, неизвестный нам по имени *клевский* герольд и должен был отметить участие своего героя в этом событии, имевшем значение для его аудитории. Таким образом, есть все основания уверенно говорить об участии Генриха фон Хюкельхофена именно в битве за Полоцк в 1381 г.

Для завершения картины обратимся к визуальному источнику, а именно к так называемому «Белленвильскому гербовнику» (*Armorial Bellenville*). Этот замечательный памятник средневековой геральдики и рыцарской культуры в целом был создан в конце XIV в. и в настоящее время находится на хранении в Национальной библиотеке Франции (*Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 5230* [18]). Гербовник состоит из общей части («геральдические провинции» средневековой Европы) и отдельных «геральдических свитков», отражающих какие-то конкретные события (турниры, походы, участие в почетных застольях и пр.). Значение этих

свитков для изучения прусских рейз показал в специальных работах В. Паравичини [19, S. 347–368, 369–375]. Нас интересует свиток номер IX (fol. 66v–67v), в котором представлены гербы 36 рыцарей. Первый герб этой серии снабжен знаменем святого Георгия – как правило, под этим знаменем выступали «гости» Ордена, прибывавшие в Пруссию для участия в рейзах против язычников [см.: 11, S. 139–152]. Это позволило В. Паравичини определить данный свиток как изображение гербов рыцарей – участников конкретной рейзы – и по косвенным признакам датировать его временем около 1379/1381 гг. [19, S. 352–353].

Мы можем подтвердить гипотезу немецкого исследователя и развить её. Большинство гербов подписано именами их владельцев. Если мы бросим взгляд на данный свиток из перспективы нашего исследования (иллюстрация 1), то сразу увидим знакомые имена: «Кваде», «Зоббе», «Эшвайлер» (Генрих фон Хюкельхофен, назван так по городу, где он был наместником), «Книпроде», «Кневель», «Фарресбек», «Бикен» – все это имена участников похода 1381–1382 гг., уже известные нам по другим источникам. В качестве их предводителя (щит с флагом святого Георгия) выступает «господин Ян камерарий Вормса» (*her Jan kamerar von Worms*). Его можно идентифицировать как Иоганна XI (около 1345 – 1415) из знатного рода камерариев Вормса, известных так по имперской должности, занимаемой ими на протяжении нескольких столетий. Представители этого разветвленного рода часто добавляли к своему имени название замка, который служил им резиденцией. И именно та линия рода, из которой происходил Иоганн XI, была известна как «прозываемые из Вальдека» (*genannt von Waldeck*) [20, Taf. 55]. Таким образом, это не графский род фон Вальдек из Вестфалии, о котором шла речь в начале статьи, а их «однофамильцы» с берегов Среднего Рейна. Позднее, в конце XIV столетия, Иоганн стал именовать себя «из Дальберга» и положил начало новой линии рода; под этим именем он более известен в научной литературе. Вспомним рассказ Герта ван Шюрена об участии графа Ангельберта III и некоего «графа фон Вальдек» в почетном застолье в Кёнигсберге зимой 1381/1382 гг. – теперь мы можем с уверенностью идентифицировать его как камерария Иоганна XI, предводителя отряда крестоносцев, знаменосца святого Георгия. Современный событиям визуальный источник подтверждает рассказ «Клевской хроники» и одновременно предоставляет в лице камерария Иоганна недостающее звено, связывающее графа Ангельберта III с группой «гостей» Ордена, известных по долговой расписке в Мариенбурге, похвальной песне «клевского герольда» и свитку «Белленвильского гербовника». Есть все основания предполагать, что в свитке номер IX представлены гербы рыцарей, участников похода графа Ангельберта, вероятнее всего, его «прусской» части – рейзы против Литвы в феврале 1382 г.

Итак, источники позволяют назвать имена около десяти крестоносцев – участников похода графа Ангельберта III в Ливонию и Пруссию. Это уже неплохо по сравнению с анонимными «немцами» восточнославянских летописей. Попробуем оценить численность отряда, который граф Ангельберт привел под стены Полоцка. В данном вопросе мы будем опираться на результаты систематизации сведений о количестве участников поездок в Пруссию, которая была предпринята В. Паравичини применительно ко всей эпохе рейз [10, S. 177–181]. Вывод немецкого исследователя таков: короли и крупные владетельные персоны (герцоги, могущественные графы – такие как графы Голландии, маркграфы Мейсена) выставляли в поход не менее 100 «копий» (единица учета), графы «среднего звена» – 50–100 «копий», менее сильные графы и простые бароны – 20–50 «копий» [10, S. 181]. В тех случаях, когда источники позволяют определить численность «копья», оно состояло в среднем из четырех человек – рыцаря и трех воинов. При этом, как отмечает исследователь, никакой строгой закономерности не было: один и тот же граф мог выставить в одном походе 100 «копий», а в другой раз прибыть в Пруссию с тремя благородными попутчиками, как простой рыцарь.

Мы можем с уверенностью утверждать, что ситуация «путешествие простого рыцаря» не относится к рассматриваемому нами случаю. Экспедиция 1381–1382 гг. была хорошо подготовленным походом, в котором приняли участие два правящих графа, владения которых входили в число наиболее сильных княжеств в этом регионе Священной Римской империи. Кроме собственных контингентов из Марка и Клеве в рейзе приняли участие рыцари из других земель – Берга, Кёльна, Юлиха. Структура войска графа Ангельберта III в походе 1381–1382 гг. видится нам следующим образом: дружина самого Ангельберта из графства Марк, дружина Адольфа из графства Клеве, рыцари из других владений, объединенные, по обычаю Ордена, в отдельном отряде под знаменем святого Георгия. Возьмем среднее значение, предложенное В. Паравичини, и предположим, что каждый из этих контингентов насчитывал по 50 «копий», а «копье» включало в себя одного рыцаря и трех воинов. Произведенный таким образом расчет дает нам цифру в 600 человек, из которых 150 рыцарей. Это скорее нижняя граница численности участников экспедиции 1381–1382 гг.: так, упомянутый выше рыцарь Ангельбрехт Зоббе служил в 1356 г. в одном из локальных конфликтов с отрядом из 40 всадников [12, S. 463], мы же учитываем его как одного рыцаря в составе «копья». Рассчитанная цифра в 600 воинов поразительным образом совпадает с теми «600-ми господами», которых, согласно Герту ван дер Шюрену, граф Ангельберт потчевал в Кёнигсберге. Не будем воспринимать это совпадение буквально: традиция «почетного стола» не предполагала угощение простых воинов. Но, может быть, в этой цифре отразились какие-то сведения о численном составе экспедиции графа Ангельберта III, которыми располагал Герт ван дер Шюрен? Зафиксируем это предположение, но не будем на нем настаивать.

Для ответа на вопрос, много это ли мало – 150 «копий» или 600 воинов, – обратимся к битве при Клеверхамме, которая состоялась 7 июня 1397 г. Она интересна для нас тем, что в ней принимали участие как раз правители тех земель, историю которых мы рассматриваем: на одной стороне выступали графы Клеве и Марка, на другой – герцог Берга и его союзники из Гельдерна и Юлиха. В этой битве войско герцога Вильгельма Бергского потерпело полное поражение, вместе со своим сюзереном в плен попали 90 рыцарей (многие из них известны поименно) и 600 других воинов, было захвачено 1900 оседланных коней [21, S. 97–98]. Как видим, рассчитанное нами количество рыцарей и воинов в походе 1381–1382 гг. вполне сопоставимо с количеством бойцов в реальной битве 1397 г. Очевидно, что в рейзу «за море» должно было отправиться меньше воинов, чем правитель графства

мог выставить на своей земле. Поэтому не будем поддаваться соблазну увеличить численность войска на основании умозрительных соображений и остановимся на оценке контингента графа Энгельберта III и его союзников в 600 профессиональных воинов.

Рисунок. – Фрагмент «Белленвильского гербовника» (fol. 66v)

Примечание. – В верхнем ряду слева направо представлены гербы «Яна камерария Вормса», «Кваде», «Зоббе». В нижнем ряду первый герб принадлежит «Эшвайлеру», третий – «Книпроде»

Источник: [18].

По наблюдениям В. Паравичини, в период расцвета эпохи рейз орденские хронисты оценивали прибытые рыцарей-гостей в количестве более 300 «копий» как экстраординарное событие, 200–300 «копий» – как большое войско, 100–200 – как нормальное явление, менее 100 – как недостаточную помощь [10, S. 188]. Здесь необходимо ввести поправку с учетом «ливонского» коэффициента: подавляющее большинство рыцарей направлялось в Пруссию, до Ливонии добирались лишь немногие. Таким образом, 150 «копий» графа Энгельберта были весьма значительным военным контингентом, который серьезно усиливал собственные силы ливонского отделения Ордена. Приведем пример из истории большого восстания эстов в 1343 г.: в решающий момент великий магистр Тевтонского ордена направил на помощь ливонским братьям отряд в 700 «лучших конных воинов», с помощью которого рыцарям удалось переломить ситуацию в свою пользу [2, S. 503]. Резюмируя, можно сделать вывод, что организованная графом Энгельбертом III и его союзниками экспедиция стала важным фактором военной кампании 1381 г. Отряды нижнерейнских рыцарей серьезно усилили войско Ордена; появившаяся под стенами Полоцка «нѣмецкая рать» заслуживала тех определений, которые ей дали летописцы и хронисты.

Заключение. Подведем итоги данного исследования. Привлечение нового материала позволило посмотреть на один из эпизодов политической и военной истории Великого княжества Литовского из двух перспектив – восточной и западной. Для обеих перспектив это оказалось полезным. В фокусе восточной перспективы на месте анонимных «немцев» средневековых летописей и современной историографии появились имена десяти конкретных человек, вероятных участников осады Полоцка в 1381 г. – двух графов и восьми рыцарей. Стало понятно, кто были эти рыцари и как они появились под стенами Полоцка 10 августа 1381 г. Это дает нам возможность персонализировать историю, придать ей «человеческую» конкретность. По нашему мнению, это особенно важно применительно к истории восточноевропейского Средневековья, которая значительно слабее обеспечена источниками, чем история Латинского мира. Для взгляда из западной перспективы значимым является вопрос о мотивах, которые заставляли знать и рыцарство Нижнего Рейна отправиться в рейзы на восток Европы. «Зачем они ездили?» (*Weshalb sie fuhren?*), – так сформулировал эту проблему В. Паравичини и вынес её в заглавие своей книги [12]. Анализ обстоятельств военной экспедиции 1381–1382 гг. позволяет предложить ответ на этот вопрос и охарактеризовать её как «семейный крестовый поход», связанный с династической политикой графов Марка и Клеве. Из похода под город *Plosko* правители нижнерейнских княжеств привозили свою «добычу» – славу защитников Христианского мира от «злых жестоких язычников». Это был тот «символический капитал», который они конвертировали в реальную политику, а именно в консолидацию вокруг себя рыцарства своих владений и соседних земель. Есть основания полагать, что правители Марка и Клеве при проведении данной политики уделяли особое внимание Ливонии. Так, известно о деятельности при клеветском дворе в начале XV в. герольда «Ливония» (*Lijflant*) [12, S. 330]. «Ливонский вектор» отчетливо прослеживается в политике графов Марка и Клеве в XIV – первой половине XV в.

Наконец, уникально само упоминание Полоцка в «Клевской хронике» и похвальной песне «клеветского герольда». Как правило, при описании участия рыцарей в рейзах в Пруссию их авторы ограничиваются самыми общими словами и стереотипными фразами: «имярек был в походе в землях язычников и совершил там много подвигов». Упоминания населенных пунктов или каких-либо конкретных обстоятельств похода крайне редки. В этом контексте два независимых друг от друга упоминания Полоцка применительно к событиям 1381 г. свидетельствуют не только о резонансе, который вызвал этот поход в немецких землях. Они показывают значение Полоцка как крупного политического центра в регионе Балтийского моря, имя которого было известно и на Нижнем Рейне. Показывают эти упоминания и значение «Полоцкой войны» 1381 г. – по крайней мере, при дворе графов Марка и Клеве о ней помнили и в XV в. Выявление подобных свидетельств включает историю Беларуси в общий контекст истории Европы в период Средних веков – не в виде декларативных заявлений, а в виде реальных сведений источников, отражающих картину мира человека Средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские / Сост. и ред. тома Н.Н. Улащик. – М.: Наука, 1980. – 306 с.
2. *Scriptores rerum Prussicarum*. – Bd. 2 / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: S. Hirzel, 1863. – 866 S.
3. *Scriptores rerum Prussicarum*. – Bd. 3 / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Leipzig: S. Hirzel, 1866. – 730 S.
4. Лицкевич О.В. «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – 928 с.
5. Матузова В.И. Борьба за Полоцк в «Новой прусской хронике» Виганда Марбургского // Норна у источника Судьбы: сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. – М.: Индрик, 2001. – С. 254–258.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 640 с.
7. Псковские летописи / Пригот. к печ. А.Н. Насонов. – Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 146 с.
8. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. – Вып. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 365 с.
9. *Clevische Chronik nach der Originalhandschrift des Gert van der Schuren* / Hrsg. von R. Scholten. – Cleve: Druck und Verlag von Fr. Boss, 1884. – 278 S.
10. Paravicini W. Die Preussenreisen des europäischen Adels. – Teil 1. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1989. – 396 S.
11. Paravicini W. Die Preussenreisen des europäischen Adels. – Teil 2. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 1994. – 346 S.

12. Paravicini W. Adlig leben im 14. Jahrhundert. Weshalb sie fuhren: die Preußenreisen des europäischen Adels. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2020. – 808 S.
13. Подберезкин Ф.Д. Контактные персоны литовских князей в Пруссии (70–80-е гг. XIV века): штрихи к шести историческим портретам // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск, 2016. – Вып. 9. – С. 68–80.
14. Arnold U. Engelbert III. Graf von der Mark, seine Kreuzfahrten ins Heilige Land, nach Livland und nach Preußen // *Beiträge zur Geschichte Dortmunds und der Grafschaft Mark*. – 64. – Dortmund, 1968. – S. 77–95.
15. Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins oder des Erzstifts Cöln, der Fürstentümer Jülich und Berg, Geldern, Meurs, Cleve und Mark, und der Reichsstifte Elten, Essen und Werden / Hrsg. von Th. J. Lacomblet. – Bd. III. – Düsseldorf: In Commission der Schaub'schen Buchhandlung, 1853. – 992 S.
16. Nolte Th. Lauda post mortem. Die deutschen und niederländischen Ehrenreden des Mittelalters. – Frankfurt am Main; Bern: Peter Lang, 1983. – 328 S.
17. Мартынюк А.В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). – М.: Квадрига, 2019. – 576 с.
18. Armorial Bellenville. – Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. – Français 5230. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8470169b>.
19. Paravicini W. Edelleute und Kaufleute im Norden Europas / Hrsg. von J. Hirschbiegel, A. Ranft, J. Wettlaufer. – Sigmaringen: Jan Thorbecke, 2007. – 608 S.
20. Europäische Stammtafeln. Stammtafeln zur Geschichte der europäischen Staaten. Neue Folge / Hrsg. von D. Schwennicke. – Band XI: Familien von Mittel- und Oberrhein und aus Burgund. – Marburg: J.A. Stargardt, 1986. – 22 S., 162 Tafeln.
21. Schaumburg E. von. Die Schlacht im Cleverhamm, den 7. Juni 1397 // *Annalen des Historischen Vereins für den Niederrhein*. – Heft 9/10 (1861). – S. 81–106.

Поступила 25.04.2023

GERMAN CRUSADERS IN A BATTLE FOR POLOTSK IN 1381

A. MARTYNIUK

The article considers the events of the siege of Polotsk in 1381 during the struggle for power in the Grand Duchy of Lithuania after the death of Grand Duke Olgerd. Crusader knights from German lands participated in the siege of the city as part of the troops of the Livonian Order. The use of new sources made it possible to reconstruct the campaign, reveal the names of its participants and tentatively estimate the number of the crusader detachment. Two mentions of Polotsk in the German sources of the 14th century are introduced into the East European scientific discourse for the first time. These mentions demonstrate the resonance caused by the events of the “Polotsk War” in the German lands; they also show the importance of Polotsk as a political center in the Baltic Sea region.

Keywords: Polotsk, Grand Duchy of Lithuania, Livonian Order, Mark and Cleve Counties, Crusades, “Reysen”, chivalric poetry, visual sources.

УДК 378(470):94(474/476ВКЛ)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-44-46

ГЕНЕЗИС ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

И.В. КРАВЧЕНКО*(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

В статье раскрываются взгляды преподавателей высшей школы Российской империи XIX – начала XX вв. по проблеме генезиса Великого княжества Литовского, в трудах которых нашли отражение вопросы причин и времени образования ВКЛ, его этнического характера в XIII – первой половине XIV вв., а по итогам исследований были созданы целостные научные концепции. Автор приходит к выводу, что дореволюционными исследователями был накоплен значительный источниковый материал, расширены и углублены представления по проблеме генезиса и ранней истории княжества, получившие развитие в российской исторической науке с конца XVIII в., что содействовало созданию фундаментальных работ по истории ВКЛ, не утративших актуальности в настоящее время.

Ключевые слова: высшая школа Российской империи, историография, Великое княжество Литовское, генезис, концепция.

Введение. История Великого княжества Литовского в первой трети XIX в. рассматривалась автономно от средневековой русской истории. Актуализация вопросов истории ВКЛ в российской интеллектуальной среде произошла во второй четверти XIX в. Ведущими научными центрами изучения ранней политической истории ВКЛ в Российской империи стали Императорские университеты: Московский, Санкт-Петербургский и Святого Владимира в Киеве. Рассмотрение проблемы генезиса ВКЛ осуществлялось в контексте общероссийской истории в соответствии с идеологической доктриной «Православие, Самодержавие, Народность».

Основная часть. Преподаватели Императорских университетов XIX – начала XX вв., которые занимались разработкой проблемы генезиса Великого княжества Литовского, предпринимали попытки научного анализа важнейших аспектов ранней истории княжества: причин и времени возникновения государства, его этнического характера. Существенный вклад в разработку проблемы генезиса ВКЛ внёс Н.М. Карамзин: он первым среди российских историков сформулировал концепцию, согласно которой возникновение ВКЛ являлось результатом балтского завоевания славянских земель. Им были выдвинуты тезисы, которые получили дальнейшее осмысление в трудах дореволюционных исследователей по проблеме генезиса ВКЛ: во-первых, литовские племенные союзы не имели опыта построения государственности в отличие от населения удельных княжеств Древней Руси; во-вторых, литовцы значительно уступали в общественно-экономическом, культурном и политическом развитии. По мнению Н.М. Карамзина, ВКЛ возникло во второй четверти XIII в., а ведущую роль в процессе образования данного государства сыграл великий князь Миндовг [1, с. 81]. Профессор Императорского Московского университета М.П. Погодин поддержал гипотезу Н.М. Карамзина о времени возникновения ВКЛ. Кроме того, он нашёл вполне обоснованную точку зрения о подчинении литовцами восточнославянских земель силой оружия, отмечая, что этому способствовали многочисленные междоусобные войны и тяжёлое положение уделов Древней Руси после монгольского нашествия [2, с. 88]. Идея связать укрепление позиций литовских племён в регионе с ослаблением древнерусских удельных княжеств вследствие разорения их монголами была качественно новым явлением в российской исторической науке XIX в.

Определяющей тенденцией в историографии второй трети XIX в. стало написание преподавателями высшей школы Российской империи трудов в соответствии с теоретической концепцией «официальной народности», сформулированной министром народного просвещения С.С. Уваровым, историками М.П. Погодиным и С.П. Шевырёвым. В связи с активизацией процессов колонизации национально-освободительного движения на территории белорусских губерний, в научной среде обрели популярность славянофильские и великодержавные концепции истории «Западной Руси». Одним из первых, кто использовал теорию «официальной народности» в контексте «Западной Руси» был профессор русской истории Императорского Санкт-Петербургского университета Н.Г. Устрялов. Историк предложил авторскую концепцию, во многом отличавшуюся от научных теорий Н.М. Карамзина и М.П. Погодина. По мнению Н.Г. Устрялова, генезис ВКЛ представлял собой результат политической и культурной ассимиляции восточными славянами балтских племен. Учёным впервые был выдвинут тезис о приоритетной значимости «русского» элемента над «балтско-литовским» в процессе зарождения ВКЛ. Согласно концепции образования ВКЛ, предложенной Н.Г. Устряловым, истинным основателем данного государства стал Гедимин (начало XIV в.). Произошло это, благодаря его активной внешней политике, направленной на территориальную экспансию, а также грамотно заключённым с политической точки зрения брачным договорам. Гедимин смог утвердить единоличное правление, приняв титул Великого князя Литовского и Русского, а также основать династию, представители дома которой управляли государством до середины XVI в. [3, с. 175].

Ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Коялович, рассматривая проблему генезиса ВКЛ, отмечал формирование в XII в. «западного» и «восточного» политических центров в Галицко-Волынском и Суздальском княжествах. Изменение их локализации в середине XIII в. было обусловлено нашествием немецких рыцарей и монголо-татар, что привело к миграции населения юго-восточных земель Прибалтики и западнорусских земель. Результатом миграционных процессов стало образование ВКЛ [4, с. 26]. По мнению М.О. Кояловича, русские князья были согласны подчиниться литовцам взамен на военную поддержку

в борьбе с монголо-татарами, а литовцы – уступить «сильному Русскому элементу на всех пунктах соприкосновения с ним, особенно в сфере государственной и религиозной» [4, с. 28]. Историк подчеркнул значимость фигуры князя Миндовга в ранней истории ВКЛ, отметив успешность проводимой им внешней политики, в частности, подчинение земель в пределах бассейнов Днепра, Припяти и Западной Двины. Таким образом, М.О. Коялович предложил концепцию генезиса ВКЛ, которая объединила ключевые положения концепций Н.М. Карамзина и Н.Г. Устрялова, а именно, что население восточнославянских земель не оказывало сопротивления литовцам, завоевавшим земли удельных княжеств Западной Руси.

По мнению профессора Московского университета И.Д. Беляева, литовские племена значительно уступали в общественно-политическом развитии славянам, однако смогли создать союз для борьбы с внешними врагами. Начиная с конца XII в., феодальная раздробленность на землях Руси привела к смещению доминанты в союзе в сторону литовцев. Ключевым положением предложенной учёным концепции генезиса ВКЛ являлась политико-культурная ассимиляция литовцев славянами, а также славянский, «русский» этнический характер княжества. Возникновение ВКЛ И.Д. Беляев относил ко времени правления великого князя Гедимина (первая половина XIV в.), при этом не умаляя заслуг Миндовга, деятельность которого была направлена на упрочнение единоличной власти [5, с. 84].

Изучением проблемы генезиса ВКЛ занимался профессор Императорского университета Святого Владимира В.Б. Антонович, являвшийся одним из наиболее авторитетных историков второй половины XIX в. По мнению исследователя, появление упоминаний о литовских городах в письменных источниках не ранее первой половины XIII в. свидетельствовало об отсутствии традиций государственности у литовцев. В.Б. Антонович отмечал, что в регионе возникли объективные предпосылки для образования государства: децентрализация и междоусобная борьба в княжествах Западной Руси привели к учащению набегов литовцев с целью получения добычи. Переняв опыт общественно-политического устройства у княжеств Западной Руси, литовцы заменили мирную власть жречества, «...опирающуюся исключительно на нравственное влияние, властью князей, вооружённых мечом» [6, с. 15]. Процесс собирания литовскими князьями земель Западной Руси, пострадавших от затянувшихся междоусобных войн, завершился к началу XIV в. Образование ВКЛ В.Б. Антонович связывал с правлением князя Миндовга в Новгородских владениях на землях Чёрной Руси, подчеркнув, что при данном князе государство достаточно окрепло, чтобы не распасться после его смерти [7, с. 30].

По мнению М.С. Грушевского, пассивность литовских племён до начала XIII в. была обусловлена отсутствием мощной политической организации. Нестабильность в славянских землях, а также угроза со стороны немецких орденов подтолкнули литовцев к решительным действиям в отношении соседних территорий. Факт завоевания славянских земель литовцами стал определяющим тезисом в концепции генезиса ВКЛ, предложенной М.С. Грушевским. Формирование государства, обусловленное политической эволюцией литовских племён, исследователь относил к 30-м гг. XIII в., а сам факт образования ВКЛ охарактеризовал как «... спасение от политической смерти» [8, с. 6].

Представитель киевской школы историографии в области изучения права Ф.И. Леонтович предполагал, что мощным импульсом для образования ВКЛ послужил натиск со стороны немецких рыцарей, который он сравнивал с монголо-татарским нашествием на территорию Руси. Исследователь отмечал этнографическую и культурную тождественность литовских племён при отсутствии политических связей между ними. Факт раннего завоевания литовцами земель Руси Ф.И. Леонтович поставил под сомнение, признавая возникновение государственной платформы ВКЛ только при Миндовге. Учёный отметил «приязнь» литовских князей и населения удельных княжеств Руси, видевшего в литовцах защиту от монголо-татар [9, с. 81].

Идеи В.Б. Антоновича и М.С. Грушевского оказали влияние на М.В. Довнар-Запольского. Вместе с тем, ему удалось создать собственную, отличавшуюся от других концепцию генезиса ВКЛ. Он отмечал стремление литовских племён к созданию государства в середине XIII в. Среди причин объединения литовцев учёный выделил военную угрозу со стороны полоцких и галицких князей, а также немецких духовно-рыцарских Орденов. Рассматривая характер взаимоотношений великих князей литовских и «русских» территорий, историк придерживался идеи мирного вхождения этих земель в состав ВКЛ, отрицая завоевание их литовцами, которые находились на более низком ступени организации, нежели население присоединённых территорий. Он считал, что ВКЛ представляло собой федерацию, в которую русские земли, княжества входили добровольно, а основой существования федерации были договорные отношения [10, с. 236]. По мнению М.В. Довнар-Запольского, истоки государственности были заложены при князе Миндовге, а возникновение ВКЛ пришлось на первую половину XIV в., т.е. период правления князей Гедимина и Ольгерда, объединивших все литовские племена, западнорусские и жмудские земли.

Согласно концепции генезиса ВКЛ, предложенной ординарным профессором Императорского Московского университета М.К. Любавским, до князя Миндовга у литовцев не было государственной власти, а их политическое объединение началось в конце XII в. с целью отведения внешней агрессии и осуществления грабительских походов в соседние земли. К середине XIII в. особое значение приобрела фигура великого князя, который подчинил остальных князей и кунигасов. М.К. Любавский считал, что к моменту создания ВКЛ литовцы находились на достаточно высоком уровне развития политической и социально-экономической жизни, тем самым историк отказался от тезиса о ведущей роли «русского элемента» в создании государства. Первым великим князем литовским исследователь считал Миндовга, а временем возникновения ВКЛ – XIII в. По мнению историка, нашествие монголо-татар на удельные княжества Древней Руси стало важной причиной образования ВКЛ, так как оно предопределило разрыв связей Смоленска, полоцких и витебских земель, подтолкнув их к вхождению в состав ВКЛ. М.К. Любавский определил ВКЛ как федерацию земель, состоявшую из собственно Литвы, присоединённых русских земель и территорий,

вошедших в состав государства посредством заключения договоров [11, с. 14]. В вопросе определения этнического характера М.К. Любавский выступал за бизтнический, «литовско-русский» характер ВКЛ. Применяя термин «русский», учёный подразумевал восточнославянское население этих земель.

Заключение. Таким образом, преподаватели высшей школы Российской империи, начиная со второй четверти XIX в. обратились к проблеме генезиса ВКЛ. Исследователями были разработаны целостные концепции, в рамках которых получили научно обоснованное освещение вопросы причин и времени возникновения ВКЛ, его этнического характера. Вместе с тем, выработать единые подходы в отношении данной проблематики учёным не удалось.

Согласно «концепциям завоевания» Н.М. Карамзина и М.П. Погодина, образование ВКЛ стало результатом завоевания литовскими племенами славянских земель. Не отрицая гипотезу литовского завоевания, В.Б. Антонович и М.С. Грушевский предполагали, что литовцы, благодаря заимствованию опыта у славян, находились на надлежащей стадии общественного развития для создания собственной государственности. Концепции генезиса ВКЛ, предложенные И.Д. Беляевым и Н.Г. Устряловым, основывались на представлении, что образование ВКЛ стало результатом политической и культурной ассимиляции литовцев славянами. Попытка объединения концепций «завоевания» и «добровольного подчинения» нашла отражение в воззрениях М.О. Кояловича.

По мнению преподавателей Императорских Московского и Санкт-Петербургского университетов важнейшим фактором, способствовавшим образованию ВКЛ, стало монголо-татарское нашествие, потребовавшее сплочённости от населения русско-литовских земель. В свою очередь, представители киевской школы историографии, отмечая значимость монголо-татарского нашествия в качестве важнейшей причины образования, также выделяли угрозу со стороны немецких духовно-рыцарских Орденов.

Представители высшей школы Российской империи XIX – начала XX вв. не выработали единого подхода к проблеме этнического характера ВКЛ. Н.Г. Устрялов, И.Д. Беляев, Ф.И. Леонтович отмечали значение «русского», славянского элемента в генезисе ВКЛ. Н.М. Карамзин, В.Б. Антонович и М.К. Любавский высказывались в пользу бизтнического, «литовско-русского» характера ВКЛ, по-разному определяя роли славянского и балтского этносов в новом государстве.

Возникновение ВКЛ российские дореволюционные исследователи преимущественно связывали с личностью князя Миндовга. Относительно времени создания данного государства точки зрения исследователей разделились: Н.М. Карамзин, В.Б. Антонович, М.С. Грушевский считали, что процесс зарождения ВКЛ начался в первой половине XIII в., а историки Н.Г. Устрялов, М.О. Коялович, И.Д. Беляев, М.В. Довнар-Запольский настаивали на более позднем периоде – первой половине XIV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1818–1829. – Т. 4. – 1819. – 560 с.
2. Погодин М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. – 2-е изд. – М.: Унив. тип., 1837. – 408 с.
3. Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 г. – Петрозаводск: Фолиум, 1997. – 958 с.
4. Коялович, М.О. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношение к России и Польше. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1865. – 862 с.
5. Беляев, И.Д. Рассказы из русской истории: в 4 т. / И.Д. Беляев. – М.: Синодальная тип., 1861–1872. – Т. 4 : История Полоцка или Северо-Западной Руси, от древнейших времён до Люблинской унии. – 1872. – 456 с.
6. Антонович, В.Б. Очерк истории великого княжества Литовского до половины XV столетия. – Киев: Унив.тип., 1878. – 156 с.
7. Антонович, В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. – Киев: Тип. Е.Я. Фёдорова, 1885. – 351 с.
8. Грушевський, М.С. Історія України-Русі: у 10 т. – Львів, 1898–1936. – Т. 4 : XIV–XVI – відносини політичні. – 1907. – 545 с.
9. Леонтович, Ф.И. Очерки истории литовско-русского права / Ф.И. Леонтович. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1894. – 410 с.
10. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі. – Мінск: БелЭн імя П. Броўкі, 1994. – 510 с.
11. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно. – М.: Худ. тип., 1915. – 405 с.

Поступила 10.10.2022

GENESIS OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN RESEARCH OF HIGHER SCHOOL TEACHERS OF THE RUSSIAN EMPIRE

I. KRAVCHENKO

(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article reveals the views of higher school teachers of the Russian Empire in the XIX - early XX centuries on the problem of the genesis of the Grand Duchy of Lithuania, whose works reflected the questions of the causes and time of the formation of the Grand Duchy of Lithuania, its ethnic character in the 13th - the first half of the 14th centuries, and as a result of the research, integral scientific concepts were created. The author comes to the conclusion that pre-revolutionary researchers accumulated significant source material, expanded and deepened their ideas on the problem of the genesis and early history of the Duchy, which were developed in Russian historical science from the end of the 18th century and contributed to the creation of fundamental works on the history of the Grand Duchy of Lithuania that haven't lost their relevance currently.

Key words: higher school of the Russian Empire, historiography, the Grand Duchy of Lithuania, genesis, concept.

УДК 329.14(470.25)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-47-50

**ВКЛАД БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИЙ В РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ Н.М. РОМАНОВА «РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ НЕКРОПОЛЬ»****Г.Н. БЕЛЯЕВА***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*

В статье представлена история реализации проекта председателя Императорского исторического общества великого князя Николая Михайловича Романова по сбору материалов к изданию четырех томов «Русского провинциального некрополя», проанализирован вклад Виленской, Минской, Могилевской, Гродненской, Полоцкой консисторий, священников белорусских епархий по сбору эпитафий с надгробий духовных лиц, дворян и наиболее крупных общественных деятелей Российской империи (частично Великого княжества Литовского, Речи Посполитой) для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя», проведен анализ биографий усопших, их деятельность скоррелирована с событиями истории Беларуси XV – начала XX в.

Ключевые слова: некрополь, надгробия, эпитафии, биографии, исторический источник.

Введение. Сохранившиеся в фондах Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге (РГИА) материалы, собранные белорусскими консисториями для публикации 4-го тома издания «Русский провинциальный некрополь» великого князя Н.М. Романова, можно считать важным источником по истории Беларуси. Изучение историографии показало, что в 90-е гг. XX в. материалы 1-го тома «Русского провинциального некрополя», содержание неопубликованных материалов из фондов Н.М. Романова нашли отражение в работах российских и украинских исследователей А.В. Кобака, Ю.М. Пирютко, Л.А. Проценко, М.И. Роднова, С.Ю. Шокарева, Т.С. Царьковой [5; 9; 10; 22; 25] и др. Источниковедческий анализ, археографическое описание материалов архива был сделан Д.Н. Шиловым [24]. Исследование материалов, собранных белорусскими епархиями в 1908–1912 гг. носит актуальный характер, так как большинство упоминаемых в списках храмов, некрополей, надгробий, к настоящему моменту утрачено. Несмотря на то, что сохранившиеся в фондах архива эпитафии являются источником по истории Беларуси XIX – начала XX века (частично XV–XVIII вв.), изучение документов с позиции источниковедения, определение степени участия белорусских консисторий в реализации проекта Н.М. Романова ни отечественными, ни зарубежными исследователями проведено не было.

С целью определения вклада белорусских епархий в реализацию проекта «Русский провинциальный некрополь» была изучена переписка участников проекта, проанализированы 4701 эпитафия с территории 846 некрополей, присланные Минской, Могилевской, Полоцкой, Гродненской, Виленской консисториями.

Основная часть. В 1907–1908 гг. под патронажем великого князя Н.М. Романова (1859–1919 гг.) с целью сохранения памяти о деятелях государственной и общественной жизни страны в Российской империи был начат научный проект по сбору данных о погребенных в церквях и на кладбищах духовных лиц дворян, наиболее крупных общественных деятелях [11, с. 5]. Опыт работы в области некрополистики уже имелся: в 1907–1908 гг. благодаря усилиям историка литературы, библиографа В.И. Саитова (1849–1938 гг.) и генеалога, историка литературы Б.Л. Модзалевского (1874–1928 гг.) вышло в свет трехтомное издание «Московский некрополь», в 1912–1913 гг. – четырехтомное издание «Петербургский некрополь» [13, с. 3–4]. Параллельно по всей территории Российской империи велась работа по сбору материалов для издания четырех томов «Русского провинциального некрополя».

Понимая, что осуществить целый ряд научных экспедиций практически невозможно, 30 октября 1908 г. инициаторы проекта обратились с письмом к обер-прокурору Святейшего Синода П.П. Извольскому [15]. Переписку с епархиальными властями вел секретарь великого князя А.А. Гоздаво-Голомбиевский (1863–1913 гг.), с января 1910 г. – архивист В.В. Шереметевский (1963–1943 гг.) [24, с. 13]. Первоначально в письмах фигурировали названия «Русский некрополь» [17, л. 77], «Всероссийский некрополь» [17, л. 30], с 20 февраля 1913 г. – «Русский провинциальный некрополь» [17, л. 69].

Сохранившаяся переписка позволила определить затруднения, с которыми столкнулись составители «Некрополя»: невозможность проверить достоверность донесений, многие рапорты писались с ошибками, неразборчиво, во многих донесениях прослеживалось стремление духовенства отписаться от полученного поручения, часто священники ссылались на зиму, мешающую исследованию захоронений [17, л. 22; 16, л. 33]. Представлялись неполные сведения: «не совсем истлевшее погребение 1654 г.» [20, л. 17], «предки графа Косаковского» [20, л. 75] и т.п. Сбору материалов препятствовало варварское отношение местных жителей к надгробиям, их целенаправленное разрушение, использование в качестве строительного материала [17, л. 22]. Священники по-разному понимали свою задачу. «Важным камнем преткновения для духовенства даже и после всех сделанных разъяснений является вопрос о том, кого должно вносить в список погребенных», – указывал В.В. Шереметевский [17, л. 21]. Так, настоятельница Успенского женского монастыря г. Орши объясняла, что она искала среди усопших крупных общественных деятелей, «так как лиц, погребенных во вверенном мне монастыре я не считаю за таковых, то и не представила список» [16, л. 105]. Архивист указывал еще на одну ошибку: «полное игнорирование лиц женского пола» [17, л. 21]. Анализ документов показал обоснованность замечания: из 4701 эпитафии мужчинам принадлежало 3727 (79,3%), женщинам – 944 (20,1%), не удалось идентифицировать 30 (0,6%).

Некрополисты отмечали, что в донесениях сельских причтов содержатся более полные и подробные сведения, что объяснялось наличием нескольких могил, имеющих памятники. Городские священники усердия не

проявляли [17, л. 21]. Предполагаем, что по этой причине и не были внесены в рапорты протоиереев, соответствующие инструкции 70 эпитафий с надгробий Машековского кладбища, г. Могилева, 73 – с кладбища Феодоровского собора г. Пинска, 3 – с Софийской кладбищенской церкви г. Бобруйска, 16 – с кладбища при Соборной-Воскресенской церкви г. Орша, 8 – Переспенского кладбища г. Минска, сохранившиеся к 2021 г. В.В. Шереметевский отмечал разнохарактерность материалов. Действительно, сведения с захоронений могилевских кладбищ, женского монастыря г. Орши даны кратко: фамилия, имя, отчество, даты жизни, наличие памятника [16, лл. 108, 161], духовенство Буйничского Свято-Духова женского монастыря представило подробную характеристику памятников [16, л. 97], в материалах Виленского госпитального кладбища в списках были указаны ряд и номер погребения [18, лл. 251–260].

14 марта 1910 г. великий князь Николай Михайлович повторно обратился к новому обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову с констатацией факта, что сведения из многих епархий так и не доставлены [15, л. 96]. В результате 27 марта 1910 г. по епархиям был разослан новый указ с приложением инструкции, разработанной на принципах, заложенных в изданном к этому времени «Московском некрополе» и готовящемся к публикации «Петербургском некрополе». Основными условиями отбора фамилий для внесения в списки стало наличие памятника, принадлежность к сословию духовенства, дворян, местным старым купеческим родам, военная или гражданская служба, меценатство. В списки рекомендовалось вносить сведения о педагогах, общественных деятелях, писателях, издателях, редакторах и наиболее видных сотрудниках газет, художниках, актерах [24, с. 107]. Однако время было упущено, в большинстве случаев священники не возвращались к коррекции собранных сведений.

22 декабря 1909 г. Гродненской консисторией был представлен сводный список православных погребений (выявлено 693 эпитафии с территории 217 некрополей). Виленская епархия дослала затребованные сведения 2 января 1910 г. (1719 эпитафий с территории 151 некрополя), Минская епархия – 10 августа 1910 г. (1194 эпитафии, 213 некрополей). В письмах В.В. Шереметевского за 1910 г. среди должников числились Могилевская и Полоцкая консистории [17, л. 15]. Могилевская консистория дослала сводные списки 13 октября 1911 г., 3 ноября 1911 г. по запросу составителей были представлены и подлинные рапорты (652 эпитафии с территории 178 некрополей). Полоцкая епархия переслала подлинные донесения раввинов 12 октября 1910 г., сводный список с православных некрополей был отправлен 25 января 1912 г. (443 эпитафии, 87 некрополей) [17, л. 10].

В августе 1913 г. скончался А.А. Гоздаво-Голомбиевский [24, с. 72]. Главной движущей силой подготовки и публикации «Русского провинциального некрополя» стал В.В. Шереметевский. Он разработал основную концепцию содержания издания, предложив классифицировать материалы в алфавитном порядке по фамилиям, опубликовать их в четырех томах, разбив на отделы: Западнорусский, Восточнорусский, Севернорусский, Южнорусский. Епархии «с преобладанием польского, немецкого и шведско-финского элемента в высших классах населения» (Варшавская, Волынская, Гродненская, Литовская, Минская, Могилевская, Полоцкая, Холмская, Подольская, Рижская епархии и Финляндия) он предложил включить в четвертый том издания [17, лл. 11–12].

Первый том «Русского провинциального некрополя» был издан 20 декабря 1913 г. [24, с. 91]. В 1914 г. великий князь Н.М. Романов приостановил реализацию проекта в связи с начавшейся Первой мировой войной. В 1919 г. он был расстрелян, материалы неопубликованного «Некрополя» чудом сохранились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). Изучение архивов великого князя Н.М. Романова позволило определить 4 701 эпитафию с территории 846 некрополей Минской, Могилевской, Полоцкой, Гродненской, Виленской епархий. Захоронения датируются 1368–1909 гг. Из 3581 надгробной надписи, содержащих даты, 65 (1,8%) относятся ко временам Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, 3516 (98,2%) – к периоду, нахождения белорусских земель в составе Российской империи.

Самая ранняя безымянная эпитафия, внесенная в списки, располагалась в д. Сынковичи Гродненской епархии на стене подвала храма святого Архангела Михаила: «Multis ille bonis flebi lis occidit. A.D. 1368» («Он умер, оплакиваемый многими хорошими (людьми)») [1]. Одними из самых ранних идентифицированных надписей являются эпитафия на саркофаге того же храма – 1471 г., погребена Софья Полубинская [20, л. 11] и надпись на надгробии Маложейковской церкви Виленской епархии: «Год от Рождества Христова 1469. Христов раб Иерей Авраам» [18, л. 59]. Списки белорусских консисторий позволили определить границы епархий деканатов, названия кладбищ начала XX века. Так, современное Оршанское кладбище г. Горки Могилевской области в списках упоминается как Успенское [16, лл. 142–143], Минское кладбище г. Бобруйска – как кладбище при Софийской Бобруйской церкви [19, лл. 21–22] и т.д.

Материалы, присланные белорусскими консисториями, являются единственным в белорусской историографии комплексным источником по некрополистике, позволяющем определить места расположения надгробий XIV – начала XX в., многие из которых были утрачены к 2022 г. Исследования на местности Воскресенского кладбища г. Могилева показало, что из 69 захоронений, вошедших в списки, до наших дней дошло 17 (24,6%), из 122 захоронений кладбища Феодоровского собора г. Пинска – 17 (14%), из 314 надгробий Переспенского кладбища г. Минска – 0 и т.д. Изучение донесений, присланных белорусскими консисториями, позволило уточнить, дополнить биографии многих исторических лиц, соотнести их деятельность с различными периодами истории Беларуси XV – начала XX в. Как пример, в храме святого Архангела Михаила в д. Сынковичи Гродненской епархии была похоронена Софья Полубинская [20, л. 11]. Исследование показало, что усопшая принадлежала к роду Андрея Полоцкого – сына князя Великого княжества Литовского Ольгерда. Это позволило выдвинуть новую версию о фундаторах и времени основания Сынковичского храма [1]. Материалы Луцкого кафедрального собора указывают на место захоронения одного из инициаторов Берестейской церковной унии 1596 г. – епископа Луцкого и Острожского К. Терлецкого [20, л. 34]. Эпитафия с надгробия генерал-аншефа М.Н. Кречетникова напрямую связана с событиями Второго раздела Речи Посполитой [19, л. 76], она копирует первый абзац Манифеста

от 27 марта 1793 г. «О присоединении Польских областей к России» [7, с. 153–154]. Рапорт священника 2-го района Варшавского военного округа указывает на битву 8 сентября 1794 г. у д. Полятичи. Донесение подтверждает дату сохранившегося до наших дней памятника – 1902 г. [14, л. 32].

«Некрополь» знакомит нас с эпитафиями участников войны 1812 г. генерала А.П. Мелессино [16, л. 140], генерала Я.П. Кульнева [21, л. 42], генерал-майора А.И. Энгельгардта [20, л. 77], генерал-майора Е.Е. Гампера [20, л. 11] и др., уточняет дату смерти генерал-лейтенанта П.Д. Каховского – 1840 г. [21, л. 42] (дата подтверждается материалами «Памятной книжки Витебской губернии на 1865 г.» [8, с. 69], но противоречит другим источникам – 1831 г. [12, с. 421]). Расхождение «Некрополя» и современных изданий касается даты рождения генерал-лейтенанта А.Ф. Ляховича – 1776 г. [20, л. 73], 1770 г. [6, с. 398–399], звания участника сражения при Сволне С.В. Денисьева [21, л. 42; 23]. Материалы «Некрополя» отражают отношение составителей рапорта к дворянам, оказавшим поддержку французским войскам в войне 1812 г.: Л. Ошторпа [19, л. 34], И.М. Косаковского и С.И. Косаковского [2; 20, л. 75]. В войне 1812 г. они выступили на стороне Наполеона I. Полученное позднее прощение от императора Александра I стало основанием для включения этих дворян в списки. Захороненный в имении Гуты Гродненской губернии командир 1-й бригады 16-й пехотной дивизии К.К. Юргенсон [20, л. 36] в молодости участвовал в Даргинской экспедиции (1844–1846 гг.) [18, с. 909], генерал-майор Я.И. Малофеев [19, л. 5] обвинялся в причастности к восстанию декабристов [4, с. 360, 365], генерал И.Е. Штаден участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. [20, л. 62]. Эпитафия штабс-капитана Е.В. Свечина рассказывает о сражении под Понарами: «убит у подножия сей горы в сражении 7 июня 1831 г., где русские войска разбили мятежников, понеся потери в 364 человек» [18, л. 149]. В иных источниках фигурирует цифра в 360 человек [3, с. 578–579].

«Некрополь» содержит информацию о захоронениях двух оппонентов в вопросе присоединения униатской церкви к православной: о епископе Полоцком Василии (Лужинском) [27, л. 35] и епископе Пинском Иосафате (Жарском) [20, л. 17], о разработчике «Манифеста о введении всеобщей воинской повинности» генерал-лейтенанте Н. Ф. Шнитникове [19, л. 4], об участниках Крымской войны 1855–1856 гг. генерал-майорах М.П. Хондакове [21, л. 38] и И.И. Ренгартене [19, лл. 20–21] и др. Надгробные надписи 26 пострадавших в период восстания 1863–1864 гг. позволяют сделать вывод, что составители «Некрополя», заказчики памятных надгробий характеризовали данное событие как «польский мятеж». Благодаря «Некрополю» удалось дополнить списки погибших в восстании 11 фамилиями нижних чинов инвалидной команды м. Горки Могилевской епархии [22, л. 142]. «Некрополь» позволил определить надгробия, принадлежавшие участникам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: И.П. Пославский [18, л. 257], С.Я. Тимофеев [20, л. 41], капитан Д.В. Соколов [19, л. 17], генерал-лейтенант И.К. фон Бурзи [19, лл. 20–21] и др., Русско-японской войны 1904–1905 гг.: мичман флота Б. Шишко [21, л. 38], Н.К. Сцепуро [20, л. 55], подполковник В.Н. Петровский [20, л. 34], А. Лойко [20, л. 75] и др. В эпитафиях полицейских Ф.Г. Ильюкевича, В. Заца, В.Я. Ермаловича, А.А. Шкляревича [19, лл. 5–14], поверенного минского окружного суда П.Е. Стеблина [19, л. 9] отражены события первой русской революции 1905–1907 гг.

Материалы «Некрополя» являются источником, позволяющим дополнить историю строительства, реконструкции многих культовых сооружений Беларуси (Глубокская церковь Виленской епархии [18, л. 52], костел Святого Роха в Полоцке [18, л. 296], Спасский монастырь г. Кобрин [20, л. 38] и т.д.), восстановить историю служения священнослужителей Кафедрального Петро-Павловского, Свято-Екатерининского соборов г. Минска [19, л. 7], дополнить историю расквартированного в Беларуси Имеретинского пехотного полка № 157 40-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса, историю Бобруйской крепости [19, л. 21], назвать имена многих фундаторов и строителей храмов.

Подводя итоги можно сказать, что собрания «Русский провинциальный некрополь» представляют собой уникальный, а зачастую и единственный свод биографических данных общественных деятелей Беларуси XV – начала XX вв., что является важным источником для составления, уточнения родословий, идентификации останков погребенных, восстановления памятников культовой архитектуры.

Заключение. Таким образом, реализация широкомасштабного проекта, охватывающего территорию всей Российской империи, была невозможна без покровительства одного из первых лиц государства – великого князя Н.М. Романова, без помощи его ближайших помощников А.А. Гоздаво-Голомбиевского, Б.Л. Модзалевского, В.И. Саитова, В.В. Шереметевского. Методологической основой отбора материалов для публикации «Русского провинциального некрополя» стали инструкции В.В. Шереметевского, разработанные на принципах, заложенных Б.Л. Модзалевским и В.И. Саитовым в изданиях «Московский некрополь», «Петербургский некрополь».

Духовенство белорусских епархий не проявило должного рвения в сборе материалов, среди должников числились Полоцкая и Могилевская консистории. Духовенство по-разному понимало поставленные задачи, что отразилось на содержании, выразилось в разнохарактерности материалов. Разработанная в 1910 г. (спустя два года после начала реализации проекта) инструкция не имела большого значения: время было упущено, в большинстве случаев священники не возвращались к уже проделанной работе, корректировку данных не проводили. Материалы, собранные Виленской, Минской, Могилевской, Гродненской, Полоцкой консисториями в 1908–1912 гг. для публикации 4-го тома «Русского провинциального некрополя» великого князя Н.М. Романова, сохранились в фондах Российского государственного исторического архива. Удалось выявить 4701 эпитафию с территории 846 некрополей. Сведения, присланные белорусскими консисториями, являются единственным в белорусской историографии комплексным источником по некрополистике, позволяющим определить места расположения надгробий XV – начала XX в., многие из которых к 2022 г. были утрачены.

Неопубликованные доклады и рапорты «Некрополя» являются источником по истории Беларуси XVIII – XIX вв. (частично XV – XVIII вв.), позволяющим соотнести территориально-административное деление губерний с епархиями и деканатами, вводящим в научный оборот тысячи имен, дат, указаний на родственные, имущественные, служебные отношения людей, живших в XV – начале XX в. в Великом княжестве Литовском, Речи

Посполитой, Российской империи. С их помощью можно дополнить, уточнить их биографии, определить участников тех или иных исторических событий, их роль в истории, соотнести деятельность, биографии погребенных с различными периодами истории Беларуси XV – начала XX в., судить об отношении составителей рапортов, членов консистории, заказчиков памятников к тем или иным историческим событиям, подтвердить, уточнить, опровергнуть многие известные исторические факты.

Содержание эпитафий является отражением общественно-политических, религиозных процессов, происходивших на территории белорусских земель в XV – начале XX в. Применение сословно-генеалогического, гендерного, конфессионального принципов отбора материалов снизило количество переписанных эпитафий. Вместе с тем, сохранившиеся к 2022 г. надгробия свидетельствуют о неполноте списков, ошибках, неточностях, допущенных переписчиками, составителями сводных списков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева Г.Н., Лавринович Д.С. Сынковичский храм в материалах неопубликованного «Русского провинциального некрополя» // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2021. – № 3. – С. 18–24.
2. Большая Берестовица. Тутэйшыя [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/334wx5>. (дата обращения: 26.11.2022).
3. Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого и др. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915. – Т. 18: 1915 г. – 358 с.
4. Декабристы. Биограф. справ. / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Наука, 1988. – 448 с.
5. Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. – 2-е изд. – М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2011. – 800 с.
6. Лукашевич А.М. Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси. – Минск: Харвест, 2012. – 287 с.
7. Манифест от 27 марта 1793 года Генерал-Аншефа Кречетникова «О присоединении Польских областей к России» // Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо; Бел. дзярж. ун-т. юр. фак. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2001. – 363 с.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1865. – 128 с.
9. Проценко Л.А. Історія Київського некрополя / под ред. В.С. Трубенко. – Київ, 1995. – 413 с.
10. Роднов М.И. Уфимский некрополь. – СПб.: ООО «Свое издательство», 2015. – 176 с.
11. Романов Н.М. Русский Провинциальный Некрополь: в 4 т. – М.: Тип.-лит. тов-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. – Т. 1. – 1020 с.
12. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.): альм. Вып. VII. – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1996. – 656 с.
13. Саитов В.И. Петербургский некрополь: в 4 т. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912–1913. – Т. 1. – 735 с.
14. Управление делами Великого Князя Николая Михайловича. Министерство иностранных дел // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 549. Оп. 2. Д. 2. Л. 31–32.
15. РГИА. – Ф. 549. Оп. 1. Д. 1096. Л. 86–96.
16. РГИА. – Ф. 549. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–188.
17. РГИА. – Ф. 549. Оп. 1. Д. 1103. Л. 8–15.
18. РГИА. – Ф. 549. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–289.
19. РГИА. – Ф. 549. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–99.
20. РГИА. – Ф. 549. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–84.
21. РГИА. – Ф. 549. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–44.
22. Царькова Т.С. Рыбинский некрополь (по картотеке Н.К. Эссена из архива Б.Л. Модзалевского). – СПб., 1998. – 78 с.
23. Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/index.html>. (дата обращения: 22.12.2021).
24. Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: История создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – СПб., 2005. – 174 с.
25. Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 488 с.

Поступила 01.03.2023

CONTRIBUTION BY THE BELARUSIAN DIOCESEES TO THE IMPLEMENTATION OF GRAND DUKE N. M. ROMANOV'S PROJECT "RUSSIAN PROVINCIAL NECROPOLIS"

G. BELYAEVA

(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article presents the history of the project led by the Chairman of the Imperial Historical Society Grand Duke Nikolai Mikhailovich Romanov to collect materials for the publication of four volumes of the "Russian Provincial Necropolis". It analyses the contribution of Vilna, Minsk, Mogilev, Grodno, Polotsk consistories as well as priests of the Belarusian dioceses in collection of epitaphs from the tombstones of clerics, nobles and the most prominent public figures of the Russian Empire (partially the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth) for the publication of the 4th volume of the "Russian Provincial Necropolis". An analysis of the biographies of the deceased was carried out, and their activities are correlated with the events of the history of Belarus of the XV - early XX century.

Keywords: necropolis, tombstones, epitaphs, biographies, historical source.

УДК 343.82(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-51-55

**МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТЮРЬМАХ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.****канд. ист. наук С.Н. ЧАЙКИН****(Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь)**

На основе изучения архивных данных исследуется порядок медицинского обеспечения заключенных в местах лишения свободы на белорусских землях после тюремной реформы 1879 г. Определяется комплекс мер, принятых Главным тюремным управлением по совершенствованию оказания осужденным медицинской помощи в тюремных больницах в конце XIX – начале XX вв. – увеличение финансирования медицинского обеспечения, организация строительства тюремных больниц, комплектование должностей медицинского персонала пенитенциарных учреждений, осуществление мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями. Оценивается значение этой деятельности и определяются результаты принятых мер, а также проблемные вопросы медицинского обеспечения заключенных в местах лишения свободы на территории Беларуси в начале XX в.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские земли, места лишения свободы, тюремная реформа 1879 г., Главное тюремное управление, медицинское обеспечение.

Введение. В настоящее время одной из составляющих правоохранительной деятельности органов внутренних дел в Республике Беларусь является функционирование уголовно-исполнительной системы, обеспечивающей исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Важным направлением деятельности этой системы является медицинское обеспечение осужденных, предназначенное для сохранения здоровья заключенных как необходимого условия их адаптации в обществе после отбытия наказания. Значимость указанной деятельности определила необходимость изучения истории её развития на территории Беларуси в XIX – начале XX вв. в процессе формирования на белорусских землях системы мест лишения свободы, в особенности после тюремной реформы 1879 г.

Вопросам материально-бытового обеспечения заключенных были посвящены работы российских ученых как дореволюционного периода (Д.В. Краинского, Н.Ф. Лучинского, С.В. Познышева), так и нашего времени (М.Г. Деткова, А.Г. Лисина, И.В. Упорова). Отдельные вопросы оказания медицинской помощи осужденным Гродненской тюрьмы были рассмотрены В.М. Лисицыным. Однако комплексных исследований по вопросам медицинского обеспечения осужденных на территории Беларуси в XIX – начале XX вв., не проводилось.

Основная часть. Вхождение белорусских земель в состав Российской империи в конце XVIII в. обусловило развитие на территории Беларуси системы мест лишения свободы, в основном – тюрем. Со второй четверти XIX в. медицинское обеспечение заключенных в процессе его регламентации пенитенциарным законодательством осуществлялось на белорусских землях учрежденными в 1824–1834 гг. губернскими комитетами общероссийской благотворительной организацией – «Российского общества попечительного о тюрьмах». Для совершенствования оказания осужденным медицинской помощи в большинстве тюрем на территории Беларуси комитетами «Общества» была организована деятельность тюремных больниц. Однако в связи с недостаточным государственным финансированием их работы, отсутствием в штате тюремных служащих должностей врачей и антисанитарным состоянием большинства переполненных тюрем, медицинское обеспечение заключенных до конца XIX в. на территории Беларуси надлежащим образом не осуществлялось [1, с. 111].

Со второй половины XIX в. функционирование пенитенциарной системы Российской империи стало невозможным без улучшения основных направлений её деятельности, в том числе материального обеспечения заключенных, что и определило необходимость проведения тюремной реформы. 27 февраля 1879 г. в составе МВД был образован центральный орган управления пенитенциарной системой Российской империи – Главное тюремное управление (ГТУ), которым был осуществлен комплекс мер по совершенствованию медицинского снабжения осужденных. С учреждением на белорусских землях с 1890 по 1912 гг. структурных подразделений ГТУ на местах – губернских тюремных инспекций, – организация медицинского обеспечения заключенных, наряду с губернскими комитетами «Общества попечительного о тюрьмах» осуществлялась служащими ГТУ – тюремными инспекторами, перечислявшими выделяемые из казны денежные средства комитетам «Общества» в объеме, не превышавшем ежемесячную потребность, и осуществлявшими контроль за их использованием [2, л. 3].

Актуальность принятых ГТУ мер в первую очередь было обусловлено ростом численности содержащихся в тюрьмах заключенных, в том числе нуждающихся в лечении. Если за 1887 г. в тюрьмах Российской империи содержалось 88 566 больных заключенных, то в 1907 г. их количество составило 132 тыс. человек, а в 1913 г. – 154 688 человек. Из них количество больных инфекционными заболеваниями составляло до 37%, а наиболее распространенными заболеваниями в тюрьмах были туберкулез, брюшной тиф, грипп, лихорадка и сифилис, составлявшие половину от всех случаев заболеваний в местах лишения свободы [3, с. 61]. Увеличилась к началу XX в. численность больных заключенных и в тюрьмах на белорусских землях. Например, с конца 1880-х гг. до начала XX в. количество больных за год в тюрьмах Гродненской губернии увеличилось с 450 до

1162 человек, в тюрьмах Могилевской губернии – с 604 до 938 человек, в тюрьмах Минской губернии она составляла до 1000 человек в год [4, с. 201, 204; 5, с. 61; 6, с. 9].

Для улучшения медицинского обслуживания больных осужденных была повышена суточная норма их содержания. В соответствии с мнением Государственного совета от 25 января 1896 г. эта норма, включая затраты на питание, определялась в размере 40 копеек, в губернских больницах на белорусских землях составляла 50 копеек, что значительно увеличило финансирование на лечение осужденных [7, с. 37; 4, с. 202]. Если в 1889 г. для всех тюрем Российского государства ассигнования на лечение заключенных составляли 1 325 625 рублей, то в 1907 г. они возросли до 2 156 000 рублей, в 1909 г. – до 2 605 369 рублей [8, с. 141]. Увеличились эти суммы и для тюрем на территории Беларуси. Например, на медицинское обеспечение осужденных Гродненской губернии в начале 1880-х гг. было израсходовано 4000 рублей, или 8,5% от общей суммы затрат на их содержание, включая продовольственное и вещевое обеспечение. К началу XX в. эти расходы увеличились до 10 тыс. рублей (34,5% от всех расходов на содержание заключенных) [4, с. 192, 195, 196, 201, 202, 204]. В начале второго десятилетия XX в. на медицинское обеспечение заключенных Витебской губернии в год выделялось до 17 650 рублей, что составляло 50% от суммы, выделяемой на их продовольственное обеспечение [9, л. 269–272].

Увеличение финансирования на лечение заключенных сопровождалось строительством тюремных больниц и увеличением их наполняемости. В 1913 г. из 658 тюрем Российской империи 494 тюрьмы имели собственные больницы, в которых лечилось 97% заболевших заключенных, при этом в 54 из 98 губерний собственные больницы имелись во всех губернских и уездных тюрьмах [3, с. 62, 95]. Важное значение для комплектования тюремных больниц имело также определение законом от 15 июня 1887 г. штатной численности тюремных врачей и фельдшеров, с определением врачам жалования из казны в размере 800 рублей в год, а «назначаемым им в помощь ординаторам» – в размерах от 600 до 700 рублей в год [10, с. 225].

Строительство тюремных больниц и их комплектование начало осуществляться и на белорусских землях. В 1890 г. на выделенные ГТУ 26 900 рублей было построено каменное здание больницы в Минской тюрьме, в которой в начале XX в. была укомплектована штатная должность врача, а для стоматологического обслуживания осужденных был нанят зубной врач местной больницы [11, л. 50, 61]. К концу XIX в. больницы, общей наполняемостью 48 человек, функционировали и в шести уездных тюрьмах Минской губернии. В четырех из них к началу второго десятилетия XX в. были укомплектованы штаты медицинского персонала, состоявшие из врача и фельдшера. Выплачиваемое врачу жалование в Минской тюрьме составляло 550 рублей в год, в уездных тюрьмах – от 150 до 480 рублей в год, а жалование фельдшера составляло от 96 до 250 рублей в год [12, л. 50]. В Гродненской губернии к концу XIX в. после проведенных ремонтов до 60 мест была увеличена наполняемость губернской тюрьмы, и до 72 мест – общая наполняемость уездных тюрем. В 1896 г. на выделенные ГТУ 16 тыс. рублей в больнице Гродненской тюрьмы было открыто карантинное отделение, а в 1905 г. – отделение на 10 мест для лечения заболевших холерой и стоматологический кабинет с бормашиной, для работы в котором был привлечен врач городской больницы с оплатой 120 рублей в год, а в штат тюремной администрации были введены должности врача с жалованием 500 рублей в год [4, с. 56, 203, 204, 205]. В начале второго десятилетия XX в. в больнице Витебской тюрьмы была открыта операционная и обособленное отделение «для заразных больных». Штат больницы был укомплектован должностями фельдшера и фельдшерицы, обеспеченных жильем в отдельном тюремном флигеле. В это время больницы в отдельных зданиях были открыты также в Полоцкой тюрьме и Струнском исправительном отделении [13, л. 31].

Улучшение материального и кадрового обеспечения медицинской деятельности в тюрьмах позволило с начала XX в. осуществить в них комплекс мер по борьбе с инфекционными заболеваниями, в первую очередь – туберкулезом. В рассматриваемое время среднесуточная численность больных туберкулезом в тюрьмах Российской империи составляла от 14 360 до 14 772 человек [14, с. 45]. Именно на это заболевание приходилась основная численность заключенных, умерших в тюремных больницах, доходившая до 3 448 человек в год [3, с. 61]. Для борьбы с туберкулезом в соответствии с циркулярами ГТУ от 8 июля 1910 г. и 28 февраля 1911 г., в тюрьмах, в том числе и на территории Беларуси, началось регулярное (не менее трех раз в год) проведение профилактических осмотров заключенных на предмет выявления у них этого заболевания. Для содержания туберкулезных больных оборудовались отдельные изолированные палаты, которые регулярно дезинфицировались, больным предоставлялось улучшенное питание, а их одежда обеззараживалась в специальных формалиновых камерах [1, с. 366; 13, л. 33].

В результате принятых мер, в тюрьмах Российской империи заболеваемость туберкулезом существенно снизилась. Если в 1912 г. численность туберкулезных больных составляла 14 772 человека, то в 1913 г. она снизилось до 11 464 человек, а смертность от туберкулеза уменьшилась с 3 448 человек в 1911 г. до 2 467 человек в 1913 г. [3, с. 61]. Уменьшился этот показатель и в тюрьмах на территории Беларуси. Например, в 1912 г. в Витебской губернии заболевания туберкулезом отмечались лишь в Витебской тюрьме и Струнском исправительном отделении, причем из среднесуточной численности содержащихся в них осужденных, составлявшей 737 человек, количество туберкулезных больных не превышало 12 человек. К 1914 г. случаев заболевания туберкулезом в тюрьмах губернии зарегистрировано не было [15, лл. 12, 19; 13, л. 34].

Положительным результатом улучшения медицинского обеспечения осужденных стало снижение уровня их смертности относительно общей численности больных. В начале XX в. этот показатель составлял 3,7%, или 5 145 человек в год, к 1913 г. снизился до 2,8%, или до 4 815 умерших в год, а в 1914 г. – до 2,6%, или до 4 764 человек в год [3, с. 61; 14, с. 88]. В отдельные годы достигались и более низкие показатели «арестантской смертности». Например, за 1905 г. этот показатель составил 1,5%, за 1906 г. – 1,28%, за 1907 г. – 2% [16, с. 842].

В отчетах ГТУ отмечалось, что «в сравнении с нормой смертности в тюрьмах Западной Европы, наши тюрьмы находятся в гораздо более благоприятных условиях». Например, в тюрьмах Австро-Венгрии смертность от общего числа заболевших достигала 7,9% [17, с. 188]. Указанный показатель был значительно ниже и уровня смертности в городских больницах Российской империи, что было обусловлено спецификой направления заключенных в тюремные больницы, осуществлявшегося не только для лечения, но, зачастую, для профилактики заболеваний, «временного отдыха и улучшения питания арестантов» [18, с. 94]. С конца 1880-х гг. до начала XX в. в тюрьмах Могилевской губернии количество умерших заключенных от общей численности больных снизилось с 1,1%, до 0,7%, в тюрьмах Виленской и Минской губерний – с 3,8% до 0,5%, в тюрьмах Витебской и Гродненской губерний – с 2% до 0,2%. Указанные показатели смертности заключенных стали одними из самых низких среди всех тюрем Российской империи, составлявшими в начале XX в. в среднем 2,1% [4, с. 202, 204; 5, с. 61; 19, с. 278]. В это же время тюрьмами Витебской и Виленской губерний был достигнут один из самых низких в Российском государстве показателей «заболеваемости арестантов заразными болезнями» (туберкулезом, тифом, пневмонией), составивший, соответственно, 1,5% и 1,6% при среднем показателе по Российской империи 3,5% от общей численности осужденных [16, с. 845].

Важное значение для уменьшения заболеваемости осужденных имели принимаемые ГТУ меры по улучшению санитарного состояния тюрем – оборудование их банями и прачечными, а также системами водоснабжения, отопления и вентиляции. Например, в Гродненской тюрьме в конце XIX в. были установлены системы парового отопления и вентиляции коридоров, тюремных камер и санузлов с помощью водяных котлов и чугунных каминов, а также построено новое здание прачечной и бани [4, с. 54]. В Минской тюрьме на выделенные ГТУ 31 590 рублей также было осуществлено строительства бани и прачечной. В Слуцкой тюрьме было оборудовано «имевшее роскошный вид помещение бани, обширное для мытья, с цементным полом, отдельной котельной и отапливаемым предбанником», а в Игуменской тюрьме была построена одна из лучших среди уездных тюрем бань «с отдельным помещением для котлов и асфальтовыми полами» [20, л. 7, 13, 87, 107].

В то же время, актуальными проблемами для большинства тюрем Российской империи продолжали оставаться недостаточная для лечения осужденных численность врачебного персонала и ненадлежащее санитарное состояние тюрем [14, с. 86]. Несмотря на включение врачебного персонала в состав тюремной администрации, его штатная численность применительно к лимиту наполнения мест лишения свободы определена так и не была и государственного финансирования для выплат жалования тюремным врачам и фельдшерам к началу второго десятилетия XX в. не хватало [18, с. 91]. Например, в 1914 г. в Витебской губернии ни в одной из уездных тюрем не имелось штатного врача, не были предусмотрены должности тюремных врачей и в уездных тюрьмах Гродненской губернии, а также в четырех из восьми уездных тюрем Минской губернии [12, л. 50; 13, л. 35].

Оплата труда тюремных врачей, работавших вне штатного расписания пенитенциарных учреждений, осуществлялась не из государственной казны, а из средств комитетов «Общества попечительного о тюрьмах», которых для надлежащей оплаты врачам также зачастую не хватало [18, с. 91]. Как отмечали в своих обращениях к администрации ГТУ тюремные врачи, «в год они получают не более 300 рублей, такого ничтожного вознаграждения не получает ни один правительственный врач и даже тюремные надзиратели получают больше» [21, с. 27, 28]. Эта проблема была актуальной в тюрьмах и на белорусских землях. Например, в уездных тюрьмах Гродненской губернии врачи получали всего лишь от 125 до 250 рублей в год [22, л. 183]. В Витебской губернии «городские врачи за свой труд» также получали «крайне незначительное вознаграждение, а в Городокской и Дриссенской тюрьмах работали безвозмездно» [13, л. 35]. В Минской губернии 480 рублей в год врач получал лишь в Пинской тюрьме, в Игуменской и Новогрудской тюрьме врачи получали по 200 рублей в год, а в Мозырской тюрьме врач получал не более 150 рублей в год [12, л. 50]. К тому же работа тюремных врачей, по их собственным оценкам, «была чрезвычайно тяжела и по свойствам своим не похожа на иной род врачебной службы» [23, л. 5]. Поэтому работали в тюрьмах врачи непродолжительное время и частая смена специалистов не позволяла осуществлять качественное медицинское обеспечение заключенных. Например, в Витебской губернии не состоящие в штате тюрем врачи «не осматривали арестантов, отправляемых на этап и не всегда осматривали заключенных, прибывающих в тюрьму» [23, л. 5].

Существенно ухудшало качество медицинского обеспечения осужденных к началу второго десятилетия XX в. и ненадлежащее санитарное состояние тюрем, вызванное их переполненностью. Наиболее негативно увеличение численности заключенных повлияло на условия их содержания в тюрьмах Минской губернии, где до четверти заключенных были вынуждены спать на полах камер, в коридорах и на чердаках. В Бобруйской, Новогрудской и Речицкой тюрьмах нерегулярно осуществлялось мытье осужденных, так как заключенные содержались в тюремных банях, а в Речицкой тюрьме – даже в прачечной, в связи с чем стирка их белья осуществлялась в тюремном дворе. Во всех тюремных больницах Минской губернии, кроме Минской и Пинской, «не имелось даже помещений, куда можно было бы поместить для изоляции инфекционных больных» [20, л. 3, 13, 103].

Ненадлежащее санитарное состояние тюрем усугублялось недостаточным финансированием их ремонтов. Например, здание Бобруйской тюрьмы было признано «опасным для жизни арестантов» еще в 1888 г., когда в тюремной бане обвалился ветхий потолок и два заключенных получили тяжелые травмы. К началу второго десятилетия XX в. это здание еще более обветшало, а крыша, потолки и полы в нем во многих местах прогнили. В Борисовской тюрьме, также признанной в 1903 г. «по своему состоянию опасной для содержания арестантов», к этому же времени «от постоянной сырости стены потрескались, и из них вываливались кирпичи». В здании Мозырской тюрьмы полы и потолки прогнили до такой степени, что во время уборки «вода протекала в нижние

этажи, а в отхожих местах полопались трубы, отчего зловоние распространялось на всю тюрьму». В таком же состоянии находилось и здание Пинской тюрьмы. Наиболее ветхим из уездных тюрем было построенное еще в 1820 г. здание Новогрудской тюрьмы, по углам которого для предотвращения обрушения, были установлены специальные подпорки, а полы в камерах отсутствовали» [20, л. 3, 5, 8, 10, 12, 90, 98].

Антисанитарное состояние тюрем способствовало распространению в них эпидемических заболеваний, наиболее массовым из которых стала начавшаяся зимой 1908 г. эпидемия тифа, распространившаяся в тюрьмах 40 губерний Российской империи, в том числе Гродненской, Минской и Могилевской. К середине 1908 г., в российских тюрьмах насчитывалось до 1284 больных тифом заключенных, а всего в 1908 г. их численность составила 15 736 человек [1, с. 366; 14, с. 89; 18, с. 92; 24, с. 712]. На территории Беларуси наибольшая заболеваемость – до 100 человек с апреля по декабрь 1908 г., отмечалась в Бобруйской тюрьме [20, л. 3]. После небольшого снижения с января 1909 г. численность осужденных, больных тифом, вновь начала возрастать. Эпидемия охватила 22 губернии Российской империи, в том числе и Минскую, и к марту 1909 г. в них насчитывалось до 2958 больных тифом заключенных и 92 заболевших тюремных служащих [24, с. 712, 713]. За первое полугодие 1909 г. в Пинской тюрьме из 153 заключенных тифом заболело 80 человек, а в Бобруйской тюрьме – 150 человек [20, л. 70, 99]. Всего же за 1909 г. в российских тюрьмах численность заболевших тифом осужденных составила 20 358 человек [14, с. 89]. После прекращения эпидемии руководство ГТУ отмечало, что основными причинами распространения тифа стали «чрезмерная переполненность мест заключения и неудовлетворительное состояние ветхих и тесных тюремных зданий» [25, с. 321].

Заключение. Таким образом, после тюремной реформы 1879 г. Главным тюремным управлением для улучшения медицинского обеспечения заключенных, в том числе и на белорусских землях, было увеличено его финансирование, организовано строительство тюремных больниц и комплектование их медицинским персоналом, а также проведены мероприятия по борьбе с инфекционными заболеваниями. В результате, к концу первого десятилетия XX в. на территории Беларуси качество оказания осужденным медицинской помощи в тюрьмах значительно улучшилось. Однако в связи с переполненностью тюрем, нехваткой средств на их ремонты и недостаточным финансированием оплаты труда тюремных врачей санитарное состояние тюрем на белорусских землях к началу второго десятилетия XX в. не позволяло надлежащим образом обеспечивать в них установленный порядок отбывания наказания в виде тюремного заключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюрем. вестн. – 1914. – № 2. – С. 284–367.
2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) – НИАБ – Ф. 299. Оп. 2. Д. 15710. Дело о введении тюремной инспекции в Минской губернии (1813 г.).
3. Отчет по Главному тюремному управлению за 1913 г. // Тюрем. вестн. – 1914. – № 12. – С. 1–110.
4. Лисицын В.М. За тюремной стеной: история Гродненской тюрьмы (XIX век – 1939). – Гродно: ГОУПП «Гродн. тип.», 2003. – 352 с.
5. Памятная книжка Могилевской губернии на 1902 г. – Могилев: Тип. губ. правления, 1902. – 450 с.
6. Памятная книжка Минской губернии на 1897 г. – Минск: Тип. Б.И. Соломонова, 1897. – 412 с.
7. Об изменении размера производимой Тюремным комитетам платы из казны за содержание и лечение арестантов: мнение Гос. совета, 15 янв. 1896 г., № 12414 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3: в 33 т. – СПб., 1899. – Т. 16, отд. 1. – С. 37.
8. Отчет по Главному тюремному управлению за 1909 г. // Тюрем. вестн. – 1911. – № 4 – 5. – С. 1–141.
9. НИАБ – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 35. Сметные исчисления содержания губернских тюрем на 1912 г.
10. Штат управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи (приложение к мнению Гос. Совета «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи», 15 июня 1887 г., № 4593) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3: в 33 т. – СПб., 1889. – Т. 7, отд. 1. – С. 225.
11. НИАБ – Ф. 299. Оп. 3. Д. 1382. Сведения о числе заключенных в тюрьмах по Минской губернии в 1885–1909 гг.
12. НИАБ – Ф. 299. Оп. 2. Д. 15964. Сведения для ГТУ о количестве заключенных в Минской губернии в 1913 г.
13. НИАБ – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 339. Сведения для ГТУ о мероприятиях против туберкулеза среди тюремного населения Витебской губернии в 1913 г.
14. Отчет по Главному тюремному управлению за 1914 г. // Тюрем. вестн. – 1916. – № 1. – С. 1–121.
15. НИАБ – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 319. Ведомости о числе арестантов Витебской губернии, больных туберкулезом за 1912–1913 гг.
16. Отчет по Главному тюремному управлению за 1907 г. // Тюрем. вестн. – 1909. – № 8 – 9. – С. 839–849.
17. Заболеваемость и смертность в австрийских тюрьмах // Тюрем. вестн. – 1908. – № 2. – С. 188.
18. Из отчета по Главному тюремному управлению за 1908 г. // Тюрем. вестн. – 1910. – № 2. – С. 1–145.
19. Тюрма в России по последним официальным данным (отчет за 1904 г.) // Тюрем. вестн. – 1906. – № 4. – С. 274–290.
20. НИАБ – Ф. 303. Оп. 1. Д. 44. Ревизионные замечания губернского тюремного инспектора при разъездах по тюремным заключениям Минской губернии в 1913 г.
21. Змитрович, Л. Несколько слов о положении тюремных врачей / Л. Змитрович // Тюрем. вестн. – 1897. – № 1. – С. 26–29.
22. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (НИАБ в Гродно) – Ф. 37. Оп. 1. Д. 1818. Отчетные сведения о состоянии тюрем губернии за 1905 г.
23. НИАБ – Ф. 2637. Оп. 1. Д. 151. Доклады Витебского губернского тюремного инспектора о ревизии тюрем в 1912 г.

24. Сообщение Главного тюремного управления о тифозной эпидемии в местах заключения // Тюрем. вестн. – 1910. – № 6–7. – С. 711–715.
25. Об усилении мер борьбы с распространением тифозной эпидемии в местах заключения: циркулярное отношение Главного тюремного управления, 26 февр. 1910 г., № 9 // Тюрем. вестн. – 1910. – № 3. – С. 321.

Поступила 15.02.2023

MEDICAL PROVISION FOR PRISONERS IN PRISONS ON BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

S. CHAIKIN

(Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus)

Based on the study of archival data, the procedure for medical provision of prisoners in places of imprisonment on Belarusian lands after the prison reform of 1879 is being investigated. A set of measures is being determined, adopted by the General Prison Administration to improve the provision of medical care to convicts in prison hospitals in the late XIX – early XX centuries – increased funding for medical support, the construction of prison hospitals, the recruitment of medical personnel in penitentiary institutions, the implementation of measures to combat infectious diseases. The importance of this activity is assessed, and determine the results of the measures taken, as well as problematic issues of medical provision of prisoners in penitentiary institutions in Belarus at the beginning of the 20th century.

Keywords: *the Russian Empire, the Belarusian lands, places of imprisonment, prison reform of 1879, General Prison Administration, the medical provision.*

УДК 621.311(1-21)(476)(091)"1921/1928"

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-56-59

РАЗВІЦЦЁ ГАРАДСКІХ ЭЛЕКТРАСТАНЦЫЙ ГРАМАДСКАГА КАРЫСТАННЯ Ў БССР У ПЕРЫЯД НЭПА (1921–1928 гг.)

Т.У. ПЕЦЮКЕВІЧ

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)

У артыкуле разглядаецца праблема энергазабеспячэння гарадоў БССР у перыяд Новай эканамічнай палітыкі. Пад гарадскімі электрастанцыямі грамадскага карыстання вызначаюцца муніцыпальныя электрастанцыі, якія выпрацоўвалі электраэнергію для патрэб гарадскога асвятлення, транспарту і прамысловасці.

Гарадскія электрастанцыі адносіліся да прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці і знаходзіліся ў сферы кампетэнцыі камунальных аддзелаў акруговых выканаўчых камітэтаў. Ва ўмовах недахопу бюджэтных сродкаў гарадская электраэнергетыка развівалася экстенсіўным шляхам: ажыццяўлялася пашырэнне старых прадпрыемстваў, якія забяспечвалі патрэбы пэўнага горада. Большая частка выпрацаванай электраэнергіі выдаткоўвалася на патрэбы прамысловасці, асвятленнем ад гарадскіх электрастанцый карысталася ў сярэднім 40% насельніцтва. Шэраг гарадоў адчувалі значны недахоп электраэнергіі, што было часовай з'явай і вырашылася будаўніцтвам Асінаўскай раённай электрастанцыі.

Ключавыя словы: *электрыфікацыя, электрастанцыі, камунальная гаспадарка, горад.*

Уводзіны. Электра- і энергазабеспячэнне з'яўляецца складаючай часткай камунальнай гаспадаркі гарадоў. Ад функцыянавання гарадскіх электрастанцый залежыць камфорт паўсядзённага жыцця гараджан, бесперабойная праца прамысловых прадпрыемстваў і гарадскога транспарту.

Пытанне развіцця гарадскіх электрастанцый закранаецца ў агульных працах па электрыфікацыі Беларусі, такіх як “Энергетыка Беларусі: зборнік па пытанням электрыфікацыі Беларускай ССР” [1] і “Развіццё энергетыкі Беларусі” [2] І.Ф. Валашына. Праблема развіцця электраэнергетыкі разглядаецца І.А. Літвіноўскім у артыкулах “Ажыццяўленне плана ГОЭРЛО ў Беларусі” [3] і “Прамысловасць Беларусі ў пачатку XX ст.” [4].

Асноўная частка. У канцы XIX – пачатку XX ст. на тэрыторыі Беларусі электраэнергетыка развівалася дэцэнтралізавана шляхам будаўніцтва электрастанцый непасрэдна каля месцаў спажывання. Гэта былі невялікія фабрычныя станцыі, якія забяспечвалі патрэбы пэўнага прадпрыемства, і гарадскія электрастанцыі, якія працавалі на асвятленне і трамвай. Першая на тэрыторыі Беларусі электрастанцыя з'явілася ў 1898 г. і працавала пры Добрушскай папернай фабрыцы. Першая гарадская электрастанцыя пачала функцыянаваць у Мінску ў 1894 г. Абсталяванне станцыі складалася з двух паравых машын па 150 л.с., якія давалі электраэнергію пастаяннага тока ў сетку даўжынёй 10 км [5, л. 164]. У 1898 г. разам з трамваем у эксплуатацыю была здадзена Віцебская электрастанцыя. 1910–1912 гг. сталі перыядам будаўніцтва электрастанцый у Магілёве, Гродна, Полацку, Чэрыкаве, Лоеве, Клімавічах. Моцнасць іх была невялікай: ад 10–15 кВт у Чэрыкаве і Клімавічах да 354 кВт у Магілёве. Найбольш значнай была Мінская электрастанцыя: яе моцнасць у 1913 г. ацэньвалася ў 960 кВт [4, с. 284]. Палівам для агрэгатаў электрастанцый з'яўляліся вугаль, нафта, мазут. Памер выкарыстання мясцовых відаў паліва, такіх як дровы і торф, быў невялікім. У 1913–1914 гг. на электрастанцыях грамадскага карыстання было выпрацавана не больш за 1900 кВт·гадз. [15, с. 107]. На жыхара ў сярэднім прыходзілася 0,4 кВт·гадз., у той час як у сярэднім па Расійскай імперыі колькасць выпрацаванай за год электраэнергіі на душу насельніцтва была амаль у 15 разоў вышэй [1, с. 4]. За перыяд войн і рэвалюцыі, у выніку перагрузак значная частка абсталявання выйшла з ладу. Пасля Савецка-польскай вайны цалкам была разбурана электрастанцыя ў Барысаве.

Пачаткам планамернай электрыфікацыі краіны стаў 1921 г. Праграма прац ГОЭРЛО, зацверджаная 13 сакавіка 1920 г., распаўсюджвалася на Віцебскую, Магілёўскую і часткова Мінскую губерні і меркавала як аднаўленне і пераабсталяванне ўжо існуючых электрастанцый, так і будаўніцтва новых. Для састаўлення агульнага плана электрыфікацыі Віцебская губерня была ўключана ў склад Паўночнага раёну, Магілёўская і Мінская – Цэнтральна-прамысловага [3, с. 44]. Першапачаткова план ГОЭРЛО не прадугледжваў будаўніцтва на тэрыторыі БССР буйных электрастанцый: планавалася будаваць невялікія па моцнасці, якія будуць працаваць на торфе або як гідраэлектрастанцыі. Дэкрэт СНК ад 6 лютага 1922 г. усталяваў новы парадак кіравання электрастанцыямі грамадскага карыстання, пад якімі вызначаліся муніцыпальныя электрастанцыі, што выпрацоўвалі электраэнергію для патрэб гарадскога добраўпарадкавання (асвятленне, транспарт) і прамысловасці. Калі раней усе яны падпарадкоўваліся Галоўнаму электратэхнічнаму кіраўніцтву (Глаўэлектра), то цяпер уводзілася дзяленне на 2 катэгорыі. Да першай адносіліся найбольш буйныя электрастанцыі, яны заставаліся ў вядзенні Глаўэлектра. Астатнія станцыі ўваходзілі ў другую катэгорыю і знаходзіліся ў вядзенні мясцовых органаў. Пасля завяршэння ў 1922 г. рэформы кіравання прамысловасцю на прынцыпах дзяржаўнага большасць электрастанцый агульнага карыстання перайшлі да камунальных аддзелаў мясцовых выканаўчых камітэтаў [6, с. 44]. Утвараліся трэсты камунальных прадпрыемстваў, якія дзейнічалі на аснове гаспадарчага разліку і адпускаялі энергію спажывцам па цэнах, якія кантралявала мясцовая ўлада.

У 1921–1923 гг. рамонтныя работы былі праведзены на мінскай водаэлектрастанцыі, што дазволіла павялічыць моцнасць да 800 кВт. Станцыя пачала рамонт вулічнага асвятлення: у 1923 г. было адрамантавана 120

старых і ўсталявана 30 новых дугавых лампаў [7, с. 4]. Аднак тэхнічны стан электрастанцыі па-ранейшаму жадаў чакаць лепшага: ступень зношанасці абсталявання складала ад 10 да 50%. Машыны былі прадстаўлены васьмю тыпамі сілавых агрэгатаў, якія патрабавалі розных відаў паліва (дровы, торф, нафта) і вялікай колькасці абслугоўваючага персанала, што было эканамічна нявыгадным [8, л. 90]. Увод электрычнасці ў кватэры ажыццяўляўся служачымі электрастанцыі па заяве грамадзян. Тарыф на электраэнергію вар’іраваўся ў залежнасці ад катэгорыі спажываўца. Так, у студзені 1923 г. тарыф для гандлёвых устаноў складаў 30 кап. за 1 кВт·гадз., прамысловых прадпрыемстваў – 20 кап., устаноў і прыватных асоб – 17 кап., членаў прафсаюзаў – 11 кап. [9, с. 3].

Моцнасці гарадскіх электрастанцый было недастаткова для забеспячэння патрэб гарадоў. Мінская электрастанцыя, аддаючы 97% вырабаванай электрычнасці, асвятляла толькі цэнтральную частку горада. Аналагічная сітуацыя складалася ў Полацку, Слуцку і Мазыры. Недахоп электраэнергіі адчувала Орша: акрамя маламоцнасці станцыі, праблемай былі страты ў электрычнай сетцы, якія даходзілі да 40%. Чэрвеньская электрастанцыя задавальняла патрэбы горада ў электрычнасці на 65%, а ў Месціслаўлі ў якасці асноўнай машыны для цэнтральнай электрастанцыі быў прыстасаваны лакамабіль ад малацілкі [10, л. 253зв.]. Большасць электрастанцый вырацоўвала пастаянны ток, які было выгадна выкарыстоўваць пры невялікім (да 2 км) радыусе дзеяння электрастанцыі. Станоўчым бокам працы на пастаянным току была магчымасць без устаноўкі складанага абсталявання накопліваць запасы электраэнергіі ў акумулятарах. Акумулятары зараджаліся ў часы мінімальнай нагрузкі на станцыю (удзень, уноч) і аддавалі электраэнергію абанентам у часы максімуму [11, с. 101].

Сабекошт кілават-гадзіны вырабаванай электраэнергіі ў 1924 г. вагаўся ад 13,9 да 28 кап. Дэфіцытнай была электрастанцыя ў Бабруйску – сабекошт кілават-гадзіны перавышаў 28 кап. Самай дарагой была электраэнергія ў Віцебску, дзе яе кошт вагаўся ад 23 да 40 кап., што было абумоўлена неабходнасцю бясплатнага энергазабеспячэння трамвая. Трамвай спажываў 35% вырабаванай электраэнергіі і пры гэтым з’яўляўся дэфіцытным прадпрыемствам [8, л. 92]. У некаторых гарадах электрастанцыі з’яўляліся складаючай часткай камбінаваных прадпрыемстваў. У такім выпадку электраэнергія атрымлівалася ад адной сілавой устаноўкі, што было выгадна там, дзе электрастанцыі не мелі дастатковай нагрузкі. Напрыклад, адноўленая электрастанцыя ў Барысаве была аб’яднаная з лесапільным заводам і тыпаграфіяй, у Мазыры камбінаванае прадпрыемства складалі электрастанцыя, лесапільны завод і вадаправод. Адно прадпрыемства “Эльвод” утваралі мінская электрастанцыя, вадаправод і торфараспрацоўкі на Цянскіх балотах [8, л. 37].

Варта адзначыць, што ў 1920-я гг. пачынаецца распрацоўка тарфяных масіваў рэспублікі і ў якасці паліва для электрастанцый пачынае шырока выкарыстоўвацца торф. Пераход на мясцовую сыравіну садзейнічаў стварэнню ўласнай энергетычнай базы рэспублікі.

У 1924–1925 г. вяліся працы па пераабсталяванню мінскай электрастанцыі дзеля пераходу на пераменны ток. Пераменны ток выкарыстоўваўся пры неабходнасці абслугоўвання вялікай абаненцкай сеткі і наяўнасці значнай нагрузкі з боку прамысловых прадпрыемстваў. У 1923 г. колькасць абанентаў “Эльвода” складала 4140, а на патрэбы прамысловасці шло 3% вырабаванай энергіі, чаго было недастаткова [8, л. 90]. Дзяржплан БССР адзначаў, што мінская водаэлектрастанцыя мае высокія выдаткі паліва. Праблему магло вырашыць набыццё пэўных агрэгатаў, але пераабсталяванне вялося без загалова вырабаванага плану, таму рамонтныя і мадэрнізацыйныя працы не заўсёды суадносіліся з эканамічнай мэтазгоднасцю. Акрамя гэтага, станцыя выкарыстоўвала шмат электраэнергіі і вады на ўласныя патрэбы і практыкавала бясплатнае вода- і электразабеспячэнне сваіх рабочых і служачых. Усё гэта ўплывала на сабекошт кілават-гадзіны, які ў 1925/1926 г. дасягнуў 15,5 кап. і характарызаваўся Дзяржпланам як высокі [8, л. 35]. Пераабсталяванне станцыі на пераменны ток зацягнулася ў сувязі з канфліктнай сітуацыяй паміж Мінскім акруговым камгасам і Электратэхнічным трэстам цэнтральнага раёна, які праводзіў рамонтныя работы. Працы не былі выкананы своєчасова, у выніку чаго ў студзені 1925 г. Мінск амаль на месяц застаўся без святла [12, л. 18]. Перабоі з электрычнасцю ўзніклі і пазней. У снежні 1925 г. “Звязда” пісала, што электрастанцыя тройчы за месяц сваімі “фокусамі” зрывала заняткі на агульнаадукацыйных курсах і ў вярочнай школе рабочай моладзі па вул. Інтэрнацыянальнай: вучні заставаліся ў цэпры.

Аналагічныя перабоі з асвятленнем мелі месца і ў гарадах РСФСР. Напачатку 1920-х гг. абсталяванне самай вялікай электрастанцыі Екацерынбурга знаходзілася ў аварыйным стане, а Цюмень узімку пагружалася ў цэму ўжо ў 5 гадзін вечара [13, с. 111]. Электрастанцыі гарадоў Далёкага Усходу маглі абслугоўваць не больш за 10% гарадскога насельніцтва [14, с. 101]. У 1926–1927 гг. гарады з насельніцтвам ад 5 тыс. чалавек мелі 30,3% электрыфікаваных уладанняў, ад 50 да 100 тыс. жыхароў – 40,7% [13, с. 112]. У 1927 г. Мінская электрастанцыя стала самай буйной сярод гарадскіх станцый. Асноўнымі машынамі тут былі турбагенератары, а моцнасць дасягнула 3000 кілават. “Эльвод” даваў пераменны ток напружаннем у 6.600 вольт. Даўжыня высакавольтнай сеткі складала 26 км, нізкавольтнай – 95 км [15, с. 108]. Дарэчы, пасля выпадкаў пашкоджання высакавольтнага электрычнага кабелю, які на некаторых вуліцах знаходзіўся даволі блізка да паверхні, у выніку планіровачных работ і пасадцы дрэў, Мінскім акруговым выканаўчым камітэтам было забаронена правядзенне нават самых нязначных раскопак на вуліцах горада без ведама электрастанцыі [16, л. 31]. Пераабсталяванне дазволіла знізіць сабекошт кілават-гадзіны да 11 кап. Тарыф на электраэнергію ў Мінску складаў у сярэднім 20 кап. за кілават-гадзіну, рабочым электраэнергія адпускалася па льготнаму тарыфу ў 14 кап. Асвятленнем забяспечвалася каля 40% насельніцтва Мінска [15, с. 108]. Аналагічны паказчык ў 40–45% меў Гомель [15, с. 110].

У 1925 г. у Дзяржплане БССР было ўзнята пытанне адносна будаўніцтва новай цэнтральнай электрастанцыі ў Віцебску моцнасцю 2000 кВт. Першая чарга будаўніцтва планавала ўсталяваць 2 турбіны па 500 кВт кожная, а другая – турбіны моцнасцю ў 1000 кВт. Дзеля рэалізацыі праекта Віцебскі акруговы выканаўчы камітэт

заклучыў дамову з віцебскім камунальным трэстам “Вадасвет” [17, л. 45]. Паралельна з віцебскай у Прамсекцыі Дзяржплана абмяркоўвалася пытанне будаўніцтва раённай Асінаўскай электрастанцыі. Апошняя першапачаткова планавалася невялікай і павінна была працаваць разам з Віцебскай. Аднак у Галоўным электратэхнічным кіраўніцтве (Глаўэлектра) ВСНХ і Дзяржплане СССР не давалі згоду на праект з двума станцыямі, а да вынясення канчатковага рашэння Дзяржплан БССР пастанавіў не спыняць працы па Віцебску. Будаўніцтва павінна было пачацца ў маі 1926 г., аднак на працягу некалькіх месяцаў запыты Дзяржплана аб ходзе прац трэстам ігнараваліся. У выніку выяснілася, што будаўніцтва так і не пачалося па прычыне таго, што на месцы пад плануемую электрастанцыю размяшчаліся прыватныя жыллыя дамы [17, л. 46].

Канчатковае рашэнне наконт новай віцебскай электрастанцыі было прынята пастановай СТО ад 6 мая 1927 г.: працы было вырашана спыніць. Пастанова СТО ад 20 мая 1927 г. прызнала неабходным будаўніцтва раённай электрастанцыі пад Воршай, на Асінаўскіх балотах, для энергазабеспячэння Віцебскага, Аршанскага і Магілёўскага раёнаў. Асінбуд быў прызнаны Дзяржаўнай раённай станцыяй саюзнага значэння [3, с. 47]. Варта адзначыць, што пытанне будаўніцтва раённай Асінаўскай электрастанцыі ў Глаўэлектра вырашалася няпроста: меліся прыхільнікі будаўніцтва асобных станцый у Віцебску, Шклове, Оршы. Неабходна было ўлічваць і тое, што ў выпадку будаўніцтва ў Віцебску будучая Асінаўская станцыя губляла галоўнага спажыўца: планавалася, што горад будзе выкарыстоўваць да 30% выпрацоўваемай электраэнергіі [17, л. 71]. Спробы Дзяржплана БССР прасунуць пытанне з віцебскай электрастанцыяй стваралі рызыку адмовы ВСНХ СССР ад будаўніцтва раённай станцыі, якая павінна была стаць першым крупным цэнтрам устойлівага энергазабеспячэння ў рэспубліцы [17, л. 71зв.].

Ліквідацыя будаўніцтва гарадской электрастанцыі ў Віцебску стварала шэраг праблем, бо існуючага забеспячэння электраэнергіяй было недастаткова. У выніку на цэнтральнай электрастанцыі быў пастаўлены дадатковы аграгат у 200 кВт. Паралельна вяліся працы па пераабсталяванні электрычнай сеткі з пастаяннага току на пераменны трохфазны. У 1926–1927 гг. мясцовыя гарадскія электрастанцыі выпрацавалі 12,2 млн кВт·гадз., што склала каля 2,5 кВт·гадз. на жыхара ў год. Апошняя лічба хоць і пераўзыходзіла даваенную норму ў 6 разоў, але ў параўнанні з агульным узроўнем па СССР была невялікай [15, с. 107].

Заклучэнне. У перыяд НЭПа (1921–1928 гг.) энергетычная гаспадарка БССР грунтавалася на ізаляваных камунальных і фабрычных электрастанцыях. Гарадскія электрастанцыі адносіліся да прадпрыемстваў мясцовай прамысловасці і, адпаведна, працавалі на патрэбы горада, дзе знаходзіліся. Спажыўцамі электраэнергіі з’яўляліся прамысловыя прадпрыемствы, патрэбы асвятлення і камунальная гаспадарка. У разглядаемы перыяд гарады БССР не дасягнулі значных поспехаў у электрыфікацыі, што было абумоўлена неабходнасцю пераадолення наступстваў ваенных і рэвалюцыйных падзей, абмежаванасцю фінансавых і матэрыяльных сродкаў, зношанасцю абсталявання. Ва ўмовах дэфіцыту бюджэта гарадская электраэнергетыка развівалася экстрэнсіўна – шляхам пашырэння моцнасці старых прадпрыемстваў. Напрыканцы НЭПа ў БССР функцыянавала 29 гарадскіх электрастанцый, якія выпрацоўвалі ў сярэднім 20 кілават·гадзін на аднаго гарадскога жыхара ў год, што было ў 6,4 раза больш за дарэвалюцыйныя часы [15, с. 112].

Большая частка ўсёй выпрацаванай энергіі шла на патрэбы прамысловасці; патрэбы гарадской гаспадаркі ставіліся на другое месца. У 1925–1926 гг. на прамысловасць пайшло 72,8% усёй выпрацаванай энергіі, тады калі на асвятленне і камунальную гаспадарку – усяго 15,5% [15, с. 107]. Асвятленнем ад гарадскіх электрастанцый карысталася ў сярэднім 40% насельніцтва горада. У Віцебску электрычнасцю забяспечвалася каля 25% жыхароў. Электрастанцыі гарадоў без крупных прамысловых прадпрыемстваў, напрыклад, Бабруйска і Барысава, працавалі выключна на асвятленне.

Сярод гарадоў БССР самыя высокія паказчыкі энергазабеспячэння мелі Гомель і Мінск: у 1926–1927 гг. на аднаго жыхара Мінска было выпрацавана каля 31,5 кВт·гадз. за год, у Гомелі адпаведны паказчык дасягаў 32 кВт·гадз. [15, с. 109]. Значны недахоп электраэнергіі адчувалі такія акруговыя гарады, як Віцебск, Магілёў і Орша, аднак сітуацыя была часовай. Па прычыне будаўніцтва Асінаўскай раённай электрастанцыі значнай мадэрнізацыі гарадскіх станцый не праводзілася. Асінаўская электрастанцыя павінна была стаць першай на тэрыторыі БССР раённай электрастанцыяй, што вырашала пытанне энергазабеспячэння Віцебскай, Аршанскай і Магілёўскай акругі. Будаўніцтва раённай станцыі стала пераходам ад дэцэнтралізаванага да сістэмнага энергазабеспячэння.

ЛІТАРАТУРА

1. Энергетика Белоруссии: сб. по вопросам электрификации Белорусской ССР / Науч.-техн. об-во энерг. промышленности, Гл. упр-е энергетики и электрификации при Сов. Мин-в Белорусской ССР, Белорус. политехн. ин-т. – Минск: Полымя, 1968. – 157 с.
2. Волошин И.Ф. Развитие энергетики Белоруссии. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 176 с.
3. Литвиновский И.А. Осуществление плана ГОЭРЛО в Беларуси // Энергетическая безопасность белорусского государства: исторический опыт, достижения, проблемы, перспективы: материалы круглого стола, посвящ. 90-летию со дня принятия ленинского плана ГОЭЛРО, Брест, БрГТУ, 22 дек. 2010 г. / Под ред. М.В. Стрельца. – Брест: изд-во БрГТУ, 2011. – С. 43–49.
4. Литвиновский И.А. Промышленность Беларуси в начале XX в. // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Вып. 4 / рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.). – Мінск: БДУ, 2009. – С. 283–288.
5. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 150. Воп. 1. Спр. 17.
6. Симонов Н.С. Органы управления электрохозяйством и энергетическая статистика СССР в 1920-е годы // Статистика и экономика. – 2018. – № 1. – С. 42–51.

7. Наше коммунальное хозяйство // Звезда. – 1923. – 3 лютага. – С. 4.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 61.
9. По Минску // Звезда. – 1923. – 3 лютага. – С. 3.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 86.
11. Леви В.Л. Городские электростанции // Коммунальные предприятия. Экономические основы строительства и эксплуатации: сб. ст. / Под ред. проф. Б. Веселовского. – М.: изд-во Нар. ком. внутр. дел РСФСР. – 1929. – С. 87–129.
12. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 242.
13. Орлов И.Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). – М.: Изд. д. ВШЭ, 2015. – 334 с.
14. Маклюков А.В. Электрификация городской инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР в 1920-е – 1930-е гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – № 2. – С. 100–112.
15. Каплан А.М. Местная электрификация // Советское строительство: ежемесяч. общ.-экон. журн. – 1927. – № 10. – С. 104–113.
16. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. – Ф. 3. Воп. 1. Спр. 129.
17. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 31. Воп. 1. Спр. 56.

Паступіў 12.12.2022

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКИХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В БССР В ПЕРИОД НЭПА (1921–1928 гг.)

Т.В. ПЕТЮКЕВИЧ

(Белорусский государственный университет, Минск)

В статье рассматривается проблема энергообеспечения городов БССР в период Новой экономической политики. Под городскими электростанциями общественного пользования определяются муниципальные электростанции, которые вырабатывали электроэнергию для нужд городского освещения, транспорта и промышленности.

Городские электростанции относились к предприятиям местной промышленности и находились в сфере компетенций коммунальных отделов окружных исполнительных комитетов. В условиях недостатка бюджетных средств городская электроэнергетика развивалась экстенсивным путем: осуществлялось расширение старых предприятий, которые обеспечивали потребности определенного города. Большая часть выработанной электроэнергии затрачивалась на нужды промышленности, освещением от городских электростанций пользовалось в среднем 40% населения. Ряд городов олицетворяли значительный недостаток электроэнергии, что было временным явлением и разрешилось строительством Осиновской районной электростанции.

Ключевые слова: электрификация, электростанции, коммунальное хозяйство, город.

DEVELOPMENT OF PUBLIC POWER PLANTS IN THE BSSR DURING THE NEP PERIOD (1921–1928)

T. PETSUKEVICH

(Belarusian State University, Minsk)

The article deals with the problem of energy supply to the cities of the BSSR in the period of the new economic policy. Municipal power plants that generated electricity for the needs of urban lighting, transport and industry are defined as urban power plants for public use.

City power plants belonged to the enterprises of local industry and were within the competence of the municipal departments of the district executive committees. In conditions of budget shortage, the urban electric power industry developed extensively: the expansion of old enterprises that provided for the needs of a certain city was carried out. Most of the generated electricity was spent on industrial needs, lighting from urban power plants was used by an average of 40% of the population. A number of cities experienced a significant shortage of electricity, which was a temporary phenomenon and was solved by the construction of the Osinovskaya district power plant.

Keywords: electrification, power plants, public utilities, city.

УДК 94(476):336.71

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-60-64

ГМИННЫЕ КРЕДИТНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОГО РЕГИОНА (1921–1939 гг.)

*канд. ист. наук, доц. А.К. ГЕЦЕВИЧ**(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0607-0566>

Цель исследования – изучение основных направлений деятельности гминных кредитно-банковских учреждений на территории Западной Беларуси в период 1920-х – 1930-х годов.

В статье рассматриваются вопросы законодательного оформления низовой кредитно-банковской структуры второй Польской республики, представленной гминными кассами, формирования структуры крупнейших данного типа учреждений, а также условия и проблемные моменты при формировании сети гминных касс в регионе; основные направления и формы их работы среди населения региона, условия предоставления кредитных ресурсов, приема заемных средств. Приводятся статистические данные по деятельности гминных кредитно-сберегательных учреждений, численность отделений. В заключении анализируется состояние и проблемы деятельности гминных кредитных учреждений в западнобелорусском регионе.

Полученные результаты могут быть использованы в изучении экономической истории Беларуси XX века.

Ключевые слова: *Западная Беларусь, Польша, банк, гмина, гминная касса, мировой финансовый кризис, деньги.*

Введение. Небанковские учреждения местных органов самоуправления – гминные кредитно-сберегательные кассы – создавались с целью предоставления населению доступных дешевых кредитов, а также для аккумуляции свободных денежных средств населения на местах [1, S. 1578]. Большинство организаций мелкого кредита были распространены на территории Западной Беларуси еще со времен царской России. В тот период к учреждениям мелкого кредита относились кредитные товарищества, ссудо-сберегательные товарищества, сельские, волостные общественные ссудо-сберегательные кассы, земские кассы. Эти учреждения выдавали ссуды на оборотные средства, приобретение инвентаря, хозяйственную модернизацию, принимали денежные вклады, заключали займы и т.д. [2, с. 68–69]. В 1900 г. в пяти белорусских губерниях действовали 474 сберегательные кассы с общей суммой вкладов 51,5 млн. руб. [3, с. 10].

Основная часть. В условиях начавшейся Первой мировой войны произошло сворачивание системы мелкого муниципального кредитования. Система создания сети гминных сберегательных касс во второй Польской республике регулировалась распоряжением министра внутренних дел от 6 июля 1919 г. [4, s. 1].

Первые попытки восстановления системы кредитно-сберегательных касс на территории Западной Беларуси были осуществлены в 1921 г. Впрочем, из-за неблагоприятной экономической ситуации в регионе (последствия военных действий, высокая инфляция, низкий жизненный уровень населения) реализовать данный проект не удалось. Вторая попытка была предпринята в 1924 г., после проведения в Польской республике финансовой реформы. В постановлении Сейма от 31 июля 1924 г. «Об исправлении государственного бюджета и восстановлении национального хозяйства» [5, s. 1027] отмечалось, что важную роль в восстановлении страны должны сыграть учреждения мелкого кредита – сельские гминные кассы. В связи с этим Сейм постановил в кратчайшие сроки разработать и утвердить единый устав для сельских гминных касс.

Уже 30 декабря 1924 г. было подписано распоряжение Президента второй Польской республики об организации на территории центральных и восточных воеводств Польши гминных кредитно-сберегательных касс [1, s. 1578–1580]. При этом, поскольку на территории западнобелорусского и западноукраинского регионов со времен царской России оставались и действовали некоторые уездные (гминные) кассы, которые работали на основании законодательной базы еще Российской империи, в этом же распоряжении Министерству финансов и внутренних дел поручалось разработать и утвердить типовое положение (устав) о деятельности кредитно-сберегательных касс. Во исполнение вышеуказанного распоряжения и с целью приведения в порядок деятельности гминных касс 13 марта 1925 г. было издано распоряжение Министерства внутренних дел и Министерства финансов об утверждении обновленного устава гминных кредитно-сберегательных касс [6, s. 306–312]. Среди новшеств – утверждение новых оснований для создания касс, определение новых направлений деятельности, приведение к единообразию финансовых документов. Старые кредитные кассы должны были привести свою работу в соответствие с новым законодательством или ликвидировались. Новые гминные сберегательные кассы получили полную юридическую и финансовую свободу: могли выдавать финансовые обязательства на сумму, равную двадцатикратному размеру уставного капитала; принимать сберегательные вклады; осуществлять кредитование; страховые вклады на домашних животных. При этом гарантом по обязательствам кассы выступала гмина. Структура гминной кассы имела следующий вид: гминный совет (рада), правление кассы, ревизионная комиссия. Представители гминного совета не могли входить в правление кассы и не получали зарплату, хотя и решали определенные финансовые вопросы. Также представители гминного совета входили в состав ревизионной комиссии. За работу получали зарплату только представители правления кассы. Поэтому большинство

вопросов – выделение крупных кредитов, установление процентных ставок по вкладам и кредитам – проходили через решения администрации гмины. Финансовые средства, привлекаемые от вкладов местного населения, практически все шли на выдачу кредитов под самые разные проекты, но в основном под посевную кампанию, торговые операции, пополнение оборотных средств мелких ремесленников. Вместе с тем, часть привлекаемых средств вкладывалась в государственные и коммунальные банковские учреждения, долгосрочные государственные ценные бумаги [7, s. 749–750].

Единый типовый устав позволил начать активную работу по созданию гминных кредитно-сберегательных касс (далее – ГКСК) на территории Западной Беларуси. Впрочем, реальную деятельность большинство касс начала лишь в 1926 г., поскольку население региона слабо верило в эффективность данных микрофинансовых организаций. В этой связи поддержать государственный кредитный проект удалось благодаря дешевым кредитам Государственного сельскохозяйственного банка Польши. Кроме выдачи кредитов, госбанк проводил многочисленные курсы для руководителей касс и регулярные проверки эффективности использования выданных кредитных ресурсов.

Собственный капитал ГКСК разделялся на уставный, резервный и специальный (таблица 1).

Таблица 1. – Источники формирования капиталов ГКСК

Форма капитала	Основные характеристики и источники формирования
Уставный	Минимальных размер 2000 злотых. Средства из бюджетов гмин, сеймиков
Резервный	Ежегодные отчисления из чистой прибыли в размере не менее 30%
Специальный	Вычеты из оставшейся после формирования резервного капитала чистой прибыли
Привлеченный	Срочные и бессрочные вклады на сберегательные книжки, проценты от сберегательных вкладов в государственных и коммунальных кредитных учреждениях, а также в польском банке. Редисконт векселей, которыми владела гминная касса в вышеупомянутых учреждениях. Кредиты Польского Банка, государственных и коммунальных учреждений, особенно Государственного земельного банка и уездных коммунальных касс (только по решению совета гмины). Продажа ценных бумаг на бирже от своего имени и по поручению третьих лиц. Средства от осуществления операций представителя государственных и коммунальных учреждений

Источник: составлено на основе [1; 6; 7].

Кредитование клиентов – основной вид деятельности гминной кассы. При предоставлении кредитов соблюдали следующие условия: целевой характер, платежеспособность должника, срочность займа, платность займа, обеспеченность займа. Предоставленные гминными кассами кредиты обеспечивались векселями или долговыми расписками. Векселя были двух видов: срочные и бессрочные. Ссудно-сберегательные кассы принимали преимущественно бессрочные векселя. При этом должник обязательно подавал заявление о согласии определения срока возврата долга кредитором. Если векселедатель вовремя не возвращал заем, то правление кассы опротестовывало вексель в суде. Долговая расписка должника позволяла взыскать обязательства с него административным путем [9, с. 12].

За 1926 год в центральных и восточных воеводствах второй Польской республики было создано 233 ГКСК, в том числе в Виленском воеводстве – 1, Полесском – 2, Белостокском – 15. В Новогрудском воеводстве ГКСК не было создано. При этом суммы, привлеченные во вклады ГКСК, составили в Виленском воеводстве 405 зл., в Полесском – 79,75 зл., в Белостокском – 16 541 зл. Суммы кредитов, выданные ГКСК, составили в Виленском воеводстве 10 087,40 зл., в Полесском – 12 000 зл., в Белостокском – 151 945 зл. [10, s. 162].

Дешевые кредиты привлекли в кассы достаточное количество сельского населения, однако правительство рассчитывало, что кассы будут выступать не только в роли распределителя дешевых кредитных ресурсов, но и в качестве организации по активному привлечению вкладов. Свидетельством тому стало письмо министра внутренних дел Польши от 15 октября 1928 г. о необходимости указать руководству гминных кредитно-сберегательных касс на проведение активной работы по привлечению депозитов [10, s. 161–162].

Очевидно, что небогатое население западнобелорусского региона не могло обеспечить приток вкладов в достаточном объеме, чтобы покрыть все запросы по кредитам. Имелась постоянная потребность в дополнительных кредитных ресурсах, при этом долгосрочных и дешевых. Впрочем, последний вариант могли обеспечить только крупные государственные банки под выполнение государственных программ, прежде всего в сфере сельского хозяйства. Недостающие оборотные средства гминные кассы занимали у повтовых и городских касс, частных банков. При этом процентные ставки для конечного заемщика увеличивались на 1–3%. В то же время большинство крестьян гмины пользовались кредитами, выданными гминной кассой, поскольку получить кредит в финансовых учреждениях более высокого уровня было более сложно по ряду причин: необходимости подготовки дополнительных документов, низкой платежеспособности сельского заемщика и, как следствие, высокого уровня отказов. Поэтому ГКСК являлись одним из немногих вариантов для крестьян в пополнении их деятельности кредитными ресурсами.

Кредиты в гминных кассах получали как физические, так и юридические лица, которые в обязательном порядке должны были проживать на территории гмины. При этом сумма выдаваемого кредита не могла превышать 25% от суммы привлеченных сбережений кассы. Наиболее распространенными были краткосрочные кредиты (до 1 года), которые выдавались под посев и выплачивались по результатам сельскохозяйственного года. Вместе с тем, часть

кредитов выдавалась на длительный срок (до 10 лет) для приобретения земли, строений, инвентаря, строительства. Обычно такой кредит предполагал не только доскональное изучение кредитополучателя со стороны кассы, но и поручительство, залог (под залог могло идти как имеющееся, так и приобретаемое движимое и недвижимое имущество). Большим плюсом гминных касс была их территориальная доступность для населения.

Статистические данные Государственного земельного банка свидетельствовали, что в период с 1926 по 1930 г. рост вкладов в гминных кассах страны увеличился практически в 20 раз. Если по состоянию на 1926 г. в 233 гминных кассах насчитывалось вкладов на общую сумму в 224 тыс. зл. (около 1000 зл. на кассу), то по состоянию на 01.01.1930 г. 777 гминными кассами страны было привлечено порядка 4 млн. зл. (более 5000 зл. на кассу). Интересно, что, несмотря на кризисные явления в экономике, рост вкладов продолжился и в 1931 г., составив в соотношении на одну кассу порядка 6500 – 6800 злотых. Если смотреть на характер вкладов, то преобладающее большинство составляли депозиты крестьян, суммы которых доходили до 50 злотых.

Впрочем, основу деятельности гминных касс составляло кредитование. Несмотря на определённый рост депозитов, которые в кассах хранило местное население, они не могли полностью удовлетворить потребность жителей в дешевых и долгосрочных кредитах. Например, как отмечалось выше, в 1929 г. 777 гминных касс смогли привлечь порядка 4 млн. зл. сбережений, в то же время сумма выданных в течение года кредитов составила 44,3 млн. зл. В последующие годы рост суммы кредитов увеличивался. Необходимо отметить, что вместе с ростом кредитов, увеличивалась и просроченная задолженность как крестьян перед кассами, так и касс перед банком. Если в конце 1926 г. гминные кассы должны были Сельскохозяйственному банку всего 1,15 млн. зл., то уже к 1931 г. эта задолженность возросла до 13,5 млн. зл.

Несмотря на это, гминные кассы за первые пять лет своей работы смогли сделать главное – обеспечить крестьян кредитами для развития собственных хозяйств по доступной процентной ставке в 12%. При этом в сельской местности значительно сократился нелегальный кредитный рынок, годовые ставки на котором начинались от 60% [11, с. 686–687]. Дешевые кредитные линии, выделяемые кассами, и отсутствие необходимости переплачивать по процентам позволили многократно увеличить покупку крестьянами сельскохозяйственного инвентаря, посевного материала, племенного скота, провести модернизацию сельскохозяйственных машин и построек, решить жилищные проблемы. Важным аспектом деятельности гминных касс стало и отсутствие кредитования на потребительские нужды. Попросту взять денег «на проедание» крестьяне не могли.

Учитывая максимальную приближенность гминных касс к своему кредитополучателю, удалось максимально полно и быстро реагировать на потребность крестьянства в кредитных ресурсах, а также реально оценивать платежеспособность кредитора, минимизировать причины появления просроченной задолженности. Благодаря этому даже в годы мирового экономического кризиса, когда банковская система Польши понесла значительные потери, работа гминных касс отличалась определенной стабильностью. Суммарно по стране в 1929 г. через гминные кассы кредитовалось свыше 128 тыс. крестьян и более 5000 представителей других профессий, при этом сумма кредита в расчете на одного кредитополучателя составляла 330 злотых [11, с. 690] (таблица 2).

Таблица 2 – Количество гминных касс в западнобелорусских воеводствах (на 31.12.1929 г.)

Воеводства	Количество			Уставной капитал	Запасной капитал	Вклады	Долги	Выданные кредиты
	гмин	гминных касс	касс, включенных в отчет					
Белостокское	180	38	30	176	22	238	379	826
Виленское	98	19	19	86	7	51	946	1130
Полесское	92	10	10	34	1	26	146	203
Новогрудское	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. – Суммы капиталов, вкладов, долгов и кредитов даны в тыс. злотых.

Источник: [11, с. 692].

К концу 1920-х гг. в четырех воеводствах насчитывалось 270 гмин, при этом гминных касс было всего 67, что составляло лишь 25% (в среднем по стране этот показатель равнялся 51%). К примеру, если в Любельском воеводстве гминные кассы были в 86,6% гмин, то в Белостокском – только в 21,1%, Виленском – 19,3%, Полесском – 10,3%. На территории Новогрудского воеводства гминных касс вообще не было. При этом правительство ставило достаточно высокий план по вовлечению сельского населения в сферу деятельности гминных касс – 70%. В связи с этим в начале 1930-х гг. профильный земельный банк проводил активную политику кредитования как сельскохозяйственных кооперативов, так и гминных касс, иных финансовых институтов, кредитующих сельское хозяйство. При этом задолженность кооперативных союзов перед Земельным банком на начало 1931 г. составляла более 97 млн. зл. или 34,5% от всей суммы задолженности, коммунальных сберегательных касс – 46,83 млн. зл. (16,6%), гминные кредитно-сберегательные кассы имели задолженность в 13,5 млн. зл. или 4,8% от общей суммы задолженности [11, с. 692].

Мировой финансовый кризис усугубил положение гминных касс. Государственный земельный банк в 1931–1934 гг. активно выводил средства из ГКСК, что в свою очередь крайне негативно сказалось на поддержке мелкого сельскохозяйственного производства в регионе. Это вынуждало ГКСК изыскивать дополнительные средства или даже накладывать арест на имущество должника в редких случаях. Редкость такой процедуры была вызвана тем,

что лишая крестьянина сельскохозяйственного инвентаря и скота, дальнейшая обработка земли, а значит и выплата по долгам, фактически становилась невозможной [12, с. 186]. Предсказуемо выросла задолженность гминных касс (таблица 3), поэтому в 1932 г. Земельный банк начал осуществлять конверсию ранее выданных займов. Конверсии подлежали займы, предоставленные сельскохозяйственным производителям до 1 июля 1932 г. [13, с. 1950–1968]. Фактическая рассрочка задолженности помогла гминным кассам снизить проблемные активы и стабилизировать финансовую деятельность.

Таблица 3 – Баланс гминных кредитно-сберегательных касс (1929 – 1936 гг.)

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Количество касс	824	870	879	882	890	891	901	905
Формы капитала	В тысячах злотых							
Уставный капитал	3 460	4 339	5 035	5 472	5 731	5 915	6 261	6 725
Кредиты	21 634	25 705	24 205	22 473	22 155	22 332	24 327	25 633
Вклады	3 926	5 990	7 280	7 487	7 466	7 619	8 018	8 472
Задолженность	13 892	14 681	10 653	8 106	7 753	7 365	8 264	8 499

Источник: [14, с.211].

В 1935–1938 гг. можно было наблюдать активизацию роста гминных касс по стране. Если в 1925 г. насчитывалось всего 58 касс, в 1927 г. – 439, то в 1935 г. их было уже 910, а к 1939 г. – 975. В западнобелорусском регионе насчитывалось 85 гминных касс (8,7% от общего количества): Белостокское воеводство – 28, Полесское – 26, Виленское – 31. В Новогрудском воеводстве гминные кассы так и не были сформированы [14, с. 210].

Заключение. Таким образом, в межвоенной Польше была выстроена многоуровневая система финансовых организаций, определенную роль в которой играли гминные кредитно-сберегательные кассы. Их деятельность на территории западнобелорусского региона уступала иным кредитно-сберегательным организациям (почтовым сберегательным кассам, кредитно-сберегательным кооперативам) как по количеству, так и по оборотному капиталу. Несомненно одно: гминные кассы являлись источником дополнительного финансирования населения сельской местности и инструментом проведения государственной экономической политики в отношении западнобелорусского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 30 grudnia 1924 r. o organizacji i ustaleniu statutów gminnych kas wiejskich pożyczkowo-oszczędnościowych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1924, nr.118, poz. 1069. – S. 1578–1580.
2. Дубков С., Масько И. Банки на территории Беларуси: веки истории // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 1 (спец. вып.). – С. 67–71.
3. Гецевич А.К. Государственные и коммунальные кредитно-банковские учреждения в Западной Беларуси в 1920–1930-е гг.: основные этапы развития, структура // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2021. – Т. 13. – № 2. – С. 6–12.
4. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 6 lipca 1919 r. // Monitor Polski. – 9 lipca. – 1919. – S. 1.
5. Ustawa z dnia 31 lipca 1924 r. o naprawie Skarbu Państwa i poprawie gospodarstwa społecznego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1924, nr.71, poz. 687. – S. 1026–1028.
6. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych z dnia 13 marca 1925 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o statucie normalnym gminnych kas pożyczkowo-oszczędnościowych // Dziennik Ustaw R Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1925, nr.35, poz. 239. – S. 306–312.
7. Windakiewicz K. Społeczne instytucje kredytu i oszczędności w Polsce (Komunalne kasy oszczędności) // Samorząd Miejski. – Warszawa: Związek miast polskich, 1926. – S. 737–773.
8. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 13 kwietnia 1927 r. o komunalnych kasach oszczędności // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1927, nr.38, poz. 339. – S. 451–456.
9. Гецевич А.К. Основные направления деятельности государственных, коммунальных и кооперативных кредитно-банковских учреждений Западной Беларуси в 1920-е – 1930-е гг. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2021. – № 9. – С. 10–14.
10. Lenartowicz R. Działalność gminnych kas wiejskie pożyczkowo-oszczędnościowych w województwach centralnych i wschodnich do dnia 31-go grudnia 1926 roku // Czasopismo Kas Oszczędności. – 1927. – № 10. – S. 161–163.
11. Jastrzębski M. Działalność gminnych kas pożyczkowo-oszczędnościowych // Pięć lat na froncie gospodarczym: 1926–1931. – T. 1. – Warszawa, 1931. – S. 680–695.
12. Gminne kasy pożyczkowo-oszczędnościowe w 1935 r. // Głos Gminy i Gromady Wiejskiej: dwutygodnik poświęcony sprawom samorządu gminnego: organ Związku Gmin Wiejskich Rzeczypospolitej Polskiej. – 1937. – 1 czerwca. – nr. 11/12 – S. 186–188.
13. Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej z dnia 24 października 1934 r. o konwersji i uporządkowaniu długów rolniczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa, 1934, nr.94, poz.841. – S. 1950–1968.
14. Mały rocznik statystyczny. 1938. – Warszawa: GUS, 1938. – 424 s.

Поступила 21.03.2023

**GMINNY CREDIT AND SAVINGS BUREAUS
ON THE TERRITORY OF THE WEST BELARUSIAN REGION (1921–1939)**

A. GETSEVICH
(Yanka Kupala Grodno State University)

The purpose of the study is to study the main activities of the gminas credit and banking institutions on the territory of Western Belarus in the period of the 1920s – 1930s.

The article deals with the issues of legislative registration of the grassroots credit and banking structure of the second Polish Republic, represented by gminny cash registers, the formation of the structure of the largest institutions of this type, as well as the conditions and problematic moments in the formation of a network of gminny cash registers in the region; the main directions and forms of their work among the population of the region, the conditions for the provision of credit resources, the acceptance of borrowed funds. Statistical data on the activities of gminn credit and savings institutions, the number of branches are given. In conclusion, the state and problems of the activities of gminn credit institutions in the West Belarusian region are analyzed.

The results obtained can be used in the study of the economic history of Belarus of the twentieth century.

Keywords: *Western Belarus, Poland, bank, gmina, gmina cash register, global financial crisis, money.*

УДК 94(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-65-69

**МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАХАНОВЦЕВ БССР
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х – НАЧАЛО 1940-х гг.)****канд. ист. наук А.А. СУББОТИН****(Витебский государственный технологический университет)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9012-5303>**

Стахановское движение, зародившееся в середине 1930-х гг., стало ключевым явлением советского периода, оказало существенное влияние на экономику и общественную жизнь, а также сформировало новый тип передовиков, образ которых прочно закрепился в исторической памяти общества. В статье анализируются ценностные ориентации участников стахановского движения, характер восприятия передовиками времени и пространства, человека и коллектива, особенности трудовой этики и политической культуры, которые в целом стали основой для формирования устойчивых мотивов трудового энтузиазма. Автор делает вывод о том, что стахановцы представляли собой особый социальный феномен, максимально вобравший в себя типичные черты советского трудящегося и ставший результатом активной идеологической работы со стороны государства, партии и комсомола.

Ключевые слова: стахановское движение, стахановцы, БССР, труд, энтузиазм, социалистическое соревнование.

Введение. Одной из самых характерных форм социалистического соревнования, безусловно, является стахановское движение, зародившееся в СССР в середине 1930-х гг. и ставшее наивысшим проявлением трудового энтузиазма. На современном этапе развития белорусского общества стахановское движение не сохранило себя в тех формах, в которых оно существовало во время второй и третьей пятилеток, но заложило традиции почитания лучших представителей производственной и непроизводственной сфер, а также сформировало положительные примеры для подражания в повышении производительности труда. Помимо экономических вопросов, исследование стахановского движения требует детального изучения проблемы ценностных ориентаций, которые лежали в основе трудового энтузиазма стахановцев.

Целью данной статьи является определение особенностей мотивации трудовой деятельности стахановцев БССР второй половины 1930-х – начала 1940-х гг.

Основная часть. Важным стимулом активной производственной деятельности людей можно считать побуждение их к труду, когда в процессе поощрения на первое место выдвигаются моральные факторы, а стремление к совершенствованию производства обуславливается теми социальными нормами и ценностями, которые устойчиво закрепились в обществе [1, с. 200; 2, р. 74]. В процессе развёртывания стахановского движения отмеченные обстоятельства трудовой деятельности стали её доминантным мотивом, так как производственный энтузиазм стахановцев являлся прежде всего результатом установленной модели социальных отношений и идеологической работы в советском обществе. Эти факторы сильно повлияли на становление специфического способа мышления человека того времени и его жизненных установок, которые, в свою очередь, предопределили характер социального поведения и активную общественную позицию передовиков.

Рассмотрим особенности ценностных ориентаций, пространственно-временных представлений, восприятия общества, трудовой этики и стереотипов поведения, нашедших своё отражение в энтузиазме стахановцев и определявших их отдельный социальный тип.

В интенсивной ломке старых производственных норм у стахановцев складывались мотивы коренной перестройки экономики, под которой понималась и ломка всего старого, что существовало в обществе. Такие стремления обуславливались наличием у рабочих и колхозников соответствующих пространственно-временных представлений, ставших основой для подъёма трудового стахановского энтузиазма. В частности, время становилось составной частью системы ценностей советского общества. Рабочие и колхозники считали идеальным максимальное его заполнение трудовой деятельностью при выполнении производственных обязанностей. В таких условиях важной и знаковой считалась каждая минута, которую нужно было использовать с максимальной степенью эффективности. Такие черты временных представлений вылились в стахановском энтузиазме в метод уплотнения рабочего дня. Например, на кондитерской фабрике “Коммунарка” стахановка М. Цигельницкая, которая специализировалась на завёртке этикеток в карамельном цехе, 13 октября 1935 г. уплотнила своё рабочее время, освободив его от лишних хождений за этикетками благодаря предварительной организации рабочего места, а именно за счёт подготовки необходимых материалов. В результате работница смогла максимально использовать каждую минуту во время своей смены и перевыполнить план в несколько раз [3, с. 34]. Стахановец-дрожжевар Т. Кулешов обосновал повышение производительности труда именно своим отношением к рабочему времени. “Я ничего нового не придумал, – утверждал стахановец, – я лишь уплотнил свой рабочий день, не теряя ни минуты, относясь весьма внимательно и вдумчиво к своей работе” [4, с. 45–46]. Приведённые примеры свидетельствуют, что ценностные отношения стахановцев ко времени в виде уплотнения своего рабочего дня как средства совершенствования производства подталкивали к инициативе новой организации процесса трудовой деятельности, создав тем самым благоприятные условия для совершения новых рекордов.

С данным восприятием времени тесно переплетались соответствующие представления трудящихся о пространстве, которое предстояло освоить быстрыми темпами для создания развитой экономической сферы и нового

типа общества [5, с. 54]. Такая черта пространственного воображения, безусловно, приводила и к совершенствованию труда: прежде всего, это отразилось в преобразовании самого близкого пространства, непосредственно связанного с выполнением индивидуальных производственных обязанностей. При рассмотрении особенностей восприятия времени нами было замечено, что главным фактором совершения стахановских рекордов была именно качественная подготовка трудящимися своего рабочего места. Такое восприятие пространства являлось лишь самым первичным его проявлением, потому что в более широком смысле стремление к пространственным преобразованиям предусматривало, по представлению трудящихся, коренные изменения не столько на своём рабочем месте, сколько во всей хозяйственной единице, где они работали. Такая специфика отношения к пространству предопределялась привязанностью к тому предприятию или хозяйству, где выполнялись производственные обязанности, и соответствующей заинтересованностью сделать свой завод или колхоз лучше других. Так, в большинстве высказываний людей, включавшихся в стахановское движение, наблюдалось ощущение единства со своим местом работы и стремление показать подлинность таких отношений через примеры конкретного трудового поведения. Например, стахановец И. Трацевский определил в качестве главных условий своего энтузиазма любовь к предприятию: “Я полюбил завод, я горел желанием работать на заводе” [4, с. 27]. Гордость за своё предприятие можно заметить в выступлении стахановца Славкина (Минская чулочная фабрика): “Вырабляем 175% нормы. Гэта кажа аб тым, што наша маленькае прадпрыемства можа нараўне з усімі гігантамі прамысловасці змагацца за хуткія тэмпы і высокую прадукцыйнасць”¹. А стахановка П. Перцова (Льозненский район) вспоминала, что новые методы работы заинтересовали её после того, как сельсовет, в котором работала знаменитая льнотрепальщица С. Быковская, после совершения последней нового трудового рекорда попал на красную доску. В свою очередь, у Перцовой возникло желание, чтобы и её сельсовет, который был в то время на чёрной доске, попал на доску красную². В отмеченных случаях, как видим, в социально-психологическом облике стахановцев ярко проявилось выделение знаковости пространства своего предприятия или региона, что стало основанием для его совершенствования. У трудящихся складывалось стремление после преобразования своего микропространства, а именно своего рабочего места, или после достижения своих трудовых подвигов сделать идеальным пространство и всего трудового коллектива.

Пространственное понимание рабочих не ограничивалось представлениями о преобразовании только пространства своей производственной единицы, так как в системе их ценностей присутствовало мнение, что их социальное пространство – это и часть пространства всего СССР. Пространственные структуры приобретали характер неограниченности, большого масштаба, отсюда и все энтузиастские проявления назывались передовиками вкладом в совершенствование всей страны. Это повлияло на стахановскую активность, где безграничность пространственной среды побудила к такой же неограниченной реализации своего трудового потенциала. Такое пространственное восприятие наблюдается, например, в выступлениях знаменитых стахановцев Н. Гимпельштейна и Л. Левина, где отмечалось, что их стахановский энтузиазм сделает СССР состоятельным и культурным [6, с. 41; 7, с. 13]. А стахановка В. Власенко (колхоз “1 Мая”, Мстиславский район) в своих воспоминаниях определяла по поводу своего героического труда следующее: “Приходилось многого лишаться в личной жизни ради своевременной поставки качественной животноводческой продукции, в которой так остро нуждалась страна”³.

Ключевым элементом ценностей советского общества являлась положительная оценка труда. В условиях модернизации характерное для традиционного общества определение труда как способа обеспечения жизни, религиозного воспитания перерастало под влиянием социалистических идей в средство экономического прогресса, труд для человека приобретал определённый престиж и виделся им не как олицетворение эксплуатации, а как возможность своей самореализации. Те рабочие и колхозники, которые стали стахановцами, всегда указывали на труд как на высшую ценность. Стахановец Шульман (Минский станкостроительный завод имени Кирова), например, отмечал: “Праца ў нас з’яўляецца справай гонару, справай славы, справай доблесці і геройства” [6, с. 25]. Знаменитая стахановка Т. Зубарева из Могилёвского района вспоминала: “Работать на общую пользу, знать, что твой труд принесёт людям добро, гордиться высокой общественной оценкой труда – это настоящее счастье. Оно вдвое дороже потому, что мы его завоевали в борьбе со многими трудностями”⁴.

В ракурсе ценностного отношения к труду со стороны рабочих и колхозников, в условиях появления новой техники на хозяйственных единицах возникает и его рациональное восприятие, когда положительные результаты в трудовой деятельности всё меньше отождествляются с тяжёлыми физическими нагрузками или затратой больших физических сил на выработку определённой продукции, а рассматриваются как результат качественной организации производственного процесса, основанного, прежде всего, на выявлении новых возможностей технического оборудования. Для примера, стахановка Турецкая с Минской швейной фабрики “Октябрь” таким образом видела новые способы сделать работу лучше: “Стаханавы́скі мета́д, на маю думку, не на фізічнай сіле грунтуецца. Некаторыя таварышы лічаць, што тут сілай націснуць трэба. Але тут справа не ў сіле, а ў добрай арганізацыі працы”⁵. Так, в условиях перехода к индустриальному обществу у трудящихся постепенно исчезает характерное

¹Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4409. Л. 14.

²Прамова тав. П. Н. Пярцовай // Звязда. – 1935. – 20 снеж. – С. 2.

³Государственный архив общественных объединений Могилёвской области (ГАОМО). – Ф. 6115. Оп. 1. Д. 403. Л. 11.

⁴ГАОМО. – Ф. 6115. Оп. 1. Д. 417. Л. 12 об.–13.

⁵Ротміль, М. Справа не ў фізічнай сіле, а ў арганізацыі працы / М. Ротміль // Звязда. – 1935. – 18 кастр. – С. 3.

для традиционного общества представление о труде как о деятельности исключительно физического характера и формируются новые, творческие подходы к его организации, связанные с техническими возможностями предприятия и правильным их использованием. Такие изменения в восприятии труда и становятся по сути базовыми в изобретении новых стахановских методов, показывающих, что наряду со складыванием индустриального общества шло складывание и соответствующей индустриальной психологии, что в советском варианте проявилось в активном участии в социалистическом соревновании.

В процессе подобной трансформации восприятия труда его традиционная интерпретация как христианского самосовершенствования приобретала в советских условиях форму высоких моральных принципов профессиональной деятельности. Так, с точки зрения стахановцев, немаловажную роль в их производственных успехах играло именно добросовестное отношение к своему делу, а моральный фактор при восприятии труда проявился не только в качественном выполнении рабочими и колхозниками своих обязанностей, но и в совершенствовании методов трудовой деятельности. Один из передовиков совхоза “Крынки” Витебского Союзмолтреста говорил: “Сакрэт нашых поспехаў – вывучэнне сваёй справы, любоўныя і беражлівыя клопаты пра жывёлу і тэхніку”⁶. Стахановка Гузаревич с Речицкой спичечной фабрики “Х Октябрь” определила, что тщательный уход за станками оказал большое влияние на перевыполнение ею норм выработки⁷. Хорошее знание специфики профессии и любовь к своей работе отмечала как фактор стахановского энтузиазма и работница Г. Куписюк с Могилевской шёлковой фабрики имени Куйбышева: “Я зраднілася з шоўкам. Выраб шаўковай ніткі, адбелка, сартаванне – усё гэта працэсы мне добра знаёмыя”⁸.

В деятельности стахановцев проявил себя определённый индивидуализм, когда они видели знаковость своего почётного статуса “знатного человека” в обществе и придавали большое значение своим производственным успехам. Можно говорить о том, что у группы стахановцев прочно закрепились представления о своём месте в социальной структуре, и они точно идентифицировали себя с самыми лучшими трудящимися, имеющими выдающейся личные, общественные и профессиональные качества [8, с. 225; 9, с. 158]. Например, корреспондентами газеты “За торф” стахановцам торфозаводов БССР был задан вопрос: “Які ваш самы радасны дзень?”. На что передовики дали следующие ответы: “Калі заваяваў першы рэкорд і аб гэтым загаварыла грамадскасць”, “Дзень рэкорда пры выпрацоўцы флянсаў”, “Рэкорд у час стаханаўскай змены”⁹. Ещё один из передовиков торфяной промышленности Беларуси Ф. Зубов (Гомельский торфозавод “Большевик”) отмечал насчёт своего полученного статуса следующее: “В прошлом году я получил звание знатного стахановца БССР. Этим званием я горжусь, но на этом не успокаиваюсь, я хочу быть и в дальнейшем лучшим бригадиром торфозаводов БССР”¹⁰.

Полученные почётные статусы “знатных людей”, как мы заметили, определялись коренными изменениями в самосознании тех передовиков, которые стали их носителями, и новым восприятием ими своего места в трудовом коллективе, когда они считали знаковым событием в своей жизни совершённые ими производственные рекорды и видели, что эти рекорды стали фундаментом для их социального превосходства над остальными трудящимися. На основе этого стахановцы начали определённым образом выделять себя в отдельную категорию, отличающуюся от других людей труда. Последнее ярко подтверждает пример, когда стахановки Осиповичского стекольного завода “Октябрь” при обсуждении проекта Конституции СССР предложили внести в неё отдельную статью, которая касалась бы социального и политического положения стахановцев¹¹. С другой стороны, осознанная индивидуальность стахановцев сформировалась в рамках коллективистских традиций, что были заложены в советском обществе, когда отдельный трудовой подвиг воспринимался рабочими и колхозниками как часть деятельности всего трудового коллектива. Так, например, в тексте социалистического обязательства, которое приняли стахановки Толочинского района в начале 1936 г., очень часто встречается местоимение “мы”, а потом в самом конце – местоимение “я”, что отражало уже задачи отдельно взятой стахановки¹². Подобную же коллективистскую особенность стахановского энтузиазма можно было наблюдать в частушке стахановок из колхоза “Асвета” Кличевского района:

Паравоз пару пускае,
Па дарожаньцы бяжыць,
Будзем разам мы, дзяўчаты,
Па-стаханаўску рабіць¹³.

Выделение трудящимися своих персональных производственных успехов как составной части осуществления общей цели приводило к возникновению истинного духа состязания, когда на основе стахановских достижений происходило не только повышение социального статуса рабочих или колхозников, но и в их сознании формиро-

⁶ Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 932. Оп. 1. Д. 349. Л. 52.

⁷ НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4586. Л. 40.

⁸ Куписюк, Г. Мянэ выхавала партыя / Г. Купісюк // Звязда. – 1935. – 23 лістап. – С. 2.

⁹ НАРБ. – Ф. 277. Оп. 1. Д. 444. Л. 30.

¹⁰ Зубов, Ф. Как мы работаем / Ф. Зубов // Рабочий. – 1936. – 30 мая. – С. 3.

¹¹ Зональный государственный архив в городе Полоцке. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 93. Л. 417.

¹² ГАВО. – Ф. 85. Воп. 2а. Спр. 25. Л. 41.

¹³ Частушкі калгаснай вёскі // Звязда. – 1936. – 24 мая. – С. 3.

лось стремление быть лучшими для того, чтобы сделать как можно больший вклад в повышение темпов производства своего трудового коллектива в целом. О большом порыве производственного энтузиазма и высокой степени состязательности между стахановцами свидетельствуют следующие слова известного в БССР стахановца Г. Скобло: “За апошні час я павышаю выпрацоўку з дня ў дзень ... Зменшчык мой – Фейдэман – гоніць мяне па пятах. Але ж я ўпэўнены ў сабе – не дагоніць”. Кроме духа персонального состязания в речи стахановца ярко ощущается и атмосфера состязательности между коллективами: “У нас з’явіўся моцны канкурэнт – закройны цэх. Але мы не здаёмся”¹⁴. Энтузиастский порыв социалистического соревнования среди рабочих был отражён, например, и в рассказе стахановца Г. Рушко: “Будучи в доме отдыха, услышав, что мои показатели 328% перекрыл Поздняков, давший 496,3% плана, я вернулся на сутки, перекрыл показатели Позднякова, дал 657,4% плана, заработал 46 рублей 28 копеек за смену и так сохранил за собой авангардную роль комсорга смены”¹⁵.

Таким образом, коллективизм как характерная черта сознания трудящихся советского периода становится основой для развёртывания стахановского движения, а его участники в самой высокой степени проявляли преданность общим интересам как своих трудовых коллективов, так и общества в целом.

В рамках отмеченной черты сознания важным стимулом стахановского энтузиазма как раз и становится моральное поощрение трудящихся, когда за высокие производственные показатели рабочие и колхозники получали символическое признание своей знаковой роли в жизнедеятельности общества со стороны государства, через что закрепляли свой высокий социальный статус. Моральное поощрение находило своё отражение прежде всего в государственных наградах различных уровней. Например, орденом Трудового Красного Знамени был награждён стахановец А. Лучковский (спичечная фабрика “Везувий”)¹⁶, орденом Ленина получили участник стахановского движения с Полоцкого хлебозавода Будько¹⁷ и одна из лучших стахановок Гомельщины Лешкова¹⁸. Всего по республике за 1935–1937 гг. орденом Ленина было награждено 11 стахановцев, орденом Красного Знамени – 15 стахановцев, орденом Трудового Красного Знамени – 8, орденом “Знак Почёта” – 38¹⁹. Кроме этого, формами поощрения стахановцев со стороны государства становятся почётные грамоты и ценные подарки. Так, к празднику 8 марта в 1936 г. грамотами ЦИК и СНК БССР было награждено 125 женщин-стахановок²⁰. Стахановец Г. Басов (Витебское паровозное депо), например, получил в подарок от руководства республики именные часы²¹.

Стахановцы с подачи власти выступали в обществе в качестве самых надёжных с политической точки зрения представителей трудящихся, что выразилось в активном продвижении их на ответственные хозяйственные и государственные должности, демонстрации на их примере идеальных моделей поведения в общественно-политической жизни. С другой стороны, можно считать, что у этих трудящихся сложилась характерная для советского времени политическая культура, включавшая в себя соответствующие представления о власти, отношения к политической системе и её институтам [10, с. 46]. В сознании рабочих и колхозников произошла трансформация традиционного восприятия власти, когда прежние формы христианских представлений о богоизбранной монархии заменялись представлениями о советской форме государственности как справедливой власти, признанной народом. При этом в конце 1920-х – 1930-е гг. центральное место среди политических ценностей начинает отыгрывать культ Сталина, который благодаря средствам агитации и пропаганды виделся трудящимися в качестве ключевого фактора всех успехов страны. Складывание культа личности Сталина было предопределено формами социальных отношений и ценностных ориентаций населения, которые сложились ещё в досоветское время и характеризовались отсутствием в жизненном опыте людей общественной независимости, а также личной свободы [11, с. 372; 12, с. 14]. На основе этого у трудящихся возникала необходимость отражать свои интересы и устремления через политическую волю харизматичного лидера страны, а их личные успехи ставились в заслугу его деятельности.

В этом смысле производственная активность рабочих и колхозников через участие в стахановском движении была значительно проникнута их верой в определяющую роль Сталина и созданной под его руководством политической системы во всех достижениях общества. Такое отношение к образу Сталина проявлялось, например, в сильном эмоциональном восприятии стахановцами личных встреч с ним. Например, стахановка Н. Гаврилова (колхоз “Победа” Шкловского района) так рассказывала о приёме стахановцев в Кремле: “Когда вошёл Сталин, что делалось со мной, я не помню. Несколько минут мы стояли не в силах удержать восторг, свою радость при виде нашего дорогого, любимого вождя. Мы всматривались в его лицо, в каждую сединку на его голове, чтобы запомнить на всю жизнь”²².

¹⁴ Мы можам даць яшчэ больш // Звезда. – 1935. – 22 кастрыч. – С. 3.

¹⁵ НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 9091. Л. 145.

¹⁶ Аб узнагароджанні ініцыятараў стаханаўскага руху ў прамысловасці і транспарце. Пастанова ЦВК СССР // Звезда. – 1935. – 9 снеж. – С. 1.

¹⁷ ГАВО. – Ф. 10061. Оп. 2. Д. 31. Л. 28.

¹⁸ Государственный архив Гомельской области. – Ф. 426. Оп. 1. Д. 267. Л. 27.

¹⁹ НАРБ. – Ф. 265. Оп. 1. Д. 4445. Л. 12.

²⁰ Аб узнагароджанні ў адзнаку Міжнароднага камуністычнага дня – 8 сакавіка работніц і калгасніц-стаханавак граматамі ўрада БССР : Пастанова ЦВК і СНК БССР // Звезда. – 1936. – 17 крас. – С. 2.

²¹ ГАВО. – Ф. 9742. Воп. 3. Спр. 30. Л. 5.

²² Вот она, сказка наяву // Рабочий. – 1936. – 27 нояб. – С. 3.

Заключение. Таким образом, стахановцев можно определить как отдельный социальный тип нового человека, который через идеологическую работу удалось сформировать государству и партии в советском обществе. Рабочие и колхозники БССР, активно участвовавшие в стахановском движении, максимально отражали характерную для советского времени систему ценностей, которая становится основой мотивации совершенствования труда. В пространственно-временных представлениях стахановцев сложились революционные стремления, согласно которым нужно было рационально использовать рабочее время и быстрыми темпами преобразовывать пространство своей хозяйственной единицы и страны в целом. Важными мотивами участия трудящихся в стахановском движении были восприятие труда как высшей ценности, вера в неограниченные способности человека, чувство коллективизма, преданность интересам советского политического строя и абсолютизация роли личности Сталина в дальнейшем общественном развитии. Для стахановцев также был характерен и индивидуализм, понимание своего своеобразия среди других трудящихся как лиц, способных кардинально изменить социум, что определенным образом вдохновляло к дальнейшему совершению трудового героизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история: ежегод. / Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Центр эконо. истории при ист. фак., Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Гр. «Социально-экономическая история: экономика и общество». – М., 2002. – С. 194–205.
2. Tilly C. *Work under Capitalism (new perspectives in sociology)*. – Boulder: CO: Westview Press, 1998. – 326 p.
3. Стаханаўцы “Камунаркі”: зб. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
4. Стахановцы спиртовой промышленности БССР: сб. – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1936. – 78 с.
5. Осинская О.Н. Время и пространство в политическом менталитете тоталитарного общества (20–30-е гг.) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание / Томск. обл. антифаш. ком. – Томск, 2000. – Вып. 3. – С. 52–54.
6. Радасная праца, радаснае жыццё: стаханаўцы завода імя Кірава: зб. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
7. Стаханаўскім шляхам: стаханаўцы Барысаўскай запалкавай фабрыкі: зб. арт. – Мінск: Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
8. Кедров Н.Г. Лапти социализма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. – М.: Полит. энцикл., 2013. – 280 с.
9. Кедров Н.Г. Социальная идентичность крестьянства Русского Севера в 1930-е годы // Рос. история. – 2012. – № 5. – С. 152–161.
10. Павлова И. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. // Вопр. истории. – 2001. – № 1. – С. 46–56.
11. Энкер Б. Культ вождя как социокультурный проект // История сталинизма: итоги Междунар. науч. конф., Москва, 5–7 дек. 2008 г. / Гос. архив Рос. Федерации, Президент. центр Б.Н. Ельцина, Мемориал, Ин-т науч. информации по обществен. наукам; ред.: Е. Ю. Кондрашина [и др.]. – М., 2011. – С. 372–377.
12. Энкер Б. Советский культ вождей: между мифом, харизмой, общественным мнением // Весн. МГУ. Сер. 12, Социально-политические исследования. – 1994. – № 5. – С. 13–24.

Поступила 12.12.2022

MOTIVATION OF THE LABOR ACTIVITY OF STAKHANOVISTS OF THE BSSR (THE SECOND HALF OF THE 1930s. – EARLY 1940s.)

A. SUBBOTIN
(Vitebsk State Technological University)

The Stakhanov movement, which originated in the mid 1930s., became a key event of the Soviet period, had a significant impact on the economy and social life and it also formed a new type of the best workers, whose image is firmly entrenched in the historical memory of society. The article analyzes the value orientations of the participants of the Stakhanov movement, the nature of the perception of time and environment, man and collective by the best workers, features of work ethics and political culture, which generally became the basis for the formation of stable motives of labor enthusiasm. The author concludes that the Stakhanovists were a special social phenomenon that as much as possible absorbed the typical features of the Soviet worker and became the result of ideological work on the part of the state, the party and the Komsomol.

Keywords: the Stakhanov movement, the Stakhanovists, the BSSR, labor, enthusiasm, socialist competition.

УДК 355.24(476.5)«1941»

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-70-75

О МОБИЛИЗАЦИИ РОССОНСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С.П. КОПЫЛ*(Музей боевой славы Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника)*

На примере Россонского района Витебской области рассмотрены отдельные вопросы начального периода Великой Отечественной войны. Эти вопросы в первую очередь связаны с переводом армии и флота со штатов мирного времени на штаты военного времени. В научный оборот вводится Дело с именными списками военнообязанных запаса, направленных со сборного пункта Россонского райвоенкомата в войсковые части в июне – июле 1941 г. (24 июня – 28 июля 1941 г.). Анализ его содержания позволяет частично вскрыть алгоритм действия военных комиссариатов по распределению мобилизационных ресурсов, приписанных к заранее определенным еще в мирное время военным округам, соединениям, воинским частям и учреждениям.

Ключевые слова: Россонский район, Великая Отечественная война, мобилизация, армия.

Введение. Мобилизация как общественно-политическое явление – это комплекс мероприятий по переводу на военное положение военной организации государства, перестройке его экономики и государственных институтов страны для обеспечения вооруженной борьбы с противником. В более узком смысле «Мобилизация вооружённых сил – один из важнейших элементов их стратегического развёртывания. Она заключается в переводе в установленные сроки армии и флота государства, существующих в мирное время, на организацию и состав военного времени. Мобилизация вооружённых сил находит свое выражение в увеличении их численности за счет призыва военнообязанных (резервистов) и создании новых формирований, предусмотренных мобилизационным планом» [8, с. 342].

В рассматриваемый период времени деятельность военных комиссариатов отличалась многосторонностью, главной из которых являлись мероприятия, связанные с мобилизацией. В веденном в действие приказом Народного комиссара обороны № 095 от 5 марта 1941 г. Наставлении по мобилизационной работе местных органов военного управления говорилось: «Мобилизация имеет целью обеспечить планомерный переход каждой отдельной войсковой части, штаба, управления, учреждения и всей Красной Армии с организации и штатов мирного времени на организацию и штаты военного времени в сроки, установленные схемой мобилизационного развёртывания» [6].

Каждый военкомат при оценке призывных ресурсов опирался на данные обязательного личного учета населения. Часть военнообязанных запаса и призывников еще в мирное время приписывалась к определенным войсковым частям, куда им надлежало отправиться при объявлении мобилизации. Предвоенная приписка военнообязанных запаса и новобранцев в первой половине 1941 г. была проведена дважды: в январе-феврале и в период с 15 апреля по 15 мая [4, с. 262]. Комплектование частей Красной Армии командно-начальствующим составом по штатам военного времени планировалось осуществлять путем перемещения кадра внутри части, как правило, на ступень выше занимаемой должности (и выделения его в другие части), сводя некомплект к низшим должностям, которые замещались командирами, призванными из запаса. Приписка личного состава для частей, не существующих в мирное время, согласно инструкции осуществлялась к тем частям, на которые возложено их формирование [5, с. 387]. При этом согласно Директиве ГШ КА № моб / 1 / 542241сс от 1 марта 1941 г. приписке не подлежали резервисты следующих национальностей: немцы, поляки, румыны, финны, болгары, турки, иранцы, японцы, корейцы и китайцы. Каждому приписанному гражданину при проведении приписки выдавали мобилизационное предписание (повестку), где указывался день его прибытия после начала мобилизации, время прибытия на сборный пункт, условный номер команды или действительный номер войсковой части, в которую предназначался резервист согласно существующей в военном округе схемы мобилизации. В команды назначали (приписывали) военнообязанных призывных возрастов, назвав их приписным составом. Каждый военнообязанный запаса был приписан к конкретной воинской части. В каждую команду назначали резервистов с учетом трехпроцентной надбавки из расчета на естественную убыль или опротестование решений призывной комиссии [4, с. 265, 266, 373]. К началу Великой Отечественной войны в каждом военном комиссариате хранились призывные карты новобранцев, учетные карточки военнообязанных запаса и учетно-послужные карточки рядового состава Красной Армии. Все эти документы в 1949 г. были заменены на книги призыва [4, с. 267]. На территории Беларуси уже в XXI веке они были переоформлены в «Списки военнообязанных, исключенных с воинского учета по достижению предельного возраста» с определенным сроком хранения и последующим их уничтожением с составлением акта об уничтожении.

Основная часть. 22 июня 1941 г. началось выполнение мобилизационного плана МП-41. Известный советский писатель Константин Симонов отметил, что мобилизация была объявлена в четырнадцать часов (время московское) 22 июня, то есть через десять часов после начала войны [5, с. 409]. Оповещение о ней происходило на основании Инструкции о порядке оповещения при объявлении мобилизации, утвержденной 25.01.1941 г. заместителем начальника Генерального Штаба генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным. В ней было сказано: «...При открытой мобилизации оповещение войсковых частей и учреждений Красной Армии, Военно-Морского Флота

и органов Государственной власти, производится передачей мобилизационной телеграммы условного содержания по проводам Наркомсвязи за подписью Наркома Оборона СССР, а оповещение военнообязанных и населения, как правило, повестками и как исключение – приказами местных органов военного управления» [7]. Мобилизационная шифротелеграмма наркома обороны СССР № 2206 была отправлена из Москвы только в 16.20, а в Минске принята в 18.30. В ней говорилось: «Президиумом Верховного Совета СССР объявлена мобилизация. Первый день мобилизации 23 (двадцать третье) июня». В 21.30 того же дня начальник штаба ЗапОВО генерал-майор В.Е. Климовских шифровкой № 3265 / ш на имя начальника Генерального Штаба Красной Армии подтвердил факт её получения в округе. Непосредственно плановая мобилизация проходила в течение 7 суток. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. призыву подлежали военнообязанные запаса 1905–1918 гг. рождения 1-й категории 1-й очереди, прошедшие действительную военную службу. Они, как правило, направлялись в находящиеся в этом же военном округе части и подразделения для развертывания их по штатам военного времени или в развертываемые воинские части в другой военный округ, или в пункты, где с объявлением мобилизации начинали формироваться новые части согласно МП-41 [4, с. 273].

Начало войны было серьезным экзаменом для всех органов государственного управления, в том числе и для военных комиссариатов. В частности, на территории Витебской области они, продолжая подчиняться уже управлению Западного военного округа, которое приступило к работе с 21 июня после выделения из Западного особого военного округа управления Западного фронта, вступили во взаимодействие с прибывающими частями и соединениями внутренних военных округов.

В районном центре Россоны о нападении нацистской Германии на СССР стало известно перед началом собрания партактива, на котором собирались обсуждать вопросы уборки урожая и мелиорации на большой территории под названием Сивый мох. Повестку дня пришлось изменить, и председателям сельсоветов были даны задания по выполнению мобилизационных планов. Уже на следующий день в военкомат потянулись мужчины из окрестных деревень. Уходя в армию, своим землякам они давали наказ ударным трудом крепить мощь страны и обещали скоро вернуться с победой, не догадываясь, что жизнь круто изменилась как для них, убывающих в неизвестность, так и для тех, кто оставался дома.

Среди немногих военкоматовских документов 1941 г. до наших дней в Военном комиссариате Полоцкого, Россонского районов и г. Новополюска сохранился отчетный материал, связанный с мобилизационными мероприятиями (рисунок 1). На его титульном листе видны следы двух инвентарных номеров с грифом «Хранить Постоянно». В деле 208 пронумерованных, прошнурованных и скрепленных печатью страниц вторых экземпляров именных списков команд, написанных от руки или напечатанных на пишущей машинке. Большинство бланков заготовлено заранее. Часть из них написана от руки и размножена через копировальную бумагу.

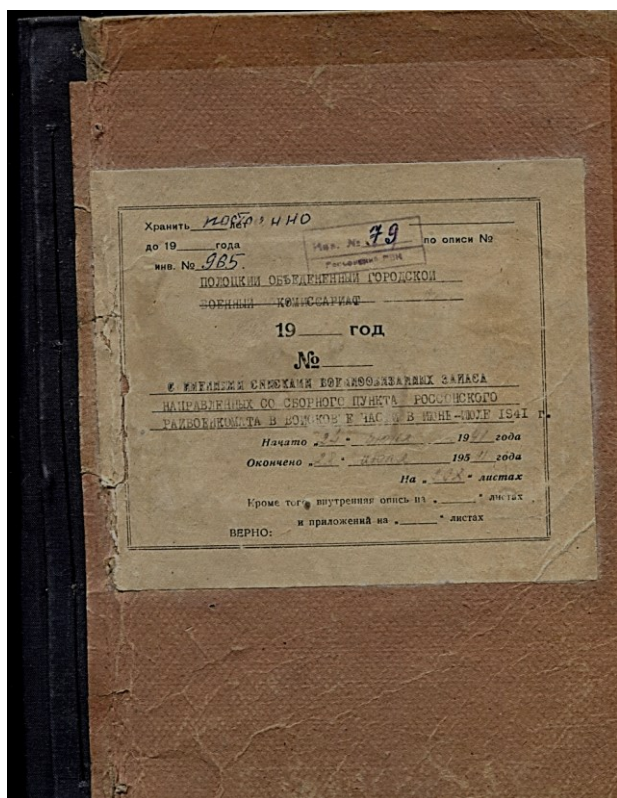

Рисунок 1. – Дело с именными списками военнообязанных запаса, направленных со сборного пункта Россонского райвоенкомата в войсковые части в июне – июле 1941 г. (24 июня – 28 июля 1941 г.)

Именные списки команд данного документа условно можно разделить на четыре категории: 1) составленная до объявления войны, т.е. до 22 июня 1941 г.; 2) касающаяся первой волны плановой мобилизации; 3) связанная с выполнением заявок командования 22-й армии, развертывающейся на Великолукском операционном

направлении; 4) призванные по незапланированной июльской мобилизации, а также граждане, составлявшие мобресурс и отводимые с территорий возможной оккупации противником.

Первая категория – самая малочисленная. Она содержит всего 7 фамилий командно-политического состава, призванного на плановые сборы, когда в СССР персональными повестками, без публичных объявлений и торжественных проводов, в войска было отправлено 755 859 человек 1-й категории военнообязанных запаса обученного рядового и младшего начсостава, а также 46 279 человек начальствующего и политического состава [3, с. 475]. Это составило 24% приписного личного состава по мобплану МП-41 [4, с. 279].

Количество отправленных Россонским РВК военнообязанных граждан до 23.06.1941 г. совпадает с количеством записанных в команды. Работа военкомата в этот период проходила в штатном режиме и дала 100% результат (таблица 1).

Таблица 1. – Списки команд, отправленные до начала Великой Отечественной войны

Условный номер команды (кол-во групп в команде)	Войсковая часть или учреждение	Количество призываемых военнообязанных	Количество отправленных во- еннообязанных	Дата отправки
б/н (1)	в/ч 9900	1	1	после 13.06.1941 г.
б/н (2)	Курсы усовершенствования политсостава запаса, г. Смоленск	6	6	21.06.1941 г.
Всего		7	7	

Примечание. – Войсковая часть 9900 – это 28-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион 28-й танковой дивизии Прибалтийского особого военного округа.

Источник: составлено на основе [1, лл. 200, 203, 204].

Среди убитых в г. Смоленск числится Павел Миронович Машеров, известный не только как старший брат выдающегося советского партийного и государственного деятеля Петра Мироновича Машерова, но и как отважный фронтовик, награжденный правительственными орденами и медалями (рисунок 2).

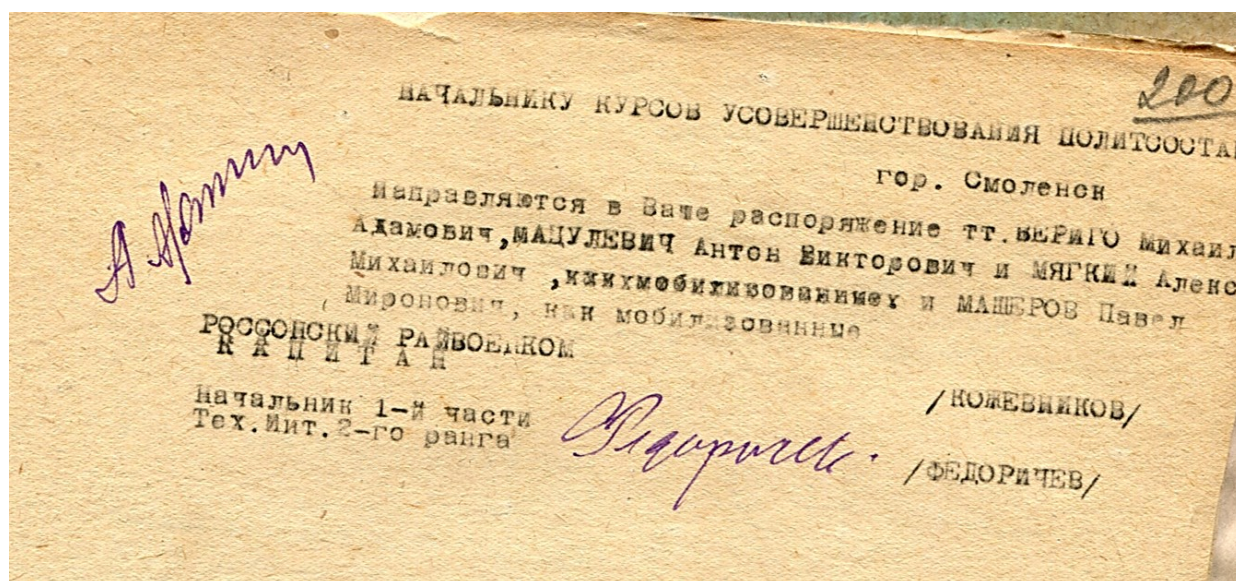

Рисунок 2. – Предписание на убытие тт. Вериго М.А., Мацулевича А.В., Мягких А.М. и Машерова П.М. в распоряжение Начальника курсов усовершенствования политсостава

Вторая категория мобилизованных Россонского района по Указу Президиума Верховного совета СССР о мобилизации позволяет отследить действительные номера существовавших в мирное время и разворачиваемых по войне воинских частей и соединений (таблица 2). В большей степени это касается Полоцкого гарнизона и частей, дислоцируемых на территории Полоцкого района. Основное место в них занимают части 50-й стрелковой дивизии, сформированной в Полоцке как «Уровская» и предназначенной для ведения боевых действий в долговременных огневых точках укрепленного района (61 УР). Название «Полоцко-Себежский укрепрайон» указывает на существование с осени 1940 г. до весны 1941 г. двух УРов как одного соединения, используемого в схеме развертывания мобилизационного плана МП-40 и временно оставленного в МП-41. Кроме них присутствуют окружные и гарнизонные склады на территории района, 16-й топографический отряд, 71-й дегазационный батальон (оба – г. Поставы) и 293-й пушечный артполк РГК (Подсвилье), которые подчинялись спецкомендатуре,

размещенной в г. Полоцке. Просматриваются и внутриокружные перемещения команд в гг. Витебск, Пинск, Гомель, Молодечно, Вилейку, Борисов. Причем наличие запасного стрелкового полка в Витебске не подтверждается перечнем частей его гарнизона на июнь-июль 1941 г., что дает повод предположить о его возможном разрывании по МП-40, но не вошедшем в МП-41.

Таблица 2. – Списки команд первой (плановой) волны мобилизации

Условный номер команды (кол-во групп в команде)	Войсковая часть или учреждение	Количество призываемых военнообязанных	Количество отправленных военнообязанных	Дата отправки
6405 (6)	257 гап 50 сд	76	76	24.06.1941 г.
6928 (3)	271 сп 17 сд	77	77	24.06.1941 г.
6930 (1)	20 лап 17 сд Боровуха 2-я	12	12	24.06.1941 г.
6936 (4)	114 осб 17 сд	45	45	24.06.1941 г.
6967 (1)	359 сп 50 сд	1	1	24.06.1941 г.
6974 (4)	штаб 50 сд	13	13	24.06.1941 г.
6976 (4)	2 сп 50 д	130	129	24.06.1941 г.
6983 (3)	81 обс 50 сд	26	25	24.06.1941 г.
6984 (2)	68 осб 50 сд	8	8	24.06.1941 г.
6987 (3)	10 омсб 50 сд	16	16	24.06.1941 г.
6988 (3)	хлебозавод 125 50 сд	9	9	–
6998 (2)	Полоцко-Себежск. укрепрайон (61 УР) г. Полоцк	2	2	24.06.1941 г.
6999 (4)	25 опульбат 61 УР	34	34	24.06.1941 г.
7001 (3)	25 опульбат 61 УР	27	27	–
7006 (1)	25 опульбат 61 УР	26	26	24.06.1941 г.
7013 (1)	324 озад ПВО г. Полоцк	7	7	24.06.1941 г.
7100 (2)	168 авиабаза Бецкое	6	6	24.06.1941 г.
7121 (3)	ДЭУ-705 г. Полоцк	67	67	24.06.1941 г.
7125 (2)	РВК г. Полоцк	5	5	24.06.1941 г.
7137 (5)	военный госпиталь г. Полоцк	5	5	24.06.1941 г.
7144 (5)	военный госпиталь г. Полоцк	39	38	24.06.1941 г.
7160 (1)	горздравотдел г. Полоцк	17	17	28.06.1941 г.
7163 (3)	облздравотдел г. Полоцк	80	78	24.06.1941 г.
7176 (4)	РВК г. Полоцк	14	14	24.06.1941 г.
7186 (7)	артсклад 69 ст. Полота	65	65	24.06.1941 г.
7229 (6)	склад 598 ст. Дретунь	49	48	24.06.1941 г.
7456 (1)	ст. Гомель	16	16	–
70 (1)	военная флотилия г. Пинск	1	1	24.06.1941 г.
2823 (2)	293 гап (пап) РГК ст. Подсвилье	7	7	24.06.1941 г.
2829 (1)	7 сп 24 сд г. Молодечно	13	13	24.06.1941 г.
2851 (1)	73 осб 24 сд г. Вилейка	3	3	24.06.1941 г.
2867 (1)	16 топоотряд г. Поставы	5	5	24.06.1941 г.
2869 (1)	71 дегазац. Батальон г. Поставы	7	7	24.06.1941 г.
4736 (1)	в/ч 4764 (управление 38 тд) г. Борисов	3	3	–
б/н (1)	71 орб 17 сд Боровуха-2	21	21	26.06.1941 г.
б/н (2)	запасн. стрелк. полк г. Полоцк	29	29	24.06.1941 г.
б/н (1)	запасн. арт. полк г. Витебск	4	4	–
б/н (1)	запасн. стрелк. полк г. Витебск	10	10	24.06.1941 г.
Всего		765	760	

Источник: составлено на основе [1, лл. 1–7, 25–51, 73–93, 100, 131–174, 187–194, 196, 197, 199–201, 205, 207].

Разница между отправленными приписниками и записанными в составе команд составляет всего 5 человек или 0,65%. Наличие бланков команд только за 24, 26 и 28 июня позволяет предположить о том, что в данном деле находятся не все списки, а только их часть.

Для Витебской области работа военкоматов проходила в условиях развернувшихся на территории области ожесточенных боев с наступавшим противником. Участвовавшая в них 22-я армия прибывала из Уральского военного округа с неразвернутыми тылами, частями и соединениями, укомплектованными по штатам мирного времени, остро нуждалась во всем: от личного состава до боеприпасов, от горюче-смазочных материалов до продовольствия и медикаментов. Если определенные трудности возникали с дополнительной поставкой в войска техники, то проще было решать вопрос с личным составом. Из 371 человека, назначенного Россонским военкоматом для нужд 22-й армии, в части было отправлено 363 человека, что составляет 97% и укладывается в нормативные 3% (таблица 3).

Таблица 3. – Списки команд, отправленные в состав 22-й армии

Условный номер команды (кол-во групп в команде)	Войсковая часть или учреждение	Количество призываемых военнообязанных	Количество отправленных военнообязанных	Дата отправки
б/н (3)	322 строительный батальон д. Березовка Экиманского с/с	80	80	–
б/н (1)	склад 598 ст. Дретунь	1	1	2.07.1941 г.
б/н (4)	ППГ в/ч 1652 (51 ск)	78	72	8.07.1941 г.
б/н (2)	ППГ	3	3	–
б/н (1)	пересыльный пункт г. Полоцк	209	207	–
Всего		371	363	

Примечание. – Войсковая часть 1652 – это условное наименование управления 51-го стрелкового корпуса 22-й армии. Корпус оборонялся на фронте от латвийского города Краславы до города Дисны. Номер 322, предположительно, – действительный номер одного из строительных батальонов, работавших на оборонительных работах на территории Прибалтийского особого военного округа, а затем отступивших в Полоцк: 80 человек тремя партиями были отправлены в его адрес по приказу начальника Полоцкого гарнизона, полковника Н.С. Дэви. Он же в тот момент являлся и комендантом укрепрайона.

Источник: составлено на основе [1, лл. 94–99, 175–186, 195, 198, 202, 206].

В связи с огромными потерями на фронте Государственный Комитет Обороны СССР был вынужден подготовить Постановление ГКО № 48 от 8 июля 1941 г. «О формировании дополнительных стрелковых дивизий». Так началась вторая волна мобилизации. Она не была запланирована в мобплане МП-41. После принятия постановления и подписания соответствующих Директив Генерального Штаба Красной Армии в штабы военных округов поступили наряды на призыв нескольких миллионов военнообязанных запаса из остатков призывных возрастов, ранее поднятых по мобилизации или уже служивших в кадровой армии (1905–1921 г.р.). После распределения нарядов по областным и республиканским военкоматам с 12–14 июля 1941 г. вновь закипела работа по оповещению, призыву, комплектованию и отправке команд мобилизованных в пункты формирования новых соединений, а также в запасные бригады, которые часть своего состава также отправили в формируемые соединения [4, с. 275, 276]. Эти команды формировались очень быстро, но в связи с приближением противника вряд ли охватили всех военнообязанных (таблица 4).

Таблица 4. – Именные списки команд, отводимые вглубь страны

Условный номер команды (кол-во групп в команде)	Войсковая часть или учреждение	Количество призываемых военнообязанных	Количество отправленных военнообязанных	Дата отправки
1 (4)	Сычевский РВК ст. Сычевка	112	111	10.07.1941 г.
1 (3)	Сычевский РВК ст. Сычевка	62	61	11.07.1941 г.
1 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	6	6	13.07.1941 г.
2 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	30	28	–
4 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	30	30	–
5 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	21	21	–
8 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	30	30	–
9 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	31	30	–
13 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	12	12	–
21 (1)	Сычевский РВК ст. Сычевка	41	39	–
б/н (28)	Сычевский РВК ст. Сычевка	838	829	11, 12.07.1941 г.
Всего		1213	1197	

Источник: составлено на основе [1, лл. 8–24, 52–72, 101–130].

Бланки на эту категорию приписников уже рисовались и заполнялись от руки. Особого времени на формальности просто не было. По вечерам хорошо доносился раскатистый гул артиллерийской канонады. Старший команды, как правило, назначался из младших командиров запаса, но чем ближе приближался фронт, тем больше было назначений из рядовых, пользующихся авторитетом среди односельчан. Первоначальное условие, чтобы старший был членом ВКП(б), перестало соблюдаться. Отличались эти команды и своей многочисленностью. Россоновским райвоенкоматом было подготовлено к отправке в распоряжение Сычевского райвоенкомата 1213 человек, из них отправлено 1197 человек, что составило 98%. Если учесть, что бои уже проходили на территории района и часть сельских советов оказалась оккупирована немцами, то необходимо отметить, безусловно, отличную работу работников военного комиссариата. Всего же в июне-июле ими было мобилизовано 2327 человек из 2356 первоначально предназначенных и записанных в бланки отправляемых команд.

Заключение. В целом, оценивая переход на военное положение Витебской области, 2-й секретарь обкома КП(б)Б Яким Александрович Жилинин писал: «Во всех районах <...> организованно проходила мобилизация. Ежедневно десятки команд во главе с коммунистами отправлялись в формируемые воинские части. В военные

комиссариаты шли не только военнообязанные, но и добровольцы – люди пожилого возраста и юноши, даже те, кто имел броню. Все просились на фронт» [2, с. 9]. Подобная оценка достаточно красноречиво свидетельствует о степени организованности и слаженности действий лиц, ответственных за проведение мобилизации, а также беспрецедентном уровне гражданской сознательности и патриотизма тех, кому предстояла долгая кровопролитная борьба с фашизмом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Военный комиссариат Полоцкого, Россонского районов и г. Новополоцка / Дело с именными списками военнообязанных запаса направленных со сборного пункта Россонского райвоенкомата в войсковые части в июне - июле 1941 г. (24 июня – 28 июля 1941 г.).
2. Жилинин Я.А. Позняков И.Б., Лузгин В.И. Без линии фронта / Под общ. ред. Б.Х. Гриншпуна. — Минск: Беларусь, 1975. – 320 с.
3. Захаров М.В. Генеральный Штаб в предвоенные годы. – М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. – 766 с.
4. Ивлев И.И. «...А в ответ тишина – он вчера не вернулся из боя!» // Умылись кровью? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне / И. Пыхалов, Л. Лопуховский, В. Земсков, И. Ивлев, Б. Кавалерчик. – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – С. 260–509 с.
5. Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б. Июнь. 1941 год. Запрограммированное поражение. – М.: Яуза: Эксмо, 2010. – 736 с.
6. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т.13(2-1). – М.: ТЕРРА, 1994. – 367 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1937-1941/index.html. (дата обращения: 06.10.2020).
7. Серж. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vif2ne.ru/nvk/forum/0/0.htm>. (дата обращения: 22.09.2014).
8. Советская военная энциклопедия: / под общ. ред. Н.В. Огаркова. – М.: Воениздат, 1978. – 688 с.
9. ЦАМО РФ. – Ф. 127. Оп. 12915. Д. 25.

Поступила 06.02.2023

ABOUT THE MOBILIZATION OF THE ROSSONY DISTRICT IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

S. KAPYL

(Museum of Combat Glory of Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve)

Some issues of the initial period of the Great Patriotic war are considered by the example of Rossony district, Vitebsk region. These issues are mostly related to the transfer of the army and navy from peacetime mode to wartime one. The case with the list of persons liable for military service in reserve sent from the assembly station of Rossony district military registration office to the army units in June 24 – July 28 1941 has been introduced for scientific usage. The analysis of its content can partly reveal the operational algorithm of the military commissariats in allocation of the mobilization resources assigned to the military districts, formations, military units and institutions which had been predetermined in the peacetime.

Keywords: Rosson district, war, mobilization, army.

УДК 811.16:94

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-76-79

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В РАБОТАХ П.А. КУЛАКОВСКОГО

В.А. АПЕКУНОВ

(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3345>

В данной статье рассматривается часть научного наследия русского учёного-слависта Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), которая посвящена вопросам панславизма. В основе данной концепции, сформировавшейся в XVIII–XIX вв., лежала идея об объединении славянских народов на основе этнической, языковой и культурной общности. Немало славянских деятелей из разных стран пытались ответить на вопрос о том, каким образом данное объединение должно было осуществиться. Некоторые представители славянства сходились во мнении о роли Российской империи в качестве ведущей державы славянского мира.

В своих исследованиях, посвящённых национальному возрождению южнославянских народов, П.А. Кулаковский не только отстаивал точку зрения о России как об оплоте славянства, который сумеет объединить под своей эгидой другие славянские народы, но и пытался ответить на вопрос, можно ли было достичь этой цели в обозримом будущем.

Ключевые слова: Россия, панславизм, славянский мир, общеславянский язык, иллиризм.

Введение. Оформи́вшись к началу XIX в. как идейное течение, панславизм подразумевал под собой объединение славянского мира на основе этнической, языковой и культурной общности. Данная проблема включала в себя также и вопрос о лидерстве того или иного славянского народа или же государства. Одной из ключевых идей во всей концепции панславизма является идея «славянской взаимности». Интерес к изучению вопросов «славянской взаимности» в России возник на фоне формирования среди общественных деятелей России интереса к истории и литературе южнославянских народов, которые в XIX в. переживали национально-культурный подъём. Тогда же за основу взаимоотношений между славянскими народами берётся идея о так называемой «славянской взаимности», которая гласит, что славяне едины по своему происхождению и обычаям. Кроме того, отношения между ними, согласно данной теории, должны строиться на основе солидарности и взаимной поддержки [1, с. 5].

Деятельность русского учёного-слависта Платона Андреевича Кулаковского пришлась на тот период, когда славяноведение переживало свой очередной подъём во второй половине XIX в. При этом, П.А. Кулаковский, как и многие другие деятели славянства, считал, что объединительную роль должна была играть Российская империя, для чего приводились соответствующие аргументы. Одним из таких аргументов послужил факт того, что Россия значительно укрепила свои позиции на внешнеполитической арене после победы в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., поскольку именно победа России сыграла ключевую роль в освобождении славянских стран от османского владычества. Исходя из этого многим казалось, что панславизм был как никогда близок к полному осуществлению своих задач [2, с. 27].

П.А. Кулаковский является автором более 120 научных и иных публикаций. При этом он был не только учёным, но и видным общественным деятелем Российской империи. Платон Андреевич занимал преподавательские должности во Владимирской мужской гимназии, Великой школе в Белграде, Варшавском университете, кроме того, в начале XX века активно занимался публицистической деятельностью. В этой сфере он, прежде всего, известен как главный редактор журнала «Окраины России», также занимал должность редактора «Правительственного вестника» и многих других изданий. Стоит также упомянуть, что П.А. Кулаковский являлся одним из активных членов «Русского окраинного общества» (РОО) [3, с. 91]. Из тех воззрений, которых он придерживался, можно сделать вывод о приверженности учёного панславистской идее, поскольку П.А. Кулаковский считал, что именно Россия как единственное крупное суверенное славянское государство способна объединить под своим началом весь или, по крайней мере, большую часть славянского мира.

Цель настоящей статьи – определить и проанализировать те положения П.А. Кулаковского, в которых учёным, с одной стороны, раскрывались вопросы объединения славян в языковом, культурном и этническом аспекте, а с другой стороны доказывалось, почему именно Россия, по его мнению, должна была стать лидером славянского мира.

Основная часть. Во второй половине XIX в. происходили значительные изменения в положении славянских народов, в это время начинается новый этап освободительной борьбы славянских стран. Кроме того, прошедший в 1867 г. в Москве и Петербурге второй Славянский съезд показал интерес к теме со стороны русской общественности, а также надежды славянского населения Османской империи и Австро-Венгрии на помощь России. На съезде активно обсуждались концептуальные идеи панславизма, вопросы превращения русского языка в общеславянский язык, а также культурной интеграции. Тем самым второй Славянский съезд явился противоположностью первому Славянскому съезду, проходившему в 1848 г. в Праге, чья главная цель заключалась в провозглашении равных прав славян среди других европейских народов, в том числе в рамках многонациональной Австрийской империи, а также в попытке противостояния пангерманизму и мадьяризации.

Одним из важнейших в этой связи являлся вопрос о едином славянском языке. Свою точку зрения по данной проблематике П.А. Кулаковский изложил в работе «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян», изданной в 1885 г. в Варшаве. В своём труде он писал, что в течение XVI–XVIII вв. существовало два варианта решения вопроса. Первый – создание искусственного языка с добавлением форм из

других языков и наречий. В числе выразителей данной идеи П.А. Кулаковский выделял хорватского богослова Юрия Крижанича. Проанализировав сочинения хорватского деятеля XVII в., П.А. Кулаковский пришёл к выводу о том, что Ю. Крижанич видел в русском языке основу для создания в последующем единого славянского языка, однако данная попытка обернулась неудачей из-за отсутствия, как указывал, П.А. Кулаковский, живости, лёгкости и точности получившегося языка. Кроме того, сказалось и отсутствие у Ю. Крижанича достаточных сведений о старославянском языке, что привело к отбрасыванию форм того или иного славянского языка, которые вызывали у него критику [4, с. 16]. Схожую с Ю. Крижаничем идею попытались продвинуть уже в XIX в. Ян Геркель и Матий Маяр Зильский. Несмотря на общую суть, в их подходах имелись существенные различия и особенности. Так, Я. Геркель в своём варианте склонялся к использованию словацкой основы, согласно П.А. Кулаковскому, который ссылался на статью о всеславянском языке профессора Мартина Гатталы. П.А. Кулаковский соглашается с Я. Геркелем, который в своём сочинении 1826 г. «Основы всеобщего славянского языка» писал, что на развитие языка влияют как разнообразие занятий народа, так и общее количество представителей этого народа, в то же время критикуя его за так называемые «дурные привычки», которые вошли в славянские языки и с которыми Я. Геркель якобы смешивал те особенности славянских наречий, которые возникли от «живого» языка [4, с. 18]. В свою очередь, М. Маяр считал, что совместное действие азбуки и орфографии будет являться основой для объединения славян. Тем самым, решительно встал вопрос о применении к общему славянскому письму либо латиницы, либо кириллицы. Именно к последнему варианту и склонялся М. Маяр. Его основная идея заключалась в отборе тех форм, которые так или иначе встречаются в славянских языках и наречиях и на основе которых должен быть создан единый язык, базирующийся на «взаимной грамматике» [5, с. 114]. П.А. Кулаковский указывал, что идея М. Маяра всё же находилась в довольно шатком положении, поскольку в то время, когда жил М. Маяр, привести все языки к общему знаменателю было крайне проблематично, если не сказать, что совсем невозможно [6, с. 39]. Кроме того, П.А. Кулаковский писал, что, несмотря на схожесть идей М. Маяра и Ю. Крижанича, последний имел больше шансов на успех, поскольку в XVII в. ещё не существовало славянской письменности на народных языках [4, с. 30].

Альтернативным вариантом была мысль о необходимости принятия одного из славянских языков в качестве общего для всех славян. П.А. Кулаковский отдавал предпочтение данному варианту, обосновывая это тем, что именно русский язык, по его мнению, с большей вероятностью мог стать всеславянским языком для всех южных славян, в том числе, и для сербов. Также ученый писал, что представители духовенства, причём как православного, так и католического, в XVII в. приходили к единому мнению о том, что русский язык является образцовым для славянства в целом и для сербов в частности [7, с. 23–24]. Поэтому не случайно П.А. Кулаковский в своей работе, посвящённой деятельности Вука Караджича, выступил с критикой его реформы сербского языка. Учёный доказывал, что В. Караджичу не стоило порывать с русской литературой, что укрепление культурного влияния России являлось великим благом для сербов. «Реформа Вука Караджича, – писал П.А. Кулаковский, – в отношении сербского литературного языка была слишком поспешна: ею слишком резко прерваны все связи сербской литературы с русской и её языком, связи столь крепкие, что начинающая сербская литература могла надеяться на широкое развитие совместно с русской; ею предоставлена своим силам литература малого сербского народа, которая вследствие своей слабости легко может стать лишь отголоском направлений, совершенно чуждых сербскому народу» [8, с. 232–233].

И всё же, данное решение вопроса о всеславянском языке также не являлось идеальным. Кроме русского, существовали и другие славянские народы с развитой культурой и богатой историей, некоторые из которых не могла устроить объединительная роль России и её потенциальное лидерство на всём славянском пространстве. В XIX в. существовали различные объединительные проекты, в которых за объединением славян на языковой основе рано или поздно должно было последовать объединение политическое, чего в своё время придерживался Людевит Гай – известный деятель хорватского национального возрождения, один из основоположников проекта «Великой Иллирии». Ко всему прочему, можно вспомнить также и о проекте так называемой «Великой Сербии», появившемся в первой половине XIX в. и предусматривавшем создание единого южнославянского государства под эгидой Сербии.

Таким образом, на практике идея принятия русского языка в качестве всеславянского являлась труднореализуемой и тому было две причины. Во-первых, данная концепция была бы с большой вероятностью отвергнута некоторыми славянскими народами, в частности, польским народом, имевшем свои исторические претензии. Известно, что с момента разделов Речи Посполитой и до самого возрождения Польши в 1918 г. ведущей идеей польской интеллигенции было возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г., на что, в частности, были направлены два восстания (1830–1831 гг. и 1863–1864 гг.). Во-вторых, к данной идее относились со скептицизмом в самой России, критикуя её за снижение степени национальной самодостаточности. «Если славянство, – писал известный ученый А.Н. Пыпин, – примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере, для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями» [9, с. 831]. П.А. Кулаковский также высказывался на счёт общеславянского языка довольно умеренно. Здесь его позиция в определённой степени совпадает с позицией А.Н. Пыпина. Так, русский язык в скором времени мог бы стать языком общения для многих славян, – считал ученый, – и он уже на пути к этому: «Уже в школах Сербии, Черногории и Болгарии ему хорошо научают, и многочисленные общества у чехов и словенцев быстро распространяют это знание» [10, с. 12]. При этом П.А. Кулаковский понимал, что в полной мере взять на себя ведущую роль русский язык сможет лишь в отдалённой перспективе, поэтому оговаривался, что данный вариант решения вопроса о всеславянском языке всё же не является единственным.

Интересно, что попытка создания общеславянской азбуки предпринималась и в самой России. В этой связи П.А. Кулаковский отмечал деятельность известного славяноведа А.Ф. Гильфердинга, который в работе «Общеславянская азбука с приложением образцов Славянских наречий», изданной в 1871 г. выступил с данной идеей. Она не пользовалась популярностью в научных кругах России, в частности, П.А. Кулаковским приводилась критика со стороны известных русских учёных. Так, В.В. Макушев говорил о несостоятельности замысла А.Ф. Гильфердинга в связи с тем, что он «устанавливает 8 азбук вместо одной» [4, с. 31].

С этнической точки зрения дела с объединением славян обстояли гораздо сложнее. Когда П.А. Кулаковский в 1895 г. произносил свою речь, посвящённую памяти известного деятеля чешского национального возрождения Павла Иосифа Шафарика, он указывал на «манию величия», по его мнению, захватившую славянские народы в их отношениях друг с другом. «Если бы было достаточно нравственной силы у Славян, то прекратилась бы, так сказать, мания величия, составляющая ныне одну из важных причин взаимных раздоров между различными славянскими народностями: тут Сербы воскрешают давно потерявшие силу права на владение различными частями Болгарских стран, там Болгары вспоминают о когда-то бывших болгарских владениях и поселениях на территории Сербов, – там Хорваты стараются воскресить свои забытые права на сербские земли, а тут Поляки готовы служить каждому чужому господину, предаваясь неосуществимым мечтам о воскрешении польской государственности и возвращении под свою власть русских земель, а пока лишают русского духа Червонную Русь, лукаво придумывая какой-то особый «русский» народ... Эта болезнь сравнительно недавно у Славян и несомненно излечима» [11, с. 13].

То же самое касалось и проблемы общеславянского языка. Так, один из известных славянских деятелей Ян Коллар утверждал, что «взаимность эта [славянская] не состоит ни в смешении всех славянских языков в один главный язык, ни в принятии одного письменного главного наречия, как об этом стали мечтать некоторые слависты. <...> Большинство Славян держится с прирождённой и столетиями освящённой любовью своего наречия и уже каждое развило свою литературу и стало образованным настолько, что не может спокойно уступить или забыть добытое» [12, с. 35]. Очевидно, Ян Коллар понимал, что решить проблему объединения славян за счёт принятия какого-либо одного славянского языка или наречия в ущерб остальным было уже в XIX в. просто невозможно. Схожей точки зрения придерживался и П.А. Кулаковский, когда писал о том, что вопросом о принятии всеми народами одного языка неизбежно «затрагивается самолюбие отдельных славянских народностей» [4, с. 39]. Подробнее об этой проблеме учёный писал в своём труде, посвящённом «иллиризму», где признавал, что объединение южных славян не представляется возможным, поскольку «югославяне были внутри себя слишком разъединены и не были в состоянии провести на практике теоретические предположения и расчёты» [13, с. 152]. Те же сербы, недавно освободившиеся от власти Османской империи, не без основания скептически относились к «иллиризму», противясь лидерству хорватов. В Крайне, в силу раньше начавшейся там литературной жизни, выражалось всяческое противодействие как принятию нового языка на основе штокавского диалекта, так и принятию «иллирской» орфографии. Таким образом, говорить о литературном и политическом объединении южнославянских народов в рамках концепции «иллиризма» не представлялось П.А. Кулаковскому возможным, поскольку между народами, которые потенциально должны были входить в состав «Великой Иллирии», слишком много было различий: культурного, языкового, вероисповедного и политического характера [6, с. 38].

«Иллиризм» для славянского мира, по мнению П.А. Кулаковского, стал одной из самых плодотворных литературных и политических теорий, которая повлияла на дальнейшие стремления сербов, хорватов и словенцев к взаимному сближению. При этом учёный выражал надежду на то, что идеи «иллиризма» однажды охватят не только южнославянские земли, но и весь славянский мир. «Достигнут ли юго-западные славяне такого объединения с восточными славянскими ветвями – это вопрос будущего, но несомненно, что теория «иллиризма» со всеми своими дальнейшими выводами пробудила и обосновала такое стремление, возбудила энергию в тогдашних деятелях и направила югославян к такой задаче» [13, с. 411]. В связи с этим Я. Колларом предлагалась идея «литературной взаимности» в противовес «литературного единения». Более того, им даже предлагались практические меры для осуществления данной задачи, такие как открытие в крупных славянских городах книжных лавок, кафедр славянских наречий, единого литературного журнала, а также постепенное устранение чужих слов и форм с последующей их заменой славянскими аналогами. Схожие идеи в своё время высказывал и П.И. Шафарик, утверждая, что проблему общеславянского языка может решить некая «внешняя сила», которая сможет объединить славян в единое целое. При этом ни П.А. Кулаковский, ни сам П.И. Шафарик не конкретизировали, что же именно подразумевалось под «внешней силой» [12, с. 27–28].

Стоит сказать, что и сам П.А. Кулаковский в определённой степени воплощал идеи Я. Коллара в жизнь. Так, во время своей командировки в Сербию в 1878–1882 гг. учёный издал хрестоматию «Руска читанка» для улучшения знания русского языка среди сербских студентов Великой школы, где учёный преподавал русский язык и литературу, а также занимал должность преподавателя только открывшейся кафедры русского языка и истории русской литературы. Также он предпринимал попытки открытия в Белграде русской читальни, однако в силу определённых трудностей, в особенности финансовых, пришлось ограничиться лишь открытием русского книжного отделения при белградской народной читальне. Данной идее поспособствовали как Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, членом которого, к слову, П.А. Кулаковский стал несколько позднее, в 1887 г., так и архимандрит Нестор (Попович) – председатель общества читальни [14, с. 81].

И всё же П.А. Кулаковский выступил с критикой идеи Я. Коллара о «литературной взаимности». С одной стороны, – как он отмечал, – идеи Я. Коллара привели к распространению знаний о славянах, но при этом эти же идеи ничего не дали для того, чтобы осуществить единение славян, будучи не в состоянии «глубоко проникнуть в жизнь всех племён» [4, с. 48–49].

Кроме языкового и этнического факторов, объединению славян препятствовал фактор религиозный, который для П.А. Кулаковского имел не меньшее значение. Не случайно именно вероисповедание учёный считал причиной, по которой между славянскими народами в последующем возникают конфликты. «Все те славянские народности, – писал учёный, – которые подпали под господство Римской церкви, скоро забыли о славянском богослужении Кирилла и Мефодия и едином языке Славянской книги. Ничем не связанные между собою, разделённые поселившись среди них чуждыми Славянам народностями, эти Славяне оказались слабыми и в борьбе за сохранение своей самостоятельности, как политической, так и духовной» [4, с. 2]. О данной проблеме учёный неоднократно заявлял в контексте сущности «польского вопроса». Впрочем, для самого П.А. Кулаковского, «польский вопрос» был лишь составной частью другого, более масштабного вопроса, вопроса борьбы «римско-германского Запада, – как писал учёный, – и «славяно-греческого православного Востока». В этой связи Платон Андреевич выступал с критикой политики российских императоров Павла I и Александра I, которые, по его словам, не понимали того, что за «польским вопросом», за требованиями польской элиты восстановления Речи Посполитой стоит борьба двух культурно-цивилизационных миров, в отличие от их предшественницы, императрицы Екатерины II. Кроме того, учёный верил, что именно славянам суждено сыграть важную роль в истории мировой цивилизации.

Заключение. Таким образом, на основе анализа работ П.А. Кулаковского, посвящённых проблеме объединения славян, можно сделать вывод о том, что многочисленные попытки каким-либо способом решить данную задачу, как со стороны отдельных деятелей славянства, так и со стороны самого П.А. Кулаковского, неизбежно упирались в различные противоречия. Для П.А. Кулаковского было важным лидерство России во всех сферах жизни славянства, отчего со стороны учёного и проявлялось активное внимание к идеям принятия русского языка как общеславянского, активным сторонником чего он сам и являлся. Однако в своих размышлениях и исследованиях учёный столкнулся с трудностями, а потому, к сожалению для себя, приходил к выводу о том, что на тот момент времени решить проблему объединения славян не представлялось возможным. П.А. Кулаковский надеялся, что однажды славянское единение будет достигнуто под эгидой Российской империи, что нашло своё отражение в многочисленных работах этого видного учёного и общественного деятеля своего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славяноведение в дореволюционной России / В.А. Дьяков, С.Б. Бернштейн, В.П. Гудков и др.; отв. ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М.: Наука, 1988. – 414 с.
2. Бернштейн С.Б. Труды по истории славистики (К 100-летию со дня рождения учёного). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 400 с.
3. Бондаренко К.М., Лавринович Д.С. Русские и белорусские монархисты в начале XX века. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
4. Кулаковский П.А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке славян. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885. – 57 с.
5. Чуркина И.В. Всеславянская модель Матия Маяра Зильского // Славян. альм. – 2001. – С. 106–119.
6. Апекунов В.А. Национальное возрождение южнославянских народов в работах П.А. Кулаковского // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2021. – № 10. – С. 36–40.
7. Кулаковский, П. А. Начало русской школы у сербов в XVIII в.: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы. – СПб.: Известия Отд. русс. яз. и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.
8. Кулаковский П.А. Вук Караджич: его деятельность и значение в сербской литературе. – М.: Тип. бывш. Ф.Б. Миллера, 1882. – 256 с.
9. Начатки литературной солидарности // Вестн. Европы. – 1878. – № 8. – С. 826–832.
10. Кулаковский П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. – СПб.: Тип. В.Д. Смирнова, 1906. – 24 с.
11. Кулаковский П.А. Памяти Павла Иосифа Шафарика. – СПб.: Печатня Е. Евдокимова, 1895. – 18 с.
12. Кулаковский П.А. Павел Иосиф Шафарик. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1895. – 46 с.
13. Кулаковский П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1894. – 513 с.
14. Данченко С.И. Деятельность П.А. Кулаковского в Белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского учёного) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 1. – С. 77–93.

Поступила 28.05.2023

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF SLAVIC UNITY IN THE WORKS OF P.A. KULAKOVSKY

V. APEKUNOV

(Mogilev State University named after A.A. Kuleshov)

This article examines the part of the scientific heritage of the Russian scientist-Slavist Platon Andreevich Kulakovsky (1848–1913), which addressed the issues of pan-Slavism. This concept, formed in the XVIII–XIX centuries, was based on the idea of uniting Slavic peoples on the basis of ethnic, linguistic and cultural community. Quite a few Slavic figures from different countries tried to answer the question of how this unification was to be realized. Some representatives of the Slavs agreed on the role of the Russian Empire as the leading power of the Slavic world.

In his research on the national revival of the South Slavic peoples, P. A. Kulakovsky not only defended the point of view of Russia as a pillar of the Slavs, which will be able to unite other Slavic peoples under its auspices, but also tried to answer the question whether it was possible to achieve this goal in the foreseeable future.

Keywords: Russia, pan-Slavism, Slavic world, common Slavic language, Illyricism.

УДК [94(476.7)+ 356.15 (476.7:438)(0.91)]”1941/1944”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-80-85

**УЗАЕМААДНОСІНЫ БЕЛАРУСКІХ ПАРТЫЗАН З ПОЛЬСКІМ ПАДПОЛЛЕМ
НА ТЭРЫТОРЫІ БАРАНАВІЦКАЙ ВОБЛАСЦІ (1941–1944): АРГАНІЗАЦЫЙНЫ І БАЯВЫ АСПЕКТ****канд. гіст. навук, дац. А.А. КРЫВАРОТ****(Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)**

У артыкуле разгледжаны ўзаемаадносіны партызанскіх фарміраванняў Беларусі з польскім падполлем на акупаванай гітлераўскай Германіяй тэрыторыі Баранавіцкай вобласці ў 1941–1944 гг., прадстаўленае, з аднаго боку, польскімі прасавецкімі структурамі, з другога – адзінкамі, якія былі падпарадкаваны польскаму эмігранцкаму ўраду ў Лондане. Зроблена выснова, што мясцовыя савецкія падпольныя і партызанскія структуры імкнуліся апэратыўна наладжваць узаемадзеянне з узнікшымі групамі польскага прасавецкага падполля і накіроўваць іх дзейнасць на актыўную барацьбу з нямецкімі акупантамі. Арганізаваныя на аснове такіх груп партызанскія адзінкі звычайна адразу ўключаліся ў склад беларускіх атрадаў і брыгад. Паказаны асноўныя фактары, якія ўплывалі на характар узаемаадносін беларускіх партызан і структур Арміі Краёвай у розныя перыяды германскай акупацыі. Раскрыты змест і формы ўзаемаадносін беларускіх партызан і «акаўцаў» на працягу двух этапаў: ліпень 1941 г. – вясна 1943 г. і лета 1943 г. – ліпень 1944 г.

Ключавыя словы: аперацыя, атрад, брыгада, гарнізон, злучэнне, падполле, узаемаадносіны.

Уводзіны. Праблема антыгерманскага ўзброенага супраціўлення ў заходніх абласцях Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай Вайны па-ранейшаму прыцягвае ўвагу даследчыкаў. Галоўнай сілай, якая змагалася ў Баранавіцкай вобласці з акупантамі, былі савецкія партызаны. Акрамя таго, тут дзейнічала польскае прасавецкае падполле. Яно пэўны час функцыянавала самастойна. Пасля пераходу да партызанскіх метадаў барацьбы групы ўваходзілі ў склад беларускіх атрадаў і брыгад асобнымі баявымі адзінкамі. Таксама на тэрыторыі вобласці аперавалі структуры, што падпарадкоўваліся польскаму ўраду ў Лондане. Уяўляе цікавасць, якім чынам складаліся ўзаемаадносіны паміж названымі суб'ектамі антыгерманскага супраціўлення на тэрыторыі вобласці ў 1941–1944 гг.

Узаемаадносіны і кантакты партызан са структурамі Арміі Краёвай (АК) пэўным чынам разглядаліся ў калектыўных выданнях [1–3], працах А.М. Літвіна [4–6], манаграфіях З. Барадзіна [7], С.А. Сіткевіча [8], публікацыях В.І. Ермаловіча і С.В. Жумара [9], Я.І. Сямашкі [10] і інш. Асобныя звесткі аб узаемадзеянні партызан і прасавецкага польскага падполля ў Баранавіцкай вобласці прысутнічаюць у кнігах З. Барадзіна [7], Я.І. Сямашкі [10], Э.Ф. Языковіч [11], брашуры Г.Дз. Кнацько [12]. Пры гэтым названая праблема ў межах згаданага рэгіёна яшчэ комплексна не даследавалася з прычыны адсутнасці спарэдкаванай гістарыяграфічнай базы.

У артыкуле пастаўлена задача на аснове звестак, змешчаных у калектыўных выданнях, працах гісторыкаў, зборніках успамінаў, архіўных дакументах, асветліць узаемаадносіны партызан з польскім прасавецкім падполлем, структурамі АК у час германскай акупацыі тэрыторыі вобласці.

Асноўная частка. У заходніх абласцях Беларусі, далучаных да БССР у канцы 1939 г., польскае антысавецкае падполле стала структурна афармляцца пасля загаду прэм'ера эміграцыйнага ўрада У. Сікорскага ад 13 лістапада 1939 г. аб стварэнні кадравай арганізацыі «Саюз узброенай барацьбы» (СУБ). Заходнюю Беларусь гэта структура, як і ўрад У. Сікорскага, разглядала як польскую, таму дзейнасць СУБ была скіравана на падрыхтоўку савецкай улады і рэпрэсіі супраць яе актыўу. У сувязі з гэтым польскае антысавецкае падполле ў заходніх абласцях БССР жорстка пераследвалася з боку органаў НКВС-НКДБ СССР [1, с. 277; 4, с. 67; 6, с. 114; 10, 29–35].

Сітуацыя для польскага падполля, якое падпарадкоўвалася эміграцыйнаму ўраду, змянілася пасля нападу гітлераўскай Германіі на СССР. 30 ліпеня 1941 г. быў падпісаны дагавор аб аднаўленні дыпламатычных адносін паміж Савецкім Саюзам і Польшчай і супрацоўніцтве ў вайне. Важнае значэнне для нармалізацыі адносін мела абвяшчэнне 14 жніўня 1941 г. дэкларацыі аб сумеснай барацьбе СССР і Польшчы з фашызмам. Пагадненні прывялі да часовага аслаблення савецка-польскага канфлікту, бо вырашэнне пытання аб межах адкладвалася. Польскае падполле магло ў пэўнай ступені пазіцыяніраваць сябе як антыгерманскае [1, с. 278; 3, с. 19; 4, с. 69; 6, с. 115–116; 10, с. 55–56].

Галоўнай сілай, якая вяла жорсткую барацьбу з немцамі, быў савецкі партызанскі рух. Яго станаўленне ў рэгіёне адбывалася ў надзвычай складаных умовах, што было абумоўлена хуткім прасоўваннем немцаў углыб СССР, кароткім існаваннем у вобласці савецкай улады, адсутнасцю зараней створаных падпольных цэнтраў і г.д. Партызанскія структуры пачалі разгортвацца ўжо летам 1941 г. З аднаго боку, гэта былі групы ваеннаслужачых, якія з розных прычын засталіся ў тыле ворага. У барацьбу таксама ўключыўся савецкі актыв. Нярэдка такія групы аб'ядноўваліся ў адну баявую адзінку. Летам – восенню 1941 г. у Быценьскім і Слоніўскім раёнах сталі дзейнічаць групы І.С. Казялецкага, А.В. Фідрыка, Г.А. Дудко, А.Ф. Персіянцава, С.І. Грышчанкі, П.В. Пранягіна і інш. Групы аформіліся таксама ў Валожынскім, Івянецкім, Лідскім, Навагрудскім, Шчучынскім раёнах. Не ўсе адзінкі змаглі захаваць сваю баяздольнасць да пачатку 1942 г. з прычыны тэрору акупантаў, недохопу зброі, боепрыпасаў, прадуктаў, медыкаментаў, слабой сувязі з насельніцтвам [7, с. 59–61; 13, с. 117; 14, с. 22; 15, с. 9–10; 16, с. 163].

Працэс стварэння партызанскіх груп паскорыўся пасля перамогі Чырвонай арміі пад Масквой. Зімой – вясной 1942 г. у розных раёнах паўсталі да 20 груп, якія затым афармляліся ў атрады (напрыклад, атрад на чале

з Б.А. Булатам). Некалькі падраздзяленняў перамясціліся ў рэгіён з суседніх абласцей. У канцы чэрвеня 1942 г. у Налібоцкую пушчу перайшоў разведатрад РСЧА В.В. Шчарбіны. Падраздзяленне мела радыёстанцыю для сувязі з Цэнтрам, запас узрыўчаткі і вопытных падрыўнікоў, што садзейнічала актывізацыі баявой дзейнасці мясцовых партызан. У жніўні 1942 г. вакол атрада аб'ядналіся некалькі падраздзяленняў і ўтварылі Асобнае злучэнне партызанскіх атрадаў (АЗПА) на чале з В.В. Шчарбінай, якое ў канцы лета ўжо налічвала больш за 500 байцоў. Дзейнасць АЗПА адыграла прыкметную ролю ў станаўленні партызанскага руху на тэрыторыі вобласці. Ад лістапада 1942 г. і да 11 красавіка 1943 г. (пачатак дзейнасці Баранавіцкага падпольнага абкама КП(б)Б) па загадзе камандавання АЗПА ў Налібоцкай і Ліпчанскай пушчах былі створаны 4 брыгады з 5-ці існаваўшых на той час у рэгіёне. На канец 1942 г. у вобласці налічвалася 26 атрадаў [13, с. 323–325; 14, с. 11, 20, 31, 43; 15, с. 192–193; 17, л. 2, 2аб, 3, 5, 8; 18, л. 3; 19, л. 40].

Функцыянаванне падпольнага абкама КП(б)Б паспрыяла таму, што з красавіка да ліпеня 1943 г. колькасць брыгад у рэгіёне павялічылася ў два разы, атрадаў – у паўтара разы, а да канца 1943 г. – у чатыры і тры разы, адпаведна. Для падвышэння аператыўнасці ў кіраванні партызанскімі сіламі вобласці былі створаны Баранавіцкае злучэнне і чатыры злучэнні па зонах: Івянецкае, Шчучынскае, Лідскае, Стаўбцоўскае. Партызаны вобласці ў другой палове 1943 г. уяўлялі сабой баяздольную сілу, з якой былі вымушаны лічыцца як нямецкія акупанты, так і падпольныя структуры АК. Да таго ж у вобласць на працягу 1943 г. з усходу Беларусі былі перабазіраваны каля 15 атрадаў, а з савецкага тылу перапраўлены 8 падраздзяленняў. На час вызвалення Беларусі ў ліпені 1944 г. у вобласці налічвалася больш за 22 тыс. байцоў [7, с. 67; 14, с. 25, 26–27, 31, 43, 62, 67; 15, с. 17, 39].

Да пачатку нямецкай акупацыі ў рэгіёне пражывала даволі вялікая колькасць палякаў. Сярод іх былі як мясцовыя жыхары, так і тыя, хто з розных прычын перамясціўся сюды пасля захопу германскімі войскамі Польшчы ў верасні 1939 г. Прасавецкі настроеныя палякі аказвалі разнастайную дапамогу савецкім партызанам: перадавалі зброю, аддзенне, медыкаменты, давалі прытулак. Палякі стваралі аўтаномныя падпольныя і партызанскія адзінкі ці ўступалі ў беларускія атрады і брыгады, дзе з іх ліку стваралі аддзяленні, узводы, роты, атрады. У Баранавіцкім злучэнні, па няпоўных падліках, змагалася больш за 1000 прадстаўнікоў польскай нацыянальнасці. Першыя кантакты партызан і польскага прасавецкага падполля мелі месца ўжо ў 1942 г. У Мірскім раёне, непадалёку ад беларускай групы, на базе якой пазней аформіўся атрад «Камсамолец» (камандзір А. Саяцэвіч), размяшчалася польская баявая адзінка колькасцю да 20 чалавек. Першыя сумесныя аперацыі былі праведзены ў жніўні – верасні 1942 г., калі партызаны напалі на нямецкія гаспадаркі ў вёсках Обрынь, Рэп'ева, Краснагоркі, Некрашэвічы і спалілі вялікую колькасць збожжа, разграмілі склады з прадуктамі, падрыхтаванымі для адпраўкі ў Германію. Аб'ектамі сумесных удараў становіліся ўчасткі чыгункі Баранавічы – Мінск, паліцэйскія ўчасткі і ўправы, лініі сувязі [10, с. 130; 14, с. 73; 20, с. 228].

Адным з першых атрадаў, дзе большасць складалі палякі, было падраздзяленне на чале з А. Свентаржыцкім, сфарміраванае з жыхароў Івянецкага і Валожынскага раёнаў, а таксама групы Я.Дз. Васюціна. Атрад з ліпеня па верасень 1942 г. уваходзіў у склад АЗПА, а затым быў расфарміраваны. Групы А. Свентаржыцкага і Я.Дз. Васюціна да канца 1942 г. дзейнічалі самастойна, а затым увайшлі ў брыгаду імя В.П. Чкалава. Трэба адзначыць, што А. Свентаржыцкі пэўны час быў прыхільнікам АК, але затым парваў з гэтай структурай [14, с. 94; 17, л. 5; 20, с. 197].

Актывізаваліся кантакты партызан і польскага прасавецкага падполля пасля стварэння 1 сакавіка 1943 г. на тэрыторыі СССР арганізацыі «Саюз польскіх патрыётаў» (СПП), а таксама з агульным уздымам антыгерманскага супраціўлення ў шмат якіх раёнах вобласці. Кантакты праяўляліся як у баявым, так і ў арганізацыйным плане. У складзе атрада Р.Л. Кудрына брыгады імя В.І. Чапаева палякі ў ноч з 7 на 8 мая 1943 г. удзельнічалі ў разгроме гарнізона ў Налібоках. Вясной 1943 г. у брыгаду імя В.П. Чкалава ўліліся дзясяткі палякаў. Па рашэнні яе штаба ў маі 1943 г. была створана польская група, на базе якой планавалася стварыць атрад. Для партызан-палякаў быў устаноўлены спецыяльны знак – бела-чырвоная стужка на фуражцы [10, с. 130; 12, с. 7; 20, с. 188].

Для правядзення работы сярод польскага насельніцтва камандаванне брыгады імя В.П. Чкалава вясной-летам 1943 г. з дазволу падпольнага абкама арганізавала некалькі рэйдаў групы А. Свентаржыцкага. Яна прайшла па тэрыторыі Валожынскага, Івянецкага, Стаўбцоўскага, Мірскага і іншых раёнаў. Партызаны-палякі інфармавалі насельніцтва аб зверствах немцаў у Польшчы, распаўсюджвалі інфармацыйныя зводкі, раздавалі тэксты зваротаў СПП, выкрывалі палітыку эмігранцкага ўрада ў Лондане. Група праводзіла і баявую работу – нападала на патулі і пасты, разбурала лініі сувязі. У ліпені 1943 г. група А. Свентаржыцкага мела ў сваім складзе 50 байцоў і прыняла ўдзел разам з партызанамі брыгад М.І. Грыбанова і П.І. Гулевіча ў баях з гітлераўцамі падчас блакады Налібоцкай пушчы. Польская група ўзаемадзейнічала з атрадам імя С.М. Кірава каля вёскі Печышча пры абароне партызанскага аэрадрома. 28 ліпеня 1943 г. разведгрупа праціўніка колькасцю 40–60 чалавек пад выглядам польскіх партызан пранікла ў раён вёскі Печышча, дзе артымала адпор польскіх байцоў на чале з І. Ф. Мархвінскім са складу брыгады імя В.П. Чкалава. Ва ўзнагародным лісце, падпісаным у 1944 г., І.Ф. Мархвінскі паказаны як камандзір атрада брыгады [17, л. 96, 245; 20, с. 190, 197].

Восенню 1943 г. на базе групы А. Свентаржыцкага быў створаны атрад «26 год Кастрычніка». За кароткі тэрмін на яго баявым рахунку налічвалася некалькі скінутых пад адхон эшалонаў. Паспяхова дзейнічала на шапэйных камунікацыях польская група В. Навадворскага. У даведніку «Партизанские формирования...» датай арганізацыі атрада названа 26 кастрычніка 1943 г, а вось прозвішча камандзіра паказана толькі з сакавіка 1944 г. (І.Л. Еўсцягнееў). Няма таксама згадкі пра тое, што атрад створаны на базе групы палякаў. Указана толькі аб афармленні атрада на базе рэзервовай групы брыгады. З набліжэннем лініі фронту летам 1944 г. пры Баранавіцкім

злучэнні быў створаны атрад на чале М. Голдысам, які затым перамясціўся на тэрыторыю Польшчы [8, с. 261; 14, с. 23. 34, 94; 17, л. 96, 202; 20, с. 190].

На працягу 1943 г. партызаны-палякі ваявалі ў складзе многіх атрадаў вобласці. Партызаны аддзялення (камандзір Я.С. Міканоўскі) у складзе атрада імя Г.К. Жукава ў маі 1943 г. удзельнічалі ў падрыве эшалона з нафтай. У жніўні – верасні 1943 г. сфарміраваны на яго аснове ўзвод вызначыўся ў «рэйкавай вайне», а ў лістападзе 1943 г. нападаў з засады на нямецкі транспарт. У пачатку 1944 г. польская рота выконвала заданне па наладжванні сувязей з партызанскімі атрадамі ў Слоніўскім раёне. Пасля сустрэчы атрада імя Г.К. Жукава з часцямі Чырвонай арміі партызаны-палякі ўступілі ў Войска Польскае. Адзначым, што ў некаторых партызанскіх фарміраваннях, нягледзячы на нямалую колькасць палякаў, асобныя адзінкі не ствараліся. Так, у брыгадзе імя А.В. Суварова было каля 50 палякаў. Некалькі дзясяткаў палякаў ваявала ў брыгадзе імя М.А. Шчорса. Палякі ў атрадзе «Камсамолець» брыгады «Камсамолець», атрадзе «1 Мая» брыгады «Перамога» ў жніўні і верасні 1943 г. праводзілі дыверсіі на лініі Стаўбцы – Гарадзeya. Удалым быў напад уноч з 5 на 6 верасня 1943 г. на гарнізон у Сялевічах каля Нясвіжа. [10, с. 130–131; 20, с. 190, 206–209].

У складзе беларускіх брыгад і атрадаў былі баявыя адзінкі з палякаў, якія раней дзейнічалі самастойна і супрацоўнічалі з савецкімі партызанамі, але падтрымлівалі кантакты са структурамі АК. Да такіх адносілася група на чале з П. Крэта ў Налібоцкай пушчы. У 1944 г. група перабазіравалася на Захад, дзе на яе базе пры Васілішкаўскім антыфашысцкім камітэце польскіх патрыётаў у пачатку лета быў створаны атрад імя В. Васілеўскай (камандзір В.І. Альхімовіч) [8, с. 261; 14, с. 48; 20, с. 233].

На тэрыторыі вобласці сярод адзінак польскага падполля, у тым ліку і ваеннага, пераважалі структуры АК. Урад У. Сікорскага пасля падпісання савецка-польскіх пагадненняў актыўна заняўся пашырэннем і ўмацаваннем падполля на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Паступова СУБ з кадравай арганізацыі разгортвалася ў масавую за кошт аб'яднання падпольных вайсковых структур і прытоку мясцовага насельніцтва. Паводле распараджэння лонданскага эміграцыйнага ўрада ад 14 лютага 1942 г. на аснове СУБ была створана АК [2, с. 138–139; 4, с. 70–71; 8, с. 212; 10, с. 110].

Тэрыторыя вобласці была месцам размяшчэння структур Навагрудскай акругі АК. Першым камандантам акругі быў М. Крайнік, якога потым змяніў Я. Праўдзіц-Шляскі. У пачатковы перыяд арганізацыйнымі мерапрыемствамі ў акрузе АК займаліся 62 афіцэры і 250 падафіцэраў. Акруга ўключала 8 абводаў. Арганізацыйна-баявая дзейнасць структур АК была падпарадкавана палажэнням плана ўсеагульнага паўстання, распрацаванага на перыяд восень 1941 – восень 1942 г. Галоўным камандаваннем СУБ-АК. План прадугледжваў розныя формы змагання – ад падпольнай барацьбы і да стварэння канспіратыўных атрадаў гатоўнасці да партызанскага руху. У верасні 1942 г. кіраўніцтвам АК было прынята рашэнне аб актывізацыі партызанскай дзейнасці ва ўсходніх акругах, што тлумачылася найперш узмацненнем тэрору з боку германскіх акупантаў, а таксама ростам сіл беларускіх партызан. Першы ўзброены атрад Навагрудскай акругі АК аформіўся ўжо ў чэрвені 1942 г. на тэрыторыі Шчучынскага абвода АК, а ў маі 1943 г. канчаткова легалізаваўся, стаў лясным і атрымаў парадкавы нумар 301. Пры гэтым камандаванне акругі да 1943 г. не выдавала ніякіх загадаў на арганізацыю лясных падраздзяленняў [7, с. 41–42; 8, с. 217; 10, с. 134].

У першай палове 1943 г. Галоўнае камандаванне АК стала рабіць акцэнт на разгортванне лясных атрадаў на аснове існуючай канспіратыўнай сеткі. Каб трымаць пад кантролем гэты працэс, яно накіроўвала туды сваіх эмісараў, якія затым становіліся на чале баявых структур АК. Вясной – летам 1943 г. у акрузе былі арганізаваны 8 атрадаў. Адначасова ішоў працэс узбуйнення структур: на базе атрадаў ствараліся батальёны, а на іх аснове – палкі. У час падрыхтоўкі да акцыі «Бура» былі дадаткова створаны Нясвіжскі і Баранавіцкі батальёны АК. Усяго ў складзе акругі АК да лета 1944 г. было ад 7,5 да 8 тыс. чалавек [5, с. 66; 6, с. 123; 7, с. 42, 44; 10, с. 135–136].

Прадстаўнікі беларускіх партызан і польскага падполля СУБ-АК спрабавалі ўзгадняць свае дзеянні ўжо ў канцы 1941 – пачатку 1942 г. Першы час пасля аднаўлення дыпламатычных адносін Масква ў інтарэсах развіцця антыгерманскага супраціўлення не забараняла партызанам кантакты з польскім падполлем, аднак у той самы час арыентавала на правядзенне разведкі ў структурах АК. Польскі эмігранцкі ўрад таксама арыентаваў свае структуры адносна стасункаў з беларускімі партызанамі і падпольшчыкамі. У Навагрудскай акрузе АК для дзейнасці ў такім напрамку ў пачатку 1942 г. была арганізавана разведка і контрразведка. У 1941–1942 гг. савецкі партызанскі рух і структуры СУБ-АК у вобласці ўзніклі і дзейнічалі паралельна, стараліся пазбягаць шчыльных кантактаў. За несанкцыянавання сувязі і супрацоўніцтва з партызанамі камандаванне акругі АК прымала да падначальных суровых меры пакарання. У канцы 1942 г. камандзір Навагрудскага абводу АК Л. Нератовіч быў зняты з пасады за наладжванне без дазволу сувязі з партызанамі і «накіраванне да іх дэканспіраваных членаў падполля» [2, с. 145; 4, с. 71; 7, с. 53, 91, 93; 8, с. 217, 245–247].

Узаемаадносіны паміж беларускімі партызанамі і падполлем СУБ-АК праяўляліся ў заключэнні дамоўленасцей аб месцах дыслакацыі, абмене разведдадзенымі і інфармацыяй пра магчымыя нямецкія аблавы і арышты, узаемадапамозе зброяй, боепрыпасамі, медыкаментамі, правядзенні адзінкавых сумесных баявых аперацый і інш. Вясной – летам 1942 г. у сувязі з антыпольскімі акцыямі нямецкага рэжыму, удзельнікі падполля АК шукалі падтрымкі ў партызан. Найбольшая колькасць фактаў баявых кантактаў партызан і структур АК прыпала на перыяд ад другой паловы 1942 г. – да лета 1943 г. Пры іх дапамозе з лагера ў г. Маладзечна былі вызвалены некалькі сотняў савецкіх ваеннапалонных, якія затым уліліся ў беларускія атрады. У гэтым жа раёне ў жніўні 1942 г. партызаны і «акаўцы» правялі сумесна дзве аперацыі: была знішчана калона на чале з навагрудскім гебіткамісарам і ажыццёўлены напад на атрад эсэсаўцаў. Аднак сумесныя аперацыі ў 1942 г. праводзіліся не толькі рэдка, але і насуперак інструкцыям Галоўнага камандавання АК, якое ў якасці галоўнай задачы разглядала ўмацаванне структур для будучага паўстання.

Пры гэтым некаторыя лясныя групы АК у Налібоцкай пушчы па першым часе падпарадкоўваліся камандаванню беларускіх атрадаў, якія ўжо мелі свае пастаянныя базы. Па меры ўмацавання сваіх пазіцый байцы АК пераходзілі да самастойных дзеянняў [1, с. 282; 8, с. 147–149; 10, с. 152, 157, 163].

Хаця з вясны 1943 г. стала выразна праяўляцца тэндэнцыя на канфрантацыю паміж партызанамі Баранавіцкага злучэння і структурамі Навагрудскага АК, мелі месца асобныя выпадкі ўзгодненых удараў па акупантах. Так, 19–20 чэрвеня 1943 г. сумесна быў разгромлены гарнізон у Івянцы, што дазволіла Стаўбцоўскаму атраду АК захапіць вялікую колькасць зброі. Падчас карнай аперацыі «Герман» (1.07–11.08. 1943 г.) у раёне Налібоцкай пушчы на сумеснай нарадзе камандавання беларускіх партызан і атрада АК К. Мілашэўскага былі вызначаны ўчасткі абароны і тактыка ўзаемадзеяння. Амаль тры тыдні партызаны разам з «акаўцамі» адбівалі наступленне акупантаў, а потым групамі з баямі прабівалі блакаду карнікаў [5, с. 67; 7, с. 46; 10, с. 158; 17, л. 36, 45].

У перыяд з 1942 г. і да вясны 1943 г. паміж партызанамі і структурамі АК, хаця і мелі месца канфлікты, аднак яны не насілі адкрытай і жорсткай канфрантацыі. Па-першае, сітуацыя на савецка-германскім фронце яшчэ заставалася для Чырвонай арміі даволі цяжкай. Па-другое, палітычныя супярэчнасці паміж кіраўніцтвам СССР і польскім эмігранцкім урадам яшчэ не знаходзіліся ў крайне абвостраным стане. Па-трэцяе, партызаны ў заходніх абласцях яшчэ не мелі дастатковай перавагі. Па-чацвёртае, структуры АК да вясны 1943 г. існавалі ў канспіратыўнай форме і не ўяўлялі вялікай небяспекі для партызан. Барацьба паміж партызанамі і ляснымі атрадамі АК вялася ў асноўным за сферы ўплыву, звязаныя з забеспячэннем прадуктамі, адзеннем, зброяй і г.д.

У сувязі з пераломам у вайне на савецка-германскім фронце ў пачатку 1943 г. на карысць Чырвонай арміі савецкае кіраўніцтва стала паступова мяняць сваё стаўленне да польскага падполля, арыентаванага на ўрад у Лондане. У студзені 1943 г. П.К. Панамарэнка накіраваў дакладную ў ЦК УКП(б) пад назвай «О поведении поляков и некоторых наших задачах», дзе была выказана прапанова зрабіць некаторыя захады «па распальванні партызанскай вайны на тэрыторыі Польшчы» [8, с. 260; 22, л. 230]. У пастанове V Пленума ЦК КП(б)Б (26–28 лютага 1943 г.) была падкрэслена важнасць «усиления работы в западных областях Беларуси в целях дальнейшего расширения партизанского движения и вовлечения в него широких масс трудящихся, а также в противовес ведущейся националистической обработке населения со стороны различных польских нелегальных организаций» [22, л. 136]. Крытычныя наступствы для адносін Масквы і ўрада У. Сікорскага мела «Катынская справа», якая набыла шырокі рэзананс у красавіку 1943 г. і стала нагодай разрыву дыпламатычных адносін [7, с. 220; 8, с. 261].

Ад другой паловы вясны 1943 г. узброенае супрацьстаянне паміж партызанамі і структурамі АК набыло пастаянны характар. Атрад імя К.Я. Варашылава 12 мая 1943 г. у раёне вёскі Баяры падвергся нападу падраздзялення АК. У выніку загінула пяць партызан. Праціўнік таксама панёс страты. Раптоўны ўдар групы АК 11 чэрвеня 1943 г. па партызанах Ленінскай брыгады каля вёскі Баяры Смальянскія Жалудоцкага раёна прывёў да гібелі 16 байцоў. Толькі за май – чэрвень 1943 г. адбылося 10 узброеных сутычак паміж партызанамі і «акаўцамі» [1, с. 282; 2, с. 146–147; 7, с. 233–234].

У новай ваенна-палітычнай сітуацыі жорсткая лінія адносін да структур АК была зафіксавана ў пастанове ЦК КП(б)Б ад 22 чэрвеня 1943 г. «О мерах по дальнейшему развёртыванию партизанского движения в западных областях Белоруссии» і закрытым лісце «О военно-политической работе в западных областях БССР». У іх асабліва падкрэслівалася, што заходнія вобласці з'яўляюцца неад'емнай часткай БССР і на акупаванай тэрыторыі дапушчальныя толькі дзеянні груп, арганізацый, атрадаў, якія кіруюцца інтарэсамі СССР. Адзначалася, што існаванне арганізацый, якімі кіруюць польскія буржуазныя цэнтры, неабходна трактаваць як проціпраўнае ўмяшанне ў справы нашай дзяржавы. Ставілася задача ствараць партызанскія атрады і «всеми способами выкрывать и распускать националистические отряды и группы». Радавых «акаўцаў» прапаноўвалася, па магчымасці, уключаць пад савецкім кіраўніцтвам у барацьбу з немцамі [2, с. 158; 6, с. 126; 8, с. 249–250; 10, с. 160–161; 23, л. 2–6а].

Вобласць была месцам найбольшай колькасці баёў паміж партызанамі і АК. Ад моманту прыняцця вышэйзгаданых дакументаў і да снежня 1943 г. адбылося больш за 30 баёў і сутычак, падчас якіх былі забітыя і параненыя з абодвух бакоў. Адносіны рэзка абвастрыліся пасля таго, як брыгады імя І.В. Сталіна і М.В. Фрунзе 1 снежня 1943 г. акружылі лагер Стаўбцоўскага атрада АК і раззброілі яго байцоў. Па першым часе польскі атрад (камандзір К. Мілашэўскі) разам з партызанамі праводзіў аперацыі супраць акупантаў. Напрыклад, 19 чэрвеня 1943 г. пры падтрымцы партызан палякі напалі на гарнізон у Івянцы. У кастрычніку 1943 г. у атрад АК прыбыў эмісар польскага ўрада ў Лондане паручнік А. Пільх («Гура») з групай 14 чалавек і разгарнуў працу па дыскрэдытацыі камандзіра. Атрад па загадзе камандуючага Навагрудскай акругі АК быў перафарміраваны ў 1-ы батальён 76-га пяхотнага палка. Сам К. Мілашэўскі быў прызначаны ад'ютантам батальёна і адказным за супрацоўніцтва з партызанамі. Паміж партызанамі і «акаўцамі» адбылося некалькі сутычак. Улічваючы такую сітуацыю, Баранавіцкі падпольны абкам і Івянецкі падпольны райкам КП(б)Б правялі спецыяльнае расследаванне і прынялі рашэнне аб прымусовым расфарміраванні падраздзялення АК. Пасля раззбраення большасць радавых байцоў была накіравана ў атрады імя М.В. Фрунзе, А.В. Суворова, М.А. Шчорса, В.П. Чкалава, «Балышавік». Краўніцтва і афіцэраў батальёна АК арыштавалі, абвінавачалі ў справе АК і сурова пакаралі [3, с. 40–41; 6, с. 124–125; 8, с. 258–259; 10, с. 163; 17, л. 116; 17, л. 116; 18, л. 29].

Пасля раззбраення польскага падраздзялення істотна ўзрасла колькасць баёў паміж партызанамі і структурамі АК, асабліва на Стаўбцоўшчыне і суседніх тэрыторыях. Аналіз іх дынамікі ў перыяд са снежня 1943 г. і да мая 1944 г. паказвае, што баі здараліся практычна кожны дзень. За 7 месяцаў перад вызваленнем Беларусі іх колькасць складала 190, з якіх больш за 120 з удзелам Стаўбцоўска-Налібоцкага злучэння. У некаторых выпадках сутыкненні

насілі характар аперацый з агульным удзелам у іх да некалькіх соцень чалавек. Варта адзначыць, што з канца 1943 г. некаторыя атрады АК пайшлі на супрацоўніцтва з немцамі. Так, 9 снежня 1943 г. камандзір Стаўбцоўска-Налібоцкага злучэння АК А. Пільх заключыў з акупантамі дамову і да ліпеня 1944 г. атрымліваў ад іх зброю і рыштунак, якія браліся са складоў у Мінску. Аналагічнае пагадненне заключыў у Лідзе камандзір Наддзёмскага злучэння АК Юзэф Свіда («Лех»). Фарміраванне на працягу студзеня – сакавіка 1944 г. атрымала 5 абозаў са зброяй. Прычым абодва камандзіры сцвярджалі, што іх дзеянні былі ўзгоднены з вышэйшым камандаваннем АК. Некалькі знізілася колькасць баявых сутыкненняў у пачатку лета 1944 г., што было звязана з падрыхтоўкай фарміраванняў АК да аперацыі «Вострая Брама» [7, с. 174, 177, 180, 182, 185; 8, с. 266–267; 18, л. 160, 166, 167].

Нягледзячы на вялікую колькасць канфліктаў, з лета 1943 г. да лета 1944 г. бакі час ад часу прадпрымалі некаторыя спробы заключыць перамір’е і спыніць канфрантацыю. Такія захады рабіліся камандаваннем партызан, падраздзяленняў НКДБ, а таксама з боку некаторых структур АК, якія базіраваліся ў раёне Налібоцкай і Ліпчанскай пушчаў. Аднак такія спробы былі адзінкавыя і ў асноўным датычыліся прадстаўлення партызанам бесперашкоднага праходу праз часова падкантрольную «акаўцам» тэрыторыю да камунікацый германскіх войск, а таксама ўзгаднення дзейнасці каманд, якія займаліся нарыхтоўкай прадуктаў харчавання [2, с. 157; 7, с. 210–211; 10, с. 156–157; 18, л. 28–33].

Заклучэнне. Польшкае прасавецкае падполле знаходзілася пад пільным кантролем структур КП(б)Б, партызанскага камандавання, а яго дзейнасць скіроўвалася на падпарадкаванне дзяржаўным інтарэсам СССР. Падпольныя групы, якія ўзніклі як аўтаномныя адзінкі, з часам амаль усе былі ўключаны ў склад партызанскіх фарміраванняў, а з іх ліку ствараліся аддзяленні, узводы, роты, атрады. Асобныя са структур пасля падрыхтоўкі накіроўваліся на тэрыторыю Польшчы для разгортвання там партызанскай барацьбы.

Узаемаадносіны партызан і структур АК залежалі ад адносін савецкага кіраўніцтва да польскага ўрада ў Лондане. У перыяд з ліпеня 1941 г. і да вясны 1943 г. мелі месца савецка-польскія дыпламатычныя адносіны і ў гэты час партызаны і структуры СУБ-АК суіснавалі адносна бесканфліктна. Кантакты насілі неформальны характар, адбываліся ў абмежаваных маштабах і толькі па пэўных напрамках. Наступны этап – час жорсткай узброенай канфрантацыі, асноўная прычына якой – непрызнанне структурамі АК тэрыторыі Заходняй Беларусі як неад’емнай часткі БССР. Савецкае кіраўніцтва было катэгарычна супраць знаходжання ў рэгіёне любых падпольных структур, падпарадкаваных эмігранцкаму польскаму ўраду ў Лондане, і патрабавала ад партызанскага камандавання рашучых дзеянняў па іх ліквідацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Каваленя, А.М. Литвин и др. – Минск: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: В 2 кн. Кн. 2. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 335 с.
3. Армия Краёва: военные, политические и правовые аспекты деятельности на Беларуси. Материалы научной конференции 14 апреля 1996 г. – Минск, 1996. – 86 с.
4. Літвін А. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 1. – С. 65–71.
5. Літвін А. Армія Краёва на Беларусі: да праблемы вывучэння // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 4. – С. 65–69.
6. Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
7. Барадзін З. Нёман – рака нязгоды. – СПб.: Невский Простор, 2018. – 333 с.
8. Ситкевич С.А., Сильванович С.А., Барабаш В.В. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954). – Гродно: ГГАУ, 2004. – 345 с.
9. Ермолович В.И., Жумарь С.В. Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.). – Минск: БелНИЦДАД, 1994. – 112 с.
10. Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі. – Мінск: «Хата», 1994. – 270 с.
11. Языкович Э.Ф. Партизанское движение в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. – Минск: Нац. биб-ка Беларуси, 2021. – 255 с.
12. Кнацько Г.Д. Главное дело (вклад союза польских патриотов в СССР в создание демократической Польши). – Минск, 1988. – 25 с.
13. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / Л. Аржаева и др.; редкол.: А.Т. Кузьмин и др. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 1 / редкол.: И.М. Игнатенко и др. – 1983. – 591 с.
14. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об орг. структуре / А.Л. Манаенков и др. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
15. За край родной: воспоминания партизан и подпольщиков Барановичской области: сб. / Ин-т истории АН БССР; сост. А.И. Залесский и др. – Минск: Беларусь, 1978. – 286 с.
16. Хацкевич А.Ф., Крючок Р.Р. Становление партизанского движения в Белоруссии и дружба народов СССР. – Минск: Наука и техника, 1980. – 320 с.
17. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 305.
18. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 307.
19. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 322.
20. В едином строю: Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1970. – 531 с.
21. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 33а. Спр. 643.
22. НАРБ. – Ф. 4. Воп. 20. Спр. 214.
23. НАРБ. – Ф. 4п. Воп. 33а. Спр. 397.

Пастуніў 07.05.2023

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЗАН С ПОЛЬСКИМ ПОДПОЛЬЕМ
НА ТЕРРИТОРИИ БАРАНОВИЧСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1944):
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ И БОЕВОЙ АСПЕКТ**

А.А. КРИВОРОТ

(Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск)

В статье рассмотрены взаимоотношения партизанских формирований Беларуси с польским подпольем на территории Барановичской области в 1941–1944 гг., представленное, с одной стороны, польскими просоветскими структурами, с другой – единицами, которые были подчинены польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. Сделан вывод, что местные советские подпольные и партизанские структуры стремились оперативно налаживать взаимодействие с возникшими группами польского просоветского подполья и направлять их деятельность на активную борьбу с немецкими оккупантами. Организованные на основе таких групп партизанские единицы обычно включались в состав белорусских отрядов и бригад. Показаны основные факторы, которые влияли на характер взаимоотношений белорусских партизан и структур Армии Крайовой в разные периоды германской оккупации. Раскрыты содержание и формы взаимоотношений белорусских партизан и «аковцев» на протяжении двух этапов: июль 1941 г. – весна 1943 г. и лето 1943 г. – июль 1944 г.

Ключевые слова: операция, отряд, бригада, гарнизон, соединение, подполье, взаимоотношения.

**THE RELATIONSHIP OF THE BELARUSIAN PARTISANS WITH THE POLISH UNDERGROUND
ON THE TERRITORY OF THE BARANOVICHI REGION (1941–1944):
ORGANIZATIONAL AND COMBAT ASPECT**

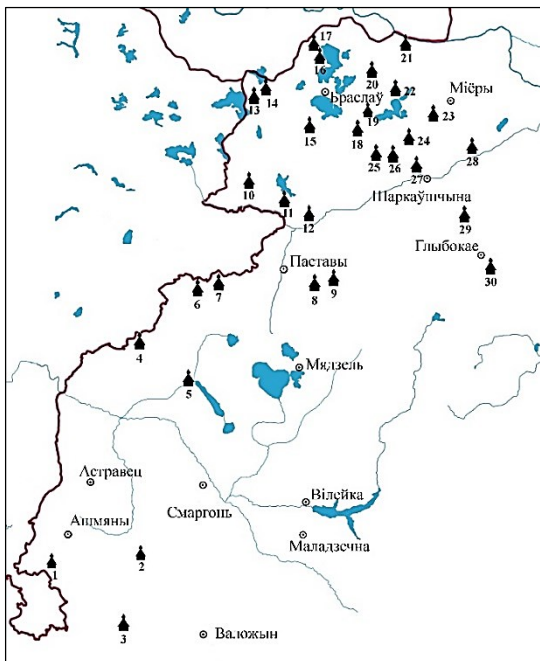
A. KRYVAROT

(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

The article studies the relationship of the partisan formations of Belarus with the Polish underground on the territory of Baranovich region in 1941–1944, represented on the one hand by Polish pro-Soviet structures, and on the other hand by units that were subordinated to the Polish emigrant government in London. It is concluded that local Soviet underground and partisan structures sought to establish quick interaction with the emerging groups of the Polish pro-Soviet underground and direct their activities towards an active fight against the German invaders. Partisan units organized on the basis of such groups were usually included in the Belarusian detachments and brigades. The main factors that influenced the nature of the relationship between the Belarusian partisans and the structures of the Home Army in different periods of the German occupation are shown. The content and forms of the relationship between the Belarusian partisans and the "Akovites" are revealed during two stages: July 1941 – spring 1943 and summer 1943 – July 1944.

Keywords: operation, detachment, brigade, garrison, compound, underground, relationships.

Асноўная частка. Стан стараверскіх абшчын у Паўночна-заходняй Беларусі ў пасляваенны перыяд значным чынам быў абумоўлены асаблівасцямі іх развіцця ў папярэднія часы, асабліва ў 1920 – 1930-я гг. У міжваенныя гады рэгіён знаходзіўся ў складзе Польшчы. Нягледзячы на дамінаванне тут каталіцкага касцёла, становішча іншых канфесій у гэты перыяд было дастаткова нядрэнным, таму стараверская царква развівалася ў адносна спрыяльных умовах. Гэта прывяло да росту колькасці абшчын і іх вернікаў. Ужо ў канцы 1930-х гг. на тэрыторыі Паўночна-заходняй Беларусі налічвалася 30 стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў (малюнак 2), у якіх налічвалася звыш 30 тыс. вернікаў [2, с. 47]. У наступныя перыяды гэта асаблівасць прадвызначыла дамінаванне рэгіёна сярод іншых стараверскіх цэнтраў на беларускіх землях. Астатнія рэгіёны кампактнага рассялення старавераў ў Беларусі знаходзяцца ў Паўночна-ўсходняй і Паўднёва-ўсходняй яе частках. У міжваенны перыяд гэтыя тэрыторыі ўваходзілі ў БССР, дзе становішча стараверскай царквы было непараўнальна горшым чым на заходнебеларускіх землях, што вылілася ў масавае закрыццё храмаў і спыненне афіцыйнай дзейнасці абшчын. Усё гэта істотным чынам паўплывала на стан стараверскай супольнасці ў Беларусі ў наступныя перыяды.

Малюнак 2. – Стараверскія абшчыны на заходнебеларускіх землях у другой палове 1930-х гг.

Цэнтры абшчын (адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел прадстаўлены на сучасны стан):

Ашмянскі раён: 1. Гедэйкі, 2. Новая Слабада.

Валожынскі раён: 3. Масцішча.

Астравецкі раён: 4. Стрыпшкі.

Мядзельскі раён: 5. Свір.

Пастаўскі раён: 6. Апідамы, 7. Кукляны, 8. Захараўшчына, 9. Лучай.

Браслаўскі раён: 10. Відзы, 11. Астровішкі, 12. Грыгараўшчына, 13. Мінкавічы, 14. Мікалаюнцы, 15. Рымуці, 16. Булавішкі, 17. Лаўнікі, 18. Мацешы, 19. Буюшчына, 20. Кірыліна, 21. Друя.

Міёрскі раён: 22. Ніўнікі, 23. Кублішчына.

Шаркаўічынскі раён: 24. Барсучына, 25. Яжоўка, 26. Варонка, 27. Ракаўцы, 28. Германавічы.

Глыбоцкі раён: 29. Ластавічы, 30. Залессе.

Нягледзячы на цяжкія страты, якія панесла стараверская супольнасць Паўночна-заходняй Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай Вайны (разбурэнне храмаў, знішчэнне насельніцтва і г.д.), большасць яе рэлігійных аб'яднанняў працягвала сваю дзейнасць як падчас вайны, так і адразу пасля яе. Пры характарыстыцы іх стану ў першыя пасляваенныя гады неабходна адзначыць некаторую няпоўнасць афіцыйных даных. Як вынікае з аналізу архіўных матэрыялаў, больш пільная ўвага з боку Савета па справах рэлігійных культаў (далей – ССРК) і органаў улады за дзейнасцю стараверскіх рэлігійных абшчын у Паўночна-заходняй Беларусі была скіравана толькі з 1946 г. Па гэтай прычыне афіцыйная статыстыка 1944–1946 гг. няпоўная і мае недакладнасці. Так, згодна з данымі на канец 1945 г., на тэрыторыі БССР налічвалася 52 дзеючыя абшчыны старавераў. 3 іх у Маладзечанскай вобласці было зафіксавана толькі 3, а ў Полацкай – 4 [3, арк. 204, арк. 205]. Аднак ужо ў справаздачы ўпаўнаважанага ССРК па БССР за 1945 г. была прадстаўлена значна большая колькасць абшчын як у цэлым па Беларусі, так і па паўночна-заходнім рэгіёне. Згодна з гэтымі данымі ў межах Полацкай вобласці фіксавалася ўжо 12 рэлігійных аб'яднанняў старавераў, а ў Маладзечанскай – усё тых ж 3 [3, арк. 289]. А яшчэ праз некаторы час іх колькасць як у Беларусі, так і ў паўночна-заходнім рэгіёне істотна “падрасла”. Так, ужо напрыканцы 1946 г. па БССР налічвалася 71 стараверская абшчына. У сваю чаргу, у Полацкай вобласці іх было зафіксавана 20, а ў Маладзечанскай – 7 [4, арк. 71]. Але на самой справе гэты статыстычны “рост” быў абумоўлены толькі ўдакладненнем падлікаў. Як вынікае з аналізу крыніц, і гэтыя даныя па Полацкай і Маладзечанскай абласцях былі няпоўнымі (гл. ніжэй). Пачынаючы з 1949 г. у справаводчых матэрыялах ССРК фіксуецца некаторае памяншэнне колькасці стараверскіх прыходаў у рэгіёне. У гэтым годзе іх у Полацкай вобласці было зафіксавана толькі 16, а ў Маладзечанскай – 4 [5, арк. 196], але, як вынікае з аналізу матэрыялаў, гэтае памяншэнне носіць выключна фармальны характар, паколькі з гэтага часу ў афіцыйных справаздачах пачынае ўказвацца толькі колькасць абшчын, што атрымалі афіцыйную рэгістрацыю.

Пэўныя прабелы ва ўліку стараверскіх абшчын рэгіёна былі абумоўлены таксама складанасцю і працягласцю працэса іх афіцыйнага афармлення ў дзяржаўных органах. У межах Полацкай і Маладзечанскай абласцей значная колькасць абшчын была зарэгістравана толькі ў канцы 1940-х гг., а працэс афіцыйнага афармлення стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў у рэгіёне быў даволі цяжкім і прыпозненым у параўнанні з Усходняй Беларуссю. Так, ва Усходняй Віцебшчыне, большасць стараверскіх прыходаў атрымала афіцыйную рэгістрацыю яшчэ

на працягу 1945–1946 гг. [6, с. 77–78], у той час як на захадзе рэгіёна асноўная іх колькасць – толькі ў 1947–1949 гг. На гэта паўплывала некалькі фактараў, але, найперш, нежаданне саміх абшчын афармляць афіцыйную рэгістрацыю ў савецкіх органах улады. На такую сітуацыю ў першыя пасляваенныя гады пастаянна звярталі ўвагу ў сваіх справах афіцыйныя органы ССРК. Так, упаўнаважаны па Полацкай вобласці ў 1945 г. адзначаў наступнае: “Духовные наставники старообрядческих общин при разговоре о регистрации религиозного общества и о выборе ревизионной комиссии и исполнительного органа некоторые заявляли, что мы никакого заявления писать не будем о регистрации, выбирать в комиссии и исполнительные органы также не можем” [3, арк. 85]. У немалой ступені гэта было абумоўлена тым фактам, што ўсе стараверскія абшчыны рэгіёна з сярэдзіны 1920-х гг. былі падначалены Вышэйшаму стараверскаму савету (далей – ВСС) ў Вільні і там жа мелі адпаведную рэгістрацыю. А таму ў першыя пасляваенныя гады стараверскія святары (духоўныя настаўнікі) і вернікі не разумелі патрэбы ў атрыманні дадатковай рэгістрацыі абшчын у савецкіх органах улады. На такую асаблівасць даволі часта звярталі ўвагу ўпаўнаважаныя ССРК па Полацкай і Маладзечанскай абласцях [7, арк. 214, арк. 219; 8, арк. 106адв; 9, арк. 187]. Пры гэтым неабходна адзначыць, што і ў пасляваенны перыяд уплыў ВСС на рэлігійныя аб’яднанні старавераў Паўночна-заходняй Беларусі быў даволі істотным.

Рэлігійныя абшчыны старавераў у межах Полацкай вобласці ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. Большая частка стараверскіх прыходаў рэгіёна ў пасляваенны перыяд размяшчалася на тэрыторыі Полацкай вобласці. Яшчэ ў канцы 1930-х гг. на гэтых землях фіксавалася 22 рэлігійныя аб’яднанні (без уліку абшчын у г. Полацку, якая тэрытарыяльна адносіцца да Паўночна-ўсходняй зоны рассялення старавераў у Беларусі і ў дадзеным артыкуле разглядацца не будзе). Нягледзячы на цяжкія спусташэнні ў часы Вялікай Айчыннай Вайны, амаль усе яны працягнулі сваю дзейнасць пасля яе заканчэння. Як было адзначана вышэй, адразу пасля вайны не ўсе стараверскія абшчыны вобласці былі выяўлены і ўлічаны ССРК і мясцовымі органамі ўлады. І толькі з 1946 г. афіцыйныя статыстычныя даныя пачалі фіксаваць адносна аб’ектыўную карціну аб колькасці стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў у Полацкай вобласці. Так, ужо ў пачатку 1946 г. у межах вобласці афіцыйная статыстыка паведамляла пра 20 стараверскіх абшчын, але толькі 4 з іх на той час прайшлі рэгістрацыю (табліца 1).

Табліца 1. – Стараверскія абшчыны Полацкай вобласці (па стану на пачатак 1946 г.)

Раён / горад	Колькасць абшчын			Месца правядзення багаслужэнняў	
	усяго	зарэгістраваных	незарэгістраваных	у храмах	у прыватных дамах
Г. Полацк	1	1	–	–	1*
Браслаўскі раён	7	–	7	3	4
Відзаўскі раён	3	–	3	3	–
Шаркаўшчынскі раён	4	1	3	3	1
Міёрскі раён	3	1	2	1	2
Глыбоцкі раён	2	1	1	2	–
Усяго	20	4	16	12	8

* – Мелася таксама нападразбураная царква.

Крыніца: складзена аўтарам на аснове [8, арк. 106].

На працягу наступных двух гадоў большая частка стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў Полацкай вобласці ўсё ж прайшла рэгістрацыю. На пачатку 1948 г. у яе межах па-ранейшаму фіксавалася 20 абшчын, 15 з якіх ужо былі зарэгістраванымі. Між тым 5 рэлігійных груп не прайшлі рэгістрацыю, у першую чаргу, з-за адсутнасці малітоўнага памяшкання. Па раёнах зарэгістраваныя абшчыны былі размеркаваны наступным чынам: Браслаўскі – 4, Відзаўскі – 3, Шаркаўшчынскі – 3, Міёрскі – 3, Глыбоцкі – 2. Яшчэ адна зарэгістраваная абшчына дзейнічала ў Полацку [10, арк. 152]. Згодна з данымі на 1949 г. у межах вобласці налічвалася ўжо 16 дзеючых стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў. Як вынік з аналізу архіўных матэрыялаў, 14 з гэтых абшчын мелі храмы, а 2 праводзілі багаслужэнні ў прыватных дамах. Па вобласці на гэты час налічвалася 14 святароў (духоўных настаўнікаў) [11, арк. 154, арк. 174, арк. 175].

У наступныя гады колькасць афіцыйна зарэгістраваных стараверскіх абшчын у Полацкай вобласці пачыналася змяншацца. Так, згодна з крыніцамі, у канцы 1950 г. іх налічвалася 12, а ўжо на пачатку 1951 г. афіцыйна дзейнічала толькі 10 (у г. Полацку, в. Кублішчына, в. Ластавічы, в. Ракаўцы, мяст. Германавічы, в. Варонка, в. Булавішкі¹, в. Мікалаюнцы, в. Кірыліна, г. Відзы) [12, арк. 114]. За невялікімі зменамі, амаль такая ж колькасць афіцыйна зарэгістраваных стараверскіх прыходаў заставалася ў рэгіёне фактычна да канца 1980-х гг. Так, у хуткім часе была зарэгістравана Мінкавіцкая абшчына, а ў 1955 г. вернута рэгістрацыя Ніўнікаўскай (гл. ніжэй). За наступны перыяд толькі адна стараверская абшчына рэгіёна была пазбаўлена афіцыйнай рэгістрацыі (у 1969 г. – Мікалаюнцаўская) [13, арк. 68, арк. 73].

Найбольшая колькасць стараверскіх абшчын Полацкай вобласці ў пасляваенны перыяд дзейнічала на тэрыторыі сучаснага **Браслаўскага раёна**. У 1945–1950-х гг. яго землі былі падзелены паміж Браслаўскім і Відзаўскім

¹ У дакуменце ўказана Бусейская абшчына. Аднак гэта ўказана памылкова, бо павінна быць Булавішская, якая дзейнічала ў той час афіцыйна і была зарэгістравана. У той час абшчына ў Бусейшчыне не зарэгістравана і дзейнічала нелегальна. Трэба адзначыць, што гэтыя абшчыны ня рэдка блытаюцца ў дакументах таго часу.

раёнамі (у 1960 г. Відзаўскі раён быў ліквідаваны і яго тэрыторыя ўвайшла ў склад Браслаўскага), а таксама зусім невялікая частка разам з пас. Друя знаходзілася ў складзе Міёрскага раёна. Яшчэ ў даваенны перыяд на тэрыторыі сучаснага Браслаўскага раёна аформілася 12 рэлігійных аб'яднанняў старавераў. Аднак па-рознаму склаўся іх лёс пасля Вялікай Айчыннай Вайны. На працягу 1947–1948 гг. былі зарэгістраваны тры стараверскія абшчыны ў в. Кірыліна, г. Відзы і в. Булавішкі. Адною з першых атрымала афіцыйную рэгістрацыю абшчына ў в. Кірыліна (14 жніўня 1947 г.) [14, арк. 20]. Відзаўская стараверская абшчына была зарэгістравана 3 сакавіка 1948 г. [15, арк. 34]. Па тыпавой дамоў ад 20.03.1951 г. прыжажанам у карыстанне быў перададзены храм у г. Відзы [15, арк. 32], а стараверская абшчына ў в. Булавішкі атрымала афіцыйную рэгістрацыю 22 чэрвеня 1948 г. [16, арк. 21, арк. 22].

Нягледзячы на тое, што па БССР у канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг. назіраецца ліквідацыя многіх стараверскіх абшчын, у паўночна-заходнім рэгіёне, наадварот, фіксуецца прыклады рэгістрацыі новых. Гэта адбывалася нават нягледзячы на тое, што упаўнаважаны ССРК па БССР ад 09.06.1949 г. выдаў указанне, якое забараняла рэгістраваць новыя рэлігійныя аб'яднанні [17, арк. 10]. На працягу 1951–1952 гг. прайшлі рэгістрацыю стараверскія абшчыны ў Мінкавічах і Мікалаюнцах. Так, 4 сакавіка 1951 г. была накіравана заява на імя ўпаўнаважанага Савета па справах рэлігійных культаў па Полацкай вобласці ад вернікаў Мікалаюнцаўскай абшчыны з просьбай аб рэгістрацыі [15, арк. 1]. Абшчына была зарэгістравана 7 жніўня 1951 г.² [13, арк. 69], а тыпавая дамова на перадачу храма ў карыстанне вернікам была падпісана яшчэ 24 верасня 1950 г. [13, арк. 4].

Як сведчаць крыніцы, у 1950 г. упаўнаважаным ССРК па Полацкай вобласці была выяўлена “нелегальна дзеючая” стараверская абшчына ў в. Мінкавічы. Нягледзячы на тое, што вернікі ў 1951 г. падалі дакументы на рэгістрацыю [18, арк. 3], афіцыйнага заканадаўчага афармлення абшчына спачатку не атрымала. Гэта адбылося таму, што ўпаўнаважаны па вобласці дзейнічаў у адпаведнасці з указаннем упаўнаважанага па БССР ад 09.06.1949 г. Аднак, з-за таго што паблізу ад Мінкавіцкага прыходу не было дзеючай зарэгістраванай абшчыны, да якой можна было б далучыць яго, упаўнаважаны па Полацкай вобласці хадайнічаў аб яго рэгістрацыі. Яго аргументацыя падмацоўвалася наступным чынам: “чтобы не ущемлять религиозные чувства верующих, считаю целесообразным, как исключение, зарегистрировать Минковичскую старообрядческую общину” [17, арк. 10]. Яшчэ ў ліпені 1951 г. была падпісана дамова на перадачу храма вернікам, а ў сакавіку 1952 г. абшчына атрымала афіцыйнае афармленне [18, арк. 11, арк. 18].

Яшчэ дзве стараверскія абшчыны рэгіёна ў пасляваенны перыяд атрымалі афіцыйнае афармленне – Астровішская і Друеўская (апошняя ў той час знаходзілася на тэрыторыі Міёрскага раёна). Аднак у хуткім часе яны былі знятыя з афіцыйнага ўліку. У дакументах ССРК даныя аб часе, прычынах і асаблівасцях закрыцця гэтых абшчын некалькі разоў змяняліся. Так, афіцыйныя крыніцы паведамляюць, што стараверская абшчына ў Друі прыпыніла сваю дзейнасць у сярэдзіне 1950 г. з-за адсутнасці малітоўнага дома, а яе духоўны настаўнік А.А. Аляксееў пераехаў у Літву. Аднак яшчэ на пачатку 1951 г. упаўнаважаны ССРК выклікаў духоўнага настаўніка для папярэджання аб магчымым роспуску абшчыны [12, арк. 115; 17, арк. 39; 19, арк. 65]. У сваю чаргу, Астровішская абшчына мела свой храм [17, арк. 39], аднак усё роўна была пазбаўлена магчымасці працягнуць легальную дзейнасць. У справаздачы ўпаўнаважанага ССРК па БССР за 2 квартал 1951 г. адзначалася, што Астровішскую абшчыну варта зняць з рэгістрацыі, паколькі яна прыпыніла сваю дзейнасць яшчэ ў 1949 г. па прычыне адмовы выконваць святаром свае функцыі [19, арк. 65]. У іншай крыніцы адзначалася, што абшчына не дзейнічае з 01.02.1950 г. і з гэтага часу яе вернікі ўжо далучыліся да суседняй Відзаўскай абшчыны [17, арк. 39]. У выніку было прынята рашэнне Полацкага абласвета аб закрыцці гэтых абшчын (Друеўскай і Астровішскай) і зняцця з рэгістрацыі [17, арк. 40].

Разам з тым, на Браслаўшчыне (у адпаведнасці з тагачаснымі адміністрацыйнымі адзінкамі – на тэрыторыі Відзаўскага і Браслаўскага раёнаў) функцыянавалі і незарэгістраваныя групы вернікаў-старавераў. Старшы інспектар упаўнаважанага Савета па БССР па пытаннях вывучэння дзейнасці рэлігійных абшчын у Полацкай вобласці на пачатку 1950 г. выявіў яшчэ 4 незарэгістраваныя стараверскія групы ў вв. Лаўнікі, Рымуці, Бусеўшчына, Мацешы. Ва ўсіх гэтых абшчынах адсутнічалі храмы і багаслужэнні яны праводзілі па хатах [20, арк. 12]. Як вынікае з аналізу архіўных даных, стараверская абшчына ў в. Лаўнікі яшчэ ў 1946 г. набыла хату і прыстасавала яе пад малітоўны дом, але, паколькі абшчына не была зарэгістравана, то мясцовы сельсавет забараніў там праводзіць багаслужэнні, а малітоўны дом прапанаваў перадаць пад школу. Як вынікае з архіўных матэрыялаў, якія храналагічна адносяцца да пачатку 1949 г., гэта рэлігійная група ўжо не дзейнічала, а яе вернікі далучыліся да суседняй Булавішскай абшчыны [11, арк. 106; 5, арк. 13]. Стараверскі храм у в. Рымуці быў знішчаны яшчэ ў 1941 г. акупантамі [13, арк. 15–16адв]. Нягледзячы на яго адсутнасць, абшчына яшчэ некаторы час дзейнічала пасля вайны. Аднак у 1951 г. яе духоўны настаўнік А.Р. Зуеў перайшоў службы ў Мікалаюнцаўскую абшчыну [13, арк. 17]. Стараверскі храм у в. Мацешы таксама згарэў у час вайны ў 1944 г., але абшчына працягвала дзейнічаць у пасляваенны перыяд, а багаслужэнні адбываліся па хатах вернікаў [20, арк. 10].

Яшчэ адна група вернікаў-старавераў дзейнічала ў в. Бусеўшчына. Як вынікае з аналізу архіўных крыніц, яе храм згарэў яшчэ ў 1936 г. У 1939 г. пачалося будаўніцтва новага, але з-за Вялікай Айчыннай Вайны завяршыць яго не ўдалося. Пасля заканчэння вайны недабудаваны храм перайшоў ва ўласнасць мясцовага калгаса, які закончыў пабудову і стаў яе выкарыстоўваць пад зернесховішча. Нягледзячы на гэта, абшчыне працягвала дзейнасць, праводзячы багаслужэнні ў доме святара [21, арк. 211]. У пасляваенны перыяд на Браслаўшчыне існавала яшчэ адна стараверская абшчына ў в. Грыгараўшчына. Аднак у афіцыйных справаводчых дакументах ССРК

² Аднак у іншым дакуменце сустракаецца дата афіцыйнай рэгістрацыі роўна на год пазней – 07.08.1952 г. [13, арк. 30].

і мясцовых органаў улады 1945 – пачатку 1950-х гг. інфармацыя аб ёй не выяўлена. У больш позніх дакументах (сярэдня 1950-х гг.) усё ж сустракаюцца даныя аб яе нелегальнай дзейнасці (гл. ніжэй).

Такім чынам, у пасляваенныя гады на тэрыторыі сучаснага Браслаўскага раёна 5 стараверскіх абшчын працягнулі афіцыйную дзейнасць (Відзаўская, Кірылінская, Булавішская, Мікалаюнцаўская і Мінкавіцкая), 7 абшчын функцыянавалі без рэгістрацыі і іх дзейнасць афіцыйна спынілася (Рымуцкая, Буюшчынская, Мацешская, Астровішская, Грыгараўшчынская, Друйская, Лаўнікаўская). На працягу даследуемага перыяду некаторыя з іх далучыліся да дзеючых, а шэраг працягвалі сваю працу нелегальна.

У першыя пасляваенныя гады на тэрыторыі сучаснага *Шаркаўшчынскага раёна* працягвалі дзейнасць 4 стараверскія абшчыны (у вв. Барсучына, Варонка, Германавічы, Ракаўцы), якія атрымалі і афіцыйную рэгістрацыю. Сярод іх першай была зарэгістравана абшчына ў в. Варонка (12 студзеня 1946 г.) [22, арк. 20], але толькі ў студзені 1948 г. была заключана тыпавая дамова на перадачу Варонкаўскага храма вернікам [22, арк. 12]. 18 верасня 1947 г. была зарэгістравана абшчына ў в. Ракаўцы (цяпер у складзе г.п. Шаркаўшчына) [23, арк. 16]. Стараверская абшчына ў в. Германавічы была зарэгістравана 23 снежня 1947 г. [24, арк. 21]. Абшчына ў в. Барсучына таксама прайшла рэгістрацыю, аднак праз некаторы час была яе пазбаўлена. Як сведчаць архіўныя крыніцы за 1949 г., зняцце з рэгістрацыі было ініцыявана самім духоўным настаўнікам Ф.С. Войтавым, які не хацеў плаціць падаткі як святар. Аднак пасля зняцця з рэгістрацыі яму забаранілі праводзіць багаслужэнні і выконваць рэлігійныя абрады. У наступным Ф.С. Войтаў спрабаваў ізноў прайсці рэгістрацыю абшчыны, аднак яго намаганні поспехаў не мелі [11, арк. 157]. Як вынікае з архіўных крыніц, з 1950 г. рэлігійнае аб’яднанне ўжо не дзейнічала, а сам Ф.С. Войтаў выехаў у Літву [17, арк. 39].

У межах сучаснага *Міёрскага раёна* ў пасляваенны перыяд дзейнічала 2 рэлігійных аб’яднання старавераў-беспапоўцаў у в. Кублішчына і в. Ніўнікі (як ужо было адзначана вышэй, у той час на тэрыторыі раёна яшчэ адна абшчына была ў Друі). Усе яны прайшлі афіцыйную рэгістрацыю, аднак у 1952 г. Ніўнікаўская абшчына была з яе знята. Рашэннем ад 21 мая 1952 г. Савет па справах рэлігійных культаў пры Савеце Міністраў СССР санкцыянаваў закрыццё храма. Гэта адбылося на падставе рашэння выканкама Полацкага абласнога савета ад 20 снежня 1951 г. Закрыццё адбылося на аснове інфармацыі, якую прадставіў упаўнаважаны ССРК па Полацкай вобласці. Даючы заключэнне, ён адзначыў, што Ніўнікаўская абшчына малаколькасная, налічвала каля 60 чалавек і малітоўны дом не выкарыстоўвае. У сваю чаргу, як аказалася, гэтыя даныя абсалютна не адпавядалі рэальнай карціне, на што потым звярталі ўвагу ў ССРК і рэгістрацыю абшчыны праз пэны час аднавілі [25, арк. 5].

На тэрыторыі *Глыбоцкага раёна* ў пасляваенны перыяд фіксаваліся дзве стараверскія абшчыны з цэнтрамі ў в. Ластавічы і в. Залессе, аднак толькі Ластавіцкая абшчына была зарэгістравана і працягнула легальную дзейнасць. У той жа час Залеская абшчына ў пасляваенны перыяд хоць і згадваецца як афіцыйна дзеючая, але як вынікае з архіўных дакументаў, афіцыйнай рэгістрацыі так і не атрымала. Пры гэтым варта адзначыць, што яшчэ ў 1945 г. Залеская стараверская царква была ўзята на дзяржаўны ўлік [26, с. 143], а з 1944 г. абшчына выплочвала ўсе неабходныя падаткі і плацяжы [27, арк. 40]. Пры гэтым архіўныя дакументы сведчаць, што на працягу першага пасляваеннага дзесяцігоддзя вернікі прадпрымалі спробу зарэгістраваць абшчыну. Так, упаўнаважаны ССРК па Полацкай вобласці адзначаў, што на пачатку 1951 г. у рэгістрацыйнай справе абшчыны была частка дакументаў. Згодна з яго інфармацыяй, на 21 лютага 1951 г. быў выкліканы духоўны настаўнік, які аднак не з’явіўся і дакументы не прадставіў. Згодна з даведкай Глыбоцкага выканкама ў гэты час абшчына ўжо не дзейнічала [12, арк. 114, арк. 115]. Аднак на самой справе абшчына функцыянавала і вернікі працягвалі ажыццяўляць спробы зарэгістраваць абшчыну. Так, 30 верасня 1953 г. паступіла новая пісьмовая заява ад вернікаў-старавераў в. Залессе аб рэгістрацыі іх рэлігійнага аб’яднання [28, арк. 286], аднак усе гэтыя намаганні не прынеслі плёну і ў 1961 г. стараверскую царкву перадалі пад патрэбы Залескай школы.

У пасляваенны перыяд на тэрыторыі *Дунілавіцкага раёна* Полацкай вобласці працягвала функцыянаваць стараверская абшчына ў в. Лучай, доўгі час застаючыся няўлічанай. Лучайская стараверская абшчына ў пасляваенны перыяд не была зарэгістравана. Згодна з архіўнымі данымі, яна дзейнічала ў пасляваенныя гады да 1948 г., аднак з-за малой колькасці вернікаў і неактыўнага наведвання храма святар пакінуў абшчыну і перайшоў у іншую [29, арк. 34]. Храм у гэтым жа годзе быў зачынены Дунілавіцкім райвыканкамам, вернікі сталі збірацца для багаслужэнняў па хатах. Факт такіх маленняў быў выяўлены ўпаўнаважаным ССРК па Полацкай вобласці ў 1951 г. [12, арк. 166]. Вернікі ўсё ж спрабавалі легалізаваць сваю абшчыну і ў 1953 г. накіравалі заяву на рэгістрацыю [28, арк. 284]. Аднак рашэннем 16 мая 1953 г. Полацкі аблвыканкам заяву не падтрымаў. У якасці прычыны адхілення ўказваўся той факт, што “до 1951 г. проводили молитвенные собрания в частных домах” [28, арк. 104]. Нягледзячы на гэта, абшчына працягвала дзейнічаць нелегальна (гл. ніжэй).

Стараверскія абшчыны на тэрыторыі Маладзечанскай вобласці (1945–1954 гг.). Як вынікае з аналізу крыніц, у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе на тэрыторыі Маладзечанскай вобласці дзейнічала 8 стараверскіх абшчын. Аднак некаторы час у справах узаемаўздзяжанняў ССРК па вобласці і ў дакументах мясцовых органаў улады не ўсе гэтыя абшчыны былі ўлічаны. Толькі ў матэрыялах канца 1946 г. утрымліваюцца звесткі аб 8 абшчынах на тэрыторыі вобласці. Па раёнах іх колькасць была размеркавана наступным чынам: у Свірскім – 2 абшчыны, у Юрацішскім – 1, Пастаўскім – 3, Іўеўскім – 1, Ашмянскім – 1. Аднак ніводная з абшчын вобласці яшчэ не была зарэгістравана [7, арк. 76–77]. Такая ж колькасць стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў у межах вобласці фіксавалася і ў пачатку 1947 г. [7, арк. 214]. Аднак ужо ў даных за 1949 г. у Маладзечанскай вобласці было зафіксавана толькі 7 стараверскіх абшчын, у тым ліку ў межах Пастаўскага раёна толькі 2 (у в. Апідамы і в. Кукляны) [30, арк. 124].

Даныя пра трэці стараверскі прыход Пастаўскага раёна, які размяшчаўся ў в. Захараўшчына, ужо ў гэты перыяд “знікаюць” з афіцыйнай справаводчай дакументацыі і афіцыйных справаздач упаўнаважанага ССРК па Маладзечанскай вобласці. Аднак яшчэ ў дакументах канца 1948 г. інфармацыя пра яе сустракалася [11, арк. 32].

Пачынаючы з 1947 г. стараверскія рэлігійныя аб’яднанні вобласці прадпрымаюць намаганні па афіцыйным афармленні ў дзяржаўных органах. Да 1949 г. былі зарэгістраваны 5 абшчын (у в. Масцішча Юрацішскага раёна, в. Апідамы і в. Кукляны Пастаўскага раёна, пас. Свір і в. Стрыпішкі Свірскага раёна). Абшчыны ў в. Гедэйкі Ашмянскага раёна, в. Новая Слабада Смаргонскага раёна і в. Захараўшчына Пастаўскага раёна зарэгістраванымі не былі. Як вынікае з аналізу архіўных матэрыялаў, прычыны, якія перашкодзілі рэгістрацыі, былі розныя. Так, стараверы Гедэйкаўскай абшчыны ў 1948 г. накіроўвалі заяву на рэгістрацыю, аднак яна, як вынікае з афіцыйных дакументаў, не была падтрымана з-за адсутнасці храма [11, арк. 32]. На самой жа справе ў в. Гедэйкі стараверскі храм пачалі будаваць яшчэ ў час Вялікай Айчыннай Вайны, аднак у 1945 г. працягнуць будаўніцтва не ўдалося з-за забароны мясцовага сельсавета [30, арк. 125]. У сваю чаргу, у Нова-Слабадскай абшчыне храм быў. У некастрычных архіўных дакументах ён згадваецца як дзеючы ў 1949 г. [11, арк. 256адв]. Згодна з аднымі данымі, абшчына не была зарэгістравана, паколькі не мела святара і вернікі за рэгістрацыяй не звярталіся [30, арк. 125]. Аднак іншыя крыніцы паведамляюць, што святар усё ж такі меўся, але яму быў устаноўлены падатак, які той адмовіўся выплочваць і з’ехаў у Літву [5, арк. 35].

Лідарам па колькасці стараверскіх абшчын у рэгіёне быў *Пастаўскі раён*. У пасляваенны перыяд ў яго межах дзейнічалі 3 абшчыны з цэнтрамі ў вв. Апідамы, Кукляны, Захараўшчына. Два з гэтых прыходаў (Апідамскі і Куклянскі) атрымалі афіцыйную рэгістрацыю [31, арк. 3, арк. 5]. Ужо ў канцы 1948 г. на тэрыторыі Пастаўскага раёна афіцыйна дзейнічала толькі адна Куклянская абшчына. Апідамская была знятая з рэгістрацыі па той прычыне, што яе вернікі адмаўляліся прымаць да сябе і рэгістраваць новага духоўнага настаўніка пасля таго, як ранейшы быў арыштаваны [31, арк. 11–13, арк. 17]. Згодна з афіцыйнымі дакументамі, духоўны настаўнік Д.І. Панцыраў быў арыштаваны “за агітацыю против коллективизации и защиту кулачества” [11, арк. 93]. У 1950 г. ад Апідамскай абшчыны паступіла заява з просьбай зарэгістраваць настаўнікам Дзямідава І.А., але з-за таго, што абшчына была знята з рэгістрацыі, новага духоўнага настаўніка не зацвердзілі. У гэты перыяд нават выказвалася прапанова з боку упаўнаважанага ССРК па БССР аб далучэнні Апідамскай абшчыны да Куклянскай [31, арк. 17].

Стараверскія рэлігійныя аб’яднанні Маладзечанскай вобласці ў 1954–1960 гг. У 1954 г. у Беларусі адбыліся адміністрацыйныя змены, у выніку якіх Полацкая вобласць была ліквідавана. Яе ўсходнія раёны былі перададзены ў Віцебскую вобласць, а заходнія – у Маладзечанскую. Такім чынам, амаль усе стараверскія рэлігійныя аб’яднанні былой Полацкай вобласці (за выключэннем Полацкай абшчыны) апынуліся ў Маладзечанскай. Так, згодна з афіцыйнымі данымі, на 30.09.1954 г. на яе тэрыторыі дзейнічала 14 зарэгістраваных рэлігійных аб’яднанняў старавераў [27, арк. 94]. Гэту колькасць склалі 4 ранейшыя абшчыны Маладзечанскай вобласці (Куклянская, Масцішская, Свірская, Стрыпішская) і 10 з былой Полацкай (Кублішчынская, Ластавіцкая, Ракаўская, Германавіцкая, Варонкаўская, Булавішкаўская, Мінкавіцкая, Мікалаюнцаўская, Кірылінская і Відзаўская). Пасля таго, як Апідамская і Ніўнікаўская абшчыны аднавілі рэгістрацыю, у межах вобласці фіксавалася ўжо 16 зарэгістраваных стараверскіх рэлігійных аб’яднанняў. Такая колькасць захоўвалася да канца існавання Маладзечанскай вобласці.

У 1955 г. была адноўлена рэгістрацыя Ніўнікаўскай абшчыны. У гэтым годзе упаўнаважаны ССРК па Маладзечанскай вобласці, звярнуў увагу на тое, што яго былы калега – упаўнаважаны ССРК па Полацкай вобласці – “па невядомых прычынах” яўна няправільна ахарактарызаваў сітуацыю ў Ніўнікаўскай абшчыне і значна занізіў колькасць яе вернікаў. Як высветлілася, у гэты перыяд Ніўнікаўская рэлігійная абшчына аб’ядноўвала каля 2 тыс. чалавек. Разам з тым, члены абшчыны выказвалі сур’ёзнае незадаволенне закрыццём храма, а таксама звярталіся з просьбамі аднавіць рэгістрацыю [25, арк. 1, арк. 5]. Таму 25 жніўня 1955 г. ССРК пры Савеце Міністраў СССР паставіў дазволіць зарэгістраваць “фактэска дзействующее общество” [25, арк. 8]. У гэтым жа 1955 г. абшчына была зарэгістравана, заключыўшы дамову на перадачу храма вернікам [25, арк. 10, арк. 17]. У 1956 г. аднавіла рэгістрацыю і Апідамская абшчына [31, арк. 35].

Нягледзячы на спыненне афіцыйнай дзейнасці многіх стараверскіх абшчын у папярэдні перыяд, архіўныя крыніцы сведчаць аб нелегальнай дзейнасці шэрагу з іх у другой палове 1950-х гг. Як вынікае з крыніц, на 1955 г. захоўваліся звесткі аб дзейнасці ў в. Валкі Казьянкаўскага с/с Відзаўскага раёна групы вернікаў-старавераў (гэта была Грыгараўшчынская абшчына) [32, арк. 4]. Таксама працягвала функцыянаваць ужо вышэй згаданая рэлігійная група старавераў у в. Лучай. У 1957 г. абшчына нават абрала сабе духоўнага настаўніка С.Я. Русалоўскага. Аднак у 1961 г. гэтая “незаконная” дзейнасць абшчыны была выяўлена з боку ССРК, а таму храм быў зачынены. У 1963 г. Лучайская стараверская царква была разабрана і перададзена для рамонту школы ў в. Мікуліна (Глыбоцкі раён) [29, арк. 32–33, арк. 34, арк. 35; 21, арк. 212–213]. У архіўных дакументах утрымліваюцца звесткі і аб дзейнасці Буюшчынскай абшчыны ў гэты час. З сярэдзіны 1950-х гг. духоўным настаўнікам у ёй быў абраны Г.Т. Зайцаў, пасля чаго багаслужэнні сталі праводзіцца ў яго хаце ў в. Дзедушкі (недалёка ад Буюшчыны). У такім стане абшчына працягвала сваю “нелегальную” дзейнасць да пачатку 1960-х гг. [21, арк. 211].

У выніку адміністрацыйна-тэрытарыяльных змен 1960 г. Маладзечанская вобласць была расфарміравана. Яе паўночныя раёны ўвайшлі ў склад Віцебскай вобласці, а астатнія – у склад Мінскай і Гродзенскай. З гэтага часу 13 яе стараверскіх абшчын (Апідамская, Куклянская, Ніўнікаўская, Кублішчынская, Ластавіцкая, Ракаўская, Германавіцкая, Варонкаўская, Булавішкаўская, Мінкавіцкая, Мікалаюнцаўская, Кірылінская і Відзаўская) апынуліся ў Віцебскай вобласці, 2 (Свірская і Масцішская) – у Мінскай, а 1 (Стрыпішская) – у Гродзенскай.

Заклучэнне. Такім чынам, на аснове аналізу матэрыялаў прыходзім да наступных высноў.

Як і ў папярэднія перыяды, у першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі паўночна-заходні рэгіён Беларусі з'яўляўся важным цэнтрам стараверства. У 1945–1950-я гг. у яго межах захоўвалася раней сфарміраваная сетка абшчын. Адрасу пасля Вялікай Айчыннай Вайны у рэгіёне функцыянавала каля 30 стараверскіх рэлігійных аб'яднанняў, у пасляваенны перыяд значная іх частка прайшла рэгістрацыю і працягнула сваю дзейнасць. Аднак гэты працэс афіцыйнага афармлення быў больш складаным і працяглым, чым ва Усходняй Беларусі (асноўная іх маса была зарэгістравана толькі ў 1947–1949 гг.). На працягу канца 1940-х – пачатку 1950-х гг. шэраг стараверскіх прыходаў быў зняты з афіцыйнага ўліку, але колькасць стараверскіх абшчын у паўночна-заходнім рэгіёне, якія спынілі афіцыйную дзейнасць у гэты час, была непараўнальна меншай, чым па астатняй краіне. Таму па колькасці зарэгістраваных рэлігійных аб'яднанняў паўночна-заходнія беларускія землі вылучаліся сярод астатніх рэгіёнаў кампактнага пражывання старавераў у краіне. У канцы 1950-х гг. у рэгіёне налічвалася 16 зарэгістраваных рэлігійных аб'яднанняў старавераў-беспапоўцаў. Фактычна, з гэтага часу рэгіён з'яўляецца важнейшым цэнтрам стараверства ў Беларусі, аднак пры гэтым каля паловы з дзеючых пасля вайны стараверскіх абшчын так і не былі зарэгістраваныя. Шэраг з іх працягнуў нелегальную працу, а больш дробныя распаліся ці далучыліся да суседніх дзеючых прыходаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Аўсейчык У.Я. Стараверы Беларусі ў 1830–1860-я гг.: тэрыторыя рассялення і колькасны склад // Беларускі гістарычны часопіс. – 2022. – № 11. – С. 10–17.
2. Аўсейчык У.Я. Стараверы заходніх беларускіх земляў у 1920 – 1930-я гг.: спецыфіка рассялення і дынаміка колькасці // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2022. – № 1. – С. 40–49.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 2
4. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 6.
5. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 20.
6. Аўсейчык У.Я. Стараверскія абшчыны Віцебскай вобласці ў 1945 – першай палове 1950-х гг. // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманит. науки. – 2023. – № 1(66). – С. 76–82.
7. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 10.
8. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 5.
9. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 11.
10. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 13.
11. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 19.
12. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 27.
13. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 145.
14. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 141.
15. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 136.
16. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 143.
17. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 25.
18. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 146.
19. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 28.
20. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 19.
21. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 13.
22. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 139.
23. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 142.
24. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 140.
25. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 147.
26. Православная царква на Віцебшчыне (1918–1991): док. і матэрыялы / редкол.: Пішуленок (гл. ред.) і др.; сост. В.П. Коханко (отв. сост.). – Мінск: НАРБ, 2006. – 365 с.
27. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 37.
28. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 31.
29. ДАВВ. – Ф. 4029. Воп. 1. Спр. 15.
30. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 1. Спр. 2.
31. ДАВВ. – Ф. 1439. Воп. 3. Спр. 150.
32. НАРБ. – Ф. 952. Воп. 2. Спр. 51.

Паступіў 04.04.2023

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ОБЩИНЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В СЕРЕДИНЕ 1940-х – 1950-е гг.

В.Е. ОВСЕЙЧИК*(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

Статья посвящена характеристике старообрядческих общин в северо-западной Беларуси в середине 1940-х – 1950-х гг. Анализируется состояние старообрядчества в регионе в этот период, прослеживаются процессы официального оформления (регистрации) старообрядческих религиозных объединений, характеризуются их взаимоотношения с органами советской власти. На основе архивных материалов в работе освещается государственная политика в отношении старообрядческой церкви в северо-западном регионе Беларуси в отмеченный промежуток времени.

Ключевые слова: старообрядцы, этническая группа, религиозная община, конфессия, северо-западная Беларусь, государственно-конфессиональные отношения.

**OLD BELIEVER COMMUNITIES IN NORTH-WESTERN BELARUS
IN THE MID-1940s TO THE 1950s****U. AUSEICHYK***(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)*

The article is devoted to the characteristics of Old Believers' communities in North-Western Belarus in the mid 1940s – 1950s. The author analyzes the state of Old Beliefs in the region during this period, traces the processes of official registration of Old Believers' religious associations, characterizes their relations with the Soviet authorities. On the basis of archival materials, the article examines the state policy towards the Old Believers in the North-Western region of Belarus during the mentioned period of time.

Keywords: Old Believers, ethnic group, religious community, confession, North-Western Belarus, state-confessional relations.

УДК 369(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-94-100

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВРАЧЕБНО-ТРУДОВЫХ ЭКСПЕРТНЫХ КОМИССИЙ (ВТЭК) КАК ВАЖНЕЙШЕЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БССР

канд. ист. наук, доц. И.А. МАРТИНКЕВИЧ

(Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет)

В статье рассмотрены этапы становления и развития врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК) БССР и раскрыты основные направления их работы в послевоенный период. Отмечены важнейшие изменения нормативной правовой базы, которые обусловили функционирование и приоритеты в практической деятельности ВТЭК. Выделены основные проблемы и трудности, с которыми столкнулась система социального обеспечения БССР в процессе работы ВТЭК и определены меры, которые принимались для их решения.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная сфера, врачебно-трудовые экспертные комиссии, инвалиды, медицинская помощь.

Введение. В социальной политике БССР оказание медицинской помощи населению всегда занимало важнейшее место. В системе социального обеспечения это нашло своё отражение в становлении и развитии врачебно-трудовых экспертных комиссий, которые были введены для определения группы инвалидности ещё в 1932 г., после чего процесс их деятельности дополнялся и корректировался. С началом Великой Отечественной войны деятельность ВТЭК на территории БССР была приостановлена, однако уже в начале 1943 г. СНК СССР была утверждена система лечебных мероприятий для инвалидов Великой Отечественной войны. К 1945 г. советским правительством была установлена более обширная программа, предполагавшая развертывание широкой сети специальных больниц, госпиталей, санаториев, поликлиник и других лечебных учреждений. В большинстве областных центров и крупных городов союзных республик были созданы специальные госпитали для инвалидов Великой Отечественной войны или особые отделения для них при крупных физиотерапевтических поликлиниках и ряде районных поликлиник [1, с. 21–23].

Основная часть. После окончания войны в рамках перехода БССР к мирной жизни общество столкнулось с целым рядом проблем, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки. Одной из них было предоставление льгот и назначение пенсий инвалидам. Эта категория граждан после окончания Великой Отечественной войны была одной из самых многочисленных [2, с. 108–109]. Однако для эффективной работы по обеспечению людей с ограниченными возможностями необходимо было упорядочить систему квалифицированного и обоснованного определения их группы инвалидности и последующую возможность трудоустройства. С этой целью была возобновлена работа врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК), определявших условия и виды труда, возможности перевода на другую работу, освобождения от сверхурочных работ и работ в ночных сменах. К этому времени были внесены поправки в положение о деятельности ВТЭК, касающиеся присвоения групп инвалидности. К I-й группе относились лица, утратившие трудоспособность полностью и нуждающиеся в постороннем уходе, ко II-й – лица, утратившие полностью способность к профессиональному труду как по основной, так и по какой бы то ни было другой профессии, но не нуждающиеся в постороннем уходе и способные сами себя обслуживать, к III-й – не способные к систематическому труду по своей профессии в обычных для этой профессии условиях, но имеющие возможность работать при сокращенном рабочем дне или при других облегченных условиях [3, с. 7].

ВТЭК играли определяющую роль в жизни людей с ограниченными физическими возможностями. От установления группы инвалидности зависели размеры пенсии, место работы, специальность, а также возможность обучения новым специальностям. Кроме того, их экспертные заключения являлись юридическим основанием для получения определённых льгот [4, с. 108–121.].

Группа инвалидности определялась по степени остаточной трудоспособности и возможности дальнейшего восстановления, по роду предыдущей работы с учетом прежней специальности. Поэтому при одинаковой степени утраты работоспособности инвалиды могли быть отнесены к различным группам. Были определены трудовые рекомендации инвалидам I-й и II-й групп, а также введено специальное понятие «выраженный анатомический дефект», которое давало право на определение III-й группы инвалидности лицам, способным работать по своей основной профессии [5, с. 42]. Ещё одним нововведением стало обязательное переосвидетельствование, по итогам которого устанавливались изменения в состоянии трудоспособности или вообще снималась инвалидность. До 1948 г. переосвидетельствование для инвалидов I-й группы проводилось один раз в полгода, II-й и III-й групп – один раз в 3 месяца. Новое Положение о ВТЭК изменило сроки прохождения комиссии, продлив их для I-й группы на один год, для II-й и III-й групп – на 6 месяцев [6]. Кроме того, согласно новой редакции Положения о ВТЭК, сотрудники комиссий должны были способствовать повышению трудоспособности инвалидов Великой Отечественной войны путем организации восстановительного лечения, профессиональной подготовки и переподготовки, а также протезирования. В обязанности комиссий теперь входило наблюдение за условиями и видами работ, доступными инвалидам Великой Отечественной войны с учетом состояния их здоровья, а также определение профессий и рабочих мест [7, с. 156].

По мере того, как создавались и начинали работу комиссии, постепенно проявились и первые серьёзные недостатки в их работе. 30 июля 1948 г. Министерством здравоохранения и социального обеспечения БССР была проведена выборочная проверка организации работы, материального обеспечения и лечения инвалидов Великой Отечественной войны. Её результаты показали, что ни областные, ни районные отделы соцзащиты, которым на то время подчинялись врачебно-трудовые экспертные комиссии, ни областное управление здравоохранения, в обязанности которого входило предоставление медицинского персонала для комиссий, не интересовались и не руководили работой медиков. Многие районные комиссии по проверке трудоспособности инвалидов Великой Отечественной войны не имели даже планов работы, а оперативная работа с выездом на место не велась вовсе. Положение усугублялось острой нехваткой квалифицированных хирургов, терапевтов, неврологов и других специалистов-медиков. Эту проблему на протяжении нескольких лет после окончания войны всё ещё не удавалось решить. В результате само проведение экспертизы часто проходило некачественно и неполноценно. К примеру, в Чаусской врачебно-трудовой экспертной комиссии инвалид Кравцов с 1945 по 1948 гг. проходил медицинское освидетельствование пять раз. Тремя комиссиями ему был поставлен диагноз «компенсированный туберкулез легких», однако ни в одном из случаев не были проведены анализы крови и мокроты, а следующими двумя комиссиями был поставлен диагноз «порок сердца», и в легких у больного врачи не нашли никаких патологий [8, лл. 86–87].

С целью искоренения недостатков и недопущения подобных случаев начальникам районных управлений здравоохранения и соцзащиты было поручено срочно пересмотреть состав всех ВТЭК и до 10 августа 1948 г. доложить в Минздрав БССР обо всех инвалидах Великой Отечественной войны, которые нуждались в медицинской помощи. Руководителям районных управлений здравоохранения вменялось в обязанности взять под личный контроль работу всех районных врачебно-трудовых экспертных комиссий. Кроме того, к 1 августа 1948 г. было решено ввести новую должность в систему ВТЭК – инспектор медицинских отделов, в обязанности которого входило управление и организация медицинской помощи инвалидам Великой Отечественной войны. Ответственность за их своевременное назначение была возложена на начальников областных управлений здравоохранения. На уровне районного руководства такие должности было поручено образовать не позднее 15 августа 1948 г. в каждом районе. В то же время местные органы управления в областных, районных и городских больницах начали работу по организации и выделению отдельных палат для лечения вернувшихся фронтовиков-инвалидов. Принятые меры способствовали улучшению медицинского обслуживания инвалидов и созданию для них более комфортных условий.

Очередные изменения были внесены в положение ВТЭК 1-2 августа 1956 г., когда были утверждены на основе Инструкции по определению групп инвалидности и Перечня заболеваний те случаи, при которых группа инвалидности устанавливалась без указания срока переосвидетельствования. На их основе утверждался порядок проведения освидетельствования и присвоения той или иной группы инвалидности [9, с. 450–458]. В Перечне приводилась классификация заболеваний, при которых срок переосвидетельствования больше не устанавливался [10, с. 39]. К этому времени основные принципы системы ВТЭК уже сложились и достаточно успешно реализовывались на практике. Важным достижением стало установление и закрепление врачебного состава комиссий. В них должны были входить три врача: терапевт, невропатолог и хирург, уполномоченные выносить решение об инвалидности.

В рамках заседания комиссии решались три основных вопроса: о группе инвалидности исходя из трудоспособности, о причине инвалидности и возможном трудоустройстве на рабочие места, не требующие высокой квалификации. Однако, рекомендации по трудоустройству инвалидов зачастую давались без определённой программы реабилитационных мер, что значительно ухудшало качество предоставляемых медицинских услуг и негативно отражалось на последующем трудоустройстве. Поскольку неполное восстановление нередко приводило к тому, что человек больше не мог выполнять работу, на которой был задействован до инвалидности, зачастую это приводило к случаям, когда, несмотря на квалификацию и образование, люди с ограниченными возможностями были вынуждены работать на низкооплачиваемых работах. Проводимые министерствами социального обеспечения и здравоохранения проверки подтверждали, что подобные случаи были достаточно частыми. Так, в 1956 г. по итогам очередной проверки ВТЭК особое внимание обращалось на то, что инвалидам второй группы не давали никаких трудовых рекомендаций, а без них трудоустроиться последним было практически невозможно. В своих отчётах контролирующие органы отмечали: «необходимо понимать, что инвалид второй группы совершенно нетрудоспособный человек, которого можно только приспособить к труду, нет жалоб о присвоении I-й группы, но есть жалобы, что присвоили III-ю вместо II-й» [11, лл. 70, 82–83].

В марте 1959 г. министерством социального обеспечения БССР для повышения эффективности работы комиссий была принята программа проверки ВТЭК, целью которой было установление правильного определения экспертной комиссией группы инвалидности. В рамках проводимой проверки особое внимание обращалось на такие вопросы, как соблюдение ВТЭК установленного порядка определения инвалидности, поскольку их нарушение влекло за собой неправильное определение группы инвалидности и назначение пенсии. Строго контролировались вопросы соблюдения районными и городскими комиссиями сроков переосвидетельствования по инвалидности, а также условий труда людей с ограниченными возможностями на предприятиях, в организациях и сельском хозяйстве, с целью дальнейшего выявления работ и профессий, доступных инвалидам. В ходе проверки органами социального обеспечения уделялось внимание трудоустройству инвалидов в соответствии с заключением ВТЭК. Помимо обследования условий работы и соблюдения сроков проведения комиссий проводилась проверка организованных органами социального обеспечения мероприятий по восстановлению трудоспособности

инвалидов. В их число входили восстановительное лечение, профессиональное обучение, переквалификация, протезирование и др., а также целевое расходование пособиями выделенных на обучение инвалидов средств.

Программа проверки предполагала также более детальный контроль за работой врачебно-консультативных комиссий (ВКК), лечебно-профилактических учреждений республики, полнотой обслуживания больных и качеством обеспечения медицинскими документами лиц, направляемых на ВТЭК. В рамках проводимой проверки предполагалось также изучение обеспеченности ВТЭК необходимыми специалистами и повышения их квалификации, оказанию необходимой помощи районным и городским ВТЭК со стороны министерства социального обеспечения и областных врачебно-трудовых экспертных комиссий. Оценивался уровень и объём помощи органам социального обеспечения со стороны профсоюзных организаций [12, л. 5-7].

Такой детальный анализ работы ВТЭК, организованный после принятия программы проверки, давал возможность составить более целостную картину о кадровом и материально-техническом обеспечении комиссий. К примеру, проверка ВТЭК в Витебской городской поликлинике показала, что все врачи комиссии имели необходимый опыт работы, а также общеврачебный стаж и соответствовали тем специальностям, которые требовались для работы во ВТЭК. Заседания комиссии проходили в поликлинике Ленина в полном составе, а в случае болезни врач заменялся другим, знающим экспертизу. Комиссия работала ежедневно с 15:30, кроме субботы. В субботу члены комиссии выезжали для освидетельствования больных на дому. Решения ВТЭК заносились в книгу протоколов, а в конце заседания протокол подписывался всеми членами комиссии. На каждого комиссуемого заводился акт медицинского освидетельствования, который заполнялся врачами по профилю сразу после проведения осмотра больного. Установленный комиссией диагноз почти во всех случаях подтверждался клиническими и лабораторными исследованиями. Экспертные решения, как правило, обосновывались характером заболевания и возможностью трудоустройства инвалидов. Все врачи имели необходимый опыт и пользовались имеющимся инструментарием и методическими указаниями ВТЭК. Документация содержалась в надлежащем порядке.

Принятые по итогам проведения проверок меры по укреплению дисциплины, улучшению материально-технического и кадрового обеспечения позволили значительно повысить качественные и количественные показатели работы комиссий. Только одна Витебская городская ВТЭК в 1958 г. освидетельствовала 4998 человек, из них 1715 впервые и 3283 повторно. Из первичных не было признано инвалидами 364 человека, повторно – 207. Из 3500 актов освидетельствования 42 вызвали сомнения в их правильности [12, л. 7–9]. Одной из причин такого количества изменений групп инвалидности было то, что больных с остаточными явлениями переломов костей лечащие врачи вместо продления больничного листа направляли на ВТЭК. В результате у некоторых из комиссуемых состояние здоровья к этому моменту улучшалось, что становилось основанием для изменения группы инвалидности.

Вместе с тем, работа комиссии по-прежнему не была лишена определённых недостатков: записи в отдельных актах не обосновывали основной диагноз, а во время осмотра инвалидов на ВТЭК не всегда измерялось давление, углы контрактур и анкилозов в суставах конечностей, выборочно исследовалось глазное дно у гипертоников и пациентов с заболеваниями почек. Как и прежде, сохранялись проблемы организационного характера. К примеру, если больному нужно было сделать анализ крови, мочи или рентген, комиссия направляла с трудом передвигающегося инвалида в поликлинику по месту жительства, иногда за несколько километров, хотя в поликлинике, где работала ВТЭК, было необходимое оборудование, лаборатории, позволяющие всё сделать на месте. В Витебской поликлинике Ленина кабинет врачебно-трудовой экспертной комиссии по площади составлял всего 14 м², был оснащён слабым освещением и освобождался только в 15 часов. Отсутствовал необходимый инструментарий, (угломер, динамометр, тонометр и т.д.). Все врачи комиссии работали по совместительству, иногда обздрав их отзывал на срок до двух недель для работы в призывных комиссиях районных военкоматов. В результате работа ВТЭК на это время фактически полностью дезорганизовывалась [12, л. 10–11].

После проведённой проверки Министерством социального обеспечения в декабре 1957 г. качество работы городских ВТЭК несколько возросло. Об этом свидетельствуют данные, полученные комиссиями. Так, в 1958 г. при повторном переосвидетельствовании 2830 инвалидов 559 не были признаны инвалидами. Из 295 инвалидов, проходивших переосвидетельствование, 39 были переведены в III-ю группу и 14 – в I-ю группу. Из 944 человек III-й группы 3 человека были переведены в I-ю группу, 46 – во II-ю, а 433 человек не были признаны инвалидами [12, лл. 12–13].

На фоне улучшения качества организации ВТЭК во время проверки были выявлены и серьёзные недостатки, связанные с определением групп и сроков инвалидности, оформлением медицинской документации. Из 3500 экспертных дел 118 были составлены с недостаточно обоснованными экспертными решениями. На переосвидетельствование было назначено 118 человек, а явилось только 96. В отдельных случаях Витебская областная ВТЭК необоснованно отменяла решение городской ВТЭК. К примеру, гражданке Г.М. Шендоровой 1910 г. р. городская ВТЭК дважды (21 сентября 1957 г. и 21 октября 1958 г.) отказывала в установлении III-й группы инвалидности, и только областная ВТЭК установила III-ю при переосвидетельствовании, а в январе 1959 г. городской ВТЭК была установлена группа инвалидности.

По итогам проверки, проведённой в Могилёвской городской ВТЭК в марте 1959 г., все врачи, задействованные в работе комиссий, также соответствовали необходимым для этого критериям, однако все они работали в экспертной комиссии по совместительству и на полной ставке в лечебно-профилактических учреждениях. Городские и областные ВТЭК работали ежедневно с 15.00, а специализированная – один раз в неделю. В среднем за одно заседание комиссия принимала 14–15 человек. Городская ВТЭК заседала в городской поликлинике № 1

на третьем этаже, а медицинская документация по ВТЭК находилась в городском отделе социального обеспечения. Очевидно, что такая разбросанность кабинетов не могла положительно влиять на обслуживание больных, направленных на ВТЭК. Областная ВТЭК заседала в областной поликлинике № 2 в кабинете площадью около 8 м², там же располагалось два шкафа, в которых хранилась медицинская документация. В маленьком коридоре, где ожидали инвалиды приёма комиссии, отсутствовала даже мебель для сидения. Были выявлены недостатки в определении группы инвалидности. Так, инвалид III-й группы Н.П. Гавриленко по диагнозу имела остаточные явления закрытой травмы черепа, а уже 30 января 1959 года областная ВТЭК пересмотрела и установила II-ю группу. Комиссии контроля городских и областных ВТЭК в период данной проверки определили ей III-ю группу инвалидности сроком на один год. Охраннику завода № 511 М.М. Гриневичу 1922 г. р., имеющему по диагнозу остаточные явления после проникающего ранения в грудную клетку с частичной резекцией седьмого ребра, была установлена III-я группа, которую по результатам проверки сняли. В результате завышения группы инвалидности, соответственно завышался и размер пенсии, что приводило к незаконному расходованию государственных средств. Так, например, прораб благоустройства г. Могилёва Л.К. Гладченков получал пенсию по III-й группе инвалидности в размере 375 руб. в месяц в течение 3 лет, тогда как по результатам проверки он был признан трудоспособным. За это время он получил от государства 10,9 тыс. руб., а гражданке М.В. Андрушкиной была установлена II-я группа инвалидности и пенсия в размере 194 руб., вместо получаемой – 301 руб., когда ей была ошибочно установлена II-я группа инвалидности [12, лл. 14–15].

Одним из недостатков, выявленных комиссиями в ходе проведения проверок, стало несоблюдение сроков приёма на ВТЭК без предварительного лечения в диспансере. К примеру, П.И. Азаров 1922 г. рождения заболел в апреле 1958 г. и в этом же месяце по диагнозу «очаговый туберкулёз лёгких в фазе инфильтрации» ему была установлена III-я группа инвалидности. ВКК г. Могилёва при направлении на ВТЭК не придерживалась инструкции по определению группы инвалидности и положений о ВТЭК Совета Министров БССР от 20 марта 1957 г., в результате многие больные необоснованно направлялись на ВТЭК, что затрудняло работу последних. Только в 1958 г. на ВТЭК из впервые направленных 792 человек не были признаны инвалидами 237. Фиксировались случаи, когда на ВКК недостаточно проводили обследование или в посыльных листах ВКК необоснованно усугублялась тяжесть состояния исследуемых больных, что приводило к установлению неправильной группы инвалидности. С целью искоренения подобных случаев сотрудниками облсобеса и областной ВТЭК проверялась правильность назначения групп с декабря 1958 г. по 1 марта 1959 г. На областные врачебно-трудовые экспертные комиссии были вызваны и переосвидетельствованы 61 человек. Из них 17 II-й группы и 44 III-й группы. В результате 11 инвалидов II-й группы были переведены в III-ю, а три инвалида II-й группы были признаны нетрудоспособными. 32 инвалида III-й группы из 41 были признаны нетрудоспособными. Работники областных врачебно-трудовых экспертных комиссий выезжали в 8 районов области для оказания помощи ВТЭК. Только за 1958 г. было проведено 9 семинаров с врачами лечебных учреждений и один раз обсуждался вопрос о состоянии районных ВТЭК на медсовете облздрави [12, лл. 16–18].

Однако, коренным образом улучшить работу ВТЭК в полной мере не удавалось. Организованная Министерством социального обеспечения и Министерством здравоохранения БССР 20 июня 1959 г. проверка вновь показала ряд серьёзных недостатков в работе ВТЭК и ВКК лечебных учреждений Белорусской ССР: Несмотря на то, что в Могилёве, Бобруйске, Витебске и Орше работниками министерства социального обеспечения была проделана определённая работа по наведению порядка и исправлению допущенных недостатков в работе ВТЭК, ряд существенных недостатков в обоснованном установлении групп, причин и сроков инвалидности по-прежнему не был искоренён. Это вело к неправильному определению групп и неверным назначениям выплат государственных пенсий.

На основании врачебной проверки было проанализировано 12 870 актов освидетельствования в Могилёвской, Бобруйской, Витебской городской и Оршанской межрайонной ВТЭК, проведено досрочное переосвидетельствование 464 инвалидов, из них 58 была изменена инвалидность, а 76 – трудоустроены. Такие серьёзные цифры переосвидетельствованных объяснялись тем, что работники ВТЭК недостаточно внимательно осматривали лиц, которые обращались на комиссии. Зачастую степень утраты трудоспособности определяли только по представленным документам и не всегда соблюдали инструкции по определению группы инвалидности, медицинские указания по этому вопросу и положения ВТЭК. В ряде случаев на комиссии принимали больных с небрежно оформленными документами, без надлежащих клинических лабораторных и других исследований. Часто отсутствовали производственные характеристики инвалида, а предоставляемые не отражали особенности выполняемой ими работы. Вносимые ВТЭК трудовые рекомендации зачастую носили формальный характер и не содержали конкретики. В результате на их основании было невозможно определить, в качестве кого мог работать инвалид по состоянию здоровья. То, насколько частыми были случаи пересмотра группы инвалидности в сторону уменьшения с последующим присвоением «рабочей группы», свидетельствует таблица.

В целом, как и в предыдущие годы, по-прежнему не была решена кадровая проблема: значительное количество врачей работало во ВТЭК по совместительству, часто менялось, неудовлетворительно изучало необходимую документацию и предписания ВТЭК. Белорусским государственным институтом усовершенствования врачей не выполнялся совместный приказ Министерства здравоохранения и Министерства социального обеспечения БССР от 18 октября 1956 г. по обучению врачей ВТЭК. Это серьёзно сдерживало решение кадрового обеспечения, и в результате многие врачебные комиссии по-прежнему выносили решения необъективно как в сторону

завышения, так и занижения группы инвалидности. Связь между ВТЭК и ВКК не была налажена должным образом из-за отсутствия достаточного контроля как со стороны органов здравоохранения за ВКК, так и социального обеспечения – за работой ВТЭК. К примеру, ВКК лечебных учреждений Бобруйска в 1958 г. было направлено на городскую врачебно-трудовую экспертную комиссию 1347 человек, из них 504 человека или 37,7% были признанными трудоспособными. Похожая ситуация сложилась и в Могилёве, где из 792 человек впервые направленных на ВТЭК, трудоустроено в результате было 237 или 30% от общего числа [12, лл. 81–82].

Таблица. – Результаты пересвидетельствования групп инвалидности ВТЭК

ФИО	Группа инвалидности до пересвидетельствования	Группа инвалидности после пересвидетельствования	Инвалиды Отечественной войны
Пац Л.Н.	2	3 на год	–
Куксенков М.Л.	3	нет	–
Криволапов М.Я.	3	нет	–
Потапенко М.А.	3	нет	–
Купцова Л.Е.	2	3 с детства	–
Максименко Н.М.	3	нет	–
Малашенко М.Р.	3	нет	–
Барановская Ф.А.	3	нет	–
Паршин Л.Д.	3	Ранение на фронте	–
Королёв В.А.	3	нет	–
Заноздра К.Т.	3	нет	–
Вдовьев В.С.	2	3	Инвалид Отечественной войны на год
Азьявчиков Е.С.	2	3	На год, связано с пребыванием на фронте
Клепча А.К.	3	нет	–
Плиндова Т.Н.	2	3 на год	–
Сидоров П.Ф.	2	3 без пересвидетельствования	Ранение на фронте
Сазонов И.Ф.	3	нет	–
Николаев М.Д.	3	нет	–
Сазонова Е.В.	3	нет	–
Сидоренко М.М.	2	2	На год ранение на фронте
Янедыно О.Е.	3	нет	–
Базылев Ф.З.	2	2	На год ранение на фронте
Белянко М.А.	3	нет	–
Мазовко Л.Т.	2	3 на год	–
Леонович А.В.	3	нет	–
Олехнович Е.Т.	2	3 без пересвидетельствования	Ранение на фронте
Красная О.В.	2	3 на год	–

Источник: [12, лл. 26–27].

Для устранения всех вышеуказанных недостатков был принят целый ряд мер, которые предполагали в течение июля-августа 1959 г. выделить для работы ВТЭК помещения, удобные для приёма больных, обеспечив им необходимое медицинское и хозяйственное оборудование. В обязанность главврачей областных и городских больниц вменялось безотказно принимать больных по назначению врачей-экспертов ВТЭК для специального обследования с последующей выдачей квалифицированного заключения. В таких городах, как Орша, Полоцк, Борисов, Бобруйск, Барановичи, Пинск и Мозырь особое внимание обращалось на обеспечение опытными врачами-специалистами ВТЭК по основному месту работы. Заведующим областными отделами социального обеспечения поручалось организовать межрайонные ВТЭК на базе крупных лечебных учреждений в городе Жлобине, Речице, Калинковичах, Мозыре, Хойниках, Могилёве, Бобруйске, Кричеве, Костюковичах, Горках, а на базе 4-й клинической больницы г. Минска открыть клинику профессиональных заболеваний и ВТЭК. Планировалось организовать курс усовершенствования врачей по ВТЭК при Белорусском государственном университете усовершенствования врачей с привлечением ведущих доцентов. С этой целью Министерством здравоохранения СССР было выделено для Министерства социального обеспечения БССР 12 путёвок на усовершенствование квалификации врачей ВТЭК при центральном институте усовершенствования врачей по циклам: терапевты областных ВТЭК – 5 путёвок, невропатологи – 3 путёвки, хирурги областных ВТЭК – 4 путёвки. Немаловажной мерой в деле подготовки врачей, задействованных в работе ВТЭК, стало введение в учебные программы преподавания на кафедрах МГМИ и ВГМИ с нового года цикла лекций по ВТЭК для всех обучающихся в мединститутах [12, лл. 83–84].

Следует, все же отметить, что принятые меры так и не смогли в полной мере искоренить все проблемы и недостатки в работе ВТЭК. Так, в результате проверки состояния рассмотрения жалоб и заявлений по Витебскому облздраву было установлено, что их учёт по-прежнему находился в неудовлетворительном состоянии. По записям в журнале учёта в ряде случаев было невозможно установить откуда и от кого поступила корреспонденция. При передаче жалоб и заявлений сотрудниками аппарата областного здравоотдела другим исполнителям срок

исполнения не устанавливался и контроль за их исполнением никто не осуществлял. В результате многие обращения оставались не рассмотренными на протяжении нескольких месяцев или исполнены с нарушением сроков, установленных правительством. К примеру, заявление инвалида Великой Отечественной войны II группы И.Ф. Карасева с просьбой о лечении трофической язвы культи голени была получена облздравотделом 18 сентября 1961 г., и только 30 сентября была направлена на рассмотрение заведующему полоцким городским здравотделом А.М. Лебедевой, которая прислала ответ только через 2 месяца. Заявителю ответ был дан только 21 декабря. Таким образом, заявление рассматривалась более 3 месяцев. Житель Сиротинского района Мачульский с высокой ампутации обеих конечностей, находясь в Обольской участковой больнице, 13 декабря 1961 г. просил в кратчайший срок оказать ему содействие в организации прохождения ВТЭК на месте. Только через 17 дней облздравотделом было направлено письмо главврачу Сиротинского района В.Г. Дунке с предложением урегулирования этого вопроса. Однако на 21 декабря никакого сообщения о разрешении этого заявления так и не было получено.

Помимо затягивания сроков рассмотрения жалоб и обращений инвалидов нередкими были случаи формализма. К примеру, 15 августа 1961 г. в Витебский здравотдел поступило заявление инвалида Великой Отечественной войны I-й группы М.А. Кириченко с просьбой об оказании помощи в лечении. Горздравотделом рассмотрение этой просьбы было поручено начальнику Витебского госпиталя инвалидов Отечественной войны М.В. Коваленко, который только 20 ноября 1961 г. прислал формальный ответ о том, что Кириченко была вызвана в госпиталь для консультации, но по вызову не явилась. При этом, Коваленко даже не приняла к сведению запись в письме о том, что больная являлась инвалидом Отечественной войны I группы и имела заболевания коленного сустава. Следовательно, Коваленко должна была организовать консультацию на дому, а не отделываться вызовом и формальной отпиской.

Всего на 15 декабря 1961 г. от населения Витебской области в Минздрав БССР было получено 1270 жалоб и заявлений. Кроме того, 290 из них повторно, что свидетельствует о низком качестве решений первичных обращений. Такое положение подтверждалось и многочисленными напоминаниями со стороны Минздрава БССР Витебской области с просьбой «ускорить ответ на пересланные для разрешения жалобы и заявления трудящихся», — отмечал в своей аналитической справке старший контролер комитета государственного контроля Совета Министров БССР Н. Затонец 27.12.1961 г. [13, лл. 20–24].

Результаты проверки реагирования на письма, жалобы и заявления граждан в Министерство социального обеспечения БССР в 1961 г. показали, что их рассмотрению стало уделяться больше внимания. Так, большинство обращений рассматривалось непосредственно в министерстве и его отделах. В течение года по результатам проверок издавались приказы на тех сотрудников министерства, кто допустил волокиту при рассмотрении писем жалоб и заявлений. На них были наложены административные взыскания. Всё это способствовало уменьшению поступления обращений в Министерство социального обеспечения БССР: если в 1960 г. их поступило 23 998, то в 1960 – 21 779. В то же время значительное количество жалоб поступало повторно. В многих из них указывалось на неправильно установленную группу инвалидности и другие социальные вопросы. К примеру, 7 марта 1961 г. через приёмную Министерства обороны СССР в Министерство социального обеспечения БССР поступило письмо инвалида III-й группы Г.П. Дубровского, в котором указывалось на неправильное назначение ему пенсии. К 17 марта 1961 г. заместитель заведующего пенсионного отдела и государственных пособий Ножницкий направил в Борисовский райотдел социального обеспечения сообщение с просьбой выслать пенсионное дело и акты освидетельствования ВТЭК. 30 марта 1961 г. оттуда поступило пенсионное дело инвалида Дубровского Г.П., где сообщалось, что ему назначена пенсия 16 руб в месяц, как не имеющему связи с сельским хозяйством. 28 апреля 1961 г. заведующий пенсионного отдела министерства социального обеспечения БССР Н.П. Бехтер направил заведующему Минским областным отделом социального обеспечения М.Т. Анищук пенсионные и медицинские дела Г.П. Дубровского с просьбой проверить на областной ВТЭК правильность решения Борисовского городского ВТЭК от 29 октября 1960 г., которая установила причину инвалидности Дубровскому как ранение на фронте, в зависимости от результатов которого решался вопрос о правильности установления ему размера пенсии и инвалидности [13, лл. 31–32]. Этот пример красноречиво свидетельствует о том, что процесс рассмотрения обращений зачастую был сложным и запутанным, что неизбежно приводило к вполне обоснованному недовольству со стороны граждан.

11 марта 1963 г. была утверждена очередная редакция положения о врачебно-трудовых экспертных комиссиях. Среди прочего, одним из нововведений документа стало наделение ВТЭК полномочиями определения потребности в мотоколяске, автомобиле с ручным управлением и т.д.) [9, с. 440–441]. Однако их практическая реализация растянулась на десятилетия, о чем свидетельствует постановление Совета Министров БССР от 10 мая 1973 г., где указывалось, что ВТЭК не всегда правильно определяют инвалидность и наличие показаний для обеспечения инвалидов авто и другими транспортными средствами [14, лл. 20–23].

Заключение. Таким образом, врачебно-трудовые экспертные комиссии с начала своей организации занимали важнейшее место в системе социального обеспечения. Их роль значительно возросла после окончания Великой Отечественной войны в связи с тем, что большое количество бывших фронтовиков нуждалось в определении группы инвалидности, предоставлении соответствующих льгот и трудоустройстве. Без эффективной работы комиссий сделать это было практически невозможно. Деятельность ВТЭК дополнялась и корректировалась в соответствии с теми задачами, которые стояли перед системой социального обеспечения БССР. Это позволяло достаточно быстро решать наиболее насущные проблемы. Вместе с тем, стоит отметить, что становление и развитие врачебно-

трудовых экспертных комиссий на протяжении всего послевоенного периода не была лишена недостатков. Некоторые из них носили временный характер и были искоренены, другие приобрели системный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миловидская К.С. Лечебная помощь инвалидам Отечественной войны. – М.: Ин-т сан. просвещения, тип. изд-ва «Моск. Большевик», 1946. – 48 с.
2. Марцынкевіч І.А. Асаблівасці колькаснага вызначэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў Беларускай ССР у 1944 – 1950-я гг. // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2013. – Вып. 28. – С. 107–111.
3. Вержбиловский П.П. Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны. – М.: Профиздат, 1943. – 32 с.
4. Стрельченко Е.Л. Социальная адаптация инвалидов Великой Отечественной войны в БССР (1943 – 1956 гг.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. – Мінск: БДУ, 2012. – Вып. 7. – 239 с.
5. Смычек В.Б. Основные этапы развития отечественной медико-социальной экспертизы и реабилитации // Медицинские новости. – 2003. – № 11. – С. 39–44.
6. Об утверждении Положения о врачебно-трудовых экспертных комиссиях: Постановление Совета Министров СССР от 5 нояб. 1948 г. № 4149 // Сб. постановлений и распоряжений Совета Министров СССР. – 1949. – № 1. – Ст. 1.
7. Социальное обеспечение в СССР / А.А. Забозлаев и др. – М.: Из-во Профиздат, 1962. – 323 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Оп. 3. Д. 1868.
9. Социальное обеспечение и страхование в СССР. Сб. офиц. док. с коммент. – М.: Юрид. лит., 1972. – 712 с.
10. Сб. нормативных актов о льготах инвалидам / Под ред. М.Д. Гришина. – М.: Юрид. лит., 1977. – 208 с.
11. НАРБ – Ф. 102. Оп. 8. Д. 17.
12. НАРБ. – Ф. 911. Оп. 1. Д. 331.
13. НАРБ. – Ф. 911. Оп. 1. Д. 781.
14. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 5. Оп. уд. д. 3495.

Поступила 15.02.2023

FORMATION AND DEVELOPMENT OF DISABILITY EVALUATION AGENCY AS ONE THE MOST IMPORTANT COMPONENTS OF SOCIAL SUPPORT OF THE BSSR

I. MARTINKEVICH

(Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University)

The article considers the stages of formation and development of disability evaluation agency of the BSSR and reveals the main directions of their work in the post-war period. This article highlights the most important changes in the normative legal base, which determined the functioning and priorities in the practical activities of the disability evaluation agency. The study identify main problems and difficulties faced by the social security system of the BSSR and the measures that were taken to solve them.

Keywords: social security, social sphere, disability evaluation agency, disabled people, medical care.

УДК 94(476)+281.9

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-101-104

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБВИНЕНИЯ АРХИМАНДРИТА ВЛАДИМИРА (ФИНЬКОВСКОГО)
В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РАДЫ БНР И БЦР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х гг.****д-р церковной истории А.В. СЛЕСАРЕВ***(Минская духовная академия Белорусской Православной Церкви)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4892-999X>

В статье рассматривается история противодействия переезду архимандрита Владимира (Финьковского) на служение в белорусских приходах юрисдикции Константинопольского патриархата. Избранный на должность настоятеля белорусского прихода в Торонто, он не смог въехать в страну после поступившего в канадское и американское дипломатические представительства сообщения о просоветских симпатиях священнослужителя. На протяжении длительного времени оставалось неизвестным имя автора этого анонимного доноса. Обращение к рассекреченным документам ЦРУ периода «холодной войны» позволило установить, что в 1956 и 1958 гг. президент Рады БНР Н. Абрамчик обращался к представителям ЦРУ, пытаясь воспрепятствовать переезду священнослужителя в Северную Америку. При этом Н. Абрамчик использовал в качестве аргумента обвинение священнослужителя в симпатиях к советскому политическому строю.

Ключевые слова: Беларусь, белорусская диаспора, Белорусская автокефальная православная церковь, Белорусская Центральная Рада, Константинопольский патриархат, коллаборационизм, Рада Белорусской Народной Республики, ЦРУ.

Введение. Послевоенная история белорусской диаспоры характеризуется жестким противостоянием двух политических центров – Рады Белорусской Народной Республики (БНР) и Белорусской Центральной Рады (БЦР), претендовавших на право репрезентации интересов белорусского народа в странах западного мира. При этом каждая из означенных организаций проводила собственную линию религиозной политики. Если деятельность Рады БНР была отмечена всецелой поддержкой непризнанной в православном мире Белорусской автокефальной православной церкви (БАПЦ), то руководство БЦР ориентировалось на формирование белорусских церковных структур в юрисдикции Константинопольского патриархата. Ожесточенное противоборство лидеров Рады БНР и БЦР, сопровождавшееся политическими доносами на оппонентов, находило продолжение в религиозной сфере. Примером тому может служить история противодействия переезду в Северную Америку архимандрита Владимира (Финьковского), имевшего поддержку со стороны белорусских организаций, ориентированных на БЦР. Актуальность рассмотрения обстоятельств, связанных с попытками недопущения названного священнослужителя к осуществлению религиозной деятельности в США и Канаде, обуславливается значимостью восполнения знаний об истории политической и религиозной жизни послевоенной белорусской диаспоры.

Основная часть. Анализ проблематики попыток противодействия белорусским клирикам дальнего зарубежья их политических оппонентов не нашел прямого отражения в отечественной и зарубежной историографии. По этой причине данная статья является первой попыткой выявления означенных действий в контексте послевоенного противостояния двух альтернативных белорусских представительств в диаспоре – Рады БНР и БЦР.

Архимандрит Владимир (Финьковский) (1908–1988) родился в д. Ольшаны (ныне Столинский р-н Брестской обл.). В 1929 г. поступил в Виленский Свято-Духов монастырь, где в 1931 г. принял монашество и сан иеродиакона. В 1935 г. перешел в клир Полесско-Пинской епархии, был рукоположен во иеромонаха и направлен на приходское служение¹. Вскоре после начала немецкой оккупации при поддержке руководства айнзацгруппы В переехал в Минск и фактически возглавил управление Православной Церкви на территории Генерального комиссариата Белоруссия [1, с. 557; 2, с. 94; 3, с. 82–83]. Проповедническая деятельность иеромонаха Владимира характеризовалась активной поддержкой нацистской власти, регулярным произнесением благодарственных слов в адрес А. Гитлера, заявлениями о необходимости постоянного пребывания Белоруси под немецким контролем [4, с. 277]. После того, как 3 октября 1941 г. Белорусскую Православную Церковь возглавил митрополит Пантелеимон (Рожновский), произошло ostrанение иеромонаха Владимира от управления церковными делами. Несмотря на противодействие со стороны СД, 3 марта 1942 г. иерархи Белорусской митрополии приняли постановление о лишении иеромонаха священного сана и добились его высылки за пределы Генерального комиссариата. Оказавшись в Варшаве, последний подал апелляцию главе Православной Церкви в Польше, митрополиту Дионисию (Валединскому), после чего был восстановлен в служении и возведен в сан архимандрита² [3, с. 87–89; 5, с. 8; 6, с. 279; 7, с. 280]. Ко времени окончания Второй мировой войны Владимир (Финьковский) возглавлял

¹ Архив Виленской епархии Русской Православной Церкви (АВЕ РПЦ). – Дело «Владимир Финьковский». Л. 5; Rutgers University Libraries (RUL), Special Collections and University Archives. – Zaprudnik J. Collection. Folder «В. Фінькоўскі». – Р. 17; RUL, Special Collections and University Archives. – Zaprudnik J. Collection. Folder «Копіі лістоў прот. М. Лапіцкага». – Р. 30–31.

² Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 370. Оп. 1. Д. 25. Л. 12–13, 17; RUL, Special Collections and University Archives. – Zaprudnik J. Collection. Folder «В. Фінькоўскі». – Р. 18.

Серафимовский приход в пригороде Парижа. В 1946–1949 гг. он состоял в юрисдикции Западно-Европейского Экзархата Русской Православной Церкви, а с 1949 г. пребывал на независимом положении, ассоциируя себя с Белорусской Православной Церковью³ [5, с. 8; 8, с. 8].

По приглашению белорусов Великобритании архимандрит Владимир в 1955 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского патриархата и начал служение в белорусском Николаевском приходе г. Манчестера [9, с. 41; 10, с. 57–59]. В том же году руководитель Белорусского национального объединения (БНО) в Канаде С. Хмара пригласил архимандрита возглавить белорусский Евфросиниевский приход в г. Торонто, также пребывавший в составе Константинопольского патриархата. Однако реализовать данную инициативу не удалось. В июне 1956 г. неизвестное лицо направило в консульства Канады и США в Париже обвинение священнослужителя в симпатиях к коммунизму, после чего ему было отказано в предоставлении визы [11, с. 2; 12, с. 4].

Реагируя на произошедшее, секретарь БНО в Канаде Я. Бобровский обратился к председателю Белорусского конгрессового комитета Америки (БККА) Н. Щорсу с просьбой об оказании содействия архимандриту Владимиру в преодолении возникших трудностей. Сославшись на отсутствие юридических оснований для выявления имени обвинителя, Н. Щорс предположил, что основанием к решению консульств мог послужить скрываемый священнослужителем факт прежней принадлежности к Московскому Патриархату. Вместе с тем, председатель БККА выразил решимость помочь архимандриту получить американскую визу⁴. В своей оценке произошедшего он не сдерживался от резких выражений: *«В конкретном случае [речь] не идет даже о личности архимандрита, но о самом факте доноса как такового. По мне, доноса как метода борьбы может придерживаться только законченный подлец, лишенный минимальных морально-этических ценностей как физическое лицо, не говоря уже о нем, как составной части общества, цена которой является меньшей нуля»*⁵.

Помимо руководителя БККА, официальную поддержку архимандриту Владимиру оказал бывший председатель парижского Отдела белорусских работников во Франции А. Ясюк. 24 июня 1956 г. он подписал свидетельство, в котором обвинил белорусских греко-католиков и Белорусскую автокефальную православную церковь в клевете на архимандрита Владимира⁶. По прошествии четырех дней А. Ясюк подготовил новое свидетельство, содержащее заявление о преследовании священнослужителя со стороны коммунистов и недоброжелательных белорусских групп, пытающихся воспрепятствовать ему посещение православных общин в США и Канаде⁷. 3 июля положительную характеристику архимандриту подписал администратор Украинской автокефальной православной церкви во Франции протопресвитер Владимир Вишневский⁸.

Аналогичную позицию заняли белорусские эмигрантские организации, декларировавшие поддержку политической линии БЦР. Так, 15 августа 1956 г. генеральный секретарь Центрального комитета Белорусского освободительного движения (БОД) С.А. Щерба подписал официальное заявление, в котором охарактеризовал священнослужителя как *«одного из лучших белорусских патриотов в борьбе за лучшую судьбу белорусского народа, ...активного антикоммуниста, религиозного деятеля-миссионера, заслуженного священника Белорусской Православной Церкви»* [13, с. 2]. Ответственность за произошедшее секретарь БОД возлагал на сторонников Рады БНР и БАПЦ [13, с. 2]. 17 августа руководство Белорусско-американской ассоциации подготовило официальное заявление, в котором обвинения архимандрита Владимира назывались безосновательными, направленными против Православной Церкви. Сам же священнослужитель характеризовался как *«известный душепастырь белорусских православных верующих»*⁹. 2 сентября участники Первой конференции представителей белорусских организаций в США и Канаде обратились в Департамент гражданства и иммиграции Канады с просьбой предоставить визу архимандриту Владимиру. При этом последний характеризовался как *«хорошо известный антикоммунист и религиозный миссионер»*¹⁰. Под обращением поставили подписи представители БЦР, Белорусско-американской ассоциации, БНО в Канаде, Белорусско-американского комитета помощи, Белорусско-американской молодежной ассоциации, Белорусско-американской студенческой ассоциации, Федерации свободных белорусских журналистов, Белорусской литературной ассоциации¹¹. В тот же день протестное заявление опубликовало Белорусское национальное объединение в США [11, с. 2].

Отсутствие положительной реакции на все сделанные заявления порождало негодование и желание выявить автора обращения в канадские консульства. В число подозреваемых попал проживавший в США иерарх БАПЦ архиепископ Василий (Томашик), которому приписывали стремление нейтрализовать возможного конкурента¹². Другим подозреваемым стал член БККА И.И. Косяк¹³, в марте 1956 г. опубликовавший книгу *«З гісторыі*

³ RUL, Special Collections and University Archives. – Zaprudnik J. Collection. Folder «В. Фінькоўскі». – Р. 13, 19.

⁴ Library and Archives Canada (LAC). – Byelorussian National Association in Canada funds. R11687-0-2-E. Vol. 1. F. 19. – Р. 7.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. Р. 20–22.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. Р. 17–18.

⁹ Ibid. Р. 4.

¹⁰ Ibid. Р. 2–3.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. Р. 6.

¹³ Ibid.

Праваслаўнай Царквы беларускага народу». Данное издание содержало крайне негативную характеристику деятельности архимандрита Владимира в период немецкой оккупации Беларуси (сотрудничество с гестапо, узурпация церковной власти в Минске, присвоение церковных и музейных ценностей, проступки морального характера) [3, с. 81–83, 85, 87–89]. Соучастником И.И. Косяка в дискредитации архимандрита назывался также администратор белорусских приходов юрисдикции Константинопольского патриархата в Северной Америке, протопресвитер Николай Лапицкий, оказавший содействие в издании книги¹⁴ [12, с. 4]. Несмотря на тесное взаимодействие протопресвитера Николая и И.И. Косяка с БЦР, выпущенная ими книга спровоцировала не только широкий общественный резонанс, но и появление новых публикаций дискредитирующего характера со стороны политических оппонентов. Так, 1 июля 1956 г. на страницах газеты «Бацькаўшчына» (поддерживавшей линию Рады БНР) вышла статья «Аб г. зв. БНА і "кананічнай" царкве», опубликованная неизвестным автором, скрывавшимся под криптонимом «М. К-р». Данная публикация включала выдержки из книги И. Косяка в отношении архимандрита Владимира, а также ряд обвинений представителей БНО в Канаде (нетерпимость по отношению к политическим оппонентам, присвоение материальных средств, доносы на Ассоциацию белорусов Канады, противодействие БАПЦ) [14, с. 3–4]. Можно предположить, что основным мотивом в стремлении протопресвитера Николая Лапицкого и И.И. Косяка дискредитировать архимандрита Владимира (Финьковского) являлось личное неприязненное отношение к последнему, что вряд ли учитывалось представителями БНО в Канаде при подборе кандидатуры на возглавление Евфросиниевского прихода в Торонто. Однако открытость действий названных лиц и отсутствие в книге обвинений политического характера ставит под сомнение их причастность к написанию анонимного доноса.

Выявление дополнительных обстоятельств в истории дискредитации архимандрита Владимира на основании политических обвинений стало возможным после произведенной в 2017 г. публикации в открытом доступе рассекреченных документов Центрального разведывательного управления США (ЦРУ) периода «холодной войны». Обращение к данным материалам позволило установить, что с 1950 г. президент Рады БНР Николай Абрамчик (псевдоним «ACAMBISTA-4») тесно взаимодействовал с ЦРУ в рамках операции «REDSOX», предполагавшей проникновение в западные регионы СССР американских агентов для создания разветвленной разведывательно-диверсионной сети. При этом вербовка агентов производилась в антисоветских эмигрантских организациях¹⁵. Во время встреч с представителями ЦРУ Н. Абрамчик еще в нач. 1950-х гг. обращал отдельное внимание на вопросы организации религиозной жизни белорусской диаспоры¹⁶. Во время встречи с сотрудником ЦРУ, состоявшейся 10 сентября 1956 г., прибывший в США президент Рады БНР поставил вопрос о недопущении приезда в страну архимандрита Владимира (Финьковского). Основанием к тому он называл взаимодействие священнослужителя с Белорусским национальным объединением в Канаде, «которая белорусской диаспорой воспринимается как коммунистический фронт»¹⁷. Кроме того, Н. Абрамчик сообщал о том, что в 1946 и 1947 гг. архимандрит Владимир якобы «заявлял о своих намерениях поехать в СССР»¹⁸. Наличие обвинений политического характера и просьба о запрете на переезд архимандрита Владимира в Северную Америку позволяет предположить непосредственную причастность президента Рады БНР к рассматриваемой истории. Более того, постоянным местом проживания Н. Абрамчика являлся Париж¹⁹, в котором размещались получившие жалобы на архимандрита Владимира канадское и американское консульства.

В начале 1958 г. секретарь Жировичского православного братства в эмиграции А. Осипович-Осипчик направил в органы государственной власти США и в БККА открытые обращения с просьбой о содействии в переезде архимандрита Владимира на церковное служение из Франции в США [15, с. 1–3]. Данные действия имели следствием получение священнослужителем американской визы. Прибыв в США, он стал настоятелем белорусского Георгиевского прихода в Чикаго юрисдикции Константинопольского патриархата [16, с. 206]. Произошедшее побудило президента Рады БНР вновь обратиться к представителям ЦРУ в надежде блокировать деятельность священнослужителя. Во время встречи с агентом ЦРУ, состоявшейся 19 мая 1958 г., Н. Абрамчик сообщил о посещении архимандритом Владимиром белорусских центров в США с целью сбора средств. При этом Н. Абрамчик указал на наличие у него письменных свидетельств о сотрудничестве Финьковского с Гестапо в годы Второй мировой войны, а также оснований к подозрению архимандрита в сотрудничестве с советскими спецслужбами. Одновременно с этим президент БНР подвергал резкой критике моральный облик священнослужителя²⁰. Однако предпринятые шаги не возымели действия, и архимандрит Владимир продолжал служение в США вплоть до 1962 г., когда он после вступления в конфликт с руководством белорусских приходов в Северной Америке был вынужден вернуться во Францию [см. подр.: 16, с. 199–215].

¹⁴ RUL, Special Collections and University Archives. – Zaprudnik J. Collection. Folder «В. Фінькоўскі». Р. 19.

¹⁵ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519697e3993294098d50b80b>; URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519a2b7b993294098d510014>.

¹⁶ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519a2b7b993294098d51005c>.

¹⁷ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519a2b7b993294098d510014>.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519a2b7b993294098d51005c>.

²⁰ URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/519a2b7b993294098d510037>.

Заключение. Подводя итог рассмотрению истории противодействия переезду архимандрита Владимира (Финьковского) на служение в Северную Америку, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, причиной последовавшего в 1956 г. отказа канадского и американского консульств в предоставлении священнослужителю визы стал политический донос, содержащий обвинение архимандрита в симпатиях к коммунизму и советскому государству. Во-вторых, активное противодействие переезду архимандрита Владимира оказывал президент Рады БНР Н. Абрамчик, озвучивавший аналогичные обвинения в ходе общения с представителями ЦРУ. В-третьих, осуществлявшаяся Н. Абрамчиком дискредитация архимандрита Владимира сопровождалась выдвижением обвинений в прокоммунистических симпатиях и политических конкурентов (БНО в Канаде). Таким образом, одним из методов борьбы президента Рады БНР за влияние на белорусскую диаспору являлся политический донос, осуществлявшийся посредством соответствующего информирования представителей влиятельной американской спецслужбы. При этом данные действия оказывали непосредственное влияние на состояние религиозной жизни послевоенной белорусской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из отчета оперативной группы «А» (Айнзатцгруппы «А») – о положении христианских конфессий в Прибалтике и Белоруссии за период с 16 октября 1941 по 31 января 1942 года // Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. док. – М., 2009. – С. 549–559.
2. Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь. – Вільня: Gudas, 2006. – 224 с.
3. Касяк І. З гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу. – Нью-Йорк, 1956. – 191 с.
4. Из «Сообщения о событиях на территории СССР № 90» оперативных групп и команд полиции безопасности и СД. 21 сентября 1941 г. // Шкаровский, М. В. Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов (Сборник документов). – М., 2003. – С. 275–277.
5. З Лювэну ў Парыж – каб славіць Бога і памяць Гэрояў // Бацькаўшчына. – 1953. – 7 студзеня. – С. 8.
6. Из «Сообщения о событиях на территории СССР № 154» оперативных групп и команд полиции безопасности и СД. 12 января 1942 г. // Политика Третьего Рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: сб. док. / сост. М.В. Шкаровский – М., 2003. – С. 277–279.
7. Рэйн Л. Праваслаўная царква ў Беларусі за нямецкай акупацыяй (1941–1944) // ARCHE. – 2008. – № 5. – С. 260–294.
8. Смага М. Рэха Слуцкае гадавіны. Парыж // Бацькаўшчына. – 1952. – 25 снежня. – С. 8.
9. З царкоўнага жыцця ў Англіі // Сіла веры. Часопіс Жыровіцкага Праваслаўнага Брацтва. – 1955. – № 8. – С. 41.
10. Іскрышкі М. З майго жыцця Мітрафорнага Протаярэя Міхаіла Іскрышкагаі. – Б.М.: Выдавецтва Б.В.Р., б.г. – 79 с.
11. Пратэст БНА ў ЗША. 2 верасня 1956 г. // Беларускі голас. – 1956. – Кастрычнік. – С. 2.
12. Фарызейскае ігрышча // Бацькаўшчына. – 1956. – 28 кастр. – С. 4.
13. Шчэрба С.А. Асветчання Цэнтральнага Камітэту Беларускага Вывольнага Руху // Беларускі голас. – 1956. – Кастр. – С. 2.
14. М. К-р. Аб г. зв. БНА і «кананічнай» царкве // Бацькаўшчына. – 1956. – 1 ліп. – С. 3–4.
15. Пэтыцыя. Беларускае Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва на Чужыне, ЗША. – New Branswik, 1956. – 3 с.
16. Слесарев А.В. Деятельность архимандрита Владимира (Финьковского) по организации церковной жизни на оккупированной территории Беларуси и в белорусской диаспоре (1941–1962) // Христианское чтение. – 2020. – № 4. – С. 199–215.

Поступила 21.03.2023

POLITICAL ACCUSATIONS OF ARCHIMANDRITE VLADIMIR (FINKOVSKY) IN THE CONTEXT OF THE CONFRONTATION BETWEEN THE BNR RADA AND THE BCR IN THE SECOND HALF OF THE 1950s.

A. SLESARAU

(Minsk Theological Academy of the Belarusian Orthodox Church)

The article is devoted to the history of opposition to the relocation of Archimandrite Vladimir (Finkovsky) to serve in the Belarusian parishes under the jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople. Elected to the post of rector of the Belarusian parish in Toronto he could not enter the country after the message about the clergy's pro-Soviet sympathies received from the Canadian and American diplomatic missions. For a long time, the name of the author of this anonymous denunciation remained unknown. An appeal to declassified CIA documents from the Cold War period made it possible to establish that in 1956 and 1958 President of the Council of the Belarusian People's Republic N. Abramchik contacted with representatives of the CIA, trying to prevent Archimandrite Vladimir from moving to North America. At the same time, N. Abramchik used as an argument the accusation of the clergyman of sympathy for the Soviet political system.

Keywords: Belarus, Belarusian Diaspora, Belarusian Autocephalous Orthodox Church, Belarusian Central Council, Patriarchate of Constantinople, collaboration, Council of the Belarusian People's Republic, CIA.

УДК 94:347.463:331.101.386(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-105-108

**УСИЛЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ
БЕЛОРУССКИХ ТРАНСПОРТНИКОВ В 1960–1969 гг.****канд. ист. наук, доц. Р.В. ТИМОФЕЕВ****(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)****ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2729-5326>**

В данной статье отражено усиление материального стимулирования белорусских транспортников со стороны государства в 1960-е гг., особенно в период экономической реформы 1965 г. Увеличение заинтересованности транспортников в результатах своего труда за этот период было осуществлено в несколько этапов. В этой связи органами управления применялся целый ряд разнообразных подходов. С одной стороны, работники белорусского транспорта получили более высокий уровень прямой оплаты своего труда, а с другой – дополнительные материальные блага за счет расширения фондов предприятий. Предложенное исследование показывает сходства и различия в материальном стимулировании работников транспорта, отражает сложности в достижении транспортниками поставленных целей.

Ключевые слова: стимулирование труда, эффективность труда, транспортные предприятия, экономическая реформа, фонды предприятий.

Введение. Для повышения уровня производительности труда в развитых экономиках мира, как показал ход исторического развития, одним из решающих факторов было и оказывается сегодня материальное стимулирование работников, в том числе и на транспортных предприятиях. Соответственно, полезным для нас будет изучение опыта в изменениях оплаты труда, когда при небольших возможностях транспортных предприятий БССР органы управления стремились максимально повысить количественный и качественный уровень перевозок различного рода и направленности. Актуальность изучения вопроса материального стимулирования работников транспорта БССР состоит в возможности проанализировать эффективность тех или иных его форм и подходов по видам перевозок, направлениям и характеру перевозочной деятельности. Сегодня исторические работы такого плана фактически отсутствуют. Из имеющихся изданий, где вопросы материального стимулирования в той или иной мере затрагивались, можно выделить лишь некоторые практические исследования по истории белорусского железнодорожного транспорта [1].

Представляемое нами историческое исследование опирается на разнообразную базу источников. Сведения об имевшихся направлениях материального стимулирования, переходе на новые условия оплаты труда, возможностях фондов транспортных предприятий, основных положениях экономической реформы 1965 г. были взяты нами из различных сборников решений органов власти СССР и БССР.

Целью исследования является анализ поэтапных изменений в материальном стимулировании работы специалистов белорусских транспортных предприятий за 1960–1969 годы. Задачами соответственно будут: характеристика основных типов оплаты труда, доплат и премирования работников белорусского транспорта, отражение изменений в оплате труда по отдельно взятым видам транспорта БССР в связи с проведением масштабной экономической реформы 1965 г., определение влияния различных фондов предприятий на рост стимулирования и производительность труда его работников. В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования, в том числе метод изучения и обобщения практики в области транспорта, метод сравнения и группировки, метод наблюдения и моделирования, индукции и дедукции, научной абстракции, аналогии, классификации и обобщения, описательно-аналитический метод.

Основная часть. Белорусское государство после 1945 г. поэтапно усиливало материальное стимулирование работников, в том числе и на транспорте по всем его видам. Рассматривая такой вопрос необходимо помнить, что организация оплаты труда на транспорте определялась в изучаемый период тарифной системой. Такая система складывалась из тарифно-квалификационных разрядов, тарифных сеток и ставок: от них зависел уровень оплаты групп и категорий работников в зависимости от квалификации и условий труда. [2, с. 8].

Так, в двойном размере оплачивалась работа в праздничные дни работникам как с нормированным, так и с ненормированным рабочим днём за фактически проработанные часы. Двойное вознаграждение за работу в праздничный день выплачивалось независимо от того, был ли специально привлечён работник к работе в праздничный день или работа проходила в данный день по графику [3, с. 70]. Изменению в положительную сторону материального положения транспортников в 1-й половине 1960-х гг. в значительной степени содействовали фонды предприятий [4, л. 29].

Материальное стимулирование работников было связано с заработной платой, то есть количеством и качеством его труда. Процесс постоянно совершенствовался. Так, для рабочих, занятых на транспорте, в связи с переходом в 1960 г. на сокращённый рабочий день и новые условия оплаты труда Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС утвердили Типовое положение о сдельно-премиальной, сдельно-прогрессивной и повременно-премиальной системах оплаты труда. На основании этого администрация предприятий разрабатывала поощрительную систему оплаты труда рабочих и вводила её в действие после согласования с местным комитетом профсоюза [5, с. 50]. Одновременно действовали типовые перечни профессий с вредными условиями труда, которые оплачивались по повышенным тарифным ставкам. На предприятиях продолжали применять специальные доплаты и повышенные тарифные ставки за совмещение профессий.

В 1960-е гг. повышение реальной заработной платы транспортников обеспечивалось ростом номинальной зарплаты и снижением цен на товары народного потребления и тарифов на услуги. Росту доходов способствовало и снижение налогов. В течение 1960–1962 гг. полностью были освобождены от уплаты налогов рабочие и служащие с зарплатой до 60 руб. в месяц, значительно уменьшились размеры налогов с зарплаты 60–70 руб. [1, с. 359]. В 1965–1969 гг. продолжались отмена и снижение налогов с заработной платы некоторых категорий рабочих и служащих. С 1 января 1968 г. было осуществлено новое повышение минимума зарплаты до 60 руб. в месяц во всех отраслях народного хозяйства. Одновременно были повышены тарифные ставки и оклады отдельным категориям работников, получавшим до 70 руб. в месяц [1, с. 362]. Увеличение номинальных заработков диктовалось необходимостью упорядочения заработной платы рабочих и служащих, сокращения разницы в уровне жизни различных категорий трудящихся за счет увеличения оплаты труда низкооплачиваемых работников.

Вопросы материального стимулирования находились под постоянным контролем органов управления и парторганов. Для транспортников было актуальным распоряжение Совета Министров БССР от 23 сентября 1964 г. об улучшении системы экономического стимулирования предприятий и повышении материальной заинтересованности работников в создании и внедрении новой техники. В свою очередь Пленум ЦК КПСС в сентябре 1965 г., который был направлен на повышение эффективности производства, предложил усилить роль материальных стимулов на основе роста в заработной плате работников той его части, которая непосредственно была связана с результатами труда всего коллектива предприятия [6, с. 3]. В связи с этим вновь возросла роль фондов материального поощрения. Со своей стороны, Совет Министров БССР распоряжением от 6 ноября 1965 г. ввел премирование рабочих и инженерно-технических работников за экономию топлива [7, л. 148об.]. С 1 января 1966 г. было введено премирование работников железнодорожного и автомобильного транспорта, плавсостава речного флота за экономию топлива, электрической и тепловой энергии.

Премирование являлось одним из основных рычагов материального стимулирования. При новой системе планирования во 2-й половине 1960-х гг., наряду с обязательными условиями премирования, при невыполнении которых премия вообще не выплачивалась, на предприятиях стали действовать дополнительные условия, невыполнение которых уменьшало размер премии до 50%. То есть работники не лишались премии полностью, что для них было важным. Тем не менее, премия уменьшалась из-за невысоких результатов по росту производительности труда и соблюдению норм расхода материалов и топлива [6, с. 6]. Одновременно в этот период больше внимания стали уделять премированию работников за улучшение использования подвижного состава и средств транспорта. При премировании работников, связанных с пассажирскими перевозками, больше внимания обращалось на качество обслуживания пассажиров, строгое соблюдение графиков движения подвижного состава. Локомотивные бригады пассажирских поездов, водители автобусов, экипажи пассажирских судов, лётно-подъёмный состав самолётов премировались не только за выполнение и перевыполнение установленного плана по перевозкам или доходам, но во многих случаях за соблюдение расписания движения поездов, автобусов, судов, самолётов, за нагон допущенного опоздания по сравнению с графиком, высокое качество обслуживания пассажиров [8, с. 43]. В целом премирование рабочих, связанных с эксплуатационной и технической обработкой подвижного состава было направлено на более высокое качество такой работы, на выполнение и перевыполнение установленных заданий по перевозкам, улучшение при этом всех имевшихся показателей.

Из фонда материального поощрения во 2-й половине 1960-х гг. плавсостав судов получал дополнительные выплаты за сокращение времени стоянки судов в портах, повышение производительности судов на судочас работы судна, водители автомобилей – за сокращение времени стоянки автомобилей в пунктах погрузки и выгрузки, ликвидацию холостых пробегов. Рабочие комплексных и маневровых бригад станций, пунктов технического осмотра вагонов дополнительно премировались за сокращение времени простоя вагонов на станциях, портовые рабочие – за сокращение времени стоянки судов под погрузкой и выгрузкой, рабочие по техническому обслуживанию автомобилей – за сокращение простоя под этой операцией при высоком качестве работ.

Руководящие и инженерно-технические работники при этой системе премировались за выполнение и перевыполнение плана по прибыли и рентабельности при условии выполнения плана по объёму перевозок и погрузочно-разгрузочных работ. На предприятиях, связанных с обслуживанием пассажиров, они премировались за выполнение и перевыполнение плана по доходам и рентабельности. При невыполнении дополнительных условий размер премии снижался на 50% [8, с. 44]. Важно, что на уменьшение вознаграждений работников не сказался перевод в 1967 г. ряда транспортных предприятий на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями [9, л. 208]. Экономическое стимулирование включало несколько факторов. Фонд материального поощрения в 1968 г. составлял 10–15% заработной платы работников. Выплаты из него начислялись на зарплату, в которую входили тариф и поощрения за индивидуальные результаты [10, с. 9]. Из фонда материального поощрения происходили и выплаты работникам по итогам их деятельности за год.

Кроме органов власти и парторганов, вопросы материального стимулирования постоянно контролировали профсоюзные организации всех уровней, что являлось одной из их прямых обязанностей. Так, съезд профсоюзов БССР в марте 1960 г. отметил, что перевод предприятий на сокращённый рабочий день не сократил среднемесячную оплату труда их работников. Вопросы оплаты труда контролировал заведующий отделом ВЦСПС по производственной работе и заработной плате в промышленности, строительстве и на транспорте Л. Погребняк [11, с. 22]. При участии профсоюзов решались конкретные проблемы оплаты труда. Например, 8 августа 1966 г. появилось разъяснение Госкомитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС о компенсации за работу в праздничные дни, когда сельхозный труд оплачивался по двойным расценкам [12, с. 7]. Работа проводилась так, чтобы все профсоюзные организации активно участвовали в решении вопросов оплаты труда в соответствии с Положением о предприятии, больше выделяли средств на текущее премирование, добились расширения круга рабочих, подлежащих премированию из фонда материального поощрения.

Материальное положение работников в изучаемый нами период улучшалось по нескольким направлениям. По постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 сентября 1967 г., одобренному сентябрьским Пленумом, с 1 января 1968 г. был увеличен размер заработной платы рабочих и служащих [13, с. 46]. За 1966–1969 гг. были повышены ставки и оклады их среднеоплачиваемых категорий. Общий уровень заработной платы возрос за счет фондов поощрения, созданных на предприятиях, которые переходили на новые условия планирования после 1965 г. Образование фонда материального стимулирования позволило усилить коллективную заинтересованность работников в улучшении результатов работы предприятий, лучше сочетать интересы отдельного человека с интересами коллектива.

При усилении материального стимулирования постоянно приходилось преодолевать различного рода трудности. Так, в 1960-е гг. при премировании работников решались вопросы учета таких показателей, как улучшение использования основных производственных фондов и оборотных средств, находившихся в распоряжении предприятий, увеличение прибыли и повышение рентабельности [6, с. 4]. Для стимулирования были необходимы средства. В этих целях уделялось внимание экономии фонда заработной платы. Искали выход из ситуации, когда в ряде случаев оплата за совмещение профессий производилась полностью, а по основному месту работу работник был загружен лишь на 50–60% [14, с. 73]. Как видим, в вопросах оплаты труда постоянно намечались направления и пути совершенствования имеющейся системы.

На каждом из видов транспорта действовали свои нормативы по зарплате, премированию, выплатам из различных фондов. На железной дороге в 1960 г. ставка ведущего работника станции – составителя поездов – была на 90 руб. выше ставки сцепщика и рядового стрелочника. То есть более высоко оплачивался сложный труд, что стимулировало работников к его осуществлению. У работников локомотивных и поездных бригад тарифная ставка составляла 35% их заработка, что увеличивало роль премирования в общей оплате труда. У локомотивных и кондукторских бригад пассажирского движения была сдельная оплата труда, хотя в этой сфере не было возможностей перевыполнить нормы выработки. Сдельная оплата труда повышала общий её уровень. Происходила доплата машинистам локомотивов за старшинство. При этом они чаще всего уже не закреплялись за каким-либо паровозом [15, с. 42]. При устойчивых объёмах перевозок работники локомотивных бригад оплачивались по сдельной системе. Выше стал в 1960 г. оплачиваться более сложный труд железнодорожников. Для машиниста паровоза серии «Э» на маневровой работе часовая оплата стала производиться при сдельной работе, исходя из ставки 7,9 руб., на повременной работе – из 6,7 руб. Проводникам пассажирских вагонов дальних и местных поездов оклад составил 650–750 дореформенных рублей в месяц [15, с. 44]. Машинистам пассажирских поездов за нагон опозданий, произошедших не по их вине, с 1960 г. выплачивалось 30–40 коп. за каждую минуту нагона, их помощникам – 15–20 коп., что являлось значимой стимуляцией их труда.

Усиливалось влияние премий. Так, в 1960 г. на железной дороге было предусмотрено премирование за груз, перевезённый сверх нормы при условии соблюдения необходимой скорости. В зависимости от профиля пути и весовой нормы, для машинистов премия составляла 1–8 руб., их помощников 0,75 – 5 руб. за каждые полные 25–100 т сверх весовой нормы. Работникам комплексных и маневровых бригад на сортировочных станциях была введена сдельно-премиальная система оплаты труда с выплатой премий за выполнение плана отправления поездов со станции в размере до 20% и за каждый процент перевыполнения плана – до 2% оклада или сдельного заработка [15, с. 45]. Действовало разрешение повышать в зимнее время на 10% тарифные ставки в сложных погодных условиях рабочим-сдельщикам локомотивных, поездных и маневровых бригад. Рабочие депо, занятые ремонтом, с 1960 г. премировались за его высокое качество при условии выполнения установленных норм простоя локомотивов в ремонте [15, с. 46; 16, л. 30об.]. Для всех работников общий размер премий по всем премиальным положениям не должен был превышать 40% ставки.

Стимулирование труда включало множество позиций. Совмещение на железной дороге осуществлялось по 69 должностям и профессиям, но разрешалось доплачивать только работникам, находившимся на повременной оплате, и в том случае, если высвобождался работник по совмещённой должности или профессии [17, с. 49]. С 1965 г. в соответствии с Положением о социалистическом государственном производственном предприятии за совмещение рабочих профессий производилось материальное стимулирование за счет использования до 30% высвобожденного фонда заработной платы. На заработной плате рабочих и служащих Белорусской железной дороги существенно сказывались также процессы упорядочения оплаты труда [1, с. 359]. Это обеспечивало возможность повышения доходов у определенных групп железнодорожников и изменение соотношения в уровне доходов.

Стимулирующее влияние премирования на транспорте в новой пятилетке не только не ослаблялось, но и увеличивалось. На железной дороге при новом планировании исходя из экономической реформы 1965 г. локомотивные бригады грузового движения во 2-й половине 1960-х гг. премировались в ряде случаев за выполнение и перевыполнение задания по производительности локомотива. [8, с. 42]. В свою очередь локомотивные бригады грузового движения награждались за увеличение пробега локомотивов между плановыми ремонтами при их хорошем техническом состоянии. При новых условиях планирования на железной дороге руководителям транспортных предприятий было предоставлено право использовать резервы фонда заработной платы и эксплуатационных расходов [18, с. 9]. Премирование на транспорте было самым разнообразным и постоянно расширялось. Например, по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1969 г. вводилось премирование предприятий промышленности и транспорта за сокращение времени нахождения вагонов под погрузкой и выгрузкой, применение методов уплотнённой загрузки вагонов, повышение уровня маршрутизации перевозок, когда грузы приходили к получателю отдельно взятым составом.

Стоял вопрос о том, где взять средства для материального стимулирования. В условиях экономической реформы 1965 г. Белорусская железная дорога получала средства от перевозок грузов в местном сообщении,

вывоза, вывоза и транзита грузов, распределённых централизованно между железными дорогами Министерства путей сообщения союзных республик [19, с. 18, 23]. Еще в большей степени был увеличен размер премий инженерно-техническим работникам и служащим железных дорог, так как ранее у них было меньше возможностей по материальному стимулированию, чем у рабочих специальностей. Принимавшиеся руководством решения реализовывались на местах [20, лл. 5, 14]. Для закрепления кадров в марте 1966 г. также было решено ввести выслугу лет на предприятии за счет предполагавшегося повышения зарплаты, пересмотреть премиальные положения с целью их конкретизации и усиления материальной заинтересованности в выполнении заданий.

Заключение. Новая система оплаты труда 1960 г., связанная с 7-часовым рабочим днём, обеспечила повышение заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим Белорусской железной дороги, сблизила уровни зарплаты низко- и высокооплачиваемых работников, повысила удельный вес тарифа в общем заработке. Материальное стимулирование на транспорте было направлено на повышение уровня интенсивности и объема грузовых и пассажирских перевозок. В целом надо отметить, что за 1966–1969 гг. на Белорусской железной дороге в ходе реализации различного рода мероприятий была больше всего повышена заработная плата работникам массовых железнодорожных профессий: машинистов локомотивов, диспетчеров и дежурных по станциям, стрелочников и монтеров пути. Главную положительную роль в формировании денежных доходов железнодорожников в 1960-е гг. сыграли поступления из фонда оплаты труда и общественных фондов потребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
2. Снопова Е. Оплата по труду // Гражданская авиация. – 1969. – № 9. – С. 8–9.
3. Борисова А. Компенсация за труда в выходные и праздничные дни // Охрана труда и социальное страхование. – 1961. – № 6. – С. 70–72.
4. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 731.
5. О переходе на сокращённый рабочий день // Советские профсоюзы. – 1960. – № 11. – С. 50–52.
6. Баткаев Р. Премирование из фонда материального поощрения и эффективность производства // Социалистический труд. – 1966. – № 10. – С. 3–13.
7. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1966. Оп. 23. Д. 372.
8. Перетрутов В. Условия эффективности материального стимулирования // Социалистический труд. – 1968. – № 4. – С. 38–46.
9. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1950. Оп. 1. Д. 686.
10. Сухаревский Б. Хозяйственная реформа и материальное поощрение // Социалистический труд. – 1968. – № 8. – С. 4–22.
11. Погребняк, Л. По труду и оплата / Л. Погребняк // Советские профсоюзы. – 1963. – № 24. – С. 22–25.
12. Об участии профорганизаций БССР в решении вопросов оплаты и нормирования труда // Советские профсоюзы. – 1969. – № 19. – С. 7.
13. Эпштейн А. По принципу социализма // Охрана труда и социальное страхование. – 1967. – № 11. – С. 45–46.
14. Апарин Н. Сокращение текучести кадров – важный резерв производства // Социалистический труд. – 1969. – № 6. – С. 69–77.
15. Перетрутов В. Упорядочение заработной платы работников железнодорожного транспорта // Социалистический труд. – 1960. – № 10. – С. 41–49.
16. ГАВО. – Ф. 1966. Оп. 23. Д. 301.
17. Карцев Я. Совмещение профессий на железнодорожном транспорте // Социалистический труд. – 1964. – № 10. – С. 48–51.
18. Митрофанов В. Экономическая реформа на транспорте // Плановое хозяйство. – 1966. – № 11. – С. 1–12.
19. Митрофанов В. Некоторые итоги хозяйственной реформы на железных дорогах // Плановое хозяйство. – 1968. – № 5. – С. 15–24.
20. ГАВО. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 48.

Поступила 19.12.2022

STRENGTHENING OF MATERIAL STIMULATING OF THE WORKERS OF TRANSPORT BYELORUSSIAN SSR AT 1960–1969 YEARS

R. TIMOFEEV

(Vitebsk State University named after P.M. Masherov)

This article reflects the strengthening of financial incentives for Byelorussian transport workers by the state in the 1960s, especially during the economic reform of 1965. The increase in the interest of transport workers in the results of their work during this period was carried out in several stages. In this regard, the governing bodies have applied a number of different approaches. On the one hand, Belarusian transport workers received a higher level of direct payment for their labor, and on the other hand, additional material benefits were provided to them through the expansion of enterprise funds. The proposed study shows similarities and differences in financial incentives for workers, reflects the difficulties in achieving the goals set by transport workers.

Keywords: stimulation of labor, labor efficiency, transport companies, economic reform, enterprise funds.

УДК 342.1(476)+(477)"1991/2007"

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-109-113

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ
В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПРИГРАНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ
БРЕСТСКОЙ И ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТЕЙ (1991–2007 гг.)**

А.В. НАУМЕНКО*(Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск)*

В статье через призму исторических источников рассматриваются меры, принимаемые органами государственного управления по работе с населением, с целью обеспечения надежной охраны белорусско-украинской границы. Показан процесс эволюции восприятия Государственной границы Республики Беларусь в общественном сознании приграничного населения Брестской и Гомельской областей. Обосновываются некоторые предложения по оптимальному балансу между интересами безопасности и сотрудничества, совершенствованию правового механизма взаимодействия пограничных органов с жителями приграничья.

Ключевые слова: государственная граница, пограничье, приграничное население, эволюция восприятия, пункты пропуска, Беларусь, Украина.

Введение. С обретением независимости Беларуси в обиход жителей белорусско-украинского приграничья прочно вошли словосочетания «пограничная зона», «режим», «пункты пропуска», «контрабанда». Сегодня в пограничную зону на белорусско-украинском участке государственной границы входят 15 районов, 53 сельских совета, 338 населенных пунктов¹. Это огромные, в масштабах республики, территории, и объективно наличие границы накладывает отпечаток на жизнь приграничного населения. В силу специфики приграничной жизни, вопрос восприятия населением государственной границы является чрезвычайно интересным и новым в исторической науке.

В советское время в рамках военных наук изучалась практика привлечения местного населения к охране государственной границы. В 1960 г. вышел сборник статей под редакцией В.А. Козлова [1], в котором приводились примеры оказания помощи пограничникам со стороны местного населения. В публикации в целом было дано представление о практике привлечения граждан СССР к охране границы. Практику привлечения населения пограничья к охране государственной границы в дореволюционном и советском периоде раскрыл российский исследователь А.А. Костин [2; 3]. В современной белорусской историографии эти же аспекты изучает Р.А. Волосников [4; 5]. Он рассмотрел участие жителей приграничных районов Беларуси в охране государственных рубежей с точки зрения общемировой практики. Автор пришел к выводу, что без понимания населением важности охраны границ своего государства реальное обеспечение национальной безопасности невозможно. В последнее десятилетие активизировалось изучение и осмысление процессов, происходящих в пограничном пространстве. Одновременно происходит переосмысление взглядов на роль пограничной службы в системе обеспечения национальной безопасности, проведении государственной пограничной политики. Место и роль граждан Республики Беларусь, органов государственного управления как основных субъектов государственной пограничной политики раскрыл правовед-пограничник В.В. Давыдик [6].

Таким образом, историографический анализ свидетельствует, что большинство публикаций в рамках различных наук посвящено вопросам привлечения местного населения к охране государственной границы и его участию в реализации государственной пограничной политики. В то же время проблема восприятия границы в общественном сознании приграничного населения в исторической ретроспективе затрагивается фрагментарно или же вовсе не рассматривается. В силу этого автор определил следующую цель – на основе материалов делопроизводства пограничного и таможенного ведомств, публицистики (районная печать) проследить эволюцию восприятия Государственной границы Республики Беларусь в общественном сознании приграничного населения Брестской и Гомельской областей и выявить роль в данном процессе пограничной службы.

Основная часть. Прозрачность границы (незримая граница) (1991–1993 гг.). После обретения Республикой Беларусь независимости общая длина ее новой государственной границы составила примерно 3617 км². Из них в международно-правовом отношении оформленной являлась лишь граница с Польшей (398 км, чуть более 11% от общей линии). Наиболее протяженным оказался участок границы с Украиной – 1084 км. В отличие от польского участка, оборудованного в инженерном плане, он не имел четко обозначенных границ и представлял собой во многом неосознанный рубеж. Соответственно, и жителями белорусско-украинского приграничья государственная граница, оформленная условно с 1993 г., не воспринималась, как предел территории и юрисдикции своего государства. Сказывалось отсутствие пограничниками и таможенных барьеров при пересечении границы, поэтому физически наличие границы местным населением почти не ощущалось, и она практически не сковывала и не ограничивала перемещение. Функции контроля за перемещением грузов за пределы Беларуси в 1992–1993 гг. осуществляли подразделения милиции, при этом приграничное население ожидало, что контроль между Беларусью и Украиной в ближайшие годы будет упразднен [7].

¹ URL: <https://normativka.by/lib/document/500267159>; URL: <https://normativka.by/lib/document/500106646>.

² URL: <http://president.gov.by/ru/belarus/numbers/>.

Граница и пограничье как ось переходной зоны (1993–1997 гг.). Переходный период трансформации к новой системе международных отношений, в котором оказались Украина и Беларусь, характеризовался усилением противоречий, конкуренцией, соперничеством между государствами и привел к необходимости нормативного обеспечения международных и межгосударственных отношений. Помимо внутренних сложностей определенное давление оказывало и руководство Украины, которое с октября 1992 г. приняло меры по организации погранично-таможенного контроля на государственной границе с бывшими союзными республиками³.

Началом формирования белорусско-украинской границы с известной долей условности можно считать конец 1992 г. 17 декабря этого года между Правительством Республики Беларусь и Правительством Украины было подписано Соглашение о пунктах пропуска (далее – Соглашение), по условиям которого на белорусско-украинской границе планировалось открыть 18 пунктов пропуска: 5 железнодорожных, 1 авиа и 12 автодорожных. В рамках реализации Соглашения 31 декабря 1992 г. Совет Министров принял Постановление о дополнительных мерах по организации таможенного контроля в Республике Беларусь, предусматривавшее развертывание по временной схеме на таможенной границе Республики Беларусь с Украиной пунктов таможенного оформления (далее – ПТО). Однако речь не шла о полноценном прикрытии границы, лишь об установлении таможенного контроля за перемещением грузов. Для приграничного населения введение таможенного контроля существенных ограничений первоначально не предусматривало. Фактически с момента установления таможенного контроля начался процесс превращения границы из внутреннего разделителя в реальный барьер, протекавший довольно «болезненно». В сознании местного населения таможенная граница воспринималась как негативный элемент государственности, наряду с инфляцией и безработицей [8].

В периодической печати часто критиковались действия таможенной службы, которая должна была обеспечивать экономическую безопасность на границе с Украиной. Корреспонденты писали про многочисленные обходные пути вне ПТО и готовность местных жителей за вознаграждение оказывать помощь в перемещении товаров без соответствующего оформления. В обществе сформировалась своеобразная аксиома: все знают про обходные пути, кроме тех, кому следует про них знать. Развертывание ПТО позволило снизить поток предпринимателей, стремившихся незаконно вывезти продукцию для реализации за пределами республики. Случайные люди покинули коммерцию, однако осуществление таможенного контроля породило новое среди жителей приграничья явление – контрабанду. В обход ПТО существовало множество путей, по которым так называемые «проводники» переправляли предпринимателей, не желавших встречаться с таможенниками. По неофициальной информации «проводники» получали порядка 20 долл. США за провоз одной грузовой машины. Да и местные жители без всякой оплаты были готовы подсказать путь в обход таможенных постов [9].

Совершению правонарушений на границе косвенно способствовало и отсутствие должного взаимодействия таможенников с правоохрательными органами и службами налоговых расследований. Несмотря на наличие планов совместной работы и создание межведомственных координационных групп правоохрательных органов, слаженной работы по противодействию таможенным правонарушениям организовано не было, о чем свидетельствует проведение режимных мероприятий и совместных рейдов. Так, в 1995 г. силами Пинской таможни был проведен 131 рейд, из них с участием сотрудников КГБ – 0; с участием органов МВД – 8; с участием пограничных войск – 2. В 1996 г. количество рейдов, проводимых таможней, увеличилось почти в 10 раз, однако взаимодействие осталось приблизительно на том же уровне. За год был проведен 1271 рейд, из них с участием сотрудников КГБ – 0; с участием органов МВД – 6; с участием пограничных войск – 1⁴.

Таким образом, установление таможенного контроля на границе Республики Беларусь с Украиной позволило создать условия, обеспечивающие порядок перемещения товаров и транспортных средств, вещей и иных предметов через таможенную границу, взимание таможенных платежей. Однако вопросы, касающиеся организации охраны, надежного прикрытия границы, координации деятельности правоохрательных органов по обеспечению пограничной безопасности в рассматриваемый период оставались открытыми.

Переход от таможенного контроля к пограничному (1997–2007 гг.). Делимитация границы, начавшаяся в 1992 г., продолжалась более четырех лет и завершилась подписанием 12 мая 1997 г. Договора о государственной границе между Республикой Беларусь и Украиной. К этому времени стало очевидной неспособность таможенных органов надежно прикрывать белорусско-украинский участок границы. На повестку дня был поставлен вопрос о создании политических, правовых, организационных и других механизмов для обеспечения надежной охраны государственной границы. Роль координирующего органа в области проведения государственной пограничной политики и обеспечения пограничной безопасности была возложена на Государственный комитет пограничных войск Республики Беларусь (образован в 1997 г.). Указами Главы государства от 31 июля и 1 ноября 1997 г. были созданы Гомельский и Пинский пограничные отряды, соответственно [10, с. 104].

В этот период пограничники столкнулись с серьезными угрозами и вызовами пограничной безопасности, такими как незаконная миграция, торговля людьми, оборот наркотических средств, расхищение природных ресурсов, что потребовало принятия действенных мер по укреплению границы, созданию и развитию в Беларуси особого административно-правового режима – пограничного – с присущими для него пограничной полосой и пограничной зоной.

³ Служба архивной деятельности войсковой части 2007 (САД в/ч 2007). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 5а

⁴ Зональный государственный архив в г. Пинске. – Ф. 911. Оп. 1. Д. 39. Л. 4.

Установление пограничного режима на границе с Украиной было осуществлено в течение 1998 г., после выхода пограничных войск Республики Беларусь на охрану белорусско-украинской границы⁵. Введение пограничного режима в значительной степени повышало возможности правоохранительных органов в выявлении, предупреждении и пресечении фактов нарушения законодательства о государственной границе, однако для населения приграничья предусматривало введение ряда ограничений. Вводился специальный паспортный режим, устанавливались правила въезда граждан в пограничную зону, определялся порядок передвижения, производства сельскохозяйственных, лесных и других работ, порядок учета, содержания плавучих средств и их плавания в пограничных водах⁶. Безусловно, данные ограничения неблагоприятно сказывались на вопросах осуществления хозяйственной и иной деятельности, поэтому наблюдался значительный отток населения из приграничных районов (таблица).

Таблица. – Численность сельского населения приграничных районов (тыс. чел.)
Брестской и Гомельской областей (2000–2008 гг.)⁷

Район	На начало года									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2008 к 2000
Гомельская область:										
Лельчицкий	21,9	21,4	21,0	20,5	19,9	19,3	18,8	18,3	17,8	- 4,1
Ельский	11,1	10,8	10,5	10,2	9,8	9,5	9,3	9,0	8,9	- 2,2
Наровлянский	5,1	5,0	4,8	4,6	4,4	4,3	4,3	4,2	4,1	- 1,0
Брагинский	11,5	11,3	11,1	10,9	10,7	10,4	10,2	10,0	9,9	- 1,6
Лоевский	10,1	9,8	9,5	9,3	9,0	8,7	8,5	8,3	8,0	- 2,1
Добрушский	24,8	24,3	23,8	23,4	23,0	22,6	22,2	22,0	21,7	- 3,1
Брестская область:										
Дрогичинский	33,5	33,0	32,6	32,2	31,8	31,2	30,5	29,9	29,2	- 4,3
Ивановский	35,4	34,1	33,6	33,2	32,6	32,0	31,3	30,7	30,0	- 5,4
Кобринский	40,8	40,4	40,1	39,8	39,4	39,1	38,7	38,0	37,5	- 3,3
Малоритский	17,5	17,3	17,0	16,7	16,6	16,3	15,9	15,6	15,3	- 2,2
Пинский	58,5	58,3	57,7	56,9	56,0	55,4	53,8	52,8	50,4	- 8,1
Столинский	62,4	61,6	61,1	60,6	60,1	59,5	58,7	58,0	57,2	- 5,2

Установление административно-правовых режимов и связанных с ним ограничений превратили пограничную зону в изолированную территорию, что, в свою очередь, препятствовало привлечению трудовых мигрантов из соседней страны, инвестиций, развитию туризма. Объективно пограничные районы белорусско-украинской границы стали отстающими в экономическом развитии по сравнению с другими административными единицами Беларуси. Об этом свидетельствует начисляемая номинальная среднемесячная заработная плата работников приграничных районов (рисунок 1). Наиболее сильно эта разница ощущалась в Гомельской области (рисунок 2).

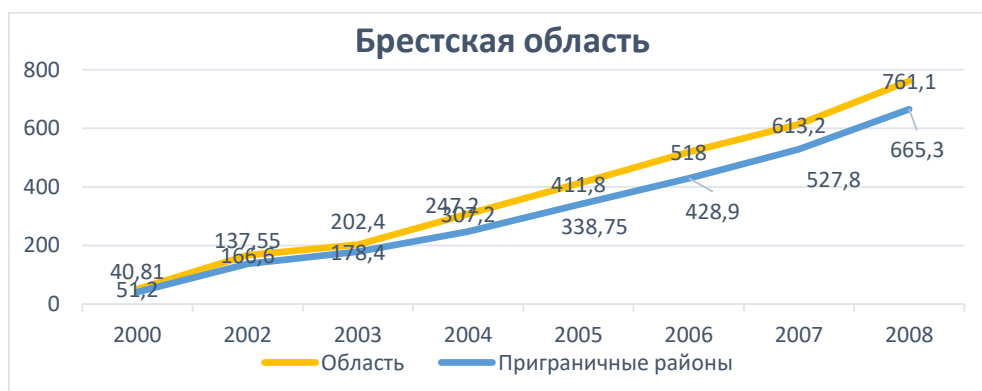

Рисунок 1. – Начисляемая номинальная среднемесячная заработная плата работников (тыс. рублей)
Брестской области (2000–2008 гг.)⁸

Примечание – сведения по приграничным районам определялись путем получения среднеарифметических данных (сложение среднемесячной заработной платы всех районов и делением на их количество).

⁵ Об установлении пограничной зоны, пограничной полосы и пунктов пропуска на Государственной границе с Украиной на территории Брестской области [Электронный ресурс]: решение Брест. обл. исполн. ком., 25 мая 1998 г., № 414; Об установлении пограничной зоны на Государственной границе с Украиной на территории Гомельской области [Электронный ресурс]: решение Гом. обл. исполн. ком., 15 окт. 1998 г., № 719 // ЭТАЛОН. Решения органов местного управления и самоуправления / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁶ О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О Государственной границе Республики Беларусь» [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 янв. 2009 г. № 70 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁷ Статистический ежегодник Брестской области 2010 г.; Статистический ежегодник Гомельской области 2010 г.

⁸ Статистический ежегодник Брестской области 2004 г.; Статистический ежегодник Брестской области 2010 г.

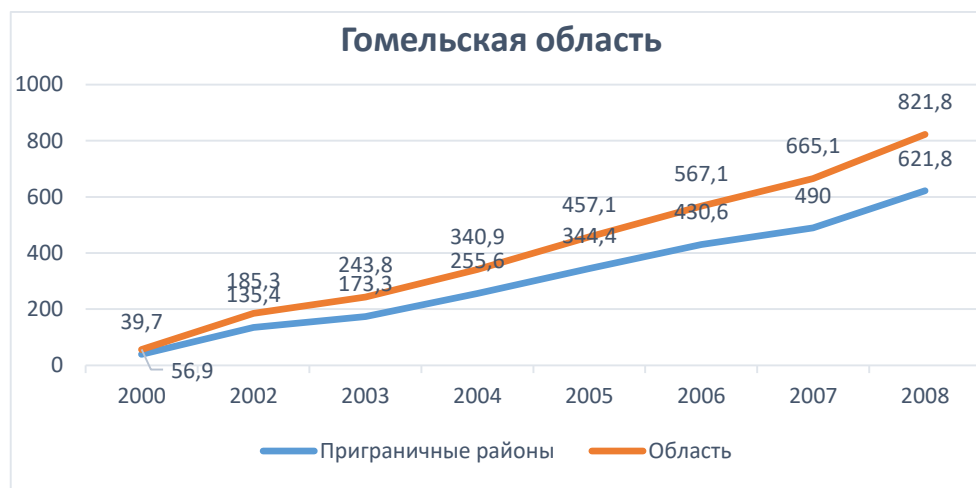

Рисунок 2. – Начисляемая номинальная среднемесячная заработная плата работников (тыс. руб.) Гомельской области (2000–2008 гг.)⁹

Примечание – сведения по приграничным районам определялись путем получения среднеарифметических данных.

На сегодняшний день ситуация кардинально не изменилась. Из пяти отстающих районов Брестской области по заработной плате три являются приграничными (Столинский, Малоритский, Пинский), в Гомельской области – два (Добрушский, Лельчицкий)¹⁰.

В условиях ограничения свободы хозяйствования и перемещения граждан в пограничных районах широкое распространение получила контрабандная деятельность. Только на участке Пинского пограничного отряда в 2001 г. было задержано нарушителей: 148 – пограничного режима, 60 – режима границы, 17 – нарушителей режима в пунктах пропуска. От общего числа нарушителей около 80% составляли жители пограничной зоны. Задержанные наиболее активно возмущались не столько действиями пограничников, сколько самим фактом существования границы [11], поделившей не только территории, но и людей на «соотечественников» и «иностранцев». В повседневном обиходе жителей пограничья часто обсуждался злободневный вопрос: кому нужна эта граница, разделение между близкими славянскими народами [12].

Для преодоления негативных тенденций предпринимались меры по установлению паритета между обеспечением пограничной безопасности Республики Беларусь (находится в зависимости от эффективности деятельности силовых структур по обеспечению правовых режимов в различных областях и сферах человеческой деятельности) и необходимостью создания условий для эффективной деятельности субъектов хозяйствования, гармонизации общественных отношений.

Сохранение напряженности. Долгое время на украинском направлении точное местоположение границы не было широко известно, до проведения работ по демаркации белорусско-украинской границы (начались в 2013 г.) ее установление являлось актом чистого произвола, что приводило к серьезным нарушениям. Так, 6 апреля 2005 г. в 7 км от Дзержинска пограничники Луцкого пограничного отряда пограничной службы Украины задержали 6 работников коммунального мелиоративного унитарного предприятия «Лельчицкая ПМС», которые подсыпали дамбу, чтобы удержать воду в мелиоративных каналах. Рабочих продержали двое суток вместе с техникой (4 трактора и автомобиль УАЗ), принадлежащей ПМС, и только 18 апреля усилиями пограничников и местных органов власти конфликт был урегулирован, а техника возвращена предприятию. Этот инцидент привел к осознанию того, что границу следует воспринимать как неотъемлемый атрибут белорусской государственности [13].

Несмотря на риски, сопряженные с трансграничным бизнесом, балансирующим на грани закона, в него были вовлечены все слои местного населения пограничья, включая детей. В 2007 г. на участке Пинского пограничного отряда задержали 15 несовершеннолетних, которые оказывали содействие в перегоне крупнорогатого скота за сумму в 5 долл. США. В 2006 г. отделом по борьбе с экономическими преступлениями Кобринского РОВД было конфисковано товарно-материальных ценностей на сумму 936 млн. руб., в 2007 – 1 млрд 250 млн. руб. [14]. Фактически белорусско-украинское приграничье превратилось в ярмарку товаров народного потребления, которая ориентировалась на потребности жителей обоих государств. Полутеневой вывоз товаров из одной страны способствовал развитию производства в другой.

Таким образом, ситуация, складывающаяся на границе Беларуси и Украины, требовала принятия конкретных мер по обеспечению пограничной безопасности. Для этого, среди прочего, необходимо было изменить не только отношение местного населения к вводимым государственным мерам контроля и ограничений, но и восприятие Государственной границы Республики Беларусь с Украиной как особой территории, необходимой и неизбежной ввиду осуществляемой национальной политики обоих государств.

⁹ Статистический ежегодник Гомельской области 2010 г.; Статистический ежегодник Гомельской области 2004 г.

¹⁰ URL: <https://virtualbrest.ru/pda.php?pdauri=1&pdaid=10399#>.

Заключение. Подытоживая сказанное следует отметить, что процесс восприятия государственной границы в общественном сознании приграничного населения есть не что иное, как реакция жителей на меры, принимаемые органами государственного управления по обеспечению пограничной безопасности. Трансформация отношения жителей приграничья к государственной границе прошла путь от полного отрицания до взаимодействия и сотрудничества с пограничной службой. Во многом на этот процесс оказала влияние целенаправленная деятельность субъектов обеспечения национальной безопасности (в т. ч. органов пограничной службы). Длительный срок адаптации местного населения к новым реалиям можно объяснить затяжным процессом официального становления пограничного режима на участке белорусско-украинской границы, слабым взаимодействием государственных органов (как между собой, так и с жителями приграничья), а также недовольством специфическими условиями осуществления хозяйственной деятельности, перемещения и торговли в зоне государственной границы. Контрабанда и посредничество в незаконном пересечении граничной территории долгое время занимали весомую долю в занятости и сторонних доходах местного населения.

Очевидно, что жители, проживающие в непосредственной близости к государственной границе, нуждаются в повышенном внимании со стороны государства ввиду особого статуса приграничья. Связанные с этим статусом ограничения должны быть компенсированы путем предоставления привилегий и гарантий. Поэтому органы государственного управления должны принимать действенные меры и вырабатывать новые механизмы, направленные на соблюдение баланса между интересами национальной безопасности и приграничного населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружины на охране границы: сб. ст. / ред. В.А. Козлов. – Минск: Полит. отд. оператив. группы погранвойск КГБ при Совете Министров БССР, 1960. – 102 с.
2. Костин А.А. Участие местного населения в охране государственной границы как исторически сложившаяся необходимость // Науч. вестн. Сер. Философия. Социология. Право. – 2010. – № 2(73). – С. 170–181.
3. Костин А.А. Участие населения приграничных районов СССР в охране государственной границы в 1931–1991 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 23.00.02. – М., 2012. – 27 с.
4. Волосников Р.А. Участие населения в охране государственной границы белорусского государства: исторический аспект // Вестн. Ин-та погран. службы Респ. Беларусь. – 2017. – № 1(1). – С. 12–15.
5. Волосников Р.А. Резервная сила границы // Беларус. думка. – 2017. – № 9. – С. 72–76.
6. Давыдик В.В., Карлович М.Ф. Основы пограничной политики Республики Беларусь; под общ. ред. И.А. Рачковского. – Минск: Тесей, 2011. – 142 с.
7. Шумко Ф. Па зводках міліцыі: [падборка па зводках міліцыі] // Навіны Палесся. – 1992. – 10 студз. – С. 3.
8. Ігнацюк А. Мытня: [пра дзейнасць Гарынскага мытнага паста] // Навіны Палесся. – 1993. – 24 ліп. – С. 2.
9. Бортнік А. Дарогі камерсантаў: [пра абхадныя шляхі мытні «Верхні Церабяжоў»] // Навіны Палесся. – 1994. – 3 жніўня. – С. 3.
10. Лукашевич А.М. Становление пограничных войск Республики Беларусь (1991–1997 гг.). – Минск: ИПС РБ, 2019. – 365 с.
11. Крейдич А. Граница. Полесский регион: [об обстановке на границе с Украиной] // Чырвоная звязда. – 2002. – 28 мая. – С. 2.
12. Шумко Ф. Удасканалваючы майстэрства: [пра службу ў пункце пропуску Верхні Церабяжоў] // Навіны Палесся. – 2000. – 27 мая. – С. 1.
13. Жогла І. Границу парушаць нельга: [а затрыманы работнікаў і тэхнікі на граніцы з Украінай] // Светлае жыццё. – 2005. – 27 красавіка. – С. 3.
14. Мельнік Р. Пагранічны закон – адзіны для ўсіх: [аб становішчы на граніцы з Украінай] // Кобрын. весн. – 2007. – 2 крас. – С. 2.

Поступила 15.12.2022

FEATURES OF PERCEPTION OF THE STATE BORDER IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE BORDER POPULATION OF THE BREST AND GOMEL REGIONS (1991–2007)

A. NAUMENKO

(The Institute of Border Service of the Republic of Belarus, Minsk)

The article, through the prism of historical sources, examines the measures taken by public administration bodies to work with the population in order to ensure reliable protection of the Belarusian-Ukrainian border. The process of evolution of the perception of the State Border of the Republic of Belarus in the public consciousness of the border population of the Brest and Gomel regions is shown. Some proposals are substantiated on the optimal balance between the interests of security and cooperation, the improvement of the legal mechanism for the interaction of border authorities with residents of the border area.

Keywords: state border, frontier, frontier population, evolution of perception, checkpoints, Belarus, Ukraine.

УДК 316.74:613.88-055.25(476-22)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-114-118

**АСАБЛІВАСЦІ ДАШЛЮБНАГА ЖЫЦЦЯ ЗАХОДНЕПАЛЕСКІХ СЕЛЬСКІХ ДЗЯЎЧАТ:
ТРАДЫЦЫІ І ТРАНСФАРМАЦЫІ (ПА МАТЭРЫЯЛАМ ВУСНАЙ ГІСТОРЫІ)****А.А. СЕЛЯХ***(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)*

Артыкул прысвечаны асэнсаванню аднаго з кампанентаў дзявочай штодзённасці – дашлюбных дачыненняў. Праз разгляд традыцый і трансфармацый у сэксуальнай культуры вёскі аналізуецца асобныя сюжэты інтымнага свету дзяўчыны. Геаграфічна даследаванне ахоплівае гісторыка-этнаграфічны рэгіён Заходняе Палессе. Праблема асэнсоўваецца праз прызму ўспамінаў жаночага насельніцтва, сабраных аўтарам у сельскіх мясцовасцях Берасцейшчыны. Палявыя матэрыялы транслююць “галасы мінулага” аб штодзённасці дзяўчат, іх жыццёвым практычным і пачуццёва-эмацыйным вопыце. Аналіз сабраных этнаграфічных даных, увядзенне іх у навуковы зварот спрыяюць больш глыбокаму асэнсаванню гістарычна зменлівага сацыякультурнага ландшафта заходнепалескай вёскі, неад’емную частку якога складалі падыходы і каштоўнасці арыентацыі, у святле якіх канструяваліся дашлюбныя адносіны.

Ключавыя словы: дашлюбнае жыццё, сэксуальная культура, сельскія дзяўчаты, заходнепалеская вёска.

Уводзіны. Традыцыі дашлюбных дачыненняў ва ўсе часы з’яўляліся неад’емным фактарам сацыякультурнага канструявання грамадства. Ігнараванне гэтага складніковага аспекта культуры істотна збядняе працэс вывучэння вясковай штодзённасці, не дазваляе дасягнуць паўнаты гістарычнай рэканструкцыі сялянскага ладу жыцця. Акрамя таго, як слушна зазначыў даследчык У.А. Лобач, вывучэнне і рэактуалізацыя традыцыйнага досведу ў галіне сэксуальных паводзінаў набывае не толькі навукова-мемарыяльнае, але і шырокае грамадскае значэнне, што звязана з размыццём маральна-каштоўнасных арыенціраў, актыўнай камерцыялізацыяй сэксуальнасці ў сучасным беларускім грамадстве [1, с. 208]. Навуковая зацікаўленасць партэналагічным дыскурсам падштрыхнула да пастаноўкі пытання пра спецыфіку дашлюбнага жыцця сялянскай дзяўчыны. Вывучэнне інтымнага боку жыцця немагчыма без разгляду механізмаў, якія рэгулявалі і кантралявалі яго. Такім чынам, першарадным ёсць агляд сэксуальнай культуры заходнепалескага сельскага соцыўма. Сэксуальная культура разумеецца як сукупнасць норм, каштоўнасцей, арыентацый, рэгулюючых адносіны ў грамадстве адносна інтымнай, рэпрадуктыўнай, сямейна-шлюбнай сфер. Метадалагічнай асновай даследавання з’яўляецца сацыякультурны падыход, якія дазваляе перанесці “сэксуальнасць” і “інтымнасць” з прыроднага і фізіялагічнага свету ў свет культуры і грамадства.

Мэта артыкула – разгляд дашлюбнага жыцця дзяўчат ва ўмовах сацыякультурных трансфармацый, якія адбываліся ў сялянскім асяроддзі Заходняга Палесся ў савецкі перыяд.

Даследаванні сэксуальнасці ў культуралагічным дыскурсе нельга назваць маргінальнымі ў айчынным навуцы на сучасным этапе яе развіцця. У рэчывы гісторыка-антрапалагічнага, сацыякультурнага падыходаў даследчыкамі (У.А. Лобач, Т.В. Валодзіна, Л.В. Ракава) былі асэнсаваны такія пытанні, як традыцыі дашлюбных дачыненняў, эратычны сімвалізм у фальклору і абраднасці, народная фізіялогія і антрапалогія і інш. Праблема інтымнага боку жыцця асобных сацыяльных і полаўзроставых катэгорый, у прыватнасці, сялянскіх дзяўчат, спецыяльнага этналагічнага разгляду не атрымала. Асобныя аспекты атрымалі пэўнае асвятленне ў кантэксце разгляду наступных аспектаў традыцыйнай культуры: дашлюбныя дачыненні [2–5], народныя ўяўленні аб жаночай фізіялогіі [6–8], эротыка ў моладзевай субкультуры [1].

Разглядаемая тэма даволі спецыфічная, паколькі тычыцца інтымнага, таемнага, прыхаванага боку чалавечага жыцця. У гэтай сувязі найбольш дарэчным, на наш погляд, было выкарыстанне крыніц, якія “кажуць самі за сябе”. Ключавым метадам быў абраны метада палявых этнаграфічных даследаванняў. Асноўную частку крыніц для даследавання склалі палявыя матэрыялы, сабраныя аўтарам у сельскіх мясцовасцях Берасцейшчыны 2015–2022 гг. Апытанне праводзілася сярод жаночага насельніцтва 1930–1960-х гадоў нараджэння. Безумоўна, мы не можам гарантаваць дасканалую рэканструкцыю светаглядных ўяўленняў тагачаснага грамадства, але ёсць магчымасць адлюстравання рэальную штодзённасць асобных людзей з іх пачуццямі і перажываннямі.

Даследчыка цікавіць наступнае: на аснове матэрыялаў вуснай гісторыі вызначыць перыяд, у які быў пакладзены пачатак трансфармацыі традыцыйнага культурнага ландшафту (у тым ліку культуры дашлюбных зносін як яго складніковай часткі) заходнепалескай супольнасці. Ужываючы прыметнік “традыцыйны” ў дачыненні да паняццяў “культура”, “грамадства”, мы маем на ўвазе адметную сацыякультурную рэальнасць, якая была ўласцівая заходнепалескай вёсцы прыкладна да сярэдзіны ХХ ст. Гэтая рэальнасць характарызаваўся пэўным ладам жыцця (аграрным, патрыярхальным) і спосабам мыслення (рэлігійным), агульнымі для ўсіх чальцоў грамады і перадаваемымі міжпакаленнямі.

Асноўная частка. Сэксуальная культура карэлявалася з ладам жыцця, які быў уласцівы грамадству ў канкрэтны перыяд яго развіцця. Зразумела, што традыцыйнаму грамадству з міфапаэтычнай мадэллю свету быў рэлевантны спецыфічны падыход да “інтымных” пытанняў. Па-за нормай заставаўся тлумачальны размовы маці з дачкой пра пытанні жаночай фізіялогіі, палавых дачыненняў, за якімі замацоўваліся матывы нечысціні,

ганебнасці, небяспекі і забароны. Але з самага дзяцінства метадам простага назірання дзяўчынка засвойвала навакольны, у тым ліку, інтымны свет. Сама вясковая штодзённасць падносіла своеасаблівыя ўрокі “палавой асветы”, дзе міжвольнымі педагогамі выступалі часам самі бацькі, а таксама сваякі, суседзі. Нярэдка дзеці былі сведкамі ўнутрысямейнага інтымнага жыцця бацькоў, маглі прысутнічаць падчас родаў, якія прымаліся ў хаце. Але такое спарадчынае назіранне за рэаліямі дарослага жыцця ў дзяцінстве ўспрымалася як дадзенасць і сур’ёзна не асэнсоўвалася.

Найбольш вызначальнымі ўласцівасцямі традыцыйнага грамадства, якія прадвызначалі стаўленне да інтымнага, сэксуальнага з’яўляюцца наступныя: дамінаванне калектыўнага над індывідуальным, публічнасць жыццядзейнасці, сацыяльна-групавая іерархізацыя, высокі ўзровень рэлігійнасці, значнасць захавання гонару рода. З дзяцінства жыццё дзяўчыны было запраграмавана на яе далейшую рэалізацыю ў вясковым асяроддзі. Даволі значным было падтрымліваць добры грамадскі статус. У выпадку праступкаў дзяўчыну чакалі санкцыі: “*Если у девушки плохое поведение, вот, если она дружела, дружела с парнем и он её бросил, чи забеременела – её на улицу не выпустят. Будут абзывать, дразнить. Бывало, з туалета адходы чы памой возьмут і дверы, парог абальют. Ілі нарісуют, напішут што*”¹; “*Былі в нас распусты. Аборты на дому делалі бабкі...некоторые рожали. Но вжэ ні могла она на улицу выйти, её не выпускали...Вжэ она добра не відела. З её насміхались*”². Дзяўчаты, якіх вінавацілі ў пазашлюбных палавых сувязях, таксама як і няверныя жонкі ў статусным дачыненні знаходзілася на маргенезе. У іх адрас, як сведчаць апаведы жанчын з розных раёнаў Берасцейшчыны, выкарыстоўвалі спецыфічныя пазыўныя: *совушча, лярва, гуляшча, распустныця, кропэвныця, патра, курва, патаскуха, шлёндра, валацюга*. Рэспандэнткі ўспаміналі, што для дзяўчыны непрыстойным было гуляць з хлопцам па вёсцы ўдзень, весці з імі гутарку на вачах у грамады, зайсці да яго ў хату і нават паказаць калені: “*Колыся, шоб хлопцёві колына показав, то позорішчэ на всэ сэло. Опозорёна дівчына, ныхто з ёю ны говорэв*”³; “*Дівчата одна однэйі стыдалыся. Колэся, ну хто тобі коліна покажэ*”⁴. Успаміны жыхаркі в. Вялікія Лышчыцы Брэсцкага раёна 1930 г. н. сведчаць, што ў іх вёсцы старыя людзі асуджалі дзяўчат, якія дазвалялі сабе “нясціплія” ўборы і казалі, што “...они мужьям негодны, потому что в их не согретое тело, оно черствое и холодное” [10, с. 19].

Аналіз этнаграфічных крыніц дае падставу зрабіць выснову аб дваістасці народнай маралі: з аднаго боку, строгія імператывы адносна цноты, з іншага – санкцыянаванае бацькамі і грамадой наведванне вячорак, што не выключала існавання практык дашлюбнага сэксуальнага жыцця. Апаведы інфармантак утрымліваюць яскравыя ўспаміны аб шматлікіх, у тым ліку эратычна маркіраваных, камунікатыўных практыках: заляцаннях, свавольствах, гульнях. Але факты сумесных начовак моладзі на вячорках у большасці гутарак адмаўляліся. Зафіксаваны толькі рэдкія, выключныя выпадкі такога роду свавольстваў: “*Некалі маці казала спалі на вечарках. Пасля 12 хазяйка, якая пусціла, прыносіла саломы куль. Расцілаюць, яку радюжку отдідаюць, лажацца хлопцы і дівчата спаць. А рано встаючы ідуць додому*”⁵; “*Була бура, туча. І пошлі хлопці до девок на вэчоркі. Хлопец та заночував і получилась Надя. Забэрэменела дівчына*”⁶. Жыхарка в. Плешчыцы Пінскага раёна 1928 г. н. адзначала наступнае: “*У наша врэмя розныя былі, і тыя, хто да свадзьбы гулялі. Але ж калі дзеўка была чэснай, то болей цанілася...*” [11]. Дэвіацыі ў паводзінах маглі сабе дазволіць хлопцы і дзяўчаты з нізкай сацыяльнай адказнасцю, якія, як правіла, былі ізгоямі ўнутры самога моладзевага калектыву. Зазвычай, дзяўчаты дбалі пра свой сацыяльны (грамадскі і сямейны) статус, таму паслухмяна пераймалі існуючыя нормы паводзін: “*Колысь свою чэснасць пронэсэш гэтак як трэба... Дэ бывало покотыть хлопцэ, за груды чы шчо...то очі выдыралы. І слухаты ны схочыш його, і ходыты ны схочыш*”⁷.

Сур’ёзную дэзарганізацыю ў шлюбна-сямейныя адносіны і палавую мараль унеслі вайна і акупацыя. Размяшчэнне ў вёсках вайсковых кантынгентаў спараджала рост нараджальнасці пазашлюбных дзяцей. Аб шматлікіх фактах гвалтаванняў жаночага насельніцтва сведчаць успаміны: “*Кухорянку дівчыну згвалтувалы так: пошла, шарварок трэба було копаты в Запрудях, ровы там, ямы копаты. Оны ейі дэсэ дам одвэлы, покотылы і всё. Замуж она ныколы так і нэ выходыла*”⁸; “*Старейшы казалы: “Ны дай Бог у войну буты дівчыною! То хужы нймае*”⁹. Лёсы дзяўчат, над якімі адкрыта здэкаваліся, складаліся не самым лепшым чынам. Пакінуты на ўсё жыццё псіхалагічна адбітак уплываў на тое, што многія ахвяры гвалту ў далейшым так і не павыходзілі замуж. Некаторыя, як сведчаць успаміны, не змаглі нарадзіць у замужжы, што, у тым ліку, было выклікана наступствамі пазбаўлення ад нежаданага плода.

Сэксуальная культура пасляваеннага часу фарміравалася ў іншай сацыякультурнай, эканамічнай і дэмаграфічнай рэальнасці, стала месцам сутыкнення традыцыйнага і новага. Норматывовая шлюбная мадэль была парушана, аб чым сведчаць вуснагістарычныя матэрыялы: “старыя” дзевы выходзілі замуж за ўдаўцоў, маладыя дзяў-

¹ Запісана аўтарам у 2017 г. ад Жук І.Р., 1943 г.н. у агр. Дзівін Кобрынскага р-на.

² Запісана Дацкевічам А.А. і Селях А.А. у 2015 г. ад Лоневай А.П., 1931 г.н. у в. Нікольская Маларыцкага р-на.

³ Запісана аўтарам у 2018 г. ад Балка П.С., 1930 г.н. у в. Лелікава Кобрынскага р-на.

⁴ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Сцепанюк А.П., 1946 г.н. у в. Заор’е Маларыцкага р-на.

⁵ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Шавель М.І., 1938 г.н. у в. Вуглы Івацэвіцкага р-на.

⁶ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Губенскай М.Д., 1930 г.н. у в. Варатынічы Кобрынскага р-на.

⁷ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Пашкевіч Я.А., 1942 г.н. у в. Спорава Бярозаўскага р-на.

⁸ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Губенскай М.Д., 1930 г.н. у в. Варатынічы Кобрынскага р-на.

⁹ Запісана аўтарам у 2021 г. ад Саўчук Г.С., 1933 г.н. у в. Сварынь Драгічынскага р-на.

чаты шлі “на двое, трое, пяцёра дзяцей”, мужчыны жаніліся на жанчынах з байструкамі. Аб трансфармацыі рэпрадуктыўных паводзін у сельскай мясцовасці ў пасляваенны час сведчыць узрост пазашлюбнай нараджальнасці [12, с. 71]. Страх усеагульнага асуджэння, перспектыва маргінальнага становішча, зламанага лёсу, у выпадку цяжарнасці па-за шлюбам, прымусалі дзяўчат прыбегнуць да абортаў. Дзяўчаты звярталіся да “бабак”, якія, як распавядалі жанчыны, “выкальвалі”, “выдыралы”, “выжыгалы” плод. Сустрэкаліся выпадкі, калі дзяўчаты самастойна, без дапамогі “спецыялістаў” імкнуліся спыніць цяжарнасць і “скінуты дытыну”: пілі нейкія настоі, саскоквалі з узвышшаў. Калі аборт зрабіць па розных прычынах не атрымоўвалася, дзяўчына магла забіць немаўля, атапіць, закапаць, альбо здзейсніць самагубства.

Вастрыва праблемы не магла не знайсці водгук з боку дзяржавы і 23 лістапада 1955 г. выйшаў указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР “Аб адмене забароны абортў”, згодна з якім дазвалялася правесці аперацыю штучнага спынення цяжарнасці, але выключна ў стацыянарных лячэбных установах. Распачалося выдавецтва спецыяльнай перыёдыкі аб небяспечнасці падпольных абортў для здароў’я і жыцця жанчыны, а таксама пра крымінальную адказнасць як абортмахераў, так і ўрачоў [13; 14]. Зразумела, што жаночае насельніцтва вёскі, у параўнанні з гарадскім, як і раней заставалася мала дасведчаным у пытаннях аховы здароў’я, нягледзячы на захады з боку дзяржавы. Раённы ўрач акушэр-гінеколаг адносна сітуацыі ў Кобрынскім раёне ў газеце за красавік 1957 г.: “Да нашага сораму, на сённяшні дзень выпадкі, калі жанчына з небяспечай для жыцця падваргае сябе рызыцы, застаецца інвалідам на ўсё жыццё, не адзінкавы. Так, у лютым гэтага года ў гінекалагічны аддзел бальніцы паступіла хворая Р., у цяжкім стане, з рэзкім малакроўем пасля вялікага кровацячэння з прыкметамі заражэння крыві, якое наступіла ў выніку аборт, праведзенага па-за бальніцай” [15, с. 4]. Дзяўчаты па-ранейшаму працягвалі звяртацца за паслугамі да “бабак-невукаў”. Безумоўна, мы спасылаемся на рэдкія ў працэнтных суадносінах выпадкі, і нельга казаць пра тое, што факты дашлюбнай цяжарнасці, падпольных абортў былі шматлікімі. Але іх наяўнасць – наступствы, у тым ліку, адсутнасці адкрытага дыялога аб інтымнай сферы жыцця ў сялянскім соцыуме.

Інтымізацыя пытання сэксуальных зносін працягвалася ў сялянскіх сем’ях і ў 1960–1970-я гады. Палавая асвета праводзілася, як правіла, завулявана, з іншасказальным падтэкстам: “на парня сільно нэ заглядай”, “пузо ны захватэ”, “в фартухові нэ прынэсэ”. Гэтыя настаўленні ўспрымаліся дзяўчатамі як аксіёматычныя. Яны не патрабавалі тлумачэнняў і былі накіраваны на беспярэчнае паслушэнства. Палавое выхаванне карэлявалася са светапогляднай парадыгмай, на вяршыні якой знаходзіўся сацыяльны статус, а галоўным стрымліваючым фактарам быў страх, сорам, гонар. Гэты падыход фіксуецца ў фальклору Піншчыны [16, с. 98]: “Тэпэр жэ ты, дочка, // Нэ деўка, нэ жонка, // Тэпэр жэ ты, дочка, // Людям поговорка”. Для дачкі значным таксама было годна падтрымліваць не толькі свой грамадскі, але і сямейны статус: “Гляды! Шоб у прыполы ны прынэсла. Ны опозор, бо выжэну і знаты ны буду і відаты ны схочу”¹⁰. Адсутнасць палавой асветы спрыяла трываламу замацаванню ў свядомасці дзяўчат міфалагічных поглядаў на асобныя аспекты інтымных дачыненняў. Калі дзяўчына застава-лася з хлопцам сам-насам, яна імкнуліся трымаць дыстанцыю. Любыя тактыльныя кантакты: пацалункі, абдымкі ў разуменні дзяўчыны мелі канатацую страты цноты, што фіксуецца ў палявых матэрыялах: “Помню мяне права-жаў хлопец да хаты з танцаў. І вот ён цягне мяне за руку і нібы мяне пацалаваць хацеў. О, Божэ! Думаю, я вжэ буду бярэменна...”¹¹; “Кода-то боялісь поцеловацца...а то вдруг деті пойдут. Раньше, як возьмёт девчину за колено, і вжэ думалі, шо это ні девка, боялісь вдруг что-то будет”¹².

Характарызуючы сітуацыю ў савецкім грамадстве, даследчык І.С. Кон зазначаў: “У 1950–1960-х гг. прагрэсіўныя савецкія педагогі, лекары і псіхологі загаварылі аб неабходнасці палавога выхавання падлеткаў, якое разглядалася, перш за ўсё, як маральнае” [9, с. 297]. Што тычыцца вясковага грамадства Заходняга Палесся, яшчэ ў канцы 1960-х гадоў рана было казаць пра паўсюдную адкрытасць “інтымных” тэм. Палявыя матэрыялы сведчаць аб тым, што ў гэты час кабінет гінеколага ўпершыню наведваўся ў сувязі з цяжарнасцю, а калі быць дакладней, падчас родаў. Але пачатак змен быў пакладзены. Школы, тэхнікумы, інстытуты былі адукацыйнай платформай, у тым ліку, у сэксуальнай сферы. У 1960–1970-я гг. найбольш прагрэсіўныя класныя кіраўнікі пачалі праводзіць для дзяўчат-падлеткаў тэматычныя гутаркі на конт гігіены, жаночай фізіялогіі: “Класный руководитель нас готовила как девушек ко всему. Помню, сидим возле печки, кругом девочки посадились и она говорит: Девочки, так и так... девочка созревает. Вы должны быть к этому готовы”¹³; “В семье нет, нам не рассказывали. А в школе была классная. Говорили с ней о гигиене”¹⁴. Пазней у школу для правядзення лекцый пачалі запрашаць медычных працаўнікоў: “Да нас у школу з амбулаторыі прыходыла медсестра, раскажывала”¹⁵; “Я работала акушёркой, то в школе девочкам беседы проводыли...темы: менструация, половое воспитание. Брошурки были разные”¹⁶.

Сыходзячы з успамінаў вынікае, што трансфармацыя сэксуальнай культуры ў сяле адбывалася параўнальна запаволенымі тэмпамі. Працэсы, якія адбываліся ў вёсцы на працягу 1950–1970-х гг.: фарміраванне новай

¹⁰ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Гузарэвіч В.М., 1963 г.н. у в. Новы Двор Пінскага р-на.

¹¹ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Касцюк В.І., 1940 г.н. у в. Лазаўцы Івацэвіцкага р-на.

¹² Запісана аўтарам у 2022 г. ад Пугачовай В.М., 1949 г.н. у в. Бярэзніца Пружанскага р-на.

¹³ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Карэнько Н.І., 1953 г.н. у в. Дарапесевічы Маларыцкага р-на.

¹⁴ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Ксёнда Н.І., 1960 г.н. у агр. Тышкавічы Іванаўскага р-на.

¹⁵ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Янушчык Н.Л., 1962 г.н. у в. Бездеж Драгічынскага р-на.

¹⁶ Запісана аўтарам у 2022 г. ад Міранюк С.С., 1945 г.н. у в. Навасёлкі Кобрынскага р-на.

культурна-адукацыйнай інфраструктуры (бібліятэкі, дамы культуры з прывазным кіно), урбанізацыя (эскалацыя гарадскіх культурных узораў, каштоўнасцей), канешне, садзейнічалі дэтабуацыі інтымнай прасторы жыцця сялянск, але не пазбавілі яе сакральнасці і таямнічасці. Сфарміраваныя напрацягу жыццядзейнасці не аднаго пакалення стабільныя формы маралі, сацыяльнай іерархіі, гендэрнага парадку яшчэ доўгі час рэгламентавалі дэмаграфічныя паводзіны вясковага насельніцтва: падыходы да шлюбу, дзетанараджэння, сэксуальных дэвіяцый. Тлумачэнне гэтаму палягае ў гісторыка-палітычных працэсах, што адбываліся ў Заходнім Палессі. Знаходжанне рэгіёна ў складзе Польшчы (1921–1939 гг.) забяспечыла кансервацыю высокага ўзроўню рэлігійнасці насельніцтва, што “садзейнічала больш працягламу захаванню традыцыйных поглядаў на шлюб і сям’ю”, “захаванню ўплыву традыцый на паводзіны дзяўчыны” [17, с. 399]. Вывучаючы палесскую сельскую супольнасць у 30-х гг. XX ст. Ю. Абрэмскі аналізаваў працэс яе распаду і адзначаў наступнае: “Інавацыйны рух, безумоўна, не ахоплівае ўсяго вясковага жыцця: яму не падаюцца тыя вобласці, якія датычаць інтымнай сферы індывіда, ці тыя, што падлягаюць рэгуляванню рэлігійна-магічнай сістэмай” [18, с. 12]. Падзеі Вялікай Айчыннай Вайны прыпынілі саветызацыю рэгіёна, што садзейнічала захаванню былога ладу яшчэ прыкладна на дзесяцігоддзе. Даследчыца І.В. Раманенка, разглядаючы дэмаграфічныя працэсы на Брэстчыне ў савецкі перыяд, зазначыла, што традыцыі і рэлігійны фактар, якія захаваліся тут у большай ступені, чым у іншых рэгіёнах БССР, па-ранейшаму вызначалі ўзровень нараджальнасці і склад сям’і і ў пасляваенныя гады. Так, па паказчыку агульнага каэфіцыента нараджальнасці ў 1950 – 1990-я гг. Брэсцкая вобласць саступала толькі Гомельскай. Колькасць жанчын, якія нарадзілі да шлюбу, у заходніх рэгіёнах БССР напрацягу ўсяго савецкага перыяду была ніжэй у параўнанні з усходнімі, што таксама тлумачыцца кансервацыяй традыцый і высокім узроўнем рэлігійнасці [17, с. 399–400, 403]. Заўважны падрыў сэксуальнай культуры вёскі нанесла зрушэнне міжпакаленнай трансмісіі культуры. Змены ў міжпакаленных сувязях, на думку І.І. Калачовай, аказалі значны ўплыў на дэмакратызацыю дашлюбнага перыяду жыцця ў 70-х гг. XX ст. [19, с. 41]. Дзяўчаты пасупова інтэгруючыся ў новы культурны каштоўнасна-сэнсавы ландшафт пачалі ўспрымаць і пазыцыянаваць сябе асабліва ад вясковай грамады. 1970-я – 1980-я гг. сталі часам, калі мяняліся жыццёвыя прыярытэты сялянск: важным становіцца не толькі замужжа і нараджэнне дзяцей, але і атрыманне адукацыі [5, с. 179].

Заклучэнне. Вусныя ўспаміны заходнепалескіх жанчын аб асабістым практычным, пачуццёва-эмацыянальным жыццёвым вопыце раскрываюць асаблівае дзявочага інтымнага свету тагачаснага грамадства. Палявыя матэрыялы сведчаць аб тым, што дашлюбныя дачыненні канструяваліся на базе сэксуальнай культуры, якая знаходзілася ў карэляцыі з ладам жыцця, уласцівым заходнепалескай вёсцы ў канкрэтны час. Жыццё дзяўчыны ў грамадстве з традыцыйнымі маральна-рэлігійнымі рысамі было запраграмавана ўстаноўкай на “своечасовасць” рэалізацыі матрыманняльнага і рэпрадуктыўнага “прызначэння”. Адсутнасць палавой асветы ў сям’і і школе, рытуалізацыя, фалькларызацыя, міфалагізацыя інтымнай сферы, і, што найбольш значна, высокі ўзровень рэлігійнасці, садзейнічалі фарміраванню страху ў дзяўчат і прадвызначалі іх дашлюбныя паводзіны. Асноўная страгэгічная задача дзяўчыны была пазбегнуць пазашлюбнай цяжарнасці і тым самым захаваць гонар свайго роду.

Значны ўрон інтымнай прасторы дзяўчат нанесла вайна, наступствы якой пакінулі заўважны адбітак на шматлікіх дзявочых долях. Але найбольш заўважныя змены ў сэксуальнай культуры заходнепалескай вясковай супольнасці распачаліся прыблізна ў 70-я – 80-я гг. XX ст. У гэты час назіраецца злом былога сацыяльнага парадку ў вёсцы: паслабленне рэгламентуючай ролі сям’і і грамады на фоне індывідуалізацыі грамадскага жыцця. Інтымнае жыццё дзяўчыны паступова пераставала быць зонай кантролю грамады і праякляла ў іншай сацыяльна-культурнай рэальнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Лобач У.А. Эпас у беларускай традыцыйнай культуры // *Studia mythologica slavica*. – 2003. – № 6. – С. 205–248.
2. Швед І.А. Вяселле на Берасцейшчыне: перадшлюбны перыяд // *Астрэмчаўскі рукапіс: брэсцкі раён. краязн. альм.* – 2015. – № 1. – С. 8–12.
3. Ракава Л.В. Традыцыі дашлюбных зносін моладзі ў беларусаў у XIX – першай палове XX ст. // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; навук. рэд. А.І. Лакотка.* – Мінск: Права і эканоміка, 2009. – Вып. 6. – С. 475–482.
4. Захарэвіч А.Б. Дашлюбныя адносіны беларусаў Падзвіння ў канцы XIX – першай палове XX ст. // *Труды молодых специалистов ПГУ, Гум. науки.* – 2010. – Вып. 41. – С. 60–62.
5. Лавриновская И. В. Особенности добрачной и семейной жизни сельской женщины в Белорусском Полесье в советский период // *Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі да 150-годдзя А. К. Сержпутоўскага, 19–20 чэрв. 2014 г., Мінск / уклад.: А.Г. Алфёрава, С.У. Грунтоў, Ю.С. Пракоф’ева.* – Мінск, 2014. – С. 177–183.
6. Валодзіна Т. Цела чалавека: слова, міф, рытуал. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 431 с.
7. Валодзіна Т. Жанчына і жаночае ў традыцыйным светапоглядзе беларусаў // *ARCHE*. – 2011. – № 12(111). – С. 266.
8. Гугнюк А.А. Жаночая фізіялогія ў традыцыйных уяўленнях беларусаў (на прыкладзе заходнепалескай вёскі) // *Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX – XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: матэрыялы Рэсп. навук. канф., Гомель, 14 кастр. 2021 г. / рэдкал.: А.Р. Яшчанка (гал. рэд.) і інш.; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны.* – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. – С. 64–68.
9. Кон И.С. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. – М.: Время, 2010. – 608 с.
10. Аповед пра народныя святы // *Астрэмчаўскі рукапіс.* – 2021. – № 4. – С. 16–19.

11. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора імя К. Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Ф. 6. Воп. 14. С. 134. Л. 51–55.
12. Лавриновская И.В. Трансформация репродуктивного поведения белорусских сельских женщин: динамика отношений к внебрачным рождением // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 68–72.
13. Персианинов Л.С. Аборт и его последствия. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1960. – 41 с.
14. Дазорцава Г.Л. Жаночыя хваробы. – Мінск: Выд-ва ЦК КПБ, 1957. – 43 с.
15. Фёдарова М. За здароў'е жанчын // Праца. – 1957. – 17 крас. – № 45 (1353).
16. Шепелевич В.В. Песни деревни Ковнятин Пинского района / Науч. ред. Ф.Д. Климчук. – Пинск: Паляшук, 2014. – 159 с.
17. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко и др.; науч. ред. А.Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора К. Крапивы. – Минск: Беларус. навука, 2020. – 621 с.
18. Палессе, якога не ведаем. Фота-этнаграфічная выстаўка / Пад рэд. А. Энгелькінг. – Брэст; Пінск; Кобрын; Мінск. – Сакавік–верасень, 1997. – 31 с.
19. Калачёва И.И. Семья и брак в БССР в 70–80-х гг. XX в. // Вышэйшая школа: нав.-метад. і публ. час-с / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т. – 2016. – № 6. – С. 40–45.

Паступіў 03.04.2023

ОСОБЕННОСТИ ДОБРАЧНОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОПОЛЕССКИХ СЕЛЬСКИХ ДЕВУШЕК: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)

О.А. СЕЛЯХ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Статья посвящена осмыслению одного из компонентов девичьей повседневности – добрачных отношений. Через рассмотрение традиций и трансформаций в сексуальной культуре деревни анализируются отдельные сюжеты интимного мира девушки. Географически исследование охватывает историко-этнографический регион Западное Полесье. Проблема осмысливается через призму воспоминаний женского населения, собранных автором в сельских местностях Брестчины. Полевые материалы транслируют “голоса прошлого” о повседневности девушек, их жизненном практическом и чувственно-эмоциональном опыте. Анализ собранных этнографических данных, введение их в научный оборот способствуют более глубокому осмыслению исторически изменяющегося социокультурного ландшафта западнополесской деревни, неотъемлемую часть которого составляли подходы и ценностные ориентации, в свете которых конструировались добрачные отношения.

Ключевые слова: добрачная жизнь, сексуальная культура, сельские девушки, западнополесская деревня.

FEATURES OF THE PREMARITAL LIFE OF RURAL GIRLS OF WESTERN POLESIE: TRADITIONS AND TRANSFORMATIONS (BASED ON ORAL HISTORY MATERIALS)

A. SELYAKH

(Belarusian State University, Minsk)

The article is devoted to understanding one of the components of a girl's everyday life – the intimate sphere. The author examines the traditions and transformations in the sexual culture of the village and analyzes some of the plots of the girl's intimate world. Geographically, the study covers the historical and ethnographic region of Western Polesie. The problem is comprehended through the prism of the memories of the female population, which the researcher collected in rural areas of the Brest region. Field materials broadcast “voices of the past” about the everyday life of girls, their practical and sensual-emotional experience. The analysis and introduction into scientific circulation of ethnographic materials helps to understand more deeply the socio-cultural landscape of the West Polesie village, which has changed historically. Approaches and value orientations by which people constructed sexual behavior are an integral part of the culture of the Western Polesie.

Keywords: intimate life, sexual culture, rural girls, village of Western Polesie.

УДК 392.2(476)

DOI 10.52928/2070-1608-2023-67-2-119-123

**ПАЎТОРНАЕ ВЫКАРЫСТАННЕ НАДМАГІЛЛЯЎ У БЕЛАРУСІ:
ФОРМЫ, ПРАКТЫКІ, РЭЦЭПЦЫ***канд. гіст. навук С.У. ГРУНТОЎ**(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)**ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5316-1180>*

У артыкуле разглядаюцца практыкі паўторнага выкарыстання надмагілляў у Беларусі, пераважна, на прыкладах з канца XIX – пачатку XXI ст. Вылучаюцца асноўныя формы паўторнага выкарыстання помнікаў у залежнасці ад іх прагматыкі. Паўторнае выкарыстанне паказваецца як устойлівая культурная форма. Разглядаюцца прычыны табуізацыі паўторнага выкарыстання помнікаў у культуры. Разглядаецца праблема дэсакралізацыі і тыя варыянты паўторнага выкарыстання помнікаў, дзе яна не адбываецца.

Ключавыя словы: *могілкі, помнік, надмагілле, мацэва, дэсакралізацыя, мемарыяльная архітэктура.*

Вясной 2023 г. на адным з беларускіх інтэрнэт-аукцыёнаў быў выстаўлены на продаж лот, які выклікаў супярэчліваю і эмацыянальную рэакцыю ў людзей, якія пазнаёміліся з ім. Прадавец з Маладзечна прапанаваў набыць жорнаў, зробленыя з яўрэйскага надмагілля (мацэвы) [6]. Пры бліжэйшым разглядзе выявілася, што гэта не жорнаў, а тачыльны камень, што ніяк не змяніла сітуацыі. Выява ільва, які ламае дрэва і габрэйскія літары пад ім ясна сведчылі, што перад намі прыклад мацэвы, якая была забрана з яўрэйскіх могілак і ўжыта для побытавых патрэб. Сама спроба продажу яе, ператварэння ў тавар, у многіх выклікала асуджэнне. Пытаннем стаў і статус прадмета: гэта тачыльны камень ці ўсё яшчэ надмагілле?

Паўторнае выкарыстанне надмагілляў традыцыйна выклікае рэакцыю асуджэння і неразумення ў тых, хто з ёю сутыкаецца, у чым аўтару не раз даводзілася пераканацца падчас шматгадовых даследаванняў беларускім могілакам, абмеркавання іх у дыскусіях і падчас інтэрв'ю. Здаецца, існуе кансэнсус адносна таго, што паўторнае выкарыстанне помнікаў парушае пэўнае табу і служыць прыкметай культурнага ўпадку грамадства ў пэўны перыяд. Канстатуючы гэта, па-за коскамі застаецца пытанне адносна прычын устойлівасці такога табу; пры бліжэйшым разглядзе розных выпадкаў аказваецца, што за паўторным выкарыстаннем надмагілляў могуць стаяць вельмі розныя культурныя практыкі з рознай прагматыкай, якія, як мінімум, патрабуюць дыферэнцыяванага падыходу да сябе.

Гэма, відавочна, заслугоўвае больш пільнага разгляду, да чаго аўтар звернецца ў гэтым артыкуле. Сярод іншага, мы будзем імкнуцца праліць святло на наступныя пытанні: 1) якія формы паўторнага ўжывання помніка магчыма вылучыць і чым яны адрозніваюцца ў сваёй прагматыцы? 2) наколькі можна казаць пра паўторнае выкарыстанне помнікаў як пра ўстойлівую культурную форму? 3) наколькі гэтую практыку карэктна апісваць праз катэгорыю дэсакралізацыі мемарыяльнага аб'екта?

Для пачатку патрэбна расшырыць геаграфічныя і часавыя рамкі разумення праблемы, таму што вельмі часта існуе тэндэнцыя ўспрымаць яе як пераважна з'яву савецкага перыяда. Канешне, гэта не так: у якасці вельмі ранняга прыклада варта ўзгадаць надмагілле Афанасія Андрэевіча Скародкі і яго жонкі Фядоры, пастаўленае ў 1599 г. у царкве Святога Мікалая ў Пінску, якое ўжо ў 1615 г. было ўжыта паўторна, каб стаць надмагіллем злотніка Ждана і яго жонкі [8, с. 94–95]. Аналагічным чынам, практыка паўторнага выкарыстання помнікаў была добра вядома за межамі Беларусі ці савецкай краіны. У Польшчы пасля 1945 г. большасць нямецкіх могілак з далучаных тэрыторый сістэматычна знішчалася: помнікі ішлі ў камнедрабільныя машыны ці выкарыстоўваліся майстэрнямі для вырабу новых надмагілляў. Падчас Вялікай Французскай рэвалюцыі ў Парыжы і іншых месцах касцёлы і кляштары сталі аб'ектамі сістэматычнага разрабавання. Пацярпелі і многія надмагільныя помнікі, пачынаючы з каралеўскай пахавальні ў саборы Сэн-Дэні. У 1801 г., калі ў Парыжы быў завершаны адзін з першых крытых гандлёвых павільёнаў, “Каірскі пасаж” непадалёк ад вуліцы Сэн-Дэні, выявілася, што “месцамі ён забрукаваны надмагільнымі плітамі, з якіх нават не патрудзіліся выдаць гатычныя надпісы і эмблемы” [1, с. 204].

Можна сцвярджаць, што паўторнае выкарыстанне надмагілляў – гэта ўстойлівая культурная практыка, вядомая ў розныя часы і на розных тэрыторыях. У залежнасці ад кантэксту і ўзросту надмагілляў ёй могуць надаваць негатыўнае значэнне ці яна можа ўспрымацца як нешта натуральнае і не выклікаць здзіўлення. Апошняе аказваецца магчымым, калі час узнікнення надмагільнага помніка і сітуацыю яго новага выкарыстання раздзяляюць стагоддзі, так што яго ранейшае значэнне аказваецца практычна цалкам сцёртым. Такой, напрыклад, можа быць сітуацыя паўторнага ўжывання неапрацаванага надмагільнага каменя на вясковых могілках. Цалкам магчыма, што ён служыў надмагільным знакам над пахаваннем ранейшых стагоддзяў, але адсутнасць надпісаў ці іншых знакаў вельмі хутка ператварае яго проста ў камень, які зноў можа быць выкарыстаны як надмагільны, пры гэтым з нанясеннем на ім знака крыжа і кароткай інскрыпцыі.

У большасці выпадкаў, якія будуць разглядацца ніжэй, паўторнае выкарыстанне з'яўляецца ўсвядомленым: пра яго ведаюць і замоўцы, і майстры; у тых выпадках, калі надмагілле выкарыстоўваецца як помнік іншаму нябожчыку, яно вельмі часта захоўвае сляды такой практыкі. Гэта, напрыклад, бачна на згаданым вышэй надмагіллі з Пінска, дзе два тэксты ўтвараюць своеасаблівы палімпсест. Перад тым, як перайсці да разгляду сітуацый

і практык свядомага паўторнага выкарыстання надмагільных помнікаў, варта задацца пытаннем, чаму яны звычайна выклікаюць негатыўную рэакцыю і пераважна табуяваны ў культуры?

Прычын гэтаму можна назваць даволі шмат – вылучым толькі тры асноўных. Па-першае, надмагілле ў розных прадстаўленых у Беларусі культурах, прынамсі, калі размова ідзе пра каменны помнік, успрымаецца як знак, які павінен максімальна доўга захоўваць памяць пра памерлую асобу, а ў ідэале – вечна. Пра гэта найпрост згадваецца ў многіх эпітафіях і асабліва ў пачатковых формулах “Вечная памяць...”, “D.O.M. wieczności...” і інш. Кожны чалавек ставіць помнік свайму блізкаму ў спадзяванні на тое, што ён прастаіць стагоддзі, нават калі самога фундатора помніка ўжо не будзе на свеце. Справа захавання памяці, такім чынам, ад асобнага чалавека экстрапалюецца на ўсю супольнасць, ад якой спадзявана чакаюць, што яна не будзе рушыць могілкі і помнікі і, па магчымасці, будзе захоўваць іх у добрым стане. Гэта знаходзіць свой адбітак у папулярных заключных формулах эпітафій: “Остановись, прохожий...”, “Przechodniu, mów...” і іншых. Зразумела, мы можам казаць пра наяўнасць толькі імпліцтнай, не фармалізаванай канвенцыі, але яна з’яўляецца дастаткова трывалай і ўніверсальнай, каб парушэнне яе выклікала зразумелае ўсім абурэнне, а менавіта яскравым прыкладам такога парушэння і з’яўляецца паўторнае выкарыстання надмагілля.

Па-другое, надмагілле з’яўляецца рэпрэзэнтантам асобы памерлага чалавека. Гэта азначае, што на яго пераносяцца многія практыкі, якія паўтараюць формы кантакта з жывым чалавекам. З помнікамі размаўляюць, іх мыюць, часам іх абдымаюць, а партрэты памерлых нават цалуюць [3]. Да помнікаў прыносяць дары памерлым у памінальныя дні. Помнік замяшчае фізічную адсутнасць пахаванага пад ім чалавека. Усё гэта прыводзіць да таго, што, напрыклад, замена помніка часта сутыкаецца са складанай дылемай: паставіць новае надмагілле на месцы састарэлага магчыма, але што рабіць з папярэднім? Рэпрэзэнтант блізкага чалавека, які гадамі і дзесяцігоддзямі фарміраваў камунікатыўны фокус падчас прыходаў на могілкі не можа проста так быць выкінуты на сметнік. Звычайна, майстры, якія ставяць новы помнік, разбіваюць ранейшы на невялікія кавалкі, так каб ён перастаў існаваць у якасці фізічнага аб’екта і знака. Пры гэтым, часцей за ўсё партрэтныя медальёны, як квінтэсэнцыю асабовага ў помніку, захоўваюць. Іх ці то прымацоўваюць да новага помніка, ці, калі партрэты на іх новыя, выкананыя ў сучаснай тэхніцы гравіроўкі, старыя медальёны могуць проста стаяць пры асаванні помніка ці з адваротнага ад яго боку [3]. Пры такім стаўленні да надмагілля ідэя паўторнага яго выкарыстання падаецца абсалютна непрымальнай – ажыццяўленне яе магчымае толькі праз сімвалічнае знішчэнне папярэдняй асобы, дзея ўшанавання памяці каторай ён быў пастаўлены.

Па-трэцяе, і гэта часткова павязана з папярэдняй прычынай, надмагілле ў культуры з’яўляецца сакральным аб’ектам, што рэгламентуе стаўленне да яго і практыкі кантакту з ім. Сакральнае пры гэтым тут разумеецца ў антрапалагічнай перспектыве, як тое, што злучае канатацыі свяшчэннага і брыдоты [7]. З аднаго боку, з’яўляючыся рэпрэзэнтантам памерлага, помнік прадстаўляе тое, што належыць сферы замагільнага жыцця, іншаму свету, а значыць па вызначэнні мае дачыненне да шанаванага, свяшчэннага. З іншага боку, помнік знаходзіцца на могілках у зоне, якая ў культуры павязана з негатыўнымі канатацыямі рытуальнай нечысціні. Магіла і помнік належаць сферы смерці і фізічнага раскладання, схаванага ад вачэй падчас пахавання. Выраслыя на могілках ягады нельга збіраць, дрэвы – выкарыстоўваць у гаспадарчых патрэбах, зямля з магілы выкарыстоўвалася ў шкаданаснай магіі і г.д. Яшчэ больш моцна ўяўленні пра могілкі як пра нячыстае месца развіты ў яўрэйскай культуры, у цэлым вельмі моцна засяроджанай на рытуальнай чысціні/нечысціні. Яўрэі нячаста наведвалі могілкі, не жадаючы лішні раз турбаваць сваіх памерлых, але само наведванне на нейкі час надавала чалавеку рытуальную нечысціню. Па гэтай жа прычыне яўрэйскія могілкі павінны былі заўсёды размяшчацца за межамі гарадоў, у той час як у хрысціян, і нават пасля могілкавай рэформы канца XVIII ст., пахаванні вакол храма ці ў крыпце пад ім, гэта значыць у непасрэднай блізкасці ад паўсядзённага пражывання і правядзення набажэнстваў, не былі рэдкасцю. Таму, што ў іўдзейскай, што ў хрысціянскай перспектывах, паўторнае выкарыстанне надмагілляў, асабліва ў прафаннай сферы, было немагчымым – гэта азначала б літаральна апаганьванне жыллой прасторы, наданне ёй статусу рытуальнай нечысціні.

Названыя тры прычыны фарміруюць згаданае негатыўнае стаўленне да паўторнага выкарыстання надмагільных помнікаў у культуры і ставяць на ім табу. Тым не менш, гэта культурная практыка паўтараецца з заўважнай рэгулярнасцю ў розныя часы і на розных тэрыторыях, што падштурхоўвае задацца пытаннем: чаму так рэгулярна табу аказваецца парушаным і якія формы гэтае парушэнне прымае?

У першую чаргу гэта адбываецца ў час істотных гістарычных і сацыяльных зламаў, пры тым што называецца зменаў эпох, у перыяды войнаў і рэвалюцый. Пры гэтым парушэнне табу можа праходзіць як у стыхійных, так і ў спланаваных формах, нярэдка злучаючыся паміж сабою, напрыклад, падчас ініцыяваных “зверху” капаній, якія пасля могуць рэалізоўвацца з апорай на нізавую ініцыятыву.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. могілкі сталі адною з кропак прыкладання сімвалічнай палітыкі бальшавікоў, якія вялі дастаткова паспяховае змаганне са “старым светам”, так што пад ударам апынуліся не толькі цэлыя страты насельніцтва, але і аб’екты матэрыяльнай спадчыны, такія як храмы і шляхецкія сядзібы, а таксама і могілкі [9, с. 151–162]. Могілкі пасля прыняцця ў снежні 1918 г. “Дэкрэта пра могілкі і пахаванні” сталі часткай камунальнай (а не царкоўнай) уласнасці. На практыцы гэта прывяло да пахавальнага крызісу ў маштабах цэлай краіны. У сітуацыі, дзе нават новыя пахаванні стваралі праблему, ранейшыя надмагіллі не толькі не ахоўваліся, але і адкрыта трактаваліся як часткі перажыткаў мінулага, да якіх можна ставіцца як да рэсурса ў гаспадарчай дзейнасці. У першую чаргу гэта датычылася даражэйшых помнікаў, зробленых з мармура, вапоўніка, лабрадора і іншых каштоўных парод каменю. Іх можна было выкарыстаць паўторна ці ўжыць для абліцоўкі будынкаў.

Калі такой патрэбы не было, то помнікі маглі разбівацца на бут, ісці на брукаванне вуліц. Так, у 1934 г. у Мінску цэнтральную вуліцу Леніна выбрукоўвалі фрагментамі надмагілляў са Старажоўскіх могілак, пра што заклапочаны мінчанін напісаў у газету “Праўда”, перажываючы, што гэта можа дыскрэдытаваць савецкую ўладу. Ва ўказаннях, якія былі перасланыя кіраўніку БССР Галадзеда сам факт такога выкарыстання надмагільных помнікаў не выклікаў пярэчанняў. «Выкарыстанне каменя (надмагільных пліт) для будаўніцтва праводзіць умела і акуратна. Неабходна прапанаваць Гарсавету (Камунгасу) апрацоўку іх праводзіць не на вуліцы, дзе гэта кідаецца ў вочы ўсім мінакам, а ў закрытым памяшканні. Надпіс рупліва сцерці ці зрэзаць» [10, с. 724].

Такія формы паўторнага выкарыстання мала чым адрозніваліся ад знішчэння – і асабліва гэта датычылася металічных і драўляных помнікаў. Падчас пахавальнага крызісу 1918 – 22 гг. у Віцебску звычайнай справай стала рабаванне могілак. Металічныя крыжы здавалі на металалом, а драўляныя агароджы, скамейкі і нават помнікі шлі на дровы. Ва ўмовах татальнага і крызісу і перад страхам змерзнуць такія дзеянні многім больш не падаваліся нечым надзвычайным [4, арк. 74]. З аднаго боку, новаствораныя камунальныя ўлады як маглі змагаліся з несанкцыянаванымі рабаваннямі, а з іншага – распрацоўвалі праект поўнага знішчэння ўсіх старых гарадскіх могілак і ператварэння іх у парк: “неабходна ўсе могілкі ў самім горадзе зачыніць, ператварыць іх у сады, забяспечыўшы правільны нагляд і абсаджыўшы дрэвамі тэрыторыю з іх, якія не абсаджаныя, хоць трэба сказаць, што амаль усе хрысціянскія могілкі маюць добрую зеляніну і толькі яўрэйскія пазбаўлены такой; такім чынам будзе значна аздораўлены горад, бо могілкі, калі перастаць хаваць на іх нябожчыкаў, заменіць сабою скверы, якіх у Віцебску вельмі мала” [5, арк. 81]. Канешне, такая логіка, рэалізаваная ў большай ці меншай ступені ў многіх беларускіх гарадах, прадугледжвала вываз помнікаў на смецце ці паўторнае іх выкарыстанне, якое, такім чынам, адбывалася са згоды ўладаў. Праз падобныя крокі была сфарміравана спецыфічная культурная парадыгма стаўлення да гістарычных могілак у БССР, якая як норму падавала магчымасць іх паступовага знішчэння ў залежнасці ад горадабудаўнічых патрэб. Сапраўды, роля ўладаў у знішчэнні могілак і пашырэнні практыкі паўторнага выкарыстання надмагілляў была высокай, але гэта не павінна пакідаць у ценю і чыста сацыялагічныя фактары, якія рабілі прымальнай пераадоленне табуяванага стаўлення да надмагілляў на нізавым узроўні выканаўцаў.

Могілкі – гэта найперш месца, якое служыць захаванню памяці пра памерлых асобных сем’яў і, у шыроўшай перспектыве, мясцовай супольнасці. У сітуацыі калі ў памерлых не застаецца жывых сваякоў у тым жа горадзе ці вёсцы, дзе яны пахаваны, магільны непазбежна пачынаюць прыходзіць у заняпад. Такая сітуацыя развіваецца натуральным чынам з цягам часу, але можа быць паскорана і стаць масавай, напрыклад пасля войнаў, генацыдаў, вымушаных масавых міграцый і іншых сацыяльных катаклізмаў. “Нічыйнымі”, а значыць безабароннымі, могуць стаць цэлыя могілкі.

Асабліва моцна на сабе гэта адчула яўрэйская супольнасць. Пасля Халакосту ў многіх гарадах і мястэчках, асабліва на захадзе Беларусі, яна не ў стане была адрадіцца, а яе могілкі сталі месцам памяці пра тое, што яна калісьці існавала, і паступова прыходзілі ў заняпад. Для прадстаўнікоў хрысціянскай культуры стаўленне да мацэваў не было такім табуяваным, як да надмагілляў уласнай культуры. Гэтыя аб’екты належалі іншай, незразумелай ужо на ўзроўні графікі, культуры; часта яны знаходзіліся на могілках, знішчаных да такой ступені, што яны амаль пераставалі такімі ўспрымацца. Нельга сказаць, што сакральныя канатацыі, прынамсі, негатыўныя, звязаныя з нечысцінёю, маглі знікаць тут цалкам, але значна аслабленыя, яны аказваліся пераадольнымі для асобных людзей, што маглі, напрыклад, зрабіць з мацэвы тачыльны камень.

У святле сказанага вышэй такую сітуацыю магчыма разгледзець не менш як у трох перспектывах: 1) як прыклад дыскрымінацыйнага і дэструктыўнага стаўлення да лакальнай спадчыны прадстаўнікоў этнічнай групы, якая спачатку перажыла генацыд, а пасля вымушана была жыць ва ўмовах дзяржаўнай палітыкі антысемітызму ў паваяенны перыяд; 2) як прыклад прыватнай рэалізацыі сфарміраваных дзяржавай установак у стаўленні да гістарычных могілак як да рэсурса гаспадарчай дзейнасці: у кантэксце сістэмнага знішчэння помнікаў і надмагілляў ператварэнне асобнай мацэвы ў тачыльны камень складана ўспрыняць як надзвычайнае здарэнне; 3) як праяўленне прагматыкі чалавека традыцыйнай беларускай культуры, для якога мацэва з нечытэльным тэкстам на ёй, а тым больш забраная з кантэксту асобных могілак перастае мець нейкае спецыфічнае значэнне і становіцца зручнай нарыхтоўкай для будучага тачыльнага каменя.

Разам з тым, пры аналізе выпадкаў паўторнага выкарыстання надмагілляў нельга забываць, што многія з іх здараліся па-за кантэкстам сацыяльных патрасенняў і яшчэ да савецкай эпохі. Больш таго, гэта маглі быць канвенцыйныя практыкі, легітымізаваныя касцёлам. Ніжэй звернемся да разгляду такіх прыкладаў.

У каталіцкай традыцыі XIX – першай паловы XX ст. была пашырана практыка выкарыстання надмагілляў як будаўнічага матэрыялу пры ўзвядзенні касцёлаў і муроўцаў каменных агароджаў вакол цвінтароў ці могілак. Надмагіллі, зробленыя з неапрацаваных гранітных булыжнікаў з выбітымі на іх кустарным спосабам эпітафіямі, звычайна выкарыстоўваліся для пабудовы новых агароджаў пры пашырэнні могілак. Найбольш яскравым прыкладам можна назваць каталіцкія могілкі ў Ракаве, дзе ў агароджы магчыма расчытаць больш за сотню эпітафій ужытых для яе пабудовы надмагілляў. Помнікі лепшага ўзроўню, зробленыя ў прафесійных майстэрнях, таксама ішлі на будоўлю. Яны былі большага памеру, таму іх абразалі пад патрэбныя памеры і выкарыстоўвалі для дэкаратыўнай абліцоўкі парталу касцёла, як, напрыклад, у Крошыне (малюнак), ці ўмуроўвалі ў могілкавую браму, як гэта было зроблена ў Івянцы. Выкарыстанне помнікаў высокага ўзроўню ў якасці будаўнічага матэрыялу было вымушанай мерай, якой надавалі сімвалічнае значэнне. У канцы XIX – пачатку XX ст. пры пабудове новых негатыўных касцёлаў на месцы старых драўляных, звычайна меньшага памеру, будоўля часта закранала пахаванні, зробленыя на тэрыторыі старога храма. З улікам, што гэтая зона заўжды лічылася найбольш прэстыжнай, тут размяшчаліся пахаванні заможнай шляхты і святароў, якія вымушана апыналіся пад лініяй забудовы [2; 12].

**Малюнак. – Фрагменты надмагілляў, умураваных у касцёл у Крошыне (Баранавіцкі р-н, Брэсцкая вобл.).
Фота аўтара, 2006 г.**

Больш уважлівы разгляд прыкладаў ужывання такіх помнікаў ў дэкоры касцёлаў у Івянцы, Крошыне, Старых Васілішках і іншых месцах дазваляе сцвярджаць, што муляры не толькі не імкнуліся схавачь факт ужывання надмагілляў, але наадварот умуроўвалі іх так, каб змястоўная частка эпітафіі з іменем памерлага і годам смерці заставалася чытальнай (хоць гэта атрымлівалася толькі часткова з-за ліній абрэзкі каменнага блока). Сёння гэта звычайна выклікае здзіўленне, таму што ўспрымаецца як парушэнне згаданага табу – надмагілле не толькі ўжыта паўторна і ўтылітарна, гэта зроблена дэманстратыўна, пры самым уваходзе ў касцёл.

Унутраную логіку гэтай практыкі магчыма зразумець, звярнуўшыся да мемарыяльных традцый касцёла, якія сфарміраваліся ў ранейшыя стагоддзі. Адною з іх, хоць і не безальтэрнатыўнай, быў піетэт і падкрэсленая сціпласць, якая была павязана з прызнаннем кароткабежнасці не толькі зямнога жыцця, але і яго слядоў, а таксама моцным уплывам эстэтыкі “жабрацкіх” манаскіх ордэнаў. Адною, з праяў гэтага была добра вядомая ў Заходняй і Цэнтральнай Еўропе традыцыя размяшчэння надмагільных пліт проста ў падлозе храма, так што па іх штодня праходзілі вернікі. У Беларусі яна была пашырана заўважна менш, але не была невядомай: узгадаем, напрыклад, літую надмагільную пліту Францішкі Жыбартавай, памерлай у 1820 г., якая да нядаўняга часу знаходзілася перад уваходам касцёла ў Іўі, а пасля была пастаўлена вертыкальна, каб пазбегнуць далейшаму выціранню нагамі вернікаў [11, с. 67]. Другая логіка расла з даўняй традыцыі ўмуроўвання надмагільных і іншых мемарыяльных шыльд у сцены касцёлаў. Гэта была зона прэстыжу, дазволіць знаходжанне ў якой магло сабе нямногія. Умуроўванне фрагментаў надмагілля ў партал і іншыя часткі храма радыкальна злучае дзве гэтыя традыцыі – пакору і прэстыж – у культурную форму, якая сёння можа выклікаць здзіўленне ці нават абурэнне, але была абсалютна зразумелай сваім сучаснікам.

Варта ўзгадаць і захаванне класікай, якое ў XIX і пачатку XX ст. падтрымлівала сістэма адукацыі з яе добрай ведай грэцкіх і рымскіх аўтараў, урокамі латыні і цікавасцю да археалагічных раскопак. Людзі доўгага XIX ст. бачылі старажытнасць праз прызму фрагментаў, у тым ліку абломкаў надмагільных помнікаў і іншых надпісаў у камені, што захаваліся да нашага дня. Імі папаўнялі музеі і прыватныя калекцыі і эстэтычна падрыхтоўвалі глебу для апісанага выкарыстання надмагільных помнікаў. У адпаведнасці з густамі эпохі такія фрагменты надмагілляў аздаблялі неагатычныя касцёлы – храмы, прэтэндаваўшы на тое, каб паўтараць узоры Сярэднявечча. Пабудовы імкнуліся быць новымі і старымі адначасова, а фрагменты старых надмагілляў ідэальна падыходзілі для руху ў накірунку гэтай парадаксальнай мэты.

Цікавы прыклад сучаснага паўторнага выкарыстання надмагілляў у дэкоры новага храма можна знайсці на каталіцкіх могілках у Докшыцах. Тут у 2016 г. была пабудавана цагляная могілкавая капліца, у аздабленні якой былі выкарыстаны надмагільныя помнікі з пляцоўкі, якую яна сабою накрыла. Гэта ўсё параўнальна не старыя помнікі, пераважна з перадай паловы XX ст., якія ніяк не вылучаюцца па сваіх мастацкіх асаблівасцях: неапрацаваныя гранітныя камяні выцягнутай формы, часам з металічным крыжам у завяршэнні. Помнікі не былі разрэзаны, як гэта рабілі ў пачатку XX ст., а акуратна замацаваны ў адмысловых нішах, якія рытмічна фланкіруюць сцены капліцы. Надмагіллі, вылучаныя ў своеасаблівыя “рамкі” прыцягваюць увагу не толькі да сябе, але высечваюць, як нешта вартае ўвагі, дзясяткі падобных сціпых помнікаў, якія атачаюць капліцу. Разам з тым капліца, хоць і пабудаваная нядаўна, аказваецца арганічна павязанай з мінулым і гісторыяй месца, захоўваючы яго ў сабе.

Такім чынам, формы паўторнага ўжывання помніка могуць істотна адрознівацца па сваёй прагматыцы: яны могуць быць утылітарнымі (выкарыстанне помнікаў як будаўнічага матэрыялу), рытуальнымі (паўторнае выкарыстанне помніка як надмагільнага, але для іншай асобы), эстэтычнымі (выкарыстанне помнікаў у дэкоры сакральных будынкаў і могілаквых агароджаў з частковых захаваннем іх мемарыяльнай функцыі). Паўторнае выкарыстанне помнікаў з’яўляецца ўстойлівай культурнай формай, добра вядомай у розныя часы і ў розных еўрапейскіх народаў; пры гэтым падчас войнаў, рэвалюцый і іншых сацыяльных катаклізмаў, а таксама непасрэдна

пасля іх такое выкарыстанне можа рэзка інтэнсіфікавацца з-за знікнення ці паражэння ў правах асобных груп насельніцтва. Вельмі часта паўторнае выкарыстанне помніка можа быць павязана са свядомай яго дэсакралізацыяй, але ў шэрагу выпадкаў такога дзеяння не адбываецца (напрыклад, пры выкарыстанні надмагілляў для дэкара новазбудаваных храмаў), таму паміж паўторным выкарыстаннем помніка і дэсакралізацыяй не можа быць пастаўлены знак роўнасці. Кожны асобны выпадак патрэбна разглядаць асобна, з перспектывы ўсіх уключаных у яго стварэнне актараў.

ЛІТАРАТУРА

1. Бенямин В. Книга пассажи: заметки и материалы. Конволют А: Пассажи, магазины модных товаров, приказчики // Versus. – 2022. – Т. 2, №. 3. – С. 172–210.
2. Грунтоў С. Пустыя магілы. Грамадзянскія кенатафы ў Беларусі ў XX ст. // Беларускі фальклор. – 2023. – Вып. 10. – С. 108–124.
3. Грунтоў С.У. Фатаграфія і культура памяці ў беларусаў у другой палове XIX – пачатку XXI ст. – Мінск: Беларус. навука, 2023. – 189 с.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Ф. 1001. Воп. 1. Спр. 17.
5. ДАВВ. – Ф. 1001. Воп. 1. Спр. 241.
6. Жернова, могильный камень. Лот №5034255800 [Электронный ресурс]. – URL: <http://ay.by/lot/zhernova-mogilnyj-kamen-iudaizm-tora-staryj-ivrit-19-vek-5034255800.html>. (дата обращения: 30.05.2023).
7. Зенкин С. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. – 2-е изд. стер. – М.: Изд. ц-р РГГУ, 2014. – 536 с.
8. Лісейчыкаў Д. «Ходиль до церкви и тамь надгробокъ писаныи видель...»: кірылічныя надмагіллі XVI – XVII стст. на землях Вялікага Княства Літоўскага // Epitaphium: пахавальная культура народаў Вялікага Княства Літоўскага: зб. арт. / склад.: С.У. Грунтоў, Д.В. Лісейчыкаў. – Мінск: НГАБ, 2022. – С. 69–101.
9. Соколова А.Д. Новому человеку – новая смерть?: похоронная культура раннего СССР. – М.: Нов. лит. обозрение, 2022. – 453 с.
10. Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гады ў дакументах Сакрэтнага аддзела / Асобага секрэта ЦК КП(б)Б / Склад., аўтар прадм. І. Раманава. – Вільня: Логвінаў, 2019. – 1120 с.
11. Kałamajski-Saeed, M. Kościół parafialny p.w. ŚŚ. Piotra i Pawła oraz klasztor Bernardynów w Iwciu // Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa Wileńskiego. – Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury, 2011. – Т. 4. – С. 55–112.
12. Krótki zarys dziejów kościoła zbudowanego na cmentarzu katolickim w miasteczku Iwieńcu gubernji mińskiej. – Iwieniec: Skład Wydawnictwa u Proboszcza Iwienieckiego, 1909. – 40 s.

Паступіў 21.04.2023

ПОВТОРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАДГРОБИЙ В БЕЛАРУСИ: ФОРМЫ, ПРАКТИКИ, РЕЦЕПЦИИ

С.В. ГРУНТОВ

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, Минск)

В статье рассматриваются практики повторного использования надгробий в Беларуси, преимущественно на примерах, относящихся к концу XIX – началу XXI века. Выделяются основные формы повторного использования памятников в зависимости от их прагматики. Повторное использование показывается как устойчивая культурная форма. Рассматриваются причины табуирования повторного использования памятника в культуре. Рассматривается проблема десакарлизации и те варианты повторного использования памятников, где она не происходит.

Ключевые слова: кладбище, памятник, надгробие, мацева, десакарлизация, мемориальная архитектура.

REUSE OF TOMBSTONES IN BELARUS: FORMS, PRACTICES, RECEPTIONS

S. HRUNTOU

(the Center for the Belarusian culture, language and literature researches of the NAS of Belarus, Minsk)

The article discusses the practice of reusing gravestones in Belarus, mainly on examples dating back to the end of the 19th - beginning of the 21st century. The main forms of reuse of monuments are distinguished depending on their pragmatics. Reuse is shown as a sustainable cultural form. The reasons for tabooing the reuse of the monument in culture are considered. The problem of desaccralization and those options for the reuse of monuments where it does not occur are considered.

Keywords: cemetery, monument, headstone, matzevas, desaccralization, memorial architecture.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Смірноў С.М.</i> Салярныя богі антычнай Пальміры і Sol Invictus	2
<i>Магалінскі І.У., Емельянчык В.А.,</i> <i>Коц А.Л., Кенько П.М.</i> Папярэднія вынікі даследавання могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка	6
<i>Коц А.Л., Магалінскі І.У., Кенько П.М.</i> Сляды разбурэння мураваных будынкаў XI–XIII стст. на Верхнім замку старажытнага Полацка	13
<i>Шуткова Н.П.</i> Поясковые (поясовые) изразцы Могилевского Поднепровья	19
<i>Магалінскі І.У.</i> Тэхналогія вытворчасці вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	26
<i>Кежа Ю.Н.</i> «И колоколы съима у Святых Софие»: снятие храмовых колоколов в Древней Руси	30
<i>Мартынюк А.В.</i> Немецкие крестоносцы в битве за Полоцк в 1381 г.	36
<i>Кравченко И.В.</i> Генезис Великого княжества Литовского в исследованиях преподавателей высшей школы Российской империи	44
<i>Беляева Г.Н.</i> Вклад белорусских епархий в реализацию проекта великого князя Н.М. Романова «Русский провинциальный некрополь»	47
<i>Чайкин С.Н.</i> Медицинское обеспечение заключенных в тюрьмах на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв.	51
<i>Пецюкевіч Т.У.</i> Развіццё гарадскіх электрастанцый грамадскага карыстання ў БССР у перыяд НЭПа (1921–1928 гг.)	56
<i>Гецевич А.К.</i> Гмінные кредитно-сберегательные кассы на территории западнобелорусского региона (1921–1939 гг.)	60
<i>Субботин А.А.</i> Мотивация трудовой деятельности стахановцев БССР (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.)	65
<i>Копыл С.П.</i> О мобилизации Россонского района в начальный период Великой Отечественной войны	70
<i>Апекунов В.А.</i> Концептуальные основы славянского единства в работах П.А. Кулаковского	76
<i>Крыварот А.А.</i> Узаемаадносіны беларускіх партызан з польскім падполлем на тэрыторыі Баранавіцкай вобласці (1941–1944): арганізацыйны і баявы аспект	80
<i>Аўсейчык У.Я.</i> Стараверскія абшчыны Паўночна-Заходняй Беларусі ў сярэдзіне 1940-х – 1950-я гг.	86
<i>Мартинкевич И.А.</i> Становление и развитие врачебно-трудовых экспертных комиссий (ВТЭК) как важнейшей составляющей социального обеспечения БССР	94
<i>Слесарев А.В.</i> политические обвинения архимандрита Владимира (Финьковского) в контексте противостояния рады БНР и БЦР второй половины 1950-х гг.	101
<i>Тимофеев Р.В.</i> Усиление материального стимулирования белорусских транспортников в 1960–1969 гг.	105
<i>Науменко А.В.</i> Особенности восприятия государственной границы в общественном сознании приграничного населения Брестской и Гомельской областей (1991–2007 гг.)	109
<i>Селях А.А.</i> Асаблівасці дашлюбнага жыцця заходнепалескіх сельскіх дзяўчат: традыцыі і трансфармацыі (па матэрыялам вуснай гісторыі)	114
<i>Грунтоў С.У.</i> Паўторнае выкарыстанне надмагілляў у Беларусі: формы, практыкі, рэцэпцыі	119